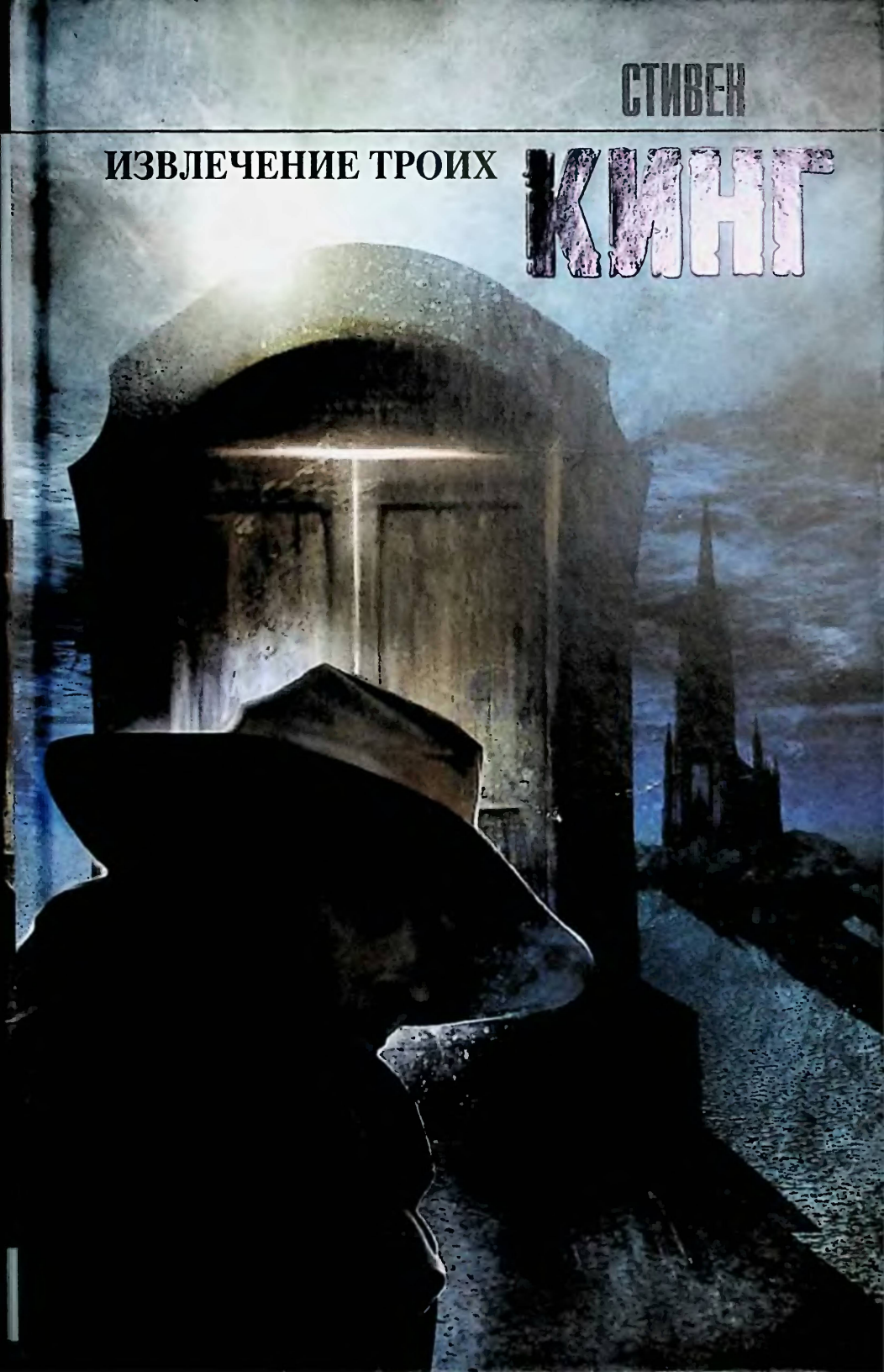
СТИВЕН

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ТРОИХ

КИНГ



СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ТРОИХ

из цикла «Темная Башня»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
THE DARK TOWER II:
THE DRAWING OF THE THREE

Перевод с английского Т. Покидаевой

Оформление дизайн-студии «Три кота»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 20.01.2018. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 23,52. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1064/18.

Кинг, Стивен.

К41 Извлечение троих: из цикла «Темная Башня» : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. Т. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 441, [7] с. — (Король на все времена)

ISBN 978-5-17-080527-3

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. Но прежде Роланд должен отправиться, как говорят карты Таро, в современную Америку на поиски помощников. Вместе они смогут противостоять темным силам и продолжить нелегкий путь к Башне...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King, 1987
© Перевод. Т. Покидаева, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Дону Гранту, который на свой страх и риск издает эти романы один за другим

Предисловие автора

«Извлечение троих» — второй том длинной истории под названием «Темная Башня», истории, навеянной и до некоторой степени основанной на поэме Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»*, которая, в свою очередь, восходит к «Королю Лиру».

В первом томе, «Стрелок», повествуется о том, как Роланд, последний стрелок из мира, который «сдвинулся с места», наконец настигает человека в черном... одного колдуна, за которым он гонится очень давно — мы даже не знаем сколько. Человек в черном оказывается тем самым Уолтером, который одно время прикидывался большим другом отца Роланда. Это было тогда, когда мир еще оставался прежним.

Цель Роланда — не этот получеловек. Его цель — Темная Башня. Человек в черном, а точнее, то, что он знает, — первый шаг Роланда на пути к этому таинственному месту.

Кто же такой Роланд? Каким был его мир до того, как он «сдвинулся с места»? Что это за Башня и почему он стремится к ней? Ответы есть, но только отрывочные. Роланд — стрелок, своего рода рыцарь, один из тех, кому вверено хранить мир, который, как помнит его Роланд, «был исполнен любви и света», и беречь этот мир, не давая ему сдвигаться.

---

* В переводе на русский язык В. Давиденковой строка звучит так: «Роланд до замка черного дошел». — *Примеч. ред.*

Мы знаем, что Роланду пришлось пройти обряд инициации много раньше разумных сроков после того, как он обнаружил, что его мать стала любовницей Мартена, чернокнижника, искушенного в колдовском искусстве гораздо больше Уолтера (который втайне от отца Роланда был в сговоре с Мартеном); мы знаем, что Мартен специально подстроил так, чтобы Роланд узнал о его связи с матерью, в надежде, что тот не выдержит испытания и будет «изгнан на Запад», то есть навсегда станет отверженным; мы знаем, что Роланд с честью прошел боевое крещение.

А что мы знаем еще? Что мир стрелка в чем-то очень напоминает наш. В нем сохранились остатки цивилизации, мало чем отличающейся от нашей: бензоколонки, например, и некоторые песни (да хотя бы «Эй, Джуд» или кусочек одной нескладушки, которая начинается со слов «Бобы, бобы, нет музыкальней еды»), а некоторые обычаи и ритуалы както уж слишком похожи на наши несколько романтизированные представления о Диком Западе.

И есть еще одна зацепка, странным образом соединяющая мир стрелка с нашим. На дорожной станции у заброшенного проезжего тракта в необозримой безжизненной пустыне Роланду встречается мальчик по имени Джейк, который умер в нашем мире. На самом деле его убили: вездесущий (и не знающий жалости) человек в черном столкнул его с тротуара на проезжую часть. Джейк тогда шагал в школу с портфелем в одной руке и пакетом с завтраком в другой. Последнее, что он запомнил о своем мире — о нашем мире, — это то, как его давят колеса громадного «кадиллака»... и как он умирает.

Незадолго до последней встречи с человеком в черном Джейк погибает снова... на этот раз потому, что стрелок, второй раз в жизни поставленный перед неумолимым выбором, все-таки предпочитает пожертвовать мальчиком, который в символическом плане стал ему сыном. Когда пришлось выбирать между Башней и ребенком, быть может, между проклятием и спасением, Роланд выбрал Башню.

— Тогда идите, — сказал ему Джейк перед тем, как сорваться в пропасть. — Есть и другие миры, кроме этого.

Последнее столкновение Роланда и Уолтера происходит на пыльной голгофе истлевающих костей. Человек в черном гадает Роланду на картах Таро. Карты показывают мужчину — Узника, женщину — Госпожу Теней и темную тень, именуемую просто Смерть («Но не твоя, стрелок», — говорит ему человек в черном). В настоящем томе как раз и рассказывается о том, как сбывались эти предсказания... о втором шаге Роланда на долгом и трудном пути к Темной Башне.

Том первый — «Стрелок» — заканчивается на том, что Роланд сидит на берегу Западного моря и глядит на закат. Человек в черном мертв. Будущее видится стрелку смутно. «Извлечение троих» начинается на том же самом берегу, часов семь спустя.

Пролог
МОРЯК

Стрелок пробудился от сумбурного сна, состоявшего, кажется, из одного-единственного образа: Моряка из колоды карт Таро, по которым человек в черном предсказывал (или лишь делал вид, что предсказывает) стрелку его горестное будущее.

«Он тонет, стрелок, — говорил человек в черном, — и никто не бросит ему веревку. Мальчик Джейк».

Но это был не кошмар, а хороший сон. Хороший, потому что во сне тонул он сам, а это значит, что он был не Роландом, а Джейком, и потому чувствовал несказанное облегчение: лучше уж утонуть, как Джейк, чем жить, как живет он — человек, ради какой-то холодной мечты предавший ребенка, который ему доверял.

Хорошо. Замечательно. Я тону, думал он, прислушиваясь к реву моря. *Пусть я утону.* Но то был не глас разверстых глубин, а скрежет волн о горловину прибрежных камней. *Действительно* ли он моряк? А если так, то почему тогда суша так близко? А в самом деле, разве он не на твердой земле? Впечатление было такое, как будто...

Ледяная вода окатила его сапоги, поднялась по ногам до самого паха. Он резко открыл глаза, но вовсе не его замерзшие яйца, которые съежились вдруг до размеров, как ему показалось, грецких орехов, вырвали стрелка из сна и даже не

ужас, которым так и полыхнуло справа, но мысль о его револьверах... его револьверах и, что важнее, патронах. Намокшие револьверы еще можно быстро разобрать, вытереть насухо, смазать как следует, опять вытереть, повторно смазать и снова собрать; сырые же патроны, как и подмокшие спички, могут еще сгодиться, а могут и нет.

Ужасом веяло от некой ползучей твари, которую, вероятно, вынесло на берег волной. Она с трудом волочила по песку свое мокрое блестящее тело более четырех футов в длину. На расстоянии четырех ярдов справа от стрелка. Странное существо пялилось на Роланда своими глазками на стебельках, потом раскрыло длинный зазубренный, как пила, клюв и принялось издавать какие-то звуки, до жути похожие на человеческую речь: исполненные печали, даже отчаяния вопросы на чужом языке.

— Дид-а-чик? Дум-а-чум? Дад-а-чам? Дед-а-чек?

Стрелку доводилось видеть омаров. Это был не омар, но из всех странных существ, ему известных, пожалуй, только омар имел с этим созданием хотя бы отдаленное сходство. И похоже, оно нисколько его не боялось. Стрелок не представлял, опасно оно или нет. Его совсем не волновала путаница в голове, то есть его временная неспособность вспомнить, где он и как сюда попал, на самом ли деле догнал человека в черном или ему это только приснилось. Но одно он знал твердо: нужно выбраться из воды, пока не промокли патроны.

Вдруг он услышал дробный, нарастающий рев воды и, отвернувшись от странного существа (оно замерло на месте, подняло клешни, при помощи которых и волочилось по суше, и напоминало теперь боксера в открытой стойке, которая называется, как учил их Корт, стойкой чести), поглядел на вспененную полосу прилива.

Оно слышит волну, подумал стрелок. *Я не знаю, что это за тварь, но уши у нее есть.* Он попытался встать, но затекшие ноги сразу же подогнулись.

Я все еще сплю, подумал он, но даже в таком помутненном состоянии ума мысль эта была слишком уж соблазни-

тельной, чтобы оказаться правдой. Он еще раз попытался встать, и ему это почти удалось, но потом ноги опять подкосились. Волна надвигалась. На третью попытку времени не оставалось. Придется ему взять пример с этой твари справа и передвигаться таким же способом: отталкиваясь руками, он отполз по гальке подальше от волны.

Ему не удалось полностью спастись от нее, но все же цели своей он достиг. Волне достались только его сапоги. Вода добралась почти до колен, а потом отступила. *Может, и первая тоже была не такой большой, как я думал. Может...*

В небе висел полукруг луны, затянутый туманной дымкой, но все-таки сквозь нее пробивалось достаточно света, чтобы стрелок разглядел, что его кобуры подозрительно потемнели. Револьверы уж точно намокли. Пока еще невозможно было определить, насколько сильно пострадало оружие и не намокли ли и патроны в барабанах и патронташах. Сначала нужно убраться подальше от волн, а потом уже можно и проверять. Сначала нужно...

— *Дод-а-чок?*

На этот раз звук раздался гораздо ближе. Озабоченный только тем, как бы не намочить патроны, стрелок совершенно забыл о создании, которое вынес прилив. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что оно теперь всего-то в четырех футах. Вонзая клешни в песок, перемешанный с галькой и ракушками, оно подползало все ближе. Мясистое членистое тело приподнялось, тут же напомнив стрелку скорпиона, однако Роланд не разглядел на хвосте жала.

Еще один скрежещущий рокот прибоя, на этот раз громче. Существо снова застыло на месте и подняло клешни в своей вариации «стойки чести».

Эта волна была больше прежних. Роланд снова пополз вверх по пологому прибрежному склону и только оперся руками для первого толчка, как существо рванулось к нему со скоростью, которой никак нельзя было от него ожидать, судя по предыдущим тяжеловесным движениям.

Стрелок ощутил яркую вспышку боли в правой руке, но сейчас не было времени на размышления. Он оттолкнулся каблуками своих промокших сапог, подтянулся на руках и сумел-таки опередить волну.

— *Дид-а-чик?* — вопрошало чудовище своим жалобным (*Почему ты не хочешь помочь мне? Ты разве не видишь, что я в отчаянии?*) голоском.

Существо бросилось на него снова, и Роланд лишь теперь увидел, как его указательный и средний пальцы целиком исчезают в зазубренном клюве, и едва успел отдернуть кровоточащую правую руку, спасая оставшиеся три пальца.

— *Дум-а-чум? Дад-а-чам?*

Стрелок, пошатываясь, поднялся. Чудовище пропороло клешней штанину его насквозь промокших джинсов, разодрало сапог из старой и мягкой, но крепкой, не хуже железа, кожи и вырвало у него из икры кусок мяса.

Он потянулся правой рукой к кобуре, и только когда револьвер упал на песок, Роланд сообразил, что для этого старого как мир смертоносного движения ему не хватает двух пальцев.

Чудище жадно набросилось на револьвер.

— Нет, сволочь! — прорычал Роланд и пнул тварь ногой. С тем же успехом он мог бы пинать и какой-нибудь валун... который вдобавок еще и кусается. Чудовище отхватило носок его правого сапога, а вместе с ним — почти весь большой палец и стянуло сапог с ноги.

Стрелок нагнулся, поднял револьвер, уронил его, грязно выругался, но в конце концов справился с ним. То, что он прежде делал играючи, не утруждая себя даже тем, чтобы задумываться об этом, вдруг оказалось сложнейшим трюком вроде жонглирования.

Тварь трепала сапог стрелка, разрывая его на части и бормоча свои невнятные вопросы. Волна накатывала на берег, пена на ее гребне казалась мертвенно-бледной в пробивающемся сквозь туман свете полумесяца. Омарообразная гадина прекратила терзать сапог и подняла клешни в боксерской стойке.

Левой рукой Роланд вытащил второй револьвер и трижды нажал на курок. *Чик-чик-чик.*

По крайней мере теперь все ясно с патронами в барабанах.

Он сунул левый револьвер в кобуру. Чтобы убрать правый, ему пришлось левой рукой повернуть его стволом вниз и только потом отпустить, чтобы он сам встал на место. Кровь испачкала вытертые деревянные рукояти; пятна крови алели на кобуре и на поношенных джинсах там, где кобура соприкасалась с тканью. Кровь хлестала из двух обрубков, на месте которых совсем недавно были два пальца.

Онемение в ногах еще не прошло, и боль в искалеченной правой ступне практически не чувствовалась, зато рука полыхала ревущим огнем. Призраки искусных, натренированных пальцев, что разлагались теперь в желудочных соках в утробе твари, как будто вопили о том, что они еще здесь, на руке, и что им невыносимо больно.

Кажется, у меня назревают большие проблемы, отстраненно подумал стрелок.

Волна отступила. Чудище опустило клешни, пропороло очередную дыру в сапоге стрелка, но потом передумало, резонно решив, что владелец сапога гораздо вкусней старого куска кожи, которую он неким таинственным образом сбросил.

— *Дум-а-чум?* — спросило оно и рванулось к стрелку с ужасающей скоростью. Стрелок отступил, почти не чувствуя под собой ног. Только теперь ему пришло в голову, что это создание наделено каким-то разумом. Оно приблизилось к нему, быть может, проделав немалый путь вдоль берега, приблизилось осторожно, потому что не знало, что он такое и на что способен. Если бы волна прилива не разбудила Роланда, эта тварь содрала бы кожу с его лица, пока он спал и видел сны. А сейчас существо уже выяснило, что он не только приятен на вкус, но еще и уязвим: легкая добыча.

Она уже настигала его — тварь длиной в четыре фута и высотой в один, которая вполне могла весить фунтов семь-

десят. Такая же целеустремленная и откровенно хищная, как и сокол Давид, тот, что был у стрелка еще в его детские годы, только без Давидовых смутных признаков преданности.

Каблуком сапога стрелок зацепился за выступающий из песка камень и едва не упал.

— *Дод-а-чок?* — спросило чудовище как будто даже заботливо, вытаращилось на стрелка своими глазками, колышущимися на стебельках, и протянуло клешни... но тут набежала волна прилива, и клешни снова поднялись в стойке чести. Однако на этот раз они легонько подрагивали, и стрелок понял, что существо так реагирует на звук волны и что сейчас этот звук — для его преследователя по крайней мере — был чуть-чуть послабее.

Стрелок отступил назад, перешагнув через камень, и нагнулся в тот самый момент, когда волна со скрежещущим ревом обрушилась на усеянный галькой берег. Его голова оказалась в каких-нибудь нескольких дюймах от насекомоподобного рыла чудовища. Оно могло запросто выцарапать ему глаза, хватило бы одного взмаха клешни, но эти трепещущие клешни, так похожие на стиснутые кулаки, оставались воздетыми к небу по обеим сторонам его попугаичьего клюва.

Стрелок потянулся за камнем, из-за которого он чуть не упал. Это был здоровенный камень, наполовину вросший в песок. Его искалеченная правая рука заныла, когда комья грязи и острые грани камня врезались в открытую кровоточащую плоть, но стрелок все же выдернул камень из слежавшегося песка и, закусив губы, поднял его.

— *Дад-а...* — начало было чудовище, опуская и разжимая клешни по мере того, как откатывала волна и замирал ее рев, но стрелок изо всех сил грохнул камнем по спине твари.

Раздался треск — это сломался пластинчатый панцирь. Чудовище бешено извивалось под камнем, его хвост неистово бил о песок, вверх-вниз, вверх-вниз. Его вопрошающие интонации обернулись глухими воплями боли. Клешни щелкали, пытаясь схватить пустоту. Зазубренный клюв скрежетал о комки песка и гальку.

И все же, когда набежала очередная волна, тварь попыталась поднять клешни, и в то же мгновение стрелок наступил ей на голову своим уцелевшим сапогом. Звук был таким, как будто хрустнуло много-много сухих тонких прутиков. Из-под каблука, брызнув в обе стороны, потекла какая-то густая жижа. Черного цвета. Чудовище выгибалось дугой и неистово извивалось. Стрелок еще сильнее надавил сапогом.

Набежала волна.

Клешни твари приподнялись на дюйм... на два дюйма... затряслись и упали, судорожно сжимаясь и разжимаясь.

Стрелок убрал ногу. Зазубренный клюв, который оттяпал от его живой плоти два пальца на руке и один на ноге, медленно раскрылся и закрылся. Один усик лежал, сломанный, на песке, другой бессмысленно трепыхался.

Стрелок еще раз припечатал ногой издыхающее чудовище. Потом — еще.

Он с натужным вздохом отвалил ногой камень и прошелся вдоль правого бока твари, методично пиная панцирь левым сапогом, ломая его, втаптывая бледные внутренности в темно-серый песок. Чудовище издохло, но для стрелка этого было мало: никогда за свою долгую, полную превратностей жизнь он еще не был так тяжело ранен, к тому же все это произошло так неожиданно.

Он продолжал топтать дохлую тварь, пока не увидел посреди прокисшего месива свой собственный палец с белой пылью под ногтем — пылью с голгофы, где они с человеком в черном вели бесконечно долгий разговор. Вот тут-то стрелок отвернулся, и его вырвало.

Стрелок зашагал обратно к воде, пошатываясь как пьяный, прижимая к рубахе свою искалеченную руку. Время от времени он оглядывался, чтобы удостовериться, что гнусная тварь не воскресла, как какая-нибудь живучая оса, по которой колотят-колотят, а она все извивается, оглушенная, но живая; убедиться, что она не гонится за ним, задавая нечленораздельные вопросы своим до жути отчаянным голосом.

На полпути к воде он остановился и стоял так, шатаясь, глядя на то самое место, где все это и началось. Глядя и вспоминая. По всей видимости, он уснул чуть ниже верхней линии прилива. Стрелок поднял с земли дорожную сумку и свой разодранный сапог.

В разоблачающем свете луны он увидел и других тварей — таких же — и в промежутке между набегающими волнами различил их вопрошающие голоса.

Осторожно, шаг за шагом стрелок отступил к тому месту, где галечный пляж сменялся травой. Там он уселся и сделал все, что считал нужным сделать: присыпал обрубки откусанных пальцев остатками табака, чтобы остановить кровотечение, — присыпал погуще, не обращая внимания на новые приступы боли (теперь в этот хор вступил и оторванный большой палец ноги), а потом просто сидел, покрываясь испариной на студеном ветру, и гадал, будет заражение или нет и как ему теперь обходиться без двух пальцев на правой руке (что касается револьверов, тут обе руки его были равны, но во всех остальных делах он ловчее справлялся правой). А еще он гадал о том, ядовитая была тварь или нет, а если да, то не проник ли уже этот яд ему в кровь и настанет ли для него завтра.

УЗНИК

Глава 1
ДВЕРЬ

1

— Три. Вот число твоей судьбы.

— Три?

— Да. Три — мистическое число. Трое стоят в сосредоточии твоего поиска.

— Кто эти трое?

— Первый темноволос. Сейчас он стоит на грани грабежа и убийства. Демон его осаждает. Имя демону — ГЕРОИН.

— Что за демон? Я не знаю такого.

Он пытался говорить, но голоса не было, и голос оракула, Звездной Шлюхи, Потаскушки Ветров, тоже исчез. Он видел, как падает карта из ниоткуда в никуда, непрестанно переворачиваясь в истоме тьмы. На карте скалился бабуин, восседающий на плече у молодого мужчины с черными волосами; его пальцы, до жути похожие на человеческие, так глубоко вонзались юноше в шею, что их кончики утопали в плоти. Присмотревшись внимательнее, стрелок разглядел, что в своей скрюченной душащей лапе бабуин держит плетку. Лицо юноши искажала гримаса несказанного ужаса.

— *Узник*, — по-дружески прошептал человек в черном (тот самый Уолтер, человек, которому стрелок доверял когда-то). — *Правда, в нем есть что-то угнетающее? В нем есть что-то угнетающее... в нем есть что-то... что-то...*

2

Вздрогнув, стрелок проснулся, отмахиваясь от чего-то своей искалеченной рукой, уверенный, что одно из этих чудовищ с панцирем из Западного моря сейчас набросится на него, сдирая кожу с лица, отчаянно вопрошая его на странном своем языке.

Но вместо чудища он увидел какую-то морскую птицу, привлеченную бликами раннего солнца на пуговицах рубашки; испуганно вскрикнув, она отлетела прочь.

Роланд сел.

В руке пульсировала боль, ужасная, бесконечная. В правой ноге тоже. Стрелок чувствовал свои пальцы, которых не было. Его рубаха с оторванной нижней половиной теперь больше напоминала короткий жакет с обтрепанными краями. Одним куском ткани он перевязал руку, вторым забинтовал стопу.

— *Пошли прочь*, — сказал он пальцам, которых не было. — *Вас уже нет, вы — фантомы. Пошли прочь.*

Чуть-чуть помогло. Совсем немного, но все-таки. Да, это были фантомы, призраки, но только живые.

Стрелок съел немного вяленого мяса. Соленое, оно было не в радость ни рту, ни желудку, но он все же заставил себя перекусить. Это чуть-чуть приободрило его. Хотя на самом-то деле силы его уже почти иссякли. Положение было чуть ли не безвыходным.

А ведь нужно еще кое-что совершить.

Он нетвердо поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Парившие над морем птицы то и дело устремлялись вниз и ныряли в воду. Больше не было никого. Как будто весь мир

принадлежал только им и ему. Чудовища скрылись из виду. Может, они существа ночные или выходят на берег только в часы прилива. Сейчас это казалось не важным.

Огромное море соприкасалось с горизонтом в некой размытой голубой точке, которую невозможно было вычислить. Заглядевшись, стрелок на время забыл про боль. Он в жизни не видел столько воды. Разумеется, он слышал о море и в детских сказках, и от учителей. Некоторым из них удалось убедить его в том, что оно существует... но чтобы своими глазами увидеть... эту громаду, это чудо безбрежной воды после стольких лет жизни в иссушенных землях... Ему было трудно поверить в это. Трудно даже *смотреть* на такое.

Он глядел на море долго, восхищенно, заставляя себя смотреть, и дивился, до поры забыв свою боль.

Но уже наступило утро, и еще предстояло многое сделать.

Стараясь не потревожить обрубки пальцев, он ладонью осторожно нащупал в заднем кармане челюсть, проверяя, на месте ли она. Ноющая боль сменилась острой, кричащей.

Кость на месте.

Порядок.

Дальше.

Он неуклюже расстегнул ремни с кобурами и положил их на залитый солнцем камень. Вытащил револьверы, откинул в сторону барабаны, вынул бесполезные теперь патроны и выбросил их. Они засияли на солнце. На яркие блики прилетела птица, подхватила один патрон клювом, потом выронила и улетела прочь.

Теперь пора позаботиться и о самих револьверах — это стоило бы сделать в первую очередь, но поскольку в этом мире, как и в любом другом, револьвер без патронов — всего лишь кусок металла, стрелок сперва разложил патронташи у себя на коленях и осторожно провел левой рукой по коже.

Оба промокли от пряжек до того места, где ремни соприкасаются с бедрами; дальше как будто были сухими. Он осторожно вынул все сухие патроны. Правая его рука так и рвалась приняться за работу, даже несмотря на боль, забыв про

увечье, и стрелок поймал себя на том, что он снова и снова возвращает ее на колено, как глупую или капризную собаку, которая не понимает команд. Обезумев от боли, он пару раз едва не ударил по ней.

Кажется, у меня назревают большие проблемы, опять подумал он.

Он сложил сухие патроны, хотелось надеяться, исправные, в одну кучу и тут же пришел в уныние: такой она оказалась жалкой. Двадцать штук. И некоторые скорее всего непременно дадут осечку. То есть нельзя полагаться ни на один. Он достал остальные патроны и сложил их в другую кучку. Тридцать семь.

Ну что ж, нельзя сказать, что ты и раньше был вооружен до зубов, утешил себя стрелок, но он хорошо понимал разницу между пятьюдесятью семью годными патронами и в лучшем случае — двадцатью. А то и десятью. Или пятью. Или одним. Или, может, вообще ни единым.

Стрелок отложил сомнительные патроны в сторону.

Хорошо еще, что сумка его не пропала. Стрелок разложил ее на коленях, потом медленно разобрал револьверы и совершил ритуал чистки. Закончил он через два часа. Боль настолько обострилась, что у него закружилась голова. Стало трудно даже связно мыслить. Хотелось спать. Никогда в жизни ему так не хотелось спать. Но ни разу еще сон не служил ему оправданием для того, чтобы отложить дела и забыть о долге.

— Корт, — проговорил стрелок, и сам не узнал свой голос. Он натянуто рассмеялся.

Медленно, очень медленно он собрал револьверы и зарядил их патронами, которые предположительно остались сухими. Покончив с этим, он поднял револьвер, подогнанный под его левую руку... и медленно отпустил курок, так и не выстрелив. Да, он хотел знать. Хотел знать, что будет, когда он нажмет на спусковой крючок: выстрел или еще один бессмысленный щелчок. Но щелчок не значил бы ничего, а выстрел лишь уменьшил бы количество пригодных патронов с

двадцати до девятнадцати... или до девяти... или до трех... а может быть, их бы вообще не осталось.

Он оторвал еще одну полосу от рубахи, сложил на нее остальные патроны — те, что намокли, — и завязал узелок левой рукой, помогая себе зубами. Потом сунул сверток в сумку.

Спать, требовало его тело. *Спать, тебе надо поспать, сейчас, пока не стемнело. У тебя не осталось сил, ты выдохся...*

Он заставил себя подняться и оглядел пустынный берег цвета давно не стиранного, заношенного исподнего. Берег был усыпан бесцветными ракушками. Кое-где из крупнозернистого песка торчали большие камни, густо покрытые гуано*; те слои, что постарее, были желтыми, точно старые зубы, а те, что посвежее, сверкали белизной.

По линии прилива подсыхали бурые водоросли. Совсем рядом валялись разорванный в клочья правый сапог стрелка и бурдюки для воды. Стрелок подивился такому чуду, что их не смыло волнами в море. Сильно хромая, он медленно подошел к ним. Поднял один и встряхнул, приложив к уху. Второй бурдюк точно был пуст, но в этом еще оставалось немного воды. Большинство людей ни за что бы не заметили разницу между ними, но стрелок различал их, как мать различает своих близнецов и никогда не путает одного с другим. Он очень долго скитался по свету с этими бурдюками. Внутри плескалась вода. Это хорошо — это настоящий подарок, ведь напавшая на него тварь или ее сородичи могли бы порвать бурдюки одним случайным укусом или движением клешни, но этого не случилось и волны не унесли их в море. Самой твари что-то не было видно, хотя стрелок прикончил ее гораздо выше линии прилива. Возможно, ее останки утащили другие хищники; или же собратья погребли ее в море, как те огромные существа из детских сказок, *слоны*, которые, по слухам, хоронят своих умерших.

---

* Гуано — разложившийся в условиях сухого климата помет морских птиц. — *Примеч. ред.*

Он поднял бурдюк на левом локте, сделал большой глоток и тут же почувствовал, как к нему возвращаются силы. Само собой, правый сапог был порядком изувечен... но все же не так безнадежно. Подошва осталась целой — посеченной, конечно, но целой, — и скорее всего с ней еще можно что-нибудь сделать: отрезать кусочек от левого сапога, приладить на правый, чтобы обойтись этим хотя бы первое время...

Внезапно он почувствовал, что близок к обмороку. Его охватила слабость. Он попытался одолеть ее, но ноги подкосились, и он сел на песок, по-дурацки прикусив язык.

Ты не будешь терять сознание, твердо сказал он себе. *Только не здесь, где ночью на берег вполне может выползти еще одна тварь — и уж на этот раз точно тебя прикончить.*

Он поднялся на ноги, обвязал пустой бурдюк вокруг пояса и направился к тому месту, где оставил свои револьверы и сумку. Но не прошел стрелок и двадцати ярдов, как снова упал, едва не потеряв сознание. Он полежал немного, прижавшись щекой к песку. Краешек ракушки почти до крови врезался в кожу под нижней челюстью. Он сумел поднести бурдюк с водой ко рту и сделать несколько глотков, а потом, не вставая, пополз к тому месту, где проснулся сегодня утром. В двадцати ярдах выше по склону росло одинокое чахлое деревце — юкка, дерево Иисуса, отбрасывавшее какую-никакую, но тень.

Роланду эти двадцать ярдов показались двадцатью милями.

Но он все-таки смог перетащить свои немногочисленные пожитки в крошечный островок тени. Опустив голову на траву, стрелок улегся, уже отдаваясь сну, или беспамятству, или смерти. Он поглядел на небо, пытаясь определить время. Еще не полдень, но, если судить по размеру пятнышка тени, в котором он примостился, полдень уже близок. Стрелок продержался в сознании еще мгновение: поднес правую руку к глазам, высматривая, нет ли характерных алых полос, признаков заражения ядом.

Ладонь была тускло-красной. Нехороший знак.

Я могу мастурбировать левой, подумал он. *Это уже утешает.*

А потом он провалился во тьму и проспал почти шестнадцать часов под шум Западного моря, что непрестанно гремел в его ушах.

3

Когда он проснулся, море было темным, но с восточной стороны неба проглядывал слабый свет. Утро уже наступало. Стрелок сел, и тут же волной нахлынула дурнота.

Он опустил голову и переждал.

Когда слабость прошла, он взглянул на свою правую руку. Да, заражение он заработал — предательская краснота расползлась по ладони и захватила запястье. Дальше пока не пошло, но стрелок уже различал слабенькие ростки других алых линий, которые в конечном счете протянутся до сердца и убьют его. И уже, кажется, начался жар. Лихорадка.

Мне нужно лекарство, сказал он себе. *Но здесь его взять неоткуда.*

Выходит, он проделал такой долгий путь лишь для того, чтобы тут умереть? Нет. Он не умрет. А если все-таки ему суждено умереть, несмотря на его решимость, он умрет на пути к Башне.

Какой же ты исключительный человек, стрелок! Редкий, я бы даже сказал, человек! — хихикнул у него в голове человек в черном. *Неукротимый такой! Романтичный такой в идиотской своей одержимости!*

— Пошел ты, — прохрипел стрелок и глотнул воды. Вот и воды почти не осталось. Перед ним простиралось море, вот именно, целое море: кругом вода, но не испить ни капли, ни глотка. Ладно, не все ли равно.

Он надел ремни с кобурами, затянул пряжки — это простое дело заняло столько времени, что даже когда наступил

рассвет, открывая новый день, стрелок все еще возился. Потом он попытался встать, хотя не был уверен, что сможет, пока не поднялся на ноги.

Держась левой рукой за деревце, правой он поднял бурдюк, в котором еще оставалось чуть-чуть воды, и перекинул его через плечо. Следом — сумку. Когда он выпрямился, опять накатила слабость, и он опустил голову, пережидая, заставляя себя одолеть ее.

Слабость прошла.

Неуверенными, заплетающимися шагами человека в последней стадии опьянения стрелок спустился на берег. Там он постоял, глядя на океан, темный, как вино из шелковицы, а потом вынул из сумки последний кусок вяленого мяса. Он съел половину, и на этот раз рот и желудок приняли пищу чуть более благосклонно. Стрелок отвернулся от моря и откусил от оставшейся половины, глядя на солнце, встающее над горами, где погиб Джейк. Солнце как будто на миг зацепилось за суровые голые зубья вершин, потом поднялось выше.

Роланд подставил лицо лучам солнца, закрыл глаза и улыбнулся. Потом доел мясо.

И подумал еще: *Замечательно. Я теперь человек без еды, без двух пальцев на руке и без одного на ноге; стрелок при патронах, которые могут и вовсе не выстрелить; у меня заражение крови после укуса какой-то твари, и у меня нет лекарств. Если мне повезет, то воды хватит на день. Может быть, я сумею пройти с дюжину миль, если выложусь до предела. Короче, мне скоро конец.*

Куда идти? Пришел он с Востока; но на Запад дороги нет, если только ты не спаситель и не святой. Остается двигаться на Север или на Юг.

На Север.

Так подсказывало ему сердце. Совершенно определенно.

На Север.

Стрелок тронулся в путь.

4

Он шел уже три часа. Дважды он падал и больше не надеялся, что сможет подняться еще раз. Но набежала волна. Достаточно большая, чтобы заставить его вспомнить о револьверах, и он встал, сам не зная как. Ноги дрожали, как ходули.

По примерным подсчетам, за эти три часа он одолел около четырех миль. Солнце уже припекало, но все-таки не настолько сильно, чтобы так трещала голова и пот ручьями стекал по лицу. С моря дул ветер, но опять же — вряд ли такой легкий бриз мог вызвать приступы дрожи, озноб, который время от времени пробирал стрелка, заставляя его тело покрываться гусиной кожей, а зубы стучать.

Жар, стрелок, язвительно верещал человек в черном. *Все, что осталось еще в тебе, сгорает в огне.*

Красные полосы заражения стали отчетливее, протянувшись от запястья почти до локтя.

Он прошел еще милю и, выпив остатки воды, обвязал пустой бурдюк вокруг пояса. Однообразный пейзаж вызывал неприятные чувства. Справа — море, слева — горы, под сапогами — серый песок вперемешку с ракушками. Волны бились о берег. Стрелок поискал глазами омарообразных чудищ, но не увидел ни одного. Он шел из ниоткуда в никуда, человек из другого времени, который, похоже, постиг смысл бессмысленного конца.

Незадолго перед полуднем он снова упал и понял, что на этот раз ему уже не подняться. Значит, он умрет здесь. На этом месте. Вот и финал.

Привстав на четвереньки, он с усилием поднял голову, как боксер, приходящий в себя после сокрушительного удара... и впереди на расстоянии, может быть, мили, может быть, трех (ему было трудно определить дистанцию на безликой, лишенной всяких ориентиров местности, тем более когда тело горело в лихорадке и все плыло перед глазами) увидел что-то новое. Необычное. Вертикально стоящее на берегу.

Что это? *(Три.)*

Впрочем, не важно. (*Три — вот число твоей судьбы.*)

Стрелок сумел снова подняться на ноги. Прохрипел что-то нечленораздельное, мольбу, которую слышали только парящие в воздухе птицы (*С какой радостью они выклюют у меня глаза,* подумал он мимоходом, *я для них такая лакомая добыча!*), и пошел вперед, еще сильнее шатаясь из стороны в сторону, оставляя за собой извивающийся петлями след.

Стрелок брел, не сводя глаз с этого предмета впереди. Когда волосы падали на глаза, он откидывал их со лба. Непонятная штуковина как будто и не становилась ближе. Солнце, поднявшись до высшей точки, надолго зависло в зените. Однако что-то уж слишком надолго. Роланд представил, что он снова в пустыне, как раз между последней хижиной поселенца (*нет музыкальней еды, чем больше сожрешь, тем звончей перданешь*) и дорожной станцией, где мальчик (*твой Исаак*) ждал, когда он придет.

Ноги его подкосились, выпрямились, подкосились и выпрямились опять, а когда волосы снова упали ему на глаза, он даже не стал убирать их: у него просто не было сил. Он лишь смотрел на предмет впереди, который теперь отбрасывал на песок узкую тень, и продолжал шагать.

Сейчас, даже при разыгравшейся лихорадке, он уже разглядел, что это такое.

Дверь.

Когда до двери оставалось не более четверти мили, ноги Роланда опять подкосились, но на этот раз выпрямить их он не смог. Он упал, пробороздив правой рукой зернистый песок с ракушками. Обрубки пальцев пронзила жгучая боль — падая, он сорвал свежие струпья, и они снова закровоточили.

Не имея сил подняться, он пополз. В ушах стоял непрерывный грохот и рев разбивающихся о берег волн Западного моря. Он полз, отталкиваясь коленями и локтями, оставляя вдавленный след в песке чуть выше линии прилива, обозначенной гирляндой буро-зеленых водорослей. Вероятно, ветер все еще дует — должен дуть, потому что по его

телу все так же бежали мурашки озноба, — но стрелок слышал только свое дыхание, сухими хрипами вырывающееся из горла.

Дверь стала ближе.

Еще.

Еще.

Наконец, около трех часов пополудни этого долгого бредового дня, когда его тень по левую руку уже начала удлиняться, он добрался до загадочной двери, присел рядом на корточки и устало уставился на нее.

Дверь высотой в шесть с половиной футов была сделана, похоже, из какого-то твердого дерева, хотя ближайшая роща таких деревьев осталась за семь сотен миль, если не больше, отсюда. Судя по виду, дверная ручка была из золота. Ее украшала филигранная гравировка. Стрелок долго смотрел на узор и наконец узнал его: перед ним сияла ухмыляющаяся морда бабуина.

Замочной скважины не было. Ни под ручкой, ни над ней.

Зато были петли, хотя сама дверь ни к чему не крепилась. *Или просто так кажется,* подумал стрелок. *Здесь какая-то тайна, быть может, чудеснейшая из чудесных, но имеет ли это значение? Ты умираешь. Твоя собственная тайна — единственная, действительно что-то значащая для любого мужчины, для любой женщины в смертный час, — уже на подходе.*

И все равно это как будто имело значение.

Эта дверь. Дверь там, где в принципе не может быть никаких дверей. Она просто стояла на сером песке футах в двадцати от линии прилива, с виду такая же вечная, как и само море. Теперь, когда солнце клонилось к западу, ее косая тень протянулась к востоку.

На высоте примерно двух третей от земли на двери чернели буквы, складывавшиеся в одно только слово на Высоком Слоге: УЗНИК (*Демон его осаждает. Имя демону — ГЕРОИН*).

Внезапно стрелок различил какое-то приглушенное гудение. Сперва он подумал, что это ветер или просто от лихорад-

ки шумит в ушах, но постепенно он пришел к выводу, что это низкий гул моторов... и что идет он откуда-то из-за двери.

Вот и открой ее. Она же не заперта. И ты это знаешь.

Но вместо того чтобы открыть дверь, он неловко поднялся на ноги и обошел вокруг, стремясь взглянуть на нее с другой стороны.

Но никакой другой стороны просто *не было.*

Только темно-серый песок, протянувшийся насколько хватало глаз. Только волны, ракушки, полоса прилива, его собственные следы — отпечатки подошв и ямки, продавленные локтями. Он еще раз внимательнее пригляделся к тому месту, где была дверь, и в изумлении широко открыл глаза: двери не было, но тень от нее осталась.

Он приподнял было правую руку — как же медленно он учился тому, что отныне на месте ее всегда будет левая! — уронил ее, поднял левую и вытянул ее вперед, ожидая наткнуться на твердое препятствие.

Если я к нему прикоснусь, я постучу в пустоту, решил он. *Забавное будет занятие перед смертью!*

Его рука прошла сквозь воздух в том месте, где должна была быть — даже если она невидимая — дверь.

Так что стучать не по чему.

И гул моторов — если это действительно был гул моторов — смолк. Остались лишь волны, ветер и тошнотворный шум в голове.

Стрелок неторопливо вернулся обратно, к внешней стороне несуществующей двери, предположив, что уже начались глюки и это лишь первый шаг...

Он встал как вкопанный.

Только что он смотрел на запад и видел лишь все те же серые волны, накатывающие на берег, и вот взгляд его уперся в дверь. Теперь он увидел пластинку — накладку замка, тоже как будто из золота. Из нее торчал металлический обрубок, похожий на высунутый язык. Роланд чуть-чуть повернул голову к северу — и дверь исчезла. Снова взглянул пря-

мо перед собой, и дверь появилась опять. И даже не появилась: она и не исчезала.

Он обошел дверь вокруг и встал перед ней, покачиваясь от слабости.

У двери не было внутренней стороны — только наружная. Он мог бы еще раз попробовать обойти ее, но совершенно очевидно, что результат будет тот же, только на этот раз он уже вряд ли сумеет устоять на ногах.

Интересно, а можно через нее пройти с несуществующей стороны?

Да, здесь было чему удивляться, но правда гораздо проще: здесь, у моря, на бесконечном пляже стоит эта дверь, и ему нужно выбрать одно из двух — открыть ее или вообще не трогать.

Осознавая мрачный комизм ситуации, Роланд сказал себе, что, может быть, он умирает не так быстро, как полагал. Если бы он был совсем плох, стал ли бы он так бояться?

Он взялся левой рукой за ручку двери и не удивился ни мертвенному холоду металла, ни едва различимому жару от рун, на нем выгравированных.

Стрелок повернул ручку и потянул на себя. Дверь открылась.

Он ожидал увидеть там что угодно, но только не то, что перед ним предстало.

Стрелок смотрел, замерев, потом первый раз в жизни закричал в голос от ужаса и захлопнул дверь. И хотя не было косяка, о который она могла бы грохнуть, она все равно грохнула, распугав морских птиц, расположившихся на камнях понаблюдать за стрелком.

5

А увидел он землю с небывалого, невообразимого расстояния — как будто он парил в небе на многомильной высоте. Он видел ложащиеся на землю тени облаков, плывущих над

нею, как сны. Так, наверное, видят землю орлы, но только стрелок парил в три раза выше любого орла.

Шагнуть через эту дверь — значит упасть и с криком лететь вниз на протяжении многих минут, и погибнуть потом, врезавшись в землю.

Нет, ты видел не только это.

Он обдумывал увиденное, тупо сидя на песке перед закрытой дверью, баюкая на коленях искалеченную руку. Теперь уже первые признаки заражения обнаружились выше локтя. Скоро, уж будьте уверены, оно дойдет и до сердца.

В голове у него прогремел голос Корта:

А теперь послушайте меня, сопляки. И слушайте очень внимательно, потому что когда-нибудь то, что я сейчас вам скажу, может спасти вам жизнь. Вот вы смотрите, и вам кажется, что вы все видите, но на самом-то деле вы видите далеко не все. И для этого тоже вас ко мне определили — чтобы я показал вам, чего вы не видите в том, на что смотрите. Когда, например, вам страшно, или когда вы деретесь, или бежите, или занимаетесь любовью. Никто не видит всего, на что смотрит, но прежде чем вам стать стрелками — тем из вас, кому не придется уйти на Запад, — вам надо еще научиться одним только взглядом увидеть больше, чем иной человек видит за всю свою жизнь. А то, что вы не увидите с первого взгляда, можно увидеть потом — глазами памяти — если вы доживете до того, чтобы вспомнить. Вот так-то. Потому что разница между тем, видишь ты или не видишь, может стать разницей между жизнью и смертью.

Он видел землю с большой высоты (и голова у него закружилась еще сильнее, а ему самому было гораздо страшнее, чем тогда, когда человек в черном наслал на него видение, завершившееся стремительным вознесением над землей, ибо то, что увидел он через дверь, было отнюдь не видением и рассеянный взгляд его безотчетно зафиксировал одну вещь, о которой стрелок вспомнил только сейчас: земля внизу была не пустыней, не морем, а какой-то зеленой равниной, покрытой неправдоподобно буйной растительностью, с про-

галинами воды. Стрелок даже подумал, что это болото, но однако же...

Куда подевалось твое внимание? — свирепо дразнил его голос Корта. *Ты видел больше!*

Да.

Он видел еще что-то белое.

Белые края.

Браво, Роланд! — воскликнул Корт у него в голове, и Роланд как будто почувствовал пожатие его твердой мозолистой руки. Он даже поморщился.

Он видел землю через окно.

Стрелок заставил себя подняться, снова взялся за ручку, ощущая ладонью холод металла и жаркие линии гравировки, и опять открыл дверь.

6

Панорама земли, которую он ожидал увидеть с такой немыслимой, ужасающей высоты, исчезла. Он смотрел на слова, которых не понимал. Не то чтобы не понимал совсем: это были Великие Буквы, но порядком искаженные...

Над словами было изображение какого-то экипажа без лошадей — автомобиля, одного из тех, которые, предположительно, наводнили мир еще до того, как он сдвинулся с места. Внезапно стрелку вспомнились слова Джейка на дорожной станции, когда стрелок его загипнотизировал.

Быть может, такой экипаж — еще с ним рядом стояла, смеясь, дама в мехах — или очень похожий и наехал на Джейка в том другом, странном мире.

Это и есть тот другой мир, подумал стрелок.

Вдруг панорама земли...

Она не изменилась, но она *стала сдвигаться.* Стрелок покачнулся. Голова у него закружилась, к горлу подступила тошнота. Слова и картинка ушли куда-то вниз, и теперь стрелок увидел проход между двумя рядами кресел. Кроме не-

скольких пустых, почти все они были заняты мужчинами в странной одежде. Стрелок подумал, что это костюмы, хотя раньше ничего подобного он не видел. Штуки у них вокруг шеи, наверное, галстуки или шейные платки, но он таких тоже ни разу не видел. И вроде никто из них не вооружен. Роланд не заметил ни мечей, ни кинжалов, не говоря уже о револьверах. Что это еще за доверчивые овечки? Одни читали газеты с мелкими-мелкими буковками и картинками, другие что-то писали на бумаге какими-то странными ручками. Он в жизни таких не видел. Но ручки — что? Вот *бумага* — это да. В его мире бумага была на вес золота. Столько бумаги Роланд не видел за всю свою жизнь. Вот и сейчас один из мужчин вырвал листок из желтого блокнота и скомкал его, хотя исписал одну сторону, и то всего лишь наполовину, а на другой не писал вовсе. Как бы стрелок ни был болен, глядя на такое противоестественное расточительство, он ощутил приступ гнева и ужаса.

За креслами дугой изгибалась закругленная белая стена с рядом окон. Кое-где они были закрыты своего рода ставнями, а в открытых виднелось голубое небо.

К дверному проему приблизилась женщина в одежде, похожей на униформу, но опять же не встречавшуюся стрелку раньше: ярко-красного цвета с *брюками* вместо юбки. Он отчетливо видел то место, где соединялись ее ноги. Раньше он видел это место только у обнаженных женщин.

Она подступила так близко к двери, что Роланду даже показалось, будто она сейчас пройдет сквозь нее. Он отступил на шаг, умудрившись не упасть. Она посмотрела на него с видом умелой, даже профессиональной предупредительности, так что сразу стало ясно, что эта женщина, будучи на службе, вместе с тем не принадлежит никому, кроме себя самой. Но это нисколько не заинтересовало стрелка. Заинтересовало же его другое, а именно то, что выражение ее лица ни капельки не изменилось. Как-то странно, что женщина — да и вообще кто угодно, уж если на то пошло, — так ласково смотрит на немытого, измученного мужика, который и на

ногах-то стоит еле-еле, с револьверами по бокам, пропитанной кровью повязкой на правой руке и в джинсах, что выглядят так, словно по ним прошлись циркулярной пилой.

— Не желаете ли... — спросила женщина в красном. Стрелок не понял последовавших за этим слов. *Наверное, речь шла о еде или напитке,* подумал он. *Это красное одеяние... это не хлопок. Шелк? Немного похоже на шелк, но опять же...*

— Джин, — ответил ей голос. Это слово Роланд понял. И внезапно он понял еще кое-что.

Это не дверь.

Это *глаза.*

Звучит, конечно, как полный бред, но он смотрел на внутреннее убранство машины, летевшей по небу. И смотрел чужими глазами.

Чьими же, интересно?

Но он уже понял. Он смотрел глазами узника.

Глава 2
ЭДДИ ДИН

1

Словно бы подтверждая его догадку, какой бы безумной она ни казалась, картина, которую видел перед собой стрелок сквозь дверной проем, вдруг поднялась и сместилась в сторону. Она *повернулась* (опять подступило головокружение, как будто стоишь на какой-нибудь платформе с колесами, которую раскачивают туда-сюда невидимые руки), и проход между рядами поплыл мимо дверного проема. Стрелок увидел помещение, где находилось несколько женщин, одетых в одинаковую красную форму. Там было полно каких-то стальных предметов, и стрелку захотелось остановить дви-

жущуюся картинку, несмотря на изнеможение и боль, чтобы рассмотреть эти похожие на механизмы устройства получше. Одна штуковина напоминала печь. Женщина в униформе, та, которую он уже видел, как раз наливала джин, заказанный непонятным голосом. Бутылка была совсем крошечной и, без сомнения, стеклянной. А вот бокал, в который она наливала, *только имел вид стекла,* но стрелку показалось, что он все-таки сделан из чего-то другого.

Прежде чем стрелок успел рассмотреть все как следует, изображение в дверном проеме сдвинулось. Опять головокружительный поворот — и он уже смотрит на какую-то дверь из металла. На табличке над ней светились буквы. Стрелок сумел разобрать это слово: СВОБОДНО.

Изображение немного сместилось. Справа в проеме двери, через которую смотрел Роланд, показалась рука и взялась за ручку той двери, на которую он смотрел. Он увидел манжету рукава голубой рубахи, чуть-чуть закатанного, и завитки черных волос на руке. Длинные пальцы. Перстень с камнем, который мог быть и рубином, и простой стекляшкой. Скорее второе, решил стрелок, для драгоценного этот камень уж слишком здоровый и вульгарный.

Металлическая дверь распахнулась, и стрелок заглянул в уборную, самую странную из всех, которые доводилось ему видеть: она была сплошь из металла.

Косяк металлической двери проплыл мимо двери на морском берегу. Стрелок услышал, как щелкнула задвижка. Он был избавлен от очередного головокружительного поворота и поэтому предположил, что человек, глазами которого он сейчас смотрел, запер за собой дверь не оглядываясь, просто протянув руку назад.

А потом изображение все же повернулось — не полностью, а только наполовину: он смотрел теперь в зеркало, и перед ним было лицо, которое он уже видел однажды... на карте Таро. Те же темные глаза и непослушные черные волосы. Лицо спокойное, но бледное, а в глазах (глазах, через которые он сейчас смотрел, и одновременно глядевших на

него) Роланд заметил то же самое выражение испуга и ужаса, что и в глазах человека с бабуином на плече на карте Таро.

Человека трясло.

Он тоже болен.

А потом стрелок вспомнил Норта, травоеда из Талла.

Вспомнил слова оракула.

Демон его осаждает.

Стрелку вдруг пришло в голову, что он, наверное, знает, что такое ГЕРОИН: какое-то зелье вроде бес-травы.

Правда, есть в нем что-то угнетающее?

Не задумываясь, с простой решимостью, благодаря которой он и остался последним из всех и не свернул с дороги, даже когда Катберт и все остальные погибли или же отступились, кто — покончив с собой, кто — пойдя на предательство, а кто — и просто отказавшись от самой мысли о Башне; итак, с решимостью, отметающей всякую неуверенность, раздумья и сомнения, с той самой решимостью, которая провела его через пустыню и вообще через все эти долгие годы погони за человеком в черном, стрелок шагнул в проём двери.

2

Эдди заказал джин с тоником — быть может, идея не самая лучшая — проходить подшофе славную Нью-Йоркскую таможню, к тому же он знал — стоит ему начать, остановиться он уже не сможет, — но ему нужно было *хоть чем-то* закинуться.

Если тебе позарез нужно спуститься, а ты не можешь найти лифт, однажды сказал ему Генри, *спускайся хоть на помеле, только добейся своего.*

А теперь, когда он сделал заказ и стюардесса ушла, ему вдруг показалось, что его сейчас, похоже, стошнит. Не то чтобы *обязательно*, но весьма вероятно, поэтому лучше все-таки перестраховаться. Проходить таможню с двумя фунта-

ми чистого кокаина под мышками и при этом дышать на них джином — и так уже невеликая радость; но еще и с пятном блевотины, подсыхающей на штанах, — это точно накликать беду. Так что лучше перестраховаться. Может быть, тошнота пройдет, как это обычно бывает, но надо все-таки принять меры.

А загвоздка в том, что он собирался подзавязаться, то есть не завязать, так чтобы резко и сразу, а именно подзавязаться. Еще один перл великого мудреца и выдающегося нарка Генри Дина.

Они сидели тогда на балконе пентхауса «Королевской башни», еще не в отключке, но уже близкие к этому, подставляя лица теплому солнышку, потихонечку забалдевая... в те старые добрые времена, когда Эдди только-только начал нюхать рассыпуху, а сам Генри еще не сел на иглу.

— *Все говорят о завязке,* — сказал тогда Генри. — *Но тем не менее многие предпочитают сначала подзавязаться.*

А Эдди, почти уже ничего не соображая, только бешено гоготал, потому что доподлинно знал, о чем говорит ему Генри. Но сам Генри лишь улыбался какой-то надломленной улыбкой.

— *В некотором смысле завязывать резко лучше, чем постепенно,* — продолжал Генри. — *По крайней мере, когда решаешься сразу, ты ЗНАЕШЬ, что тебя будет трясти, ты ЗНАЕШЬ, что будешь блевать, ты ЗНАЕШЬ, что будешь исходить потом, пока тебе не покажется, что ты тонешь в нем. А вот тянуть с этим делом — значит обрекать себя на пытку ожиданием.*

Эдди вспомнил о том, что он спросил Генри, как бы тот назвал «иглового» (а в те смутные невозвратные дни, месяцев этак шестнадцать назад, они торжественно уверяли друг друга, что колоться никогда не станут), когда он получает убойный «передоз».

— *А это уже называется «пережариться» или «превратиться в гуся жареного»,* — быстро ответил Генри и вдруг удивился себе же, как это бывает, когда, и сам того не ожидая,

скажешь что-то прикольное и смешное. Они переглянулись и захохотали, корчась от смеха и хватая друг друга за плечи. Гусь жареный. Умора. Вот только теперь это уже не так смешно.

Эдди встал, прошел вперед между рядами кресел, посмотрел на табличку «СВОБОДНО» и открыл дверь.

— Привет, Генри, великий мудрец и выдающийся нарк, мой старший братец! В дополнение к разговору об определениях хочешь послушать мое толкование «поджаренного гуся»? Это если один из таможенников в аэропорту Кеннеди решит, что у тебя какая-то не такая рожа, или если твой полет приходится на один из тех дней, когда при них эти собаки ученые, которые вдруг начинают все разом лаять, и ссать на пол, и рваться с поводков, рискуя задохнуться от впившихся в горло ошейников... а базар-то весь из-за тебя, тебя они будут пытаться достать... а после того, как те парни с таможни перетряхнут твой багаж, тебя еще заведут в такую маленькую комнатку и спросят, не желаешь ли ты снять рубашку, а ты ответишь, что нет, не желаешь, я, мол, был тут на Багамах и подхватил небольшую простуду, а кондиционеры у вас прямо зверские, как бы простуда моя не перешла в пневмонию, а они тебе скажут: «Да неужели вы всегда так потеете при таких «зверских», как вы выражаетесь, кондиционерах, мистер Дин? В самом деле приносим свои извинения, черт подери, нам очень жаль, но придется вам все-таки снять рубашку». И ты снимаешь рубашку. «А теперь, пожалуйста, и футболку, а то вам, кажется, нездоровится, дружище, вот у вас и под мышками какие-то вздутия, не иначе как лимфатические узлы или еще чего». А ты даже им возразить не можешь, стоишь, как центровой на поле, который не видит смысла отбивать мяч, когда тот летит в сторону, и просто смотрит, как мяч уходит на трибуну, ибо, ничего не поделаешь, ушел так ушел, так что ты снимаешь футболку, и... «Батюшки, поглядите-ка, нет, парень, тебе повезло, это не опухоль, разве что только на теле общества, ха-ха-ха, эти штуковины больше похожи на пластиковые пакеты, прикрепленные скотчем, и, кстати, сынок,

не волнуйся насчет запашка, это всего лишь «гусь». Он просто «поджаривается».

Не поворачиваясь, он запер дверь. Пятна света перед глазами теперь стали ярче. Двигатели самолета тихонько гудели. Он повернулся к зеркалу, чтобы посмотреть, насколько неважно он выглядит, и внезапно его охватило какое-то ужасное, проникающее до самых глубин нутра чувство: как будто за ним наблюдают.

Эй ты, не психуй, успокойся, сказал он себе, встревоженный. *Ты же вроде бы самый непробиваемый тип на свете и никогда не страдал паранойей. Поэтому-то и послали тебя. Поэтому...*

Внезапно ему почудилось, что глаза в зеркале — не его глаза, не орехово-зеленоватые глаза Эдди Дина, растопившие столько сердец, помогавшие пресловутому Эдди Дину, двадцати одного года от роду, раздвинуть столько прелестных ножек за последнюю треть его жизни, а совершенно чужие: не ореховые, а голубые, цвета линялых «левисов». Холодные, ясные, неожиданно острые, как будто бесстрастно оценивающие находящуюся перед ним цель. Глаза снайпера.

И еще он увидел — ей-богу, отчетливо увидел, — как в них отразилась чайка, устремившаяся вниз, к набегающей волне, и выхватывающая что-то из воды.

Он еще успел подумать: *Что за дерьмо такое?* — и понял, что на этот раз его все-таки вырвет.

За какую-то долю секунды до того как его вывернуло, пока он еще не оторвал взгляда от зеркала, голубые глаза исчезли... но до этого он испытал странное ощущение, как будто в нем два человека... как будто он *одержим*, как та девочка из «Изгоняющего дьявола».

Он явственно ощутил у себя в мозгу присутствие чужого сознания и услышал чужую мысль не так, как человек слышит собственные свои мысли, а скорее как голос по радио: *Я прошел. Я в воздушной карете.*

Было что-то еще, но Эдди уже не расслышал, потому что был занят другим: старался блевать в раковину, производя при этом как можно меньше шума.

Он не успел еще вытереть рот, как вдруг с ним приключилось такое, чего с ним в жизни не случалось. На какой-то пугающий миг исчезло все, образовался провал во времени. Как небольшая аккуратная белая лакуна в газетной колонке.

Что это?— подумал Эдди беспомощно. *Что еще за дерьмо?*

А потом его снова стошнило. Может быть, даже и к лучшему. Что бы там ни говорили, у рвоты есть хотя бы одно, но действительно стоящее преимущество: пока ты блюешь, ни о чем больше ты просто не можешь думать.

3

Я прошел. Я в воздушной карете, подумал стрелок, и уже через секунду: *Он меня видит в зеркале!*

Роланд подался назад. Не совсем ушел, но попятился, как, бывает, ребенок отступает в самый дальний конец длинной комнаты. Он находился внутри небесного экипажа и внутри какого-то человека. Внутри узника. В это первое мгновение, когда он подступил чуть ли не к самому *«порогу»* (он не знал, как это правильно описать), он очутился даже более чем внутри незнакомца — он почти стал этим человеком. Он чувствовал его болезненное состояние и знал, что его сейчас вырвет. А еще Роланд понял, что может не только чувствовать это тело, но и, при необходимости, управлять им. Он будет мучиться всеми его болячками, и обезьяноподобный демон, который его донимает, будет терзать и Роланда тоже, но, если ему будет нужно, он *может* им управлять.

Но узник его не заметит.

Когда у узника прошел приступ рвоты, стрелок рванулся вперед, на этот раз уже *переступив через «порог»*. Он почти ничего не понимал в этой странной ситуации, а действуя в ситуации, в которую не совсем врубаешься, можно нагоро-

дить таких дел, что потом сам рад не будешь, но Роланду необходимо было узнать две вещи. И эта отчаянная необходимость перевешивала боязнь любых последствий, пусть даже самых что ни на есть ужасных.

На месте ли дверь, через которую он покинул свой мир?

А если да, то где тогда его тело? Осталось у двери на берегу, ослабевшее, брошенное, может быть, умирающее, если уже не мертвое? Без души и сознания, покинувших тело, продолжает ли его сердце бездумно биться, дышат ли легкие, раздражаются ли нервы? А если тело его еще держится, то до ночи ему уж точно не дожить. Ночью на берег выползут омарообразные твари задать свои горестные вопросы и как следует пообедать.

Он быстро оглянулся назад, повернув голову, которая на мгновение стала *его* головой.

Дверь стояла на месте, у него за спиной. Стояла открытая в его мир, петли ее держались теперь за стальной косяк этой странной уборной. И — да — у двери лежал он, Роланд, последний стрелок. Лежал на боку, прижав перевязанную правую руку к животу.

Я дышу, подумал Роланд. *Мне бы надо вернуться и переместить себя. Но сначала я сделаю кое-какие дела. Сначала...*

Он отпустил разум узника и затаился, выжидая, стараясь понять, заметил ли узник его присутствие.

4

Рвота уже прекратилась, но Эдди еще постоял над раковиной, крепко зажмурив глаза.

Кажется, я на секунду отрубился. Даже не знаю, что это было. Я что, оглядывался?

Он нащупал кран, пустил холодную воду и, не открывая глаз, побрызгал себе на лоб и щеки.

А потом, понимая, что дальше откладывать невозможно, осторожно открыл глаза и посмотрел в зеркало.

Из зеркала на него глядели его собственные глаза.

Никаких чужих голосов в голове.

Никакого странного чувства, что за ним наблюдают.

Ты на мгновение отрубился, Эдди, пояснил ему великий мудрец и выдающийся наркоман. *Обычное дело для того, кто «остывает».*

Эдди взглянул на часы. До Нью-Йорка полтора часа. Самолет сядет в 4.05 по восточному поясному времени, и времечко будет горячее. Проба сил.

Он вернулся на место. Джин уже ждал его на откидном столике. Он отпил пару глотков, и к нему подошла стюардесса спросить, не нужно ли ему еще что-нибудь. Но едва он открыл рот, чтобы сказать «нет, спасибо», как вдруг опять на мгновение отрубился.

5

— Только чего-нибудь перекусить, пожалуйста, — сказал стрелок ртом Эдди Дина.

— Горячее подадут в...

— Я умираю с голоду, — совершенно искренне проговорил стрелок. — Все, что угодно, хотя бы бутер...

— Бутер? — нахмурилась женщина в красной армейской форме, и стрелок быстро глянул в сознание узника. *Сандвич...* слово прозвучало словно издалека, тихо, как шорох в поднесенной к уху раковине.

— Сандвич хотя бы.

Женщина в форме как будто задумалась.

— Ну... у нас есть рыба, тунец...

— Было бы замечательно, — обрадовался стрелок, хотя в жизни не слышал о танцующей рыбе. Ну ладно, нищие не выбирают.

— Что-то вы бледный, — сказала женщина в форме. — Вы, наверное, плохо переносите полеты?

— Да нет, это просто от голода.

Она одарила его профессиональной улыбкой.

— Сейчас что-нибудь вам сварганим.

— *Сварганим?* — изумленно переспросил стрелок. В его мире слово «сварганить» означало на сленге «изнасиловать женщину». Ну да ладно. Сейчас принесут поесть. Роланд даже не знал, сможет ли он перенести сандвич с танцующей рыбой обратно на берег, где лежало сейчас его тело, которому так нужна была пища... Но все по порядку, одно за другим.

Сварганить, подумал стрелок и тряхнул головой Эдди Дина, как будто не веря.

А потом отступил опять.

6

Это все нервы, уверил его великий оракул и выдающийся наркоман. *Непременный спутник постепенной завязки, братишка.*

Но если это действительно нервы, тогда откуда эта странная сонливость — странная потому, что он сейчас должен быть взвинчен, испытывать зуд, ерзать, изнывая от желания почесаться, в преддверии настоящей ломки; даже если бы он сейчас не «подзавязался», как сказал бы Генри, то хотя бы тот факт, что ему предстоит протащить через таможню Соединенных Штатов два фунта рассыпухи — деяние, карающееся заключением на срок не менее десятки в федеральной тюрьме, — казалось бы, должен был прогнать всякий сон, плюс еще эта временная отключка сознания.

Однако же спать хотелось.

Он отхлебнул еще джина и закрыл глаза.

С чего бы ты отрубился?

Хотя этого вовсе и не было, если бы что-то подобное произошло, она бы уже давно побежала за аптечкой первой помощи.

Значит, не отрубился, не провалился во мрак, а на секунду попал в пробел в сплошной линии бытия. Все равно дело плохо.

Раньше такого не наблюдалось. Прибалдевал — это да, но никогда еще не оказывался в полной пустоте.

И с правой рукой что-то явно не то: ноет, как будто по ней стукнули молотком.

Он согнул ее, не открывая глаз. Никакой боли. Никакой дрожи. Никаких голубых глаз снайпера. А что до провалов в сознании, так они вызваны всего лишь мучительной комбинацией постепенной завязки и того мерзкого состояния, которое великий оракул и выдающийся — ну, вы понимаете кто — назвал бы хандрой контрабандиста.

Но я, кажется, все равно засну. Это ты как объяснишь?

Словно вырвавшийся из рук воздушный шарик, к нему подплыло лицо Генри. *Не волнуйся,* сказал ему Генри. *С тобой все будет в порядке, братишка. Отсюда ты полетишь в Нассау, снимешь номер в «Аквинасе», а в пятницу вечером к тебе придет человек. Из приличных парней. Он все устроит, оставит тебе зелья. На уик-энд тебе хватит. В воскресенье вечером он принесет кокс, а ты отдашь ему ключ от депозитного сейфа. В понедельник утром ты исполнишь все, что сказал Балазар. Этот парень тебе поможет; он знает, как это делается. В понедельник днем ты вылетишь, с невинным видом минуешь таможню, а уже вечером мы с тобой будем уплетать бифштекс в «Игристом». Делов-то всего ничего, вот увидишь, братишка. Пустячок. Разговору больше.*

Но на самом деле тут пахло жареным.

Загвоздка в том, что они с Генри были точно как Чарли Браун и Люси с той лишь только разницей, что иногда Генри отдавал бразды правления Эдди, такое нечасто, но все же случалось. Эдди даже подумал как-то в своем героиновом кайфе, что надо бы написать Чарльзу Шульцу. *Уважаемый мистер Шульц,* написал бы он. *Вы все-таки немного не правы, что Люси ВСЕГДА побеждает и Чарльз остается с носом. Ей хотя бы изредка нужно баловать его, но так, чтобы каждый раз это было для Чарли Брауна совершенно неожиданно, ну, вы понимаете. Иногда ей надо бы уступить ему три-четыре раза подряд, а потом целый месяц ничего подобного не делать, по-*

том разок повторить трюк, потом — опять ничего пару дней, а потом... но вы, наверное, уже поняли, что я хочу сказать. Вот тогда малыш ПО-НАСТОЯЩЕМУ заведется.

Эдди знал, что нужно сделать, чтобы малыш по-настоящему завелся.

Знал по опыту.

Один из приличных парней, сказал Генри, а пришло какое-то худосочное существо с желтушной мордой, британским акцентом, тонкими усиками, как в фильмах ужасов сороковых годов, и желтыми, скошенными внутрь зубами. Эдди они напомнили зубья старенького капкана.

— Ключ у тебя, босс? — спросил он, но из-за этого своего выговора выпускника английской частной привилегированной школы последнее слово прозвучало, как «бас».

— Ключ в порядке, — ответил Эдди. — Если я тебя правильно понял.

— Тогда давай мне.

— Нет, так мы не договаривались. Ты должен мне кое-что передать, чтобы мне хватило на выходные. А в воскресенье вечером ты должен сюда кое-что приволочь. Тогда я отдам тебе ключ. В понедельник ты пойдешь в город и там уже заберешь что тебе надо. Я уж не знаю что. Не мое это дело.

Внезапно в руке желтушного существа возник маленький автоматический пистолет.

— А почему бы тебе не отдать его просто так, босс? Я сберегу себе силы и время, а ты сохранишь свою шкуру.

Несмотря на пристрастие к наркоте, Эдди Дин сохранил в себе крепкий стержень. Это знал Генри; и что важнее — это знал Балазар. Поэтому его и послали. Многие думали, что поехал он потому, что его хорошо прижало. И Эдди это знал, и Генри, и Балазар. Но только они с Генри понимали, что он все равно бы поехал, даже если бы он завязал с этим делом и был бы чист как стекло. Ради Генри. Балазар бы до этого не додумался, но к чертям Балазара.

— А почему бы тебе не убрать эту штуку, засранец? — полюбопытствовал Эдди. — Или ты добиваешься, чтобы Бала-

зар прислал сюда какого-нибудь громилу, который повыковыривает тебе глазенки ржавым ножичком?

Желтушное существо улыбнулось. Пистолет исчез как по волшебству, а на его месте возник маленький сверточек. Человек протянул его Эдди.

— Шутка, ты ж понимаешь.

— Как скажешь.

— Увидимся в воскресенье вечером.

Он повернулся к двери.

— По-моему, тебе лучше не спешить.

Желтушное существо обернулось, брови его поползли вверх.

— Ты что же, думаешь, я не смогу уйти, если мне так захочется?

— Я думаю, если ты сейчас выйдешь отсюда, а в свертке окажется дерьмо, я завтра отчалю. И ты очутишься в глубоком дерьме.

Желтушное существо надулось и присело на единственный в комнате стул, а Эдди тем временем открыл сверток и отсыпал на стол немного коричневого порошка. Смотрелся он гадостно. Эдди взглянул на желтушное существо.

— Я знаю, что оно выглядит как дерьмо, но это только с виду, — проговорило желтушное существо. — Товар хороший.

Эдди вырвал листок бумаги из блокнота на столе и насыпал на него немного коричневого порошка из кучки. Он взял на палец чуть-чуть порошка и натер им нёбо, но тут же выплюнул все в мусорную корзину.

— Тебе жить надоело? Я правильно понимаю? Каково твое последнее желание?

— Это все, что есть, — еще больше надулось желтушное существо.

— У меня на завтра заказан билет, — солгал Эдди, уверенный, что у желтушного существа не хватит ума проверить. — В «Транс уорлд эрлайнс». Я решил сам обо всем позаботиться на тот случай, если на встречу пришлют какого-нибудь недоумка вроде тебя. Я в общем-то и не сержусь. Так даже лучше. Я не создан для таких дел.

Желтушное существо призадумалось. Эдди тоже сел и полностью сосредоточился на том, чтобы не сделать лишних движений. Хотя его так и подмывало ерзать на стуле, дрыгаться, расчесывать свои царапины и хрустеть пальцами. Он даже поймал себя на том, что глаза его так и косятся на кучку коричневого порошка, хотя он понимал, что это — яд. Он принял дозу сегодня утром, ровно в десять, и прошло уже десять часов. Но если он выдаст себя каким-нибудь неосторожным движением, тогда ситуация круто изменится. Желтушное существо не просто сидело задумавшись, оно наблюдало за ним, пытаясь определить, блефует он или нет.

— Может, я бы и смог чего-нибудь надыбать, — проговорило оно наконец.

— Тогда почему бы тебе не попробовать? — спросил Эдди. — А то уже скоро одиннадцать: я выключу свет и повешу на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», и если кто-нибудь после этого постучится в дверь, я позвоню портье, скажу, что ко мне кто-то ломится, и попрошу прислать охранника.

— Козел, — выдало существо со своим безупречным британским акцентом.

— Нет, — возразил Эдди, — ты ждал, что пришлют козла. А прислали меня. И у меня все схвачено. А вот ты точно засранец, и если к одиннадцати ты не вернешься с чем-нибудь удобоваримым — необязательно чем-то суперским, всего лишь с тем, что безопасно для жизни, — то вместо просто засранца станешь мертвым засранцем.

7

Желтушное существо вернулось задолго до одиннадцати часов. В половине десятого. Эдди решил, что другой порошок был все время при нем, а точнее, в машине.

На этот раз порошка было чуть-чуть побольше. Не чисто-белого, но хотя бы цвета слоновой кости, что уже вселяло надежду.

Эдди попробовал. Вроде бы ничего. На самом деле гораздо лучше, чем ничего. Даже, можно сказать, отлично. Эдди свернул доллар в трубочку и втянул в себя нюхту.

— Ну, значит, до воскресенья, — оживленно пробормотало желтушное существо, поднимаясь со стула.

— Погоди, — окликнул его Эдди так, как будто это у него была пушка. В каком-то смысле она была. Его оружие — Балазар. Энрико Балазар, крупнокалиберный дробовик в нью-йоркском чудесном мире наркоты.

— Опять годить?! — Желтушное существо обернулось и посмотрело на Эдди как на чокнутого. — Теперь с какой радости?

— Слушай, я тут подумал, если мне вдруг поплохеет с этой дряни, которую я сейчас принял, ведь это будет абзац. А если я кончусь, то — полный абзац. Но если мне только *чуть-чуть* поплохеет, я дам тебе еще один шанс. Знаешь, как в той сказке про парня, который тер лампу и получил возможность загадать три желания.

— С этого не поплохеет. Это китайский белый.

— Если это китайский белый, тогда я Дуайт Гуден.

— Кто?

— Хрен в пальто.

Желтушное существо снова уселось на стул. Эдди сидел за столом над кучкой белого порошка (предыдущий товар, Д-Кон, или что там было, он давно уже спустил в унитаз). По телику «Храбрецы» продувались «Ретивым», спасибо Дабл-ю-ти-би-эс и спутниковой антенне на крыше отеля «Аквинас». Где-то в глубине сознания возникло слабое ощущение покоя... но это только казалось, на самом же деле оно исходило — Эдди читал об этом в медицинском журнале — из пучка крестцовых нервов, в которых и начинается героиновая зависимость, когда они неестественно утолщаются при постоянных приемах доз.

Хочешь быстро излечиться? — однажды спросил он у брата. *Сломай себе позвоночник, Генри. Правда, ноги не будут двигаться, а заодно и член, но зато сразу слезешь с иглы.*

Генри ответил, что это совсем не смешно.

Сказать по правде, Эдди и сам не видел в таком выходе ничего смешного. Если единственный быстрый способ избавиться от обезьяны, которая села тебе на шею, — это сломать себе хребет выше пресловутого пучка нервов, значит, обезьяна засела крепко. И это не капуцин, не симпатичный маленький талисманчик на капоте машины, а здоровенный и злобный бабуин.

У Эдди заложило нос.

— Ладно, — чуть погодя сказал он. — Это сойдет. Можешь освободить помещение, засранец.

Желтушное существо поднялось со стула.

— У меня есть друзья, — сообщило оно. — Если я им скажу, они могут сюда заявиться, и тогда тебе не поздоровится. Ты будешь умолять меня на коленях, чтобы я забрал ключик.

— Только не я, приятель. Только не этот мальчик, — улыбнулся Эдди. Он не знал, как эта улыбка смотрелась со стороны, но, наверное, все-таки не совсем дружелюбно, потому что желтушное существо пулей вылетело из номера, ни разу не оглянувшись.

Когда Эдди Дин убедился, что оно больше уже не вернется, он забодяжил себе дозу.

Вмазался.

Уснул.

8

И сейчас тоже засыпал.

Стрелок, каким-то чудесным образом проникший в сознание этого человека (человека, чьего имени он до сих пор не знал; то ничтожество, которое узник мысленно называл «желтушным существом», тоже не знало его и поэтому ни разу не произнесло), следил не отрываясь за происходящим, как давным-давно в детстве, когда мир еще не сдвинулся с места, завороженно смотрел спектакли. Стрелку пришло на ум

именно это сравнение, потому что, кроме театральных постановок, он ничего в своей жизни не видел. Если бы он видел фильмы, он скорее сравнил бы свое ощущение с просмотром киноленты. Представления же о тех вещах, которые Роланду прежде знать не доводилось, он мог извлекать из сознания узника, потому что ассоциации были понятными, а вот имени он выяснить не сумел. Он узнал имя брата узника, а имя самого узника — нет. Но, с другой стороны, имена — это тайна, исполненная силы.

И к тому же сейчас имя не самое важное. А важно, во-первых, то, что человек этот ослаб от своей пагубной привычки, а во-вторых, что под слабостью этой таится сталь — как хороший револьвер, затянутый зыбучим песком.

Стрелок почувствовал укол боли: этот парень напомнил ему Катберта.

Кто-то подходил. Узник спал и ничего не слышал. Стрелок же не спал и был настороже. Он снова подался к «порогу».

9

Потрясающе, подумала Джейн. *Он говорит, что умирает с голоду, и я бегу делать ему что-нибудь на скорую руку, ведь он такой милый, а когда возвращаюсь, он спит.*

И вдруг пассажир — парень лет двадцати, высокий, в чистых, слегка полинявших джинсах и пестрой рубашке — приоткрыл глаза и улыбнулся ей.

— *Благодарствую, сэй,* — сказал он... или так ей послышалось. Какое-то странное слово, архаичное... или иностранное. Наверное, разговаривает во сне.

— Не за что. — Она одарила его своей лучшей профессиональной улыбкой стюардессы, уверенная, что он сейчас же опять уснет, а сандвич так и будет лежать нетронутым, пока не подадут горячее.

Ну ладно, тебя же учили, что такое случается, верно?

Она вернулась в кухонный отсек, чтобы перекурить.

Она зажгла спичку, поднесла ее к сигарете и вдруг остановилась, так и не прикурив, потому что ее учителя предусмотрели не все.

Мне он показался симпатичным. Преимущественно из-за глаз. Карих глаз.

Но только что пассажир в кресле 3а приоткрыл глаза, и они были не карими, а голубыми! И вовсе не привлекательно-сексуальными, как, скажем, у Пола Ньюмена, а холодными, цвета айсберга. Они...

— Ой!

Спичка догорела, огонек обжег пальцы. Она тряхнула рукой.

— Джейн? — спросила Паула. — Что с тобой?

— Ничего. Замечталась.

Она зажгла еще одну спичку и на этот раз прикурила. После первой затяжки ей пришло в голову единственное обоснованное и разумное объяснение. Контактные линзы. Конечно. Того типа, что изменяют цвет глаз. Он ходил в туалет. И оставался там очень долго, она даже забеспокоилась, уж не укачало ли его: он был такой бледный, со стороны могло показаться, что ему нездоровится. А он просто снимал контактные линзы, чтобы было удобнее спать. Вполне резонно.

Бывает, ты что-то почувствуешь, внезапно раздался в голове голос из недавнего прошлого. *Тебя станет преследовать какое-то свербящее ощущение. Ты заметишь, будто что-то чуть-чуть не так.*

Цветные контактные линзы.

Джейн Дорнинг лично знала дюжины две людей, которые носили контактные линзы. И большинство работали на авиалиниях. Никто прямо об этом не говорил, но Джейн догадывалась о причине: пассажирам не нравится, когда кто-то из экипажа носит очки: это их нервирует.

Из этих двух дюжин человек четверо носили цветные линзы. И уж если простые контактные линзы стоят недешево, то можно представить, во сколько обходятся цветные. Из всех знакомых Джейн такие денежки на себя выложили только женщины, и притом исключительно тщеславные.

Ну и что? Парни тоже бывают тщеславными. Почему бы и нет? Он красивый.

Нет. Красивый — сильно сказано. Скорее миловидный, но не более того; и с таким бледным лицом своей привлекательностью он обязан разве что хорошим зубам. Тогда зачем ему контактные линзы?

Многие пассажиры боятся летать.

В наши дни, когда в мире полно террористов, налетчиков и наркоманов, экипаж самолета боится своих пассажиров.

У нее в голове звучал голос инструкторши из летной школы, этакой прожженной крутой бой-бабы, старой воздушной волчицы: *Если возникли какие-то подозрения, не надо сразу их отметать. Даже если вы вдруг забудете, как надо вести себя с предполагаемыми или явными террористами, это вы должны помнить всегда: если возникли какие-то подозрения, к ним надо прислушаться. Иной раз бывает, что экипаж потом утверждает, будто у них ничего такого и в мыслях не было, пока парень не вынул гранату и не приказал лететь на Кубу, иначе он все здесь разворотит. Но обычно всегда находится человека два-три (и чаще всего стюардессы, кем вы, девочки, станете через месяц), которые признаются, что они что-то почувствовали, что их не оставляло какое-то свербящее ощущение, будто что-то явно не так с парнем в кресле 91с или с девицей в 5а. Они что-то почувствовали, но ничего не предприняли. Им что-то за это будет? Конечно, нет. Нельзя же заламывать руки парню только за то, что, скажем, тебе не понравилось, как он расчесывает свои прыщи. Проблема в другом: они почувствовали что-то... а потом забыли об этом напрочь.*

Старая воздушная волчица назидательно подняла короткий палец. Джейн Дорнинг и ее сокурсницы с благоговением внимали каждому ее слову: *Если у вас вдруг появилось это свербящее ощущение, делать ничего не надо... но это не значит, что надо забыть. Потому что всегда есть шанс, пусть даже минимальный, что вам удастся предотвратить беду до того, как она разразится... чтобы, скажем, не засесть дней на двадцать на аэродроме какой-нибудь сраной арабской страны.*

Просто цветные линзы, и все же...

Благодарствую, сэй...

Он разговаривал во сне? Или по рассеянности перепутал и заговорил на другом языке?

Джейн решила понаблюдать за ним.

Она приглядит за ним.

Она не забудет.

10

Пора, подумал стрелок. *Сейчас мы посмотрим, да?*

Он сумел выйти из своего мира и войти в это тело через дверь на берегу. Теперь нужно выяснить, можно ли что-нибудь перенести отсюда обратно в свой мир. Про себя он не думал. Роланд ни на мгновение не усомнился в том, что, как только понадобится, он сумеет вернуться в свое отравленное заражением, ослабевшее тело. Но вещи? *Физические* предметы? Вот, к примеру, на столике перед ним еда: женщина в красной форме назвала это сандвичем с танцующей рыбой. Стрелок не знал, что такое танцующая рыба, но бутер признал сразу, как только увидел, хотя с виду он вроде бы был непрожарен. Странно.

Его тело нуждалось в пище, а потом ему потребуется вода, но больше всего его телу необходимо сейчас лекарство, иначе оно умрет от укуса омарообразной твари. В этом мире должно существовать такое лекарство; в мире, где кареты летают в небе выше любого орла, казалось, не было ничего невозможного. Но ему не помогут и самые лучшие снадобья этого мира, если их нельзя будет пронести через дверь в его мир.

Ты можешь жить в этом теле, стрелок. Шепоток человека в черном поднялся из самых глубин сознания. *Брось ты этот еле дышащий кусок мяса, пусть им займутся омары. Все равно это лишь оболочка.*

Он никогда не пойдет на это. Во-первых, остаться в чужом теле — значит совершить самое страшное воровство, потому что стрелок знал: он не сможет довольствоваться ролью пассивного пассажира, не сможет просто сидеть, глядя

из глаз этого человека, как из окна кареты, на проплывающие мимо пейзажи и сцены.

А во-вторых, он Роланд. Если ему суждено умереть сейчас, он умрет Роландом. Он умрет на дороге к Башне, приближаясь к ней ползком, если нельзя иначе.

А потом в нем опять заговорила та грубоватая практичность, которая, как тигр с косулей, уживалась в душе стрелка с романтическим началом. Рано думать о смерти — он еще даже и не приступил к своему эксперименту.

Бутер состоял из двух половинок. Он взял по каждой в руку, открыл глаза узника и огляделся. Никто на него не смотрел (хотя в кухонном отсеке о нем очень активно *думала* Джейн Дорнинг).

Роланд повернулся к двери и шагнул в проем, держа в руках по половинке бутера.

11

Сначала Роланд услышал скрежещущий шум волны, набегающей на гальку, потом — крики птиц, поднявшихся с ближайших камней, когда он попытался сесть (*ублюдки трусливые, надо ж, слетелись уже; скоро-скоро они на меня накинутся, станут растаскивать меня по кусочкам, а я еще буду дышать или уже нет. Вылитые стервятники, только перья у них цветные*). И вдруг до него дошло, что половинка бутера, та, что в правой руке, упала на песок, потому что, проходя через дверь, он держал ее здоровой рукой, а теперь держит, вернее держал, рукой, искалеченной процентов на сорок.

Он неуклюже поднял половинку бутера, зажав ее между большим пальцем и безымянным, как мог, отряхнул от песка, осторожно откусил кусочек на пробу и уже через секунду с жадностью набросился на еду, не замечая скрипевших у него на зубах песчинок, а еще через пару секунд принялся за вторую половинку, умяв ее за три укуса.

Стрелок не знал, что такое танцующая рыба, но на вкус она была изумительной. А остальное уже не важно.

12

Никто в самолете не видел, как исчез сандвич с тунцом. Никто не видел, как Эдди Дин вцепился в обе его половинки с такой силой, что по вмятинам на белом хлебе можно было снимать отпечатки пальцев.

Никто не видел, как сандвич сначала стал прозрачным, а потом и совсем исчез, оставив после себя только несколько крошек.

Секунд через двадцать после того как он испарился, Джейн Дорнинг затушила в пепельнице сигарету и выглянула из кабины, чтобы взять книгу из рюкзака, но на самом-то деле ей просто хотелось еще раз взглянуть на За.

С виду он крепко спал... но сандвич исчез.

Боже, подумала Джейн, *он не съел его, а проглотил целиком. И опять спит? Вы что, издеваетесь?*

Свербящее чувство по отношению к За, мистеру Вот-мы-карие-а-вот-голубые, стало еще сильнее. Что-то с ним было не так.

Что-то не так.

Глава 3
ЗНАКОМСТВО И ПРИЗЕМЛЕНИЕ

1

Эдди проснулся, разбуженный объявлением второго пилота, что минут через сорок пять они приземлятся в Международном аэропорту Кеннеди, где видимость идеальна, ветер западный, скорость ветра десять миль в час, температура

двадцать один по Цельсию. Закончив с объявлением, пилот добавил еще, что, пользуясь случаем, хочет поблагодарить всех пассажиров за то, что они выбирают компанию «Дельта».

Эдди огляделся. Пассажиры вокруг проверяли свои таможенные декларации и свидетельства о гражданстве — для прибывших из Нассау достаточно было водительских прав или кредитной карточки любого американского банка, но большинство пассажиров все же брали с собой паспорта. Эдди почувствовал вдруг, как внутри у него натягивается стальной провод. Он поверить не мог, что спал, да еще так крепко.

Он встал и прошел в туалет. Пакеты с коксом у него под мышками как будто сидели легко и плотно, так же аккуратно прилегая к изгибам подмышечных впадин, как и в номере отеля, где их прикрепил клейкой лентой тихий американец по имени Вильям Вильсон. По завершении операции по приклеиванию пакетов этот парень, чье имя прославил По (правда, когда Эдди отпустил какую-то шутку по этому поводу, Вильсон лишь тупо взглянул на него, явно не врубившись), протянул ему рубаху: обычную пеструю рубаху, чуть-чуть полинялую, какую мог бы напялить всякий студентик, возвращающийся на самолете с коротких предэкзаменационных каникул... Только эта была специального кроя, скрывающего странные вздутия под мышками.

— Проверь еще раз перед посадкой, просто на всякий случай, — сказал ему Вильсон, — но я уверен, все будет в порядке.

Эдди не знал, как оно выйдет, но у него была еще одна уважительная причина повидаться с толчком прежде, чем загорится надпись «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». Несмотря на все искушения — а вчера под утро искушение превратилось уже в жгучую потребность, — он сумел продержаться на остатках того рафинада, который желтушное существо имело наглость обозвать «китайским белым».

Пройти таможню пассажирам из Нассау гораздо проще, чем тем, кто прилетел, скажем, с Гаити, или из Куинене, или

из Боготы, но все же на таможне служат наблюдательные ребята. Подготовленные ребята. Нужно держать ухо востро. Срезаться можно на чем угодно, одна ошибка, один просчет — и ку-ку.

Он нюхнул порошок, скомкал бумажку, в которую тот был завернут, спустил ее в унитаз и тщательно вымыл руки.

Конечно, если ты оплошаешь, то сам ничего не заметишь, так? — сказал он себе. *Но — нет. Я сделаю все, как надо. И нечего так психовать.*

Возвращаясь к своему креслу, он увидел ту самую стюардессу, которая подала ему джин; кстати, он так его и не допил. Она улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ, сел на место, пристегнул ремень, взял журнал, полистал его, тупо глядя на слова и картинки. Ничего особенного. Внутри у него стальной провод натянулся еще сильнее, а когда загорелась надпись «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ», он обвил нутро Эдди двойным тугим кольцом.

Героин подействовал, и доказательство тому — заложенный нос, но, если честно, Эдди даже не почувствовал этого.

Но зато он хорошо почувствовал другое: незадолго до приземления он опять пережил очередной провал в пустоту... короткий, но вполне определенный.

«Боинг-727» снижался над заливом Лонг-Айленда.

2

В салоне бизнес-класса Джейн Дорнинг помогала Питеру и Анне разносить напитки, и как раз в это время парень, похожий на студента, прошел в уборную первого класса.

Так получилось, что, когда он возвращался на место, Джейн раздвинула занавеску между салонами первого класса и бизнес-класса. Увидев его, она не задумываясь ускорила шаг и улыбнулась ему. Он это заметил и улыбнулся в ответ.

Глаза его снова стали карими.

Ладно. Все в порядке. Когда ему захотелось вздремнуть, он сходил в туалет и снял линзы, а теперь снова надел их. Боже мой, Дженни! Ты просто мнительная трусиха!

Да нет, на нее это не похоже. Она не могла сказать, что конкретно ее не устраивает, но это не просто мнительность.

Он слишком бледный.

Ну и что? На свете тысячи слишком бледных людей, включая твою же маму с тех пор, как зашалил ее желчный пузырь.

У него привлекательные голубые глаза — может быть, не такие соблазнительные, как в карих линзах, — но все-таки привлекательные. И зачем тогда тратить такие деньги?

Может, ему просто нравятся карие глаза. Приемлемо?

Нет.

Незадолго до последней перепроверки и включения надписи «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ» она сделала одну вещь, которую прежде ни разу не делала. На это ее подвигли наставления старой многоопытной инструкторши. Джейн наполнила термос горячим кофе и закрыла его красной пластиковой крышкой, не заткнув горлышко пробкой. Крышку она завинтила до первого витка резьбы, чтобы она только-только держалась.

Сюзи Дуглас уже делала последние объявления, обращаясь к пассажирам-растяпам с просьбой погасить сигареты, убрать свои вещи с откидных столиков, проверить еще раз свои декларации и паспорта; сообщая, что в аэропорту их встретит представитель авиакомпании «Дельта» и что уже пора вернуть стюардессам чашки, стаканы и наушники.

Странно, что мы им еще не предлагаем проверить, не наделал ли кто в штаны, рассеянно подумала Джейн. Внутри у нее тоже натянулся стальной провод, обвив желудок тугим кольцом.

— Замени меня, — сказала Джейн, когда Сюзи повесила микрофон.

Сюзи поглядела на термос, потом — на лицо Джейн.

— Джейн? Тебе что, плохо? Ты вся побелела, как...

— Нет, мне не плохо. Замени меня. Когда вернешься, я все объясню. — Джейн бросила взгляд на откидные кресла у левого выхода. — А я пока сяду в салоне.

— Джейн...

— *Замени меня.*

— Ну хорошо, — сказала Сюзи. — Хорошо, Джейн. Нет проблем.

Джейн опустилась на ближайшее к проходу откидное кресло. Держа термос двумя руками, она даже не попыталась пристегнуть ремень. Чтобы не перевернуть термос, ей нужны были обе руки.

Сюзи думает, что я чокнулась.

Хорошо, если так.

Если капитан Макдоналд приземлится жестко, у меня все руки будут в волдырях.

Но надо рискнуть.

Самолет снижался. Пассажир кресла 3а, человек с бледным лицом и двухцветными глазами, внезапно нагнулся и вытащил из-под сиденья дорожную сумку.

Вот оно, подумала Джейн. *Сейчас он достанет свою гранату, или автомат, или что там у него.*

Как только Джейн это увидела, она едва не сняла с термоса красную крышку своими немного подрагивающими руками. Как бы он удивился, этот «друг Аллаха», когда покатился бы по проходу самолета авиакомпании «Дельта», рейс 901, хватаясь руками за обожженное лицо!

3а расстегнул «молнию» на сумке.

Джейн приготовилась.

3

Стрелок подумал, что человек этот, узник он там или нет, лучше всех искушен в тонком искусстве выживания, чем кто бы то ни было в этой воздушной карете. Остальные же большей частью были самыми настоящими олухами, а те, что производили впечатление вполне приспособленных, тоже казались открытыми, беспечными, в общем, очень неосторожными. Лица их, лица испорченных, избалованных детей,

выдавали людей, которые если и станут сражаться, то прежде, чем вступить в бой, будут долго и нудно скулить. Можно выпустить им кишки прямо на их же ботинки, а они поглядят на тебя перед смертью даже не с яростью или болью, а с тупым изумлением.

Узник все-таки лучше... но и он недостаточно хорош. Недостаточно.

Женщина в армейской форме. Она что-то заметила. Не знаю что, но она заметила что-то неладное. Она за ним наблюдает. На других она так не смотрит.

Узник сел. Поглядел на книжку в истрепанном переплете. На обложке стрелок разобрал название — что-то вроде «Жур-мал», правда, кто такой этот Жур, и почему он мал, а не велик, Роланда ни капли не заботило. Стрелку совсем не хотелось глядеть на книгу, пусть даже и на такую занятную, — ему надо было следить за женщиной в униформе. Он едва сдерживался, чтобы снова не подавить разум узника и не взять контроль на себя.

Узник куда-то ехал и вез с собой зелье. Не то снадобье, которое он сам принял в уборной, и не то, которое нужно было стрелку, чтобы вылечить свое ослабевшее тело, а то, которое запрещено законом и потому очень дорого стоит. Он отдаст это зелье своему брату, а тот уже — какому-то Балазару. Сделка будет закончена, когда этот Балазар отдаст им взамен другое зелье, которое принимают они, — но это только в том случае, если узник сумеет правильно совершить ритуал, абсолютно стрелку неизвестный (в таком странном мире, как этот, должно быть, много всяких странных ритуалов). Этот называется «пройти таможню».

Но женщина следит за ним.

Интересно, может ли она помешать ему «пройти таможню»? Роланд решил, что, вероятно, да. А что потом? Тюрьма. А если узник попадет в заточение, то Роланду уже негде будет достать лекарство, необходимое его зараженному телу, которое сейчас умирает.

Он должен «пройти таможню», сказал себе Роланд. *Должен пройти. И должен поехать со своим братом к этому Балазару.*

Это не входит в их план, брату вряд ли такое понравится, но он должен поехать с ним.

Потому что этот человек, который имеет дело со снадобьями, должен знать, как исцелять болезни... или знать какого-нибудь целителя. Человек этот выслушает его, а потом... может быть...

Он должен «пройти таможню», повторил про себя стрелок.

Ответ был таким простым, таким очевидным и близким, что Роланд едва его не проглядел. Это именно из-за зелья, которое узник провозит тайно, ему будет трудно совершить ритуал «прохождения таможни». Ну конечно! Там у них, наверное, есть своего рода оракул, к которому водят всех подозрительных личностей. А для всех остальных, рассудил Роланд, церемония «прохождения» столь же проста, как переход границы дружественного королевства в его собственном мире — нужно лишь сделать знак, что ты присягаешь на верность монарху этого королевства, простой символический жест, и можешь спокойно проходить.

Он *способен* переносить предметы из мира узника в свой собственный, и доказательство тому — бутер с танцующей рыбой. Точно так же он заберет и мешочки с зельем. Узник «пройдет таможню». А потом Роланд вернет ему груз.

Сможешь?

Вопрос действительно интересный. Стрелок даже отвлекся от порясающего вида расстилающейся внизу воды... они летели теперь над огромным океаном и уже поворачивали к береговой линии. Вода становилась все ближе и ближе. Воздушная карета спускалась к земле (взгляд Эдди был беглым, поверхностным; взгляд стрелка изумленным, как у ребенка, который впервые увидел, как падает снег). Он может *переносить* предметы из этого мира в свой. Это он знает точно. А вот обратно? Этого он не знал. Это еще предстояло выяснить.

Стрелок опустил руку узнику в карман, сжал пальцами узника монетку.

И вышел через дверь к себе на берег.

4

Когда он сел, птицы улетели прочь. На этот раз они не отважились подойти так близко. Все тело болело, его лихорадило, мутило... И все-таки удивительно, как его оживил малюсенький кусочек пищи.

Он посмотрел на монетку, которую принес с собой: похоже на серебро, но красноватая полоска по краю наводила на мысль, что это какой-то другой, не такой благородный металл. На одной стороне — профиль мужчины с лицом, выражающим благородство, отвагу и упорство. Его волосы, завитые и собранные на затылке в хвост, выдавали некоторое тщеславие. Роланд перевернул монетку и так изумился, что даже невольно вскрикнул — сухо и хрипло.

На другой ее стороне он увидел орла — герб, украшавший его собственное знамя в те далекие времена, когда были еще королевства и знамена, их символизирующие.

Время поджимает. Возвращайся. Быстрее.

Но он задержался еще на секунду, чтобы подумать. Думать собственной головой было гораздо труднее — голова узника, правда, тоже была не совсем чтобы ясной, но его сознание по крайней мере сейчас работало лучше в ней.

Пронести монетку обратно — это лишь половина эксперимента.

Он вынул из патронташа один патрон и зажал его в кулаке вместе с монетой.

Роланд шагнул через дверь.

5

Монета узника снова была в кармане, плотно зажатая в кулаке. Чтобы проверить, здесь ли патрон, ему даже не нужно было *подавлять разум узника*. Роланд и так знал, что патрон пронести он не смог.

Но он все равно на секундочку *проявил себя*, потому что ему нужно было узнать одну вещь. Нужно было *увидеть*.

Он обернулся, как бы для того, чтобы поправить какую-то бумажную штуку на спинке кресла (боги всевышние, сущие на небесах, в этом мире бумага *повсюду*!), и поглядел через дверь. Его тело, как и прежде, лежало на берегу, только теперь тонкая струйка крови сочилась из пореза на щеке: должно быть, когда он сюда проходил, его тело, падая, ударилось о камень.

Патрон, который он держал в кулаке вместе с монетой, лежал на песке перед самой дверью.

Ну что же, теперь он знал хотя бы это. Узник сможет «пройти таможню». Пусть даже стражники-наблюдатели обыщут его с головы до ног, от задницы до ушей и обратно.

Они ничего не найдут.

Стрелок, успокоившись, отступил. Он не знал еще, что проблема гораздо сложнее, чем он себе ее представлял.

6

«Боинг-727» ровно и плавно снижался над соляными топями Лонг-Айленда, оставляя за собой закопченный хвост отработанного топлива. С грохотом вышли шасси.

7

За, человек с двухцветными глазами, резко выпрямился, и Джейн увидела — действительно увидела — у него в руках курносый «узи», и только потом до нее дошло, что это всего лишь его таможенная декларация и маленькая сумочка на «молнии», в которой некоторые мужчины носят свои документы.

Самолет приземлился мягко, как шелковый платок.

Джейн передернула плечами и закрутила красную крышку термоса.

— Теперь можешь звать меня идиоткой, — понизив голос, сказала она Сюзи, пристегивая ремень, хотя это надо

было бы сделать раньше. До этого, при заходе на посадку, она рассказала Сюзи о своих подозрениях, чтобы та тоже была наготове. — И будешь права.

— Нет, — возразила Сюзи. — Ты все сделала правильно.

— Немного хватила лишку. С меня теперь ужин.

— Нет, ужин с меня. И не смотри на него. Смотри на меня. *Улыбнись,* Дженни.

Джейн улыбнулась. Кивнула. Спросила себя, что, черт возьми, происходит.

— Ты пялилась на его руки, — сказала Сюзи и рассмеялась. Джейн тоже. — А я смотрела на то, что случилось с его рубахой, когда он нагнулся за сумкой. У него там под мышками столько всего, что можно снабдить целый отдел галантереи «Вулворта». Только, мне кажется, то, что он везет, вряд ли купишь в «Вулворте».

Джейн запрокинула голову и снова расхохоталась, чувствуя себя какой-то марионеткой.

— Что будем делать? — Сюзи была старше ее на пять лет, и Джейн, которой еще минуту назад казалось, что она худобедно, но все-таки контролирует ситуацию, теперь испытывала только радость оттого, что Сюзи рядом.

— *Мы* — ничего. Когда будем заруливать на стоянку, нужно сказать капитану. Он свяжется с таможней. Приятель твой встанет в очередь, как и все пассажиры, а потом придут ребята и вежливо препроводят его из очереди в какую-нибудь комнатушку. Первую, как мне сдается, в долгом ряду комнатушек, для него предназначенных.

— Боже мой. — Джейн улыбалась, но ее бросало то в жар, то в холод.

Когда тормозные двигатели начали стихать, она отстегнула ремень, сунула термос Сюзи, встала и постучала в кабину пилота.

Не террорист, а контрабандист — провозит наркотики. Слава Богу, что не первое. И все-таки ей было капельку жаль его. Он был такой симпатичный.

Не то чтобы очень, но все же.

8

Он так и не видит, подумал стрелок с яростью и нарастающим отчаянием. *Боги всевышние!*

Эдди нагнулся, чтобы достать бумаги, необходимые для ритуала, а когда выпрямился, Роланд заметил, что на него смотрит женщина в униформе: глаза выпучены, щеки белые, как эта бумажная штучка на спинке кресла. Серебряная трубка с красной крышкой, которую он поначалу принял за большую флягу, очевидно, была оружием. Она держала ее вертикально, прижав к груди. Роланду показалось, что она вот-вот швырнет эту штуку в узника или снимет красную крышку и начнет стрелять.

Но она расслабилась и застегнула ремень, хотя и стрелок, и узник — оба услышали глухой удар, означавший, что воздушная карета уже приземлилась. Потом повернулась к другой женщине в форме, которая сидела рядом, и что-то сказала. Та рассмеялась и кивнула. Стрелок, однако, подумал, что если смех этот искренний, тогда он — речная жаба.

Стрелок удивлялся, как человек, чье сознание стало теперь временным вместилищем для его *ка**, может быть таким глупым. Частично, конечно, из-за зелья, которое он принимает... аналога бес-травы в этом мире. Но только частично. Он не такой мягкотелый, беспечный и ненаблюдательный, как другие, но со временем вполне может стать таким.

Они такие, какие есть, потому что живут при свете, внезапно открылось стрелку. *Свет этот — цивилизация, которой тебя учили поклоняться. Они живут в мире, который не сдвинулся с места.*

И если в мире, исполненном света, люди становятся такими рохлями, Роланд, наверное, предпочел бы тьму. «Так было, пока мир не сдвинулся с места», — говорили в его мире с ностальгической грустью... но, может, это была безотчетная, бездумная грусть.

---

* Ка — в египетской мифологии одна из душ человека.

Она боялась, что я/он собрался достать оружие, когда я/он наклонился, чтобы взять бумаги. Увидев бумаги, она расслабилась и начала заниматься всем тем, чем обычно занимаются все, когда воздушная карета садится на землю. Сейчас она разговаривает со своей подругой. Они смеются, но лица у них — и особенно ее лицо, лицо женщины с металлической трубкой — какие-то не такие. Да, они разговаривают, но лишь делают вид, что смеются... и это все потому, что они говорят обо мне/о нем.

Теперь воздушная карета ехала по какой-то длинной бетонной дорожке, каких было много на поле. В основном стрелок смотрел на женщин, но краем глаза он все-таки заметил и другие воздушные дилижансы, катившие по другим дорожкам. Одни тяжело громыхали, двигались медленно и неуклюже; другие мчались с невообразимой скоростью и, готовясь взлететь в небеса, были больше похожи не на кареты, а на снаряды, выпущенные из револьвера или из пушки. Роланд находился в отчаянном положении, и так же отчаянно ему хотелось *переступить «порог»* и повернуть эту голову, чтобы получше рассмотреть экипажи, взмывающие в небеса. Их сделали люди, но они были сказочными, неправдоподобными, как легенды о таинственных крылатых существах, которые предположительно жили когда-то в далеком (и, может быть, вымышленном) королевстве Гарлан... и даже более неправдоподобными, потому что эти летающие кареты были сделаны человеческими руками.

Женщина, которая приносила ему бутер, расстегнула свой ремень (не прошло и минуты, как она его застегнула), встала и подошла к какой-то маленькой дверце. *Там, наверное, сидит возница,* подумал стрелок, но когда дверь открылась и женщина вошла внутрь, он увидел не одного, а целых трех возниц, управляющих воздушной каретой. И неудивительно: Роланд мельком успел разглядеть миллион рычажков, циферблатов и мигающих лампочек — одному человеку здесь явно не справиться.

Узник смотрел, но ничего не видел. Корт для начала высмеял бы его, а потом размазал бы по ближайшей стенке. Сознание узника было полностью занято извлечением сумки из-под сиденья и куртки из ящика наверху... и предстоящим ритуалом, испытанием, видимо, не из легких.

Узник не видел ничего; стрелок видел все.

Женщина приняла его за сумасшедшего или вора. Он — или, может быть, я, да, вполне вероятно, что я, — сделал что-то такое, что навело ее на такую мысль. Потом она переменила мнение, но та, вторая, женщина что-то сказала ей, и у нее снова возникли подозрения... только на этот раз, кажется, вполне определенные. Теперь они знают, в чем дело. Они знают, что он собирается осквернить ритуал.

А потом он замер как громом пораженный. До него вдруг дошла вся сложность ситуации. Во-первых, он не сможет перенести к себе на берег пакеты с зельем так же просто, как перенес монетку: монета не была приклеена к телу узника клейкой лентой, которую он намотал слоями, чтобы прижать пакеты плотнее к телу. Эта клейкая лента — лишь часть проблемы. Узник не заметил исчезновения одной монетки из кармана, где их было много, но если он обнаружит, что это зелье, ради которого он рисковал жизнью, вдруг куда-то пропало, он *наверняка* выкинет какой-нибудь фортель... и что тогда?

Вполне вероятно, что узник, распсиховавшись, такое наворотит, что его сцапают и отправят в темницу еще раньше, чем он осквернит ритуал. Так что нельзя просто забрать это зелье и все: если пакетики вдруг испарятся у него из-под мышек, он, вероятно, решит, что и *в самом деле* сошел с ума.

Воздушная карета, неуклюжая, точно буйвол, здесь, на земле, тяжело поворачивала налево. Стрелок понял: времени на дальнейшие размышления нет. Сейчас ему нужно не просто *перешагнуть «порог»*, но еще и войти в контакт с Эдди Дином.

Немедленно.

9

Эдди сунул свой паспорт и таможенную декларацию в нагрудный карман. Стальной провод продолжал медленно обматывать его внутренности, вкручиваясь все глубже и глубже. Нервы буквально звенели от напряжения. И вдруг у него в голове раздался голос.

Не мысль, а *голос.*

Слушай меня, приятель. Слушай очень внимательно. И если не хочешь куда-нибудь загреметь, постарайся, чтоб у тебя на лице не отразилось ничего такого, что могло бы вызвать дальнейшие подозрения у этих женщин в форме. Видит Бог, у них подозрений и так достаточно.

Сперва Эдди подумал, что он забыл снять наушники и принимает теперь какие-то странные передачи из кабины пилота. Но ведь стюардессы собрали наушники уже минут пять назад.

Потом он подумал, что кто-то стоит рядом с ним и с кем-то болтает. Он едва было не повернул голову влево, но сообразил, что это просто нелепо. Нравится ему или нет, но голос звучал у него в голове.

Может быть, он принимает какие-то передачи — на КВ, или УКВ, или ДВ — через пломбы в зубах. Он что-то такое слышал...

Выпрямись, идиотина! У них и так достаточно подозрений, а у тебя сейчас такой вид, словно ты чокнутый!

Эдди быстро выпрямился, как будто ему поддали. Голос не Генри, хотя очень сильно похож на голос Генри в детстве, когда они вместе росли в трущобах Нью-Йорка. Генри на восемь лет старше, а сестренка, средняя между ними, теперь стала лишь призраком в памяти: Селину сбила машина, когда Эдди было два года, а Генри — десять. Таким резким приказным тоном Генри всегда обращался к нему, когда Эдди делал что-то такое, что могло завершиться печальным уходом Эдди из этого мира задолго до срока... как случилось с Селиной.

Что еще за мура?

Это не призрачные голоса, вновь раздался в его голове все тот же голос. Нет, он принадлежал не Генри... этот был старше, суше... сильнее. Но все же очень похож на голос Генри... и ему невозможно не верить. *Это во-первых. Ты не сходишь с ума. Я действительно другой человек.*

Это что — телепатия?

Эдди смутно осознавал, что его лицо лишилось всякого выражения. При других обстоятельствах за такую мордашку ему бы точно присвоили «Оскара» в номинации «Лучший актер года». Он поглядел в окно — самолет приближался к отделению компании «Дельта» в здании прибытия Международного аэропорта Кеннеди.

Я не знаю этого слова. Но я знаю, что эти женщины в армейской форме в курсе, что ты везешь...

Потом повисла пауза. Чувство — странное, не передать словами — как будто призрачные пальцы перебирают его мозг, словно он, Эдди, стал вдруг живой картотекой.

...героин или кокаин. Я точно не знаю, что именно... хотя, наверное, кокаин, потому что ты сам его не принимаешь, а везешь, чтобы купить потом тот, который нужен тебе.

— Что еще за женщины в армейской форме? — пробормотал Эдди вполголоса, совершенно не сознавая того, что он говорит вслух. — Ты о чем, черт возьми...

Чувство, как будто его опять ударили... такое реальное, что в голове зазвенело.

Заткни пасть, говнюк!

Хорошо, хорошо! Боже мой!

Снова странное ощущение перебирающих пальцев.

Стюардессы в форме, повторил чужой голос. *Ты меня понимаешь? У меня нет времени разжевывать каждую мысль, узник!*

— Как ты... — начал было Эдди, но тут же заткнулся и задал вопрос мысленно: *Как ты меня назвал?*

Не важно. Просто слушай меня. У нас очень мало времени. Они знают. Стюардессы знают, что ты везешь этот кокаин.

Откуда бы? Просто смешно!

Я не имею понятия, откуда они узнали, но это сейчас не важно. Одна из них рассказала возницам. А возницы расскажут жрецам, которые совершают эту церемонию «прохождения таможни»...

Голос у него в голове говорил на каком-то странном языке, употребляя слова совсем невпопад, так что звучало это даже забавно... но смысл сказанного был абсолютно ясен. Хотя лицо Эдди оставалось непроницаемым, он до боли сжал зубы и издал звук, похожий больше всего на шипение.

Голос говорил, что игра закончена. Он еще даже не вышел из самолета, а игра уже закончена.

Но на самом деле всего этого нет. Такого просто не может быть. Это в последние минуты его разум поддался приступу паранойи — вот и все. Главное — не обращать внимания. Не замечать, и наваждение пройдет...

Нет, ты заметишь, еще как заметишь, иначе ты загремишь в темницу, а я умру! — проревел голос.

Кто ты, во имя всего святого? — испуганно и неохотно спросил Эдди, и у него в голове кто-то (или, может быть, что-то) глубоко, с облегчением вздохнул.

10

Он поверил, подумал стрелок. *Благодарение всем богам, ныне и присно и во веки веков, он поверил!*

11

Самолет остановился. Надпись «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ» погасла. Подали трап, который с мягким стуком коснулся переднего выхода. Они прибыли.

12

Есть место, куда ты можешь все это спрятать на то время, пока будешь «проходить таможню», сказал ему голос. *Надежное место. А когда ты пройдешь ритуал, получишь свои пакеты обратно и отнесешь их тому человеку, Балазару.*

Люди уже поднимались с мест, доставали свои вещи из верхних ящичков и пытались куда-то пристроить плащи, поскольку на улице, согласно объявлению второго пилота, было слишком тепло.

Возьми свою сумку и куртку. Иди опять в это отхожее место.

Отхожее...

О... Туалет. Сортир.

Если они так уверены, что у меня что-то есть, они решат, что я пытаюсь отделаться от товара.

Но Эдди уже понял, что это вряд ли имеет значение. Никто не станет ломиться в дверь, чтобы не напугать пассажиров. К тому же всем ясно, что нельзя так просто спустить в унитаз самолета два фунта чистого кокаина, не оставив никаких следов. Но это не важно, если голос действительно говорит правду... что есть какое-то надежное место. *Вот только как это может быть?*

Не важно, черт тебя побери! ШЕВЕЛИСЬ!

Эдди встал. Он наконец-то врубился. Он, конечно, не видел всего того, что видел Роланд с его многолетним опытом, подкрепленным долгими мучительными тренировками, но он увидел лица стюардесс — их *настоящие* лица, те, что скрывались за натянутыми улыбками и чрезмерной предупредительностью: сейчас они выгружали коробки и сумки пассажиров из шкафа в передней части самолета. И еще он увидел, как они украдкой поглядывают на него.

Эдди взял сумку. Взял куртку. Люк уже открыли: пассажиры двинулись по проходу. Дверь в кабину пилота была открыта, и на выходе из салона стоял сам капитан. Он тоже улыбался, но еще и присматривался к пассажирам. Заметил

Эдди — нет, не просто заметил, а заметил прицельно, потом отвернулся, кивнул кому-то, взъерошил волосы какому-то мальчугану.

Эдди остыл. Не в том смысле, какой вкладывал в это слово Генри, а на самом деле остыл, то есть успокоился. Сам по себе, вовсе не из-за голоса в голове. Хладнокровие — иногда это то, что надо. Только нужно держаться настороже, чтобы совсем уж не заледенеть.

Эдди пошел вперед, уже повернулся налево, к трапу... и вдруг закрыл рот рукой.

— Что-то мне нехорошо, — выдавил он. — Извините.

Он прикрыл дверь в кабину пилота, чтобы она не мешала ему отворить дверь в туалет справа.

— Боюсь, придется вам выйти из самолета, — резко проговорил пилот, когда Эдди открыл дверь в туалет. — Это...

— Меня, кажется, сейчас вырвет. Мне не хотелось бы, чтобы попало на ваши ботинки, — ответил Эдди, — или же на мои.

Через секунду он уже был в туалете и запирал за собой дверь. Капитан что-то сказал. Эдди не расслышал, что именно, да и какое это имеет значение. Самое главное: он говорил, а не орал. Эдди был прав: никто не станет орать, когда в салоне толпятся сотни две с половиной пассажиров, ожидающих своей очереди на выход у единственной двери. Он внутри. Временно в безопасности... ну и какой ему с этого прок?

Не знаю, кто ты, но если ты здесь, подумал Эдди, *ты бы лучше что-то делал. И побыстрее.*

Какой-то ужасный миг ничего не происходило. Всего лишь миг, но в сознании Эдди Дина он растянулся на целую вечность, как те турецкие тянучки, которые Генри покупал ему каждое лето, когда они были еще детьми: если он вел себя плохо, Генри дубасил его нещадно, если вел хорошо, Генри ему покупал турецкие тянучки. Таким образом Генри справлялся со своими обязанностями старшего брата во время летних каникул.

Боже мой, мне все это почудилось, Господи Иисусе, каким же надо быть чокнутым...

Приготовься, приказал строгий голос. *Я один не смогу, нам надо действовать вместе. Я могу контролировать твои действия, но я не сумею сделать так, чтобы ты один, без меня, перешел на ту сторону. Нам надо совершить это вместе. Обернись.*

До Эдди внезапно дошло, что он видит двумя парами глаз, реагирует нервами двух тел (только нервы другого тела были частично утрачены; на месте некоторых, исчезнувших совсем недавно, пульсировала боль), чувствует десятью чувствами, думает двумя головами, кровь его перекачивают два сердца.

Он обернулся: в стене туалета была дыра размером с дверной проем. Сквозь эту «дверь» он увидел серый песчаный пляж и волны цвета старых спортивных носков, разбивающиеся о берег.

Он услышал плеск волн.

Почувствовал в воздухе вкус соли, такой же горький, как вкус слез.

Проходи.

Кто-то уже стучал в дверь туалета и говорил ему, чтобы он вышел немедленно и покинул самолет.

Проходи, черт возьми!

Эдди со стоном шагнул к двери... запнулся... и упал в другой мир.

13

Он медленно поднялся на ноги, чувствуя, что порезал правую ладонь о ракушку в песке. Он тупо уставился на кровь, что струилась по линии жизни, а потом вдруг увидел, что справа от него поднимается на ноги еще один человек.

Эдди отшатнулся, его ощущение полной дезориентации и какой-то непостижимой путаницы сменилось внезапно неподдельным ужасом: человек этот мертв и не знает об этом.

Лицо изможденное. Кожа натянута на костях лица, как полоски ткани на углах какого-нибудь металлического предмета, причем так туго, что материя вот-вот порвется. Кожа была синюшного цвета, если не считать лихорадочных красных пятен на каждой скуле, по обеим сторонам шеи под нижней челюстью и круглой отметины между глаз, как у ребенка, который пытается изобразить у себя на лбу индийский знак касты.

Однако глаза его — голубые, спокойные, мудрые — были исполнены жизни, какой-то жуткой и цепкой живучести. Одет он был в темное одеяние из какой-то домотканой материи. Черная рубашка с закатанными рукавами так выцвела, что стала серой. Штаны очень напоминали джинсы. На бедрах — перекрестные ремни с патронташами, вот только патронов почти не осталось. В двух кобурах — по револьверу. Похоже на 45-й калибр, но по виду очень уж древние. Гладкое дерево рукояток, казалось, светится своим внутренним светом.

Эдди, которому общаться совсем не хотелось — да и не знал он, с чего начать, — услышал собственный голос, произносящий:

— Ты что, призрак?

— Пока еще нет, — прохрипел человек с револьверами. — Бес-трава. Кокаин. Как ты там его называешь. Снимай рубаху.

— Твои руки... — Эдди только теперь увидел. Руки человека, чем-то напоминавшего сумасброда-ковбоя из дешевого вестерна, были покрыты зловещими ярко-красными полосами. Эдди знал, что это значит. Заражение крови. Это значит, что дьявол не просто дышит тебе в задницу, а уже пробирается по каналам, что ведут к твоему насосу.

— Забудь мои руки! — прошипел бледный призрак. — *Снимай рубаху и отдирай эту штуку!*

Он слышал плеск волн и одинокое завывание ветра, который не встречал никаких преград. Он видел этого тронутого умирающего человека в безысходном отчаянии. И все-

таки у себя за спиной он слышал гул голосов пассажиров, выходящих из самолета, и настойчивый стук в дверь.

— Мистер Дин! — *Этот голос,* подумал он, *сейчас доносится из другого мира.* Он не то чтобы еще сомневался, просто пытался вбить все эти странности в свою бедную голову точно так же, как, скажем, вбиваешь гвоздь в толстый брус красного дерева. — Вам давно уже надо было бы...

— Можешь оставить все это здесь, а потом заберешь, — прохрипел стрелок. — Боги всевышние, до тебя не дошло еще, что здесь мне приходится говорить? А это больно! *К тому же у нас нет времени, идиот!*

Кого другого Эдди бы просто убил за такие слова... но он хорошо понимал, что он вряд ли справится с этим парнем, пусть даже, судя по виду, тот давно не жилец.

И все же он чувствовал, что эти голубые глаза не лгут; все сомнения сгорали в их безумном огне.

Эдди принялся расстегивать рубаху. Сперва он хотел просто ее разорвать, как в том фильме, когда Кларк Кент рвет на себе рубаху, пока Лоис Лейн лежит привязанная к рельсам или к чему там, но что хорошо в кино, в реальной жизни может только навредить: рано или поздно придется еще объяснять, куда делись недостающие пуговицы. Поэтому он аккуратненько их расстегнул. А в дверь все стучали.

Он выдернул рубашку из джинсов, снял ее и швырнул на песок, обнажив полосы клейкой ленты на груди. В таком виде он был похож на человека на последней стадии выздоровления после тяжелого перелома ребер.

Он оглянулся и увидел открытую дверь... низ ее прочертил в сером песке полукруг, когда кто-то — скорее всего умирающий человек — отворял ее. В дверном проеме виднелась туалетная комната при салоне первого класса, раковина, зеркало... и в зеркале — отражение его лица: черная челка падает на лоб, на глаза. Карие. На заднем плане он разглядел стрелка, морской берег, парящих в воздухе чаек, которые кричали и как будто ссорились — Бог его знает, из-за чего.

Он провел ладонью по ленте, не зная, с чего начать, как отыскать свободный конец, и его вдруг охватило головокружительное чувство полной безнадежности. Так, наверное, чувствует себя олень или кролик, который дошел уже до середины проселочной дороги, повернул голову, а его тут же ослепил свет фар.

Вильям Вильсон, имя которого обессмертил Эдгар По, заматывал Эдди двадцать минут. Дверь в туалет в самолете откроют минут через пять, максимум — семь.

— Я не успею снять это дерьмо, — сказал он шатающемуся человеку. — Я не знаю, кто ты и где я, но здесь слишком много ленты, а времени слишком мало.

14

Дир, второй пилот, посоветовал капитану Макдоналду прекратить барабанить в дверь, когда тот, разозленный тем, что За ему не отвечает, принялся молотить в нее со всей силы.

— Куда он денется? — резонно заметил Дир. — Что он там делает? Хочет спустить себя в унитаз? Не пролезет.

— Но если он... — начал было Макдоналд.

Дир, который и сам иной раз баловался кокаином, сказал:

— Если он нагружен, то нагружен плотно. Он не сможет избавиться от всего.

— Отключите воду, — спохватился внезапно Макдоналд.

— Уже отключили, — успокоил его штурман (который тоже при случае не отказывался нюхнуть). — Но, по-моему, это уже не важно. Растворить порошок в сливном бачке можно, но нельзя сделать так, чтобы он испарился. — Они все столпились у двери в туалет с табличкой «ЗАНЯТО», издевательски горящей наверху, и говорили друг с другом, понизив голос. — Ребята из Отдела по борьбе с наркотиками осушат толчок, возьмут пробы, и парень влип.

— Он всегда может сказать, что кто-то там был до него, а он вообще ничего не знает. — Макдоналд был на пределе,

даже голос его срывался. Ему не хотелось болтать; ему хотелось действовать, прямо сейчас, несмотря даже на то, что еще не все пассажиры вышли из самолета, причем кое-кто поглядывал на команду и стюардесс, столпившихся у двери туалета, с любопытством и явно не праздным. Но, с другой стороны, всякое неосторожное действие может молниеносно вызвать панику среди пассажиров, которые, пусть и не отдавая себе отчета, всегда в глубине души опасаются террористов. Макдоналд понимал, что его штурман и бортинженер правы на сто процентов. Он был уверен, что эта дрянь упакована в пластиковые мешки, на которых останутся отпечатки пальцев, и все же в его сознании выли сирены тревоги. Что-то было не так. Что-то внутри у него продолжало вопить: *Это трюк! Хитрый трюк!* — как будто парень из кресла 3а был каким-нибудь шулером-игроком с тузами, припрятанными в рукаве.

— Он не пытается спустить воду, — заметила Сюзи Дуглас. — Он не пытается даже открыть кран. Мы бы услышали, если бы он это делал. Я что-то слышу, но...

— Лучше уйди отсюда, — резко бросил Макдоналд и покосился на Джейн Дорнинг. — И ты тоже. Мы сами с ним разберемся.

Джейн повернулась, чтобы уйти. Щеки ее пылали.

Сюзи спокойно сказала:

— Это Джейн засекла его, а я заметила эти пакеты у него под рубашкой. Я думаю, что нам лучше остаться, капитан Макдоналд. Потом, если желаете, можете подавать рапорт о нарушении субординации. Я только хочу вам напомнить, что мы сейчас препираемся из-за того, что действительно может вызвать большую бучу у них в ОБН.

Их взгляды скрестились, как камень со сталью, высекая искры.

— Я уже раз семьдесят, если не восемьдесят летала с вами, Мак, — сказала Сюзи. — Я стараюсь быть вашим другом.

Еще мгновение Макдоналд смотрел на нее, а потом кивнул:

— Хорошо, оставайтесь. Я только хочу, чтобы вы обе отошли на один шаг к кабине.

Он приподнялся на цыпочки, оглядел проход: хвост очереди на выход только выполз из туристического в салон бизнес-класса. Еще две минуты, максимум — три.

Потом капитан повернулся к служащему аэропорта, который стоял с той стороны люка и наблюдал за ним. Тот тоже, должно быть, почувствовал что-то неладное: вынул рацию и держал ее наготове.

— Скажи ему, чтобы вызвал сюда таможенников, — тихонько обратился Макдоналд к штурману. — Человека три-четыре. С оружием. Немедленно.

Штурман, улыбаясь во весь рот и рассыпаясь в извинениях, пробрался сквозь очередь пассажиров и что-то тихонько сказал служащему аэропорта. Тот поднес рацию к губам и передал сообщение, понизив голос.

Макдоналд, который в жизни не принимал ничего сильнее аспирина, да и то только изредка, повернулся к Диру. Губы его были плотно сжаты в тонкую белую линию, похожую больше на шрам.

— Как только выйдет последний из пассажиров, мы сразу вскрываем сортир, — сказал он. — Не дожидаясь таможенников. Тебе понятно?

— Вас понял, — ответил Дир и поглядел на хвост очереди, переместившийся в салон первого класса.

15

— Возьми нож, — сказал стрелок. — У меня в сумке.

Он сделал жест рукой, указывая туда, где на песке валялась потрескавшаяся кожаная сумка. Даже не сумка, а большой мешок, какие, в представлении людей нормальных, таскают с собой хиппи, когда гуляют по тропам Аппалачей и торчат от природы (и частенько от косячков с марихуаной). Только этот мешок выглядел очень даже реальным. Сразу

видно, что он побывал в долгих, тяжелых и даже отчаянных странствиях.

Указал рукой, но не пальцем. Просто *не мог* указать пальцем. Теперь Эдди понял, почему правая рука у этого человека замотана грязной тряпицей: на ней не хватало пальцев.

— Возьми нож, — повторил он. — Разрежь ленту. Только смотри не поранься. Это несложно. Будь осторожен, но постарайся все-таки побыстрее. У нас мало времени.

— Да, я знаю. — Эдди опустился на колени в песок. Все это нереально. Вот оно что! Как сказал бы великий мудрец и выдающийся наркоман Генри Дин, *тип-топ, ля-ля, ку-ку, кувырок через башку, жизнь — это фикция, мир — это ложь, так что ты отрывайся, покуда живешь.*

Все это нереально. Просто бредовый, на удивление похожий на жизнь сон. Так что лучше всего припухнуть, и пусть все идет как идет.

Разумеется, это сон. Он уже потянулся к «молнии» — или там, может быть, окажется «липучка» — на «сумке» этого человека, и вдруг с изумлением увидел, что она зашнурована ремешками из сыромятной кожи. Кое-где ремешки были порваны и связаны аккуратными узелками, маленькими, чтобы они проходили сквозь кольцеобразные ушки.

Эдди развязал верхний узел, открыл сумку и нашел нож под сыроватым куском материи, в который были завернуты патроны. Он поглядел на нож, и у него перехватило дыхание. Одна рукоятка чего стоит... чистое серебро, серовато-белое с мягким блеском, украшенное изумительной гравировкой, узор которой притягивал взгляд...

Боль взорвалась в ухе, проревела в мозгу. Перед глазами поплыли клочья красного тумана. Он неуклюже свалился на открытую сумку, тяжело ударился о песок и поднял глаза на бледного человека в обрезанных сапогах. Это не сон. На умирающем лице горели голубые глаза, и эти глаза не лгали.

— Будешь потом восхищаться, узник, — сказал стрелок. — Сейчас просто возьми его и разрежь ленту.

Эдди чувствовал, как распухает ухо.

— Почему ты все время так меня называешь?

— Режь ленту, — мрачно проговорил стрелок. — Если они ворвутся в нужник, а тебя там не будет, тогда, есть у меня подозрение, тебе придется пробыть здесь гораздо дольше. Ты даже не представляешь, как долго. А мой хладный труп составит тебе компанию.

Эдди вытащил нож из ножен. Не просто старый: старше, чем старый, старше, чем древний. Металлическое лезвие, отточенное так, что не было видно краев, казалось, вместило в себя вечность.

— Да, на вид оно острое, — сказал Эдди, и голос его дрогнул.

16

Последние пассажиры уже выходили из самолета. Одна из них, женщина лет семидесяти, с видом полного замешательства, характерного только для пожилых людей, которые летят в первый раз и к тому же почти не знают английского, остановилась в проходе, протягивая свой билет Джейн Дорнинг.

— Как мне *вообще* найти самолет на Монреаль? — спросила она. — И что будет с моим багажом? Мне пройти таможню здесь или там?

— У выхода будет стоять служащий аэропорта, он даст вам всю необходимую информацию, мадам, — разъяснила Джейн.

— Да, но я только не понимаю, почему вы не можете дать мне всю нужную информацию? — возмутилась старушка. — Там так много народу.

— Пожалуйста, проходите, мадам, — сказал капитан Макдоналд. — У нас здесь одна небольшая проблема.

— Что ж, простите, что я вообще живу, — обиженно проговорила старушка. — Я, наверное, случайно выпала из катафалка.

С этими словами она прошествовала мимо них, задрав нос, как собака, почуявшая запах дыма вдали, сжимая в одной руке сумочку, в другой — бумажник с билетами (бумажник так и распирало: судя по количеству билетов, эта старушка только и делала, что летала по миру, меняя самолеты в каждом аэропорту).

— Эта дама больше в жизни не сядет на самолет компании «Дельта», — пробормотала Сюзи.

— Меня не волнует, пусть летает как хочет, хоть на загривке у супермена, — сказал Макдоналд. — Она последняя?

Джейн протиснулась между ними, заглянула в салон бизнес-класса, потом в главный салон. Никого.

Она вернулась и доложила, что самолет пуст.

Макдоналд повернулся к трапу и увидел, как сквозь толпу пробираются два таможенника в форме, извиняясь на каждом шагу, но даже не глядя на людей, которых они толкали. Последней они пихнули разобиженную старую леди, которая уронила свой бумажник. Бумаги рассыпались во все стороны, и она пронзительно завопила, как рассерженная ворона.

— О'кей, — подытожил Макдоналд. — Вы, ребята, вон там и стойте.

— Сэр, мы офицеры Федеральной таможни...

— Замечательно, я просил вас прийти, и я очень рад, что вы явились так быстро. Но пока что постойте там. Это мой самолет, а этот гусь, который засел в туалете, пока еще мой подопечный. Как только он выйдет из самолета на трап, забирайте его себе и запекайте хоть с яблоками. — Он кивнул Диру. — Дадим сукину сыну еще один шанс и ломаем дверь.

— Я не против, — отозвался Дир.

Макдоналд постучал в дверь туалета и заорал:

— Выходите, приятель! Последний раз прошу вас по-хорошему!

Никто не отозвался.

— О'кей, — заключил Макдоналд. — Приступим.

17

Эдди смутно расслышал старческий голос: «Что ж, простите, что я живу! Я, наверное, выпала из катафалка!»

Он разрезал уже половину ленты. Когда старуха начала вопить, рука его дернулась, и по животу потекла струйка крови.

— Дерьмо, — сказал Эдди.

— Руганью здесь не поможешь, — прохрипел стрелок. — Давай заканчивай. Или при виде крови тебя мутит?

— Только когда кровь моя.

Лента начиналась прямо над животом. Чем выше он резал, тем хуже видел, куда он тычет ножом. Он прошел еще дюйма три, и едва не порезался снова, когда услышал, как Макдоналд сказал таможенникам: «Вы, ребята, вон там и стойте».

— Я не могу больше резать. Я ни черта не вижу. Мне подбородок мешает, мать его, — сказал Эдди. — Я себя точно проткну, если ты мне не поможешь.

Стрелок взял нож в левую руку. Рука дрожала. Наблюдая за трясущимся лезвием, наточенным до самоубийственной остроты, Эдди занервничал.

— Может, я все-таки лучше сам...

— Погоди.

Стрелок уставился на свою левую руку. Эдди не то чтобы совсем уж не верил в телепатию, но и не то чтобы *верил* в нее. И все же сейчас он почувствовал что-то столь же реальное и ощутимое, как, скажем, жар, идущий от печи. А уже через пару секунд он понял, что это: таинственный незнакомец собирал свою волю в кулак.

Как же он, черт возьми, умирает, если даже я чувствую его силу?

Дрожь в руке потихоньку прекращалась. Вскоре она превратилась в слабенькое подрагивание. А еще через десять секунд рука стала твердой как камень.

— Ну вот. — Стрелок шагнул вперед, поднимая нож, и Эдди почувствовал вдруг, что, кроме силы, от него действи-

тельно исходит жар — обжигающее затхлое дыхание лихорадки.

— Ты левша? — спросил Эдди.

— Нет, — ответил стрелок.

— Боже мой. — Эдди решил, что ему лучше закрыть глаза. Так он и сделал и только услышал, как шелестит разрезаемая лента.

— Готово, — сказал стрелок, отступая. — Теперь давай стягивай, сколько сможешь. Я помогу тебе сзади.

Вежливый стук в дверь сменился ударами кулака. *Пассажиры все вышли*, подумал Эдди. *Никакого тебе больше мистера Славный Парень. Вот паскудство.*

— Выходите, приятель! Последний раз прошу вас по-хорошему!

— *Дергай!* — прорычал стрелок.

Обеими руками Эдди схватился за края разрезанной ленты и дернул ее изо всей силы. Больно, еще как больно! «Хватит скулить, — сказал он себе. — Могло быть и хуже. Хорошо, что у тебя не такая волосатая грудь, как у Генри».

Он посмотрел на себя и увидел поперек груди красную полоску раздраженной кожи шириной дюймов в семь. Он порезался как раз над солнечным сплетением: кровь сочилась из ранки и алой струйкой стекала к пупку. Пакеты с товаром болтались теперь под мышками, как закрепленные сикось-накось седельные сумки.

— О'кей, — раздался за дверью уборной приглушенный голос. — При...

Эдди пропустил окончание фразы из-за внезапного взрыва боли у него на спине: это стрелок бесцеремонно сорвал остатки ленты.

Эдди закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

— Надевай рубаху, — сказал стрелок. Лицо его — Эдди думал, что бледнее у живого человека уже не бывает, — теперь стало серым, как старый пепел. В левой руке он держал сорванную ленту (она слиплась в спутанный клубок, и пакетики с белой дрянью смотрелись на ней точно два белых ко-

кона). Потом стрелок бросил ее на песок. Эдди заметил свежую кровь, проступившую сквозь грубую повязку на правой руке стрелка. — Быстрее.

Послышался громкий удар. Теперь в дверь не просто стучали с вежливой просьбой освободить помещение. Эдди заглянул в туалет и увидел, что дверь дрожит. Свет внутри замигал. Они пытаются выломать дверь.

Он подхватил рубашку. Пальцы его стали внезапно какими-то слишком большими и неуклюжими. Левый рукав вывернулся наизнанку. Эдди стал выворачивать его обратно, рука на мгновение застряла, он дернул изо всей силы, и рукав снова вывернулся наизнанку.

Ба-бах! Дверь в туалет задрожала опять.

— Боги всевышние, ну почему ты такой неуклюжий?! — простонал стрелок, просунул левую руку в рукав рубашки и вывернул его так, что рукав оказался надет на его руку. Эдди схватился за манжет, и Роланд вытащил руку. Он подал Эдди рубаху, как дворецкий подает пальто своему хозяину. Эдди влез в рукава и взялся за нижнюю пуговицу.

— Погоди, — рявкнул стрелок и оторвал еще полосу от своей разодранной рубашки. — Вытри живот!

Эдди, как мог, вытерся. В том месте, где он порезался, так и сочилась кровь. Да, нож был острый. Еще какой острый!

Он швырнул окровавленную тряпку на песок и застегнул рубашку.

Ба-бах! На этот раз дверь не просто задрожала, ее полотно прогнулось. Глядя с берега, Эдди увидел, как бутылочка с жидким мылом свалилась с подставки возле зеркала и упала прямо на его сумку.

Он уже собирался заправить рубаху (которую, как ни странно, он застегнул на все пуговицы и правильно) в джинсы, но тут его осенило: вместо того чтобы заправить рубашку, он расстегнул ремень.

— На это нет времени! — Стрелок понял, что пытается закричать, но вместо крика вышел хрип. — Дверь больше не выдержит!

— Я знаю, что делаю, — уверил его Эдди, очень надеясь, что это так, и шагнул обратно через порог между двумя мирами, расстегивая на ходу «молнию» и приспуская джинсы.

Через мгновение — отчаянное, безнадежное — стрелок шагнул за ним следом. Только что он пребывал в своем теле, исполненном жаркой физической боли, и вот он уже лишь холодное *ка* в сознании Эдди.

18

— Еще разок, — угрюмо буркнул Макдоналд, и Дир кивнул. Теперь, когда все пассажиры вышли из самолета и спустились с трапа, офицеры таможни вытащили оружие.

— *Давай!*

Двое мужчин вышибли плечами дверь. Она распахнулась, мгновение покачалась на петлях и рухнула на пол.

На унитазе восседал мистер За со спущенными штанами. Полы рубашки едва прикрывали его мужские причиндалы. *Да, похоже, что мы поймали его с поличным. За делом, как говорится,* устало подумал капитан Макдоналд. *Только проблема в том, что дело это, насколько я знаю, не является противозаконным.* — Лишь теперь он почувствовал боль в плече, которым бился в дверь — сколько раз? три? четыре?

Но вслух он рявкнул:

— Чем вы, черт возьми, тут занимаетесь, мистер?

— Вообще-то я *сру*, — ответил ему За. — Но если вам *всем*, мужики, невтерпеж, я, так и быть, подотрусь в аэропорту...

— И ты, умник, не слышал, как мы тут кричали?

— Я не мог дотянуться до двери. — За протянул руку к двери, чтобы продемонстрировать им, и хотя та стояла теперь у стены слева, Макдоналд понял, что он имеет в виду. — Мне, наверное, нужно было подняться, но я, знаете, был в отчаянном положении. Мне нужно было, как говорится, держать ситуацию в руках. То есть, конечно, не в руках, если вы понимаете, что я хочу сказать. Да и *не хотелось* мне, чтобы в

руках. — За, улыбнувшись, подмигнул, и капитан Макдоналд подумал, что эта улыбка кажется такой же идиотской, какой показалась бы банкнота достоинством в девять долларов. Его послушать, так можно подумать, что элементарно наклониться вперед — вещь для него неведомая.

— Вставайте, — сказал Макдоналд.

— Я бы с радостью. Только пусть девушки отвернутся. — За очаровательно улыбнулся. — Я знаю, что в наши дни это уже пережиток, но я ничего не могу поделать. Я от природы скромный. Сказать по правде, у меня такой комплекс. — Он поднял левую руку, раздвинув на полдюйма указательный и большой пальцы, и подмигнул Джейн Дорнинг, которая залилась краской и тут же исчезла за дверью вместе с Сюзи.

Ты, скромняга, выглядишь вовсе не скромным, подумал про себя Макдоналд. *Как кот, объевшийся сливок, вот как ты выглядишь.*

Когда стюардессы исчезли из виду, За поднялся и надел трусы и джинсы. Он потянулся было к кнопке слива, но капитан Макдоналд быстро отбил его руку, схватил за плечо и развернул к проходу. Дир вцепился ему в ремень, не давая сдвинуться с места.

— Не будем переходить на личности, — сказал Эдди весело и невозмутимо, по крайней мере так ему показалось, но внутри у него все оборвалось. Он чувствовал присутствие того, другого. Явственно чувствовал. Внутри своего разума. Тот наблюдал за ним, сохраняя спокойствие, готовый в любой момент проявить себя, если Эдди сорвется. Боже мой, это все сон. Наяву так не бывает. *Правда?*

— Стой смирно, — сказал Дир.

Капитан Макдоналд нагнулся над унитазом.

— Дерьма не видно, — сообщил он, а когда штурман невольно хохотнул, сурово взглянул на него.

— Ну вы же знаете, как это бывает, — пояснил Эдди. — Бывает приспичит, всего тебя скрутит, а потом выясняется, что тревога ложная. Но кое-что у меня все-таки получилось. Я имею в виду, пару раз я как следует пернул. Если б минуту

назад здесь зажгли спичку, то можно бы было запечь индейку к Дню благодарения. Наверное, я что-то такое съел перед полетом, и...

— Уберите его, — распорядился Макдоналд, и Дир, попрежнему держа Эдди сзади за джинсы, вытолкнул его на трап в объятия двух офицеров таможни. Те взяли его под руки.

— Эй! — возмутился Эдди. — Отдайте мне сумку! И куртку!

— Да уж, лучше тебе прихватить *все* манатки, — сказал один из офицеров, дохнув Эдди в лицо кислым запахом маалокса и больного желудка. — Твои манатки нас очень даже интересуют. А теперь пойдем, приятель.

Эдди не прекращал им твердить, что не надо так психовать, что надо с людьми помягче, что он и сам в состоянии идти, но, когда он потом вспоминал об этом, ему показалось, что по дороге от трапа до входа в аэропорт ноги его только три или четыре раза коснулись пола «кишки». У входа их встретили еще трое офицеров таможни и полдюжины полицейских из службы безопасности аэропорта: таможенники дожидались Эдди, фараоны сдерживали небольшую толпу зевак, которые наблюдали с тревожным и жадным любопытством, как его уводят под белы ручки.

Глава 4
БАШНЯ

1

Эдди Дин сидел на стуле. Стул стоял в маленькой комнатушке с белыми стенами. Единственный стул в маленькой комнатушке с белыми стенами. В маленькой комнате с белыми стенами было полно народу. В маленькой комнате с белыми стенами было накурено. Эдди сидел в одних трусах. Эдди хотелось курить. Остальные шестеро — нет, семеро —

человек в маленькой комнате с белыми стенами были одеты. Они стояли вокруг него плотным кольцом. Трое — нет, четверо — курили.

Эдди хотелось трястись и дрыгаться. Эдди хотелось скакать и прыгать.

Эдди сидел спокойно, расслабившись, с интересом, словно бы забавляясь, рассматривал окружавших его мужчин, как будто его ни капельки не волновало то, что его замели. Его, кажется, не тяготило и замкнутое пространство.

Это все из-за того, *другого,* поселившегося у него в сознании. Поначалу он испугался *другого.* Теперь возносил благодарственные молитвы за то, что *другой* сейчас с ним.

Вероятно, *другой* был болен, быть может, даже на грани смерти, но в хребте у него оставалось достаточно стали, чтобы поддержать перепуганного наркомана двадцати одного года от роду.

— Интересные у тебя на груди отметины, — сказал один из таможенников. Из уголка его рта свисала дымящаяся сигарета. В кармане рубашки лежала целая пачка. Эдди казалось, что он сейчас мог бы вынуть из этой пачки пять штук, сунуть все в рот, прикурить, глубоко-глубоко затянуться всеми пятью и прийти в себя. — Красные. Похоже на след от ленты. Видно, там у тебя, Эдди, было что-то примотано, а потом ты вдруг решил, что будет лучше снять это «что-то» и быстренько от него избавиться.

— Я был на Багамах и подхватил там аллергию, — ответил Эдди. — Я вам уже говорил. Мы все это с вами уже обсуждали не раз. Я пытаюсь еще сохранять чувство юмора, но с каждым разом мне это дается труднее.

— *К такой-то матери* твое чувство юмора, — свирепо прорычал другой таможенник, и Эдди узнал этот тон. Он сам говорил таким тоном, когда был в ломке, и полночи прождал человека, который должен был принести дозу, а человек так и не появился. А все потому, что эти люди тоже наркоманы. Разница только в том, что их наркотики — это ребята вроде его самого или Генри.

— А как насчет этой дырки в пузе? Тебя где пырнули? В расчетной палате Центрального банка? — Третий таможенник указал на то место, где Эдди порезался. Ранка наконец прекратила кровоточить, но затянулась едва-едва: остался багровый пузырек, который мог бы открыться при малейшем давлении.

Эдди ткнул пальцем в красную полосу от ленты.

— Чешется, — сказал он и сказал правду. — Я заснул в самолете... если не верите, спросите у стюардесс...

— А почему ты решил, что мы не верим тебе, Эдди?

— Я не знаю, — отозвался Эдди. — И часто вы ловите крупных контрабандистов с большой партией наркоты, которые дрыхнут перед таможней? — Он помедлил, давая им время подумать об этом, и выставил руки перед собой. Ногти его были где сломаны, где обкусаны. Он давно обнаружил, что, когда ты в подзавязке, тебя так и тянет грызть ногти. — Я вообще стараюсь не чесаться, но, наверное, пока спал, я себя все-таки расковырял.

— Или пока был в отключке, — заметил кто-то из таможенников. — Может быть, это след от иглы. — Эдди уже уяснил, что эти ребята вообще ничего не просекают. Стоит раз уколоться так близко от солнечного сплетения, которое управляет всей нервной системой, и больше колоться тебе никогда не придется. Это будет в последний раз.

— Дайте мне передохнуть, — взмолился Эдди. — Ты так близко ко мне наклонялся, чтобы проверить мои зрачки, что я уже, грешным делом, подумал, что ты собрался со мной целоваться. Ты же знаешь, что я не кололся.

Третий таможенник скривился.

— Для невинного ягненочка ты как-то слишком уж много знаешь об этой дряни, Эдди.

— Чего только не почерпнешь из сериалов и телешоу, скажем, «Тиски Майами», а уж про «Ридерз Дайджест» я вообще молчу. А теперь давайте начистоту: сколько еще вы собираетесь меня здесь держать?

Четвертый таможенник показал ему маленький пластиковый мешочек с какими-то штуками типа ниток.

— Это волокна. Мы сейчас отправим их в лабораторию на анализ, но и без анализа ясно, что это такое. Волокна от клейкой ленты.

— Выезжая из отеля, я не успел принять душ, — в четвертый раз повторил Эдди. — Я сидел у бассейна, загорал. Пытался избавиться от этой сыпи. *Аллергической* сыпи. Заснул на солнышке. Мне еще повезло, что я успел на самолет. Мчался как проклятый. Был ветер. Откуда я знаю, что там ко мне прилипло.

Еще один из таможенников провел пальцем по коже у Эдди на сгибе локтя.

— А это, стало быть, не от уколов следы?

Эдди отдернул руку.

— Комары покусали. Я уже вам говорил. Уже проходит. Боже правый, вы что, сами не видите?!

Они видели. Сегодня его на этом не поймают. Вот уже месяц, как Эдди не кололся в руку. Генри бы так не сумел, и это одна из причин, почему Эдди заставил себя это сделать. Должен был заставить. Когда ему нужно было уколоться, он кололся в левое бедро изнутри, как можно выше, там, где левое яичко прилегало к коже ноги... как той ночью, когда желтушное существо приволокло ему годный товар. Обычно он просто нюхал, но для Генри этого уже было мало. А Эдди мог себя сдерживать, и это обстоятельство вызывало в нем чувство, которое Эдди не смог бы определить... гордость и стыд пополам. Если они заглянут туда, если они приподнимут мошонку, у него будут серьезные неприятности. А после анализа крови серьезные неприятности могли бы обернуться уже настоящей проблемой, но на это они не пойдут, не имея каких-либо доказательств, а доказательств у них как раз нет. Они знали все, но ничего не могли доказать. В этом и заключается разница между желаемым и возможным, как сказала бы его добрая старая матушка.

— Комары покусали?

— Да.

— А эта красная отметина — тоже аллергия?

— Да. Я подхватил ее на Багамах, только сейчас стало хуже.

— Он подхватил ее по дороге сюда, — сказал один таможенник другому.

— Ага, — отозвался тот. — Ты поверил ему?

— А как же!

— А в Санта-Клауса ты веришь?

— А как же! Однажды в детстве я с ним даже сфотографировался. У меня есть снимок. — Он посмотрел на Эдди. — А у тебя, Эдди, есть фотография этой красной отметины, сделанная до поездки?

Эдди молчал.

— Если ты чист, почему бы тебе не сдать кровь на анализ? — снова вступил первый таможенник с сигаретой в уголке рта. Она догорела почти до фильтра.

Эдди вдруг рассердился. Он прислушался к голосу изнутри.

О'кей, немедленно отозвался голос, и Эдди почувствовал, что это не просто согласие: это полное одобрение. Точно так же он чувствовал себя, когда Генри его обнимал, ерошил волосы, хлопал его по плечу и говорил: «Молодец, малыш, слишком уж не зазнавайся, но все-таки ты молодец».

— Вы *знаете,* что я чист. — Эдди внезапно поднялся со стула. Они даже попятились от неожиданности. Он поглядел на ближайшего курильщика. — Знаешь, что, лапочка, я тебе скажу. Если ты сейчас же не уберешь от моего лица этот гвоздь в твой гроб, я его просто *выбью.*

Таможенник отшатнулся.

— Вы, парни, уже перерыли весь унитаз в самолете. Господи, за это время вы бы успели три раза его перерыть. Вы копались в моих вещах. Я нагибался, и один из вас ковырял пальцем мне в заднице. Если проверка простаты — это своего рода обследование, то вы мне устроили в заднице целую охотничью экспедицию. Это вам, мать твою, не сафари. Я

боялся глаза опустить, я думал, палец этого парня торчит у меня из петуха.

Он оглядел их всех.

— Вы ковырялись в моей заднице, вы перерыли все мои вещи, а я тут сижу в одних трусах, и вы, ребята, пускаете дым мне в лицо. Хотите анализ крови? Ладно. Зовите врача.

Они что-то забормотали, переглянулись. Удивленные. Обеспокоенные.

— Но если вы собираетесь проводить этот анализ без распоряжения суда, — продолжал Эдди, — пусть тогда врач захватит побольше иголочек и пробирочек, потому что я не собираюсь отдуваться один. Пусть сначала придет судебный исполнитель, и вы все, ребята, тоже сдадите этот чертов анализ, и чтобы на каждой пробирочке было написано, как вас зовут и номера ваших удостоверений, и чтобы потом результаты отправили в федеральную прокуратуру. И на что вы там собираетесь меня проверять — кокаин, героин, амфетамин, марихуану, да на что угодно,— на то же самое и вы тоже тогда проверьтесь. А результаты анализа передайте, пожалуйста, моему адвокату.

— Нет, вы только послушайте, МОЕМУ АДВОКАТУ! — воскликнул один из таможенников. — Этим все всегда и кончается, правда, Эдди, когда имеешь дело с такими, как ты, засранцами? С вами свяжется МОЙ АДВОКАТ. Мы с вами будем разговаривать только в присутствии МОЕГО АДВОКАТА. Меня *тошнит* уже от таких заявлений!

— Кстати, у меня еще нет своего адвоката, — сказал Эдди и опять сказал правду. — Я и не думал, что мне понадобится адвокат. Но из-за вас, ребята, мое мнение изменилось. Вы ничего не нашли, потому что у меня ничего *нет*, но рок-н-ролл, если я правильно понял, еще продолжается. Хотите, чтобы я вам сплясал? Замечательно. Я спляшу. Но не один. Вам, парни, тоже придется подрыгаться.

На мгновение воцарилась глухая, напряженная тишина.

— Пожалуйста, мистер Дин, снимите еще раз трусы, — сказал вдруг таможенник, который доселе молчал. Этот был

постарше. И, судя по виду, он тут за главного. Эдди даже подумал, что, может быть — только может быть, — этот парень все-таки сообразил, где искать свежие следы от уколов. Там они еще не смотрели. Руки, плечи, ноги... но там — пока нет. Они были слишком уверены в том, что он у них на крючке.

— Я только и делаю, что снимаю трусы, надеваю трусы, я уже сыт этим дерьмом по горло, — сказал ему Эдди. — Или зовите сюда врача и будем делать анализ, или я ухожу. Что предпочтительней?

Опять молчание. И когда они снова начали переглядываться, Эдди понял, что выиграл.

МЫ *выиграли,* поправился он про себя. *Как тебя звать, дружище?*

Роланд. А ты — Эдди. Эдди Дин.

Внимательно слушаешь.

Слушаю и смотрю.

— Отдайте ему одежду, — с отвращением в голосе распорядился старший и поглядел на Эдди. — Я не знаю, что там у тебя было и как ты сумел это скинуть, но я тебя предупреждаю: мы это выясним.

Старый пень оглядел его с головы до ног.

— Вот ты сидишь тут и лыбишься. Такой довольный. Мне все равно, что ты тут наговорил. Но *от тебя* меня определенно тошнит.

— *Вас* от *меня* тошнит?

— Положительно.

— Бог ты мой, — сказал Эдди. — Мне это нравится. Я сижу в этой чертовой комнатушке в одних трусах, а надо мной стоят семеро лбов с пистолетами, и *вас* от *меня* тошнит? Дружище, у вас явно с чем-то проблемы.

Эдди шагнул к нему. Таможенник секунду стоял на месте, но потом что-то у Эдди в глазах — какой-то безумный цвет, наполовину карий, наполовину голубой — заставило его отступить на шаг. Против воли.

— *Я НИЧЕГО НЕ ВЕЗУ!*— прорычал Эдди. — *ЗАКАНЧИВАЙТЕ УЖЕ! МНЕ НАДОЕЛО! ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!*

Опять тишина. Потом старший обернулся и крикнул кому-то:

— Вы что, не слышали? *Отдайте ему одежду!*

Вот так-то.

2

— Думаете, что за нами хвост? — спросил таксист, и голос его звучал так, словно бы он от души забавлялся.

Эдди повернулся вперед.

— Почему вы это сказали?

— Вы постоянно оглядываетесь назад.

— Да нет, ничего я такого не думал, — сказал Эдди. И сказал чистую правду. Он сразу увидел хвосты, как только в первый раз обернулся. *Хвосты*, а не хвост. Ему и не надо было оглядываться, он и так знал, что его пасут. Этим потенциальным пациентам психушки надо было бы очень постараться, чтоб упустить такси с Эдди в этот майский денек: пробок на дороге не было. — Просто я изучаю порядок движения.

— А-а, — понимающе протянул таксист. В определенных кругах такой странный ответ вызвал бы кучу вопросов, но в Нью-Йорке таксисты не задают вопросов: они заявляют, и частенько весьма торжественно и высокопарно. Большинство их заявлений начинается с восклицания «Этот город!», как будто эти слова — начало какой-нибудь религиозной молитвы, открывающей проповедь... каковыми они в большинстве случаев и являются. Но этот таксист неожиданно выдал: — Потому что, если вы думаете, что за нами хвост, так я вам могу сказать, что нет. Я-то знаю. Этот город! Боже мой! Я сам столько раз висел на хвосте. Вы не поверите, сколько людей влетало в мою машину со словами: «Давай-ка за той машиной!» Звучит как в кино, правильно? Правильно. Но, как говорится, кино — это подобие жизни, а жизнь — подобие кино. Такое бывает на самом деле! А если вдруг нужно

избавиться от хвоста, так это гораздо легче, когда ты сам знаешь, как надо следить. Вы...

Эдди отключился от болтовни таксиста, слушая ровно настолько, чтобы в нужных местах кивать. Но уж если на то пошло, кое-что в разглагольствованиях таксиста было даже забавным. Хвостов было два: синий седан — Эдди подумал, что он принадлежит таможне, — и фургончик с надписью «ПИЦЦА ДЖИНЕЛЛИ» на борту. Было там и изображение пиццы в виде мордашки улыбающегося во весь рот мальчишки. Мальчишка облизывал губы, а под картинкой шла надпись: «ОООООООГО! ЭТО ХОРОООООШАЯ ПИЦЦА», только какой-то юный городской художник с баллончиком краски и примитивным чувством юмора зачеркнул жирной чертой слово «пицца» и написал сверху одно неприличное слово на ту же букву.

Джинелли. Эдди знал только одного Джинелли; он держал ресторанчик под названием «Четыре папаши». Бизнес с пиццами был лишь прикрытием, ширмой. Джинелли и Балазар. Неразлучны, как хот-дог и горчица.

Согласно первоначальному плану, на стоянке аэропорта его должен был ждать лимузин с водителем, чтобы ехать прямо к Балазару, в один кабак в центре города. Но, разумеется, первоначальный план не предусматривал двухчасового сидения в маленькой комнатушке под непрерывным допросом отряда таможенников, пока другой отряд осушал и ворошил содержимое канализационных баков рейса 901 в поисках груза, о существовании которого подозревали все и который не должен был ни раствориться, ни смыться.

Когда он вышел, разумеется, лимузина и в помине не было. У водителя были свои инструкции: если в течение пятнадцати минут после того, как все пассажиры рейса выйдут из здания, «гонец» не появится — быстренько уезжать. Водитель знал, что к чему, и, конечно, не стал бы пользоваться радиотелефоном в машине, передачу которого можно засечь без труда. Балазар, наверное, уже позвонил своим людям, выяснил, что у Эдди проблемы, и сам приготовился к не-

приятному разбирательству. Балазар, может, и знал, что Эдди просто так не расколется. Может, он разглядел в Эдди стержень, но это все-таки не отменяло простого факта, что Эдди — наркоман. А на наркомана нельзя положиться, нельзя рассчитывать на его стойкость.

А поэтому не исключена такая возможность, что, как только фургончик с «пиццей» поравняется с такси, из окна его высунется автомат и зад машины превратится в месиво. Впрочем, если бы его продержали не два часа, а четыре, тогда у него был бы повод для серьезных раздумий, а если бы не четыре, а шесть, тогда бы Эдди уже по-настоящему пригорюнился. Но всего два... уж, наверное, Балазар поверит, что он смог продержаться хотя бы столько. И первым делом он спросит, где товар.

На самом деле Эдди оглядывался на дверь.

Она его зачаровала.

Когда таможенники наполовину вели его, наполовину тащили к зданию аэропорта, он несколько раз оглядывался через плечо, и она была там — невероятно, однако же факт — абсолютно реальная, она как бы плыла в воздухе следом за ним на расстоянии фута три. Он видел неизменные волны, набегающие на берег, бьющиеся о песок; он видел, что там уже вечерело.

Дверь эта была как картинка-загадка со скрытым рисунком: сначала никак невозможно его разглядеть, но когда ты его увидел, ты уже не сумеешь его не заметить, как бы ты ни старался.

Дважды она исчезала, когда стрелок возвращался в свой мир, и это пугало Эдди — тогда Эдди чувствовал себя ребенком, у которого перегорел ночник. В первый раз это случилось во время допроса в таможне.

Мне нужно уйти. Голос Роланда отчетливо прозвучал сквозь какой-то из вопросов, которыми его засыпали таможенники. *Только на пару секунд. Не пугайся.*

Зачем? — спросил Эдди. *Почему тебе нужно уйти?*

— Что такое? — насторожился один из таможенников. — Ты как будто чего-то вдруг испугался? Вид у тебя такой.

Он действительно испугался — и не с виду, а по-настоящему, — но почему, этим кретинам не понять.

Он обернулся через плечо, и таможенники обернулись тоже. Они не увидели ничего, кроме пустой белой стены, покрытой специальными решетчатыми панелями — тоже белого цвета, — чтобы приглушать звук. Эдди увидел дверь, как обычно, на расстоянии трех футов (теперь она была врезана в эту белую стену — путь к отступлению, которого не видел никто из тех, кто его допрашивал). Он увидел еще кое-что: *тварей*, выползающих из волн. *Тварей*, похожих на существ из фильма ужасов, в котором все спецэффекты чуть-чуть специальнее, чем вам бы хотелось, и оттого кажутся натуральными. Твари эти напоминали ужасный гибрид креветки, омара и паука. Они издавали какие-то жуткие звуки.

— У тебя что, глюки? — спросил один из таможенников. — У тебя по стене каракатицы скачут, Эдди?

Это было так близко к правде, что Эдди едва сдержал смех. Теперь он понял, почему этому человеку, Роланду, нужно было вернуться туда: разуму Роланда пока что ничто не грозит, но жуткие существа подбираются к его телу, и у Эдди было смутное подозрение, что если Роланд не уберет в скором времени свое тело подальше оттуда, где оно пребывает сейчас, то весьма вероятно, что у него не останется тела, куда он мог бы вернуться.

Внезапно в сознании у него всплыл мотивчик песни Дэвида Ли Рота «Ой-ой-ой, у меня нееееееету тела...», и на этот раз Эдди действительно рассмеялся. Тут уже ничего он поделать не мог.

— Что тут смешного? — спросил тот же таможенник, который интересовался, не мерещатся ли ему каракатицы.

— Да вся ситуация — обхохочешься, — отозвался Эдди. — В смысле бредовая, а не веселенькая. Я имею в виду, если бы это был фильм, то скорее — Феллини, нежели Вуди Аллена, если вы понимаете, что я хочу сказать.

С тобой все будет нормально? — спросил Роланд.

Да, отлично. ДСД, дружище.

Не понимаю.

Делай свое дело.

А... Хорошо. Я недолго.

И внезапно этот *другой* исчез. Просто исчез. Как тоненькая струйка дыма, которую может развеять малейшее дуновение ветра. Эдди еще раз оглянулся, но не увидел ничего, кроме белых панелей: ни двери, ни океана, ни жутких чудищ — и почувствовал вдруг, как внутри у него все напряглось. Глюками это быть не могло, об этом и речи нет. Товар испарился, и других доказательств Эдди не требуется. И Роланд... он как-то помог. Эдди стало гораздо спокойнее.

— Хочешь, я повешу туда картинку? — спросил один из таможенников.

— Нет. — Эдди тяжело вздохнул. — Я хочу, чтобы вы меня выпустили отсюда.

— Как только скажешь, куда ты дел героин, — утешил другой таможенник. — Или это был кокаин?

И все началось по новой: ходит она кругами, когда остановится, никто не знает.

Через десять минут — десять *долгих* минут — Роланд опять появился. Внезапно: вот его нет, а вот он есть. Эдди почувствовал, что Роланд очень устал.

Сделал что надо? — спросил он.

Да. Извини, что так долго. Пауза. *Мне пришлось ползком.*

Эдди оглянулся. Дверь опять появилась, только теперь вид за ней был немного другим. Значит, так же, как эта дверь движется следом за Эдди здесь, она движется за Роландом там. Эдди невольно поежился. Как будто он связан теперь с Роландом какой-то жуткой пуповиной. Тело стрелка лежало по-прежнему у порога, но теперь Эдди видел длинную полосу прибоя, где разгуливали чудовища, бормоча и ворча. Каждый раз, когда набегала волна, они замирали и поднимали клешни. Как толпа в старых документальных фильмах, где

Гитлер толкает речь и все дружно поднимают руки в старинном приветствии «Зиг хайль!» в таком исступлении, как будто от этого зависит жизнь. А если подумать, то так, наверное, и было. Эдди видел следы на песке — следы муки и невероятных усилий, оставленные стрелком.

Пока Эдди смотрел, одно из страшилищ молниеносно вытянуло клешню и схватило морскую птицу, которая неосторожно пролетела слишком низко над пляжем. Она упала на песок двумя окровавленными кусками. Она еще трепыхалась, когда страшилища в панцирях уже накинулись на нее. Одно белое перышко приподнялось в воздух. Клешня сбила его на песок.

Бог ты мой, оторопело подумал Эдди. *Вы поглядите на этих щелкунчиков!*

— Почему ты все время оглядываешься? — полюбопытствовал очередной таможенник.

— Мне время от времени нужно противоядие.

— От чего?

— От твоей рожи.

3

Таксист высадил Эдди у одного здания в Бронксе, сердечно поблагодарил его за доллар сверху и укатил. Эдди пару секунд постоял на тротуаре, держа в одной руке сумку, в другой — за петельку куртку, перекинутую через плечо. Здесь они с братом снимали двухкомнатную квартиру. Он оглядел здание — монолит в стиле кирпичной коробки. Множество окон делали дом похожим на тюрьму. Вид здания подавлял Эдди так же, как Роланда — *другого* — восхищал.

Никогда, даже в детстве, я не видел такого высокого дома, сказал ему Роланд. *А здесь их так много!*

Угу, согласился Эдди. *Мы живем как в муравейнике. Возможно, тебе это нравится, но скажу тебе, Роланд, все это быстро ветшает. Очень быстро ветшает.*

Синий седан проскочил мимо. Фургончик с пиццей развернулся и подъехал. Эдди напрягся, и Роланд напрягся тоже. Быть может, они все-таки намереваются с ним разделаться.

Дверь? — спросил Роланд. *Может, пройдем? Хочешь?*

Эдди почувствовал, что Роланд готов ко всему, хотя голос его был спокоен.

Не сейчас, сказал Эдди. *Может, они хотят просто поговорить. Но будь готов.*

Он тут же почувствовал, что это предупреждение было излишним: даже погруженный в самый глубокий сон, Роланд будет сохранять бдительность и готовность действовать так, как самому Эдди не дано и в момент наивысшей активности.

Фургончик с улыбающейся рожицей на борту подкатил еще ближе. Окно с пассажирской стороны опустилось. Эдди замер в ожидании у входа в свой дом. Длинная его тень замерла тоже. Он ждал, что покажется из окна: лицо или ствол.

4

Второй раз Роланд оставил его минут через пять после того, как таможенники наконец сдались и отпустили Эдди.

Стрелок поел, но мало. Ему нужна была вода, но больше всего он нуждался в лекарстве. Пока что Эдди не мог помочь ему с лекарством, которое ему действительно необходимо (хотя Эдди подозревал, что Роланд прав и Балазар может помочь ему... если захочет), но даже простой аспирин сбил бы жар, который Эдди почувствовал, когда стрелок подошел к нему, чтобы разрезать ленту. Он остановился перед аптечным киоском в здании аэропорта.

У вас там есть аспирин, в твоем мире?

Ни разу не слышал. Это врачебное средство или волшебное?

И то и другое, я думаю.

Эдди взял упаковку анацина экстрасильного действия, потом зашел в закусочную и купил пару футовых хот-догов и

большую бутылку пепси. Машинально полил «цапли» (так Генри всегда называл хот-доги длиной в фут) горчицей и кетчупом и только потом вдруг вспомнил, что это не для него. Откуда он знает: может быть, Роланд не любит горчицу и кетчуп. Может быть, Роланд вегетарианец. Может быть, от такой пищи он вообще дух испустит.

Ладно, теперь уже поздно, рассудил Эдди. Когда Роланд говорил, когда Роланд *действовал,* Эдди знал, что все это происходит на самом деле. Когда Роланд молчал и никак себя не проявлял, у Эдди опять возникало свербящее чувство, что все это — сон: исключительно достоверный сон, который снился ему на борту самолета, направляющегося в аэропорт Кеннеди, рейс «Дельта»-901.

Роланд говорил, что может переносить еду из этого мира в свой. Он однажды уже это сделал, когда Эдди спал. Эдди верилось с трудом, но Роланд утверждал, что все это — чистая правда.

Так, ладненько. Только нам распускаться нельзя, сказал Эдди. *Ко мне приставили двух таможенников. Вон они, глаз с меня не сводят. С нас. С того, черт возьми, кем я стал с твоей помощью.*

Я знаю, что нам нельзя распускаться, ответил Роланд. *Только их не двое, а пятеро.*

Внезапно Эдди испытал странное чувство. Ничего подобного с ним в жизни не было. Он не двигал глазами, но они *двигались.* Ими двигал *Роланд.*

Парень в тесной майке. Говорит по телефону.

Женщина на скамейке. Роется в сумочке.

Молодой чернокожий парень. Настоящий красавец, если б не заячья губа, которую не исправило до конца и хирургическое вмешательство. Разглядывает футболки в магазинчике, откуда только что вышел Эдди.

С первого взгляда — вполне безобидные люди, но Эдди все-таки распознал их, как эти скрытые картинки в рисунке-загадке: раз их увидев, ты уже их не пропустишь. Эдди почувствовал, что у него горят щеки. Потому что это *другой*

указал ему на то, что он должен был заметить сам. Он засек только двоих. Эти трое замаскировались получше, но все-таки ненамного. Глаза парня у телефона были не пустыми, как это бывает, когда представляешь себе того, с кем ты говоришь. Они были внимательными, всматривающимися... и постоянно косились в ту сторону, где стоял сейчас Эдди. Женщина на скамейке никак не могла найти то, что искала, но вместо того, чтобы бросить это бесполезное занятие, продолжала рыться в сумке. Бесконечно. А у черного было время просмотреть все имеющиеся в магазине футболки уже раз двенадцать.

И внезапно Эдди почувствовал себя так, как будто ему снова пять лет и он боится перейти улицу без Генри, который должен держать его за руку.

Не волнуйся, сказал Роланд. *И не волнуйся о пище. Мне случалось глотать и живых жуков. Иногда я даже чувствовал, как они бегают у меня по глотке.*

Угу, отозвался Эдди. *Но это Нью-Йорк.*

Он взял хот-доги и пепси, перешел на дальний конец стойки и встал спиной к залу. Потом поглядел вверх в левый угол. Выпуклое зеркало формой напоминало чрезмерно удивленный глаз. Он видел всех, кто следил за ним, но они были достаточно далеко и не могли разглядеть хот-доги и пепси. Это хорошо, потому что Эдди не имел ни малейшего представления о том, что должно сейчас произойти.

Положи астин на эти мясные штуки. Потом возьми их в руки.

Аспирин.

Не важно, как оно называется, Узн... Эдди. Просто сделай, как я говорю.

Он вынул из кармана бумажный пакетик с пузырьком анацина и чуть было не положил его на один из хот-догов, но вовремя сообразил, что Роланду будет трудно достать таблетки из пузырька, не говоря уж о том, чтобы его откупорить.

Эдди открыл пузырек, вытряхнул на салфетку три таблетки, подумал и добавил еще три.

Три сейчас, три потом, сказал он. *Если будет это «потом».*

Хорошо. Спасибо.

Что теперь?

Возьми все это в руки.

Эдди поднял глаза к выпуклому зеркалу. Двое таможенников этак небрежно направились к стойке. Может быть, им не понравилось то, что он стоит к ним спиной. Может, почувствовали что-то странное и решили взглянуть поближе. Если что-то должно случиться, лучше, чтобы это случилось побыстрее.

Он взял еду обеими руками, чувствуя тепло сосисок, упрятанных в мягкие белые батоны, и прохладу пепси. В этот момент он был похож на молодого папашу, который тащит съестное своим ребятишкам... а потом еда стала *таять*.

От изумления Эдди вытаращил глаза. Ему показалось, что они сейчас вывалятся из глазниц.

Сосиски просвечивали теперь сквозь батоны, пепси — сквозь пластиковый стакан: темная жидкость с кубиками льда, сохраняющая форму сосуда, которого больше нет.

Потом сквозь сосиски проступил красный прилавок, сквозь пепси — белая стена. Его руки скользнули друг к другу, сопротивление между ними становилось все меньше и меньше... и вот они уже сомкнулись, ладонь к ладони. Еда... салфетки... пепси-кола... шесть таблеток анацина... все, что было у него в руках, исчезло.

Господь Бог выскакивает из табакерки и наяривает на скрипке, подумал Эдди, остолбенев. Потом осторожно поднял глаза к зеркалу.

Дверь исчезла... точно так же, как Роланд исчез из его сознания.

Кушай на здоровье, дружище, подумал Эдди... но был ли этот чужак, который назвал себя Роландом, его другом? Это еще не доказано, верно? Он спас Эдди задницу, это правда, но это еще не значит, что он добрый малый.

И тем не менее Роланд ему нравился... Эдди немножко его опасался, но... Роланд ему нравился.

Может быть, даже со временем он полюбит его, как он любит Генри.

Ешь на здоровье, странный незнакомец, подумал он. *Ешь на здоровье, живи... и возвращайся ко мне.*

Рядом на стойке валялось несколько грязных салфеток, оставшихся после предыдущего клиента. Эдди скомкал их и, выходя из кафе, бросил в мусорное ведро у двери, при этом еще пожевав челюстями, как будто прикончил последний кусок. Он умудрился еще и рыгнуть, проходя мимо черного парня в ту сторону, куда указывали надписи «БАГАЖ» и «ВЫХОД».

— Так и не подобрали себе футболку? — спросил он мимоходом.

— Прошу прощения? — Черный парень оторвался от табло с расписанием рейсов «Американ эйрлайнз», которое якобы изучал.

— Я думал, может, вы ищете майку с надписью «ПОДАЙТЕ НА ПРОПИТАНИЕ РАБОТНИКУ ГОССЛУЖБЫ США», — бросил Эдди и пошел дальше.

Подходя к лестнице, он заметил, как женщина на скамейке поспешно захлопнула сумочку и поднялась.

Бог ты мой, как на параде в День благодарения.

День действительно выдался интересный, и Эдди подозревал, что самое интересное еще впереди.

5

Когда Роланд увидел, что омарообразные твари опять выползают из волн (значит, их появление вызвано не приливом, а темнотой), он оставил Эдди Дина и вернулся на берег, чтобы переползти в безопасное место, пока эти твари еще не нашли его и не сожрали.

Боль. Он ждал ее и приготовился к ней. Он так давно жил с болью, что она стала почти как друг. Однако его ужаснуло, с какой скоростью нарастает жар и убывают силы.

Если прежде он еще не умирал, то теперь уже — наверняка. Есть ли в мире узника такое снадобье, которое может предотвратить скорую смерть? Возможно. Но если он не достанет его в течение шести или восьми часов, то уже можно и не беспокоиться. Если так все пойдет и дальше, его не излечат ни снадобья, ни колдовство. Ни в этом мире, ни в любом другом.

Идти он не может. Придется ползти.

Он уже приготовился к старту, как вдруг его взгляд упал на слипшийся комок ленты и на мешочки с бес-порошком. Если оставить их здесь, омарообразные твари наверняка разорвут их в клочья. Морской ветер разнесет порошок на все четыре стороны. *Туда ему и дорога,* угрюмо подумал стрелок, но допустить этого он не мог. Когда придет время, у Эдди Дина могут возникнуть большие проблемы, если он не сумеет доставить порошок этому человеку, Балазару. Есть люди, которых не стоит обманывать. А Балазар, как Роланд его себе представлял, относится именно к этому типу людей. Таких наколоть невозможно. Он захочет увидеть, за что он выкладывает свои денежки, и пока он этого не увидит, на Эдди будет направлено столько стволов, что их хватило бы на вооружение небольшой армии.

Стрелок подтащил к себе комок клейкой ленты с прилепленными к ней пакетами, повесил его на шею и пополз вверх по берегу.

Он прополз ярдов двадцать — вполне достаточно для того, чтобы считать себя в безопасности, но тут его озарила ужасная и все же по-своему смешная мысль. Он отползает все дальше и дальше от двери. Как, интересно, он собирается через нее проходить, если она теперь далеко позади?

Он обернулся и увидел дверь. Не на песке внизу, а футах в трех у себя за спиной. Мгновение он только тупо смотрел на нее, а потом понял то, что сообразил бы уже давно, если бы не лихорадка и не голоса инквизиторов, которые донимали Эдди своими непрестанными вопросами: *где ты, как ты, почему ты, когда ты* (вопросы эти, казалось, сливались

с вопросами тварей, выползающих из волн на берег: *Дад-а-чок? Дуд-а-чум?*). Как в бреду. Хотя это был не бред.

Теперь, куда бы я ни пошел, дверь будет тащиться за мной, подумал он. *Так же, как и за ним. Теперь она будет все время с нами как проклятие, от которого ты никогда не избавишься.*

Все это было настолько истинным, что не вызывало ни малейших сомнений... как и еще одна вещь.

Если дверь между ними захлопнется, она захлопнется навсегда.

Когда это случится, мрачно подумал стрелок, *он должен будет остаться со мной. На этой стороне.*

Ты, стрелок, прямо-таки образец добродетели! — рассмеялся человек в черном. Похоже, он навсегда поселился в сознании Роланда. *Ты убил мальчика; это было жертвоприношение, которое помогло тебе настичь меня и, как мне кажется, получить эту дверь между мирами. Теперь ты намерен извлечь свою тройку, одного за другим, обрекая их всех на то, чего бы ты никогда не хотел для себя: жить в чужом мире, где они могут погибнуть, как звери из зоопарка, выпущенные в дикий лес.*

Башня, в исступлении подумал Роланд. *Как только я доберусь до Башни и сделаю то, что я должен сделать... великий акт восстановления или же искупления, который мне предназначено совершить... тогда, возможно, они...*

Но пронзительный смех человека в черном, человека, который умер, но продолжал жить в воспаленном сознании стрелка, не дал ему закончить мысль.

Однако даже мысль о предательстве, которое он замышлял, не смогла бы заставить его свернуть с избранного пути.

Он прополз еще ярдов десять, оглянулся и увидел, что даже самое крупное из омарообразных чудовищ не решается отползти дальше чем за двадцать футов от линии прилива. А он уже преодолел расстояние в три раза большее.

Ну что ж, хорошо.

Ничего хорошего, весело отозвался человек в черном. *И ты это знаешь.*

Заткнись, подумал стрелок, и, как ни странно, голос действительно умолк.

Роланд засунул мешочки с бес-порошком в расщелину между двумя камнями, накрыл их охапкой вырванной сорной травы, потом отдохнул немного: голова гудела, как котел с кипящей водой, его бросало то в жар, то в холод — и перекатился через дверь в другой мир, в другое тело, оставив на время свое, смертельно зараженное, лежать на земле.

6

Вернувшись к себе во второй раз, он вошел в тело, погруженное в такой глубокий сон, что на мгновение ему показалось, что тело его находится уже в коматозном состоянии... состоянии, когда все функции организма ослаблены до такой степени, что временами кажется, будто сознание начало угасать.

Этого он и опасался. Он заставил тело свое проснуться, толчками и пинками выгоняя его из темной пещеры, куда оно заползло. Он заставил сердце ускорить ритм, нервы — снова воспринимать боль, которая, опалив кожу, вернула плоть к суровой реальности.

Теперь была ночь, на небе сияли звезды. Эти штуки, похожие на длинные бутеры, которые Эдди купил для него, были как маленькие кусочки тепла посреди ночного холода.

Какие-то они странные. Ему не хотелось их есть, но все же придется. Однако сначала...

Он посмотрел на белые таблетки у себя в руках. *Астин,* назвал их Эдди. Нет, он назвал их как-то по-другому, но Роланд не мог произнести это слово так, как произнес его узник. В любом случае это лекарство. Лекарство из другого мира.

Если что-то из твоего мира и может мне повредить, Узник, угрюмо подумал он, *то это скорее снадобья, а не бутеры.*

И все же придется ему принять эти пилюли. Не те, которые ему действительно необходимы — по крайней мере так считал Эдди, — но они должны сбить жар.

Три сейчас, три потом. Если будет это «потом».

Он положил три таблетки в рот, потом снял крышку — из какого-то странного белого материала, не бумаги и не стекла, однако немножко похожего и на то и на другое — с бумажного стакана с питьем и запил их.

Первый глоток несказанно его изумил: он мгновение просто лежал, привалившись к камню, в его широко распахнутых спокойных глазах отражался свет звезд, и если б случилось кому пройти мимо, он бы принял Роланда за труп. А потом он принялся жадно пить, держа стакан обеими руками, почти не чувствуя ужасной тукающей боли в обрубках пальцев, — так поглотило его новое ощущение.

Сладко! Боги всевышние, сладко! Какая сладость! Какая...

Маленький кусочек льда попал не в то горло. Стрелок закашлялся, похлопал себя по груди и выкашлял льдинку. Теперь его мозг пронзила новая боль: серебристая боль, возникающая, когда пьешь что-то очень холодное слишком быстро.

Он лежал неподвижно, тихо, но сердце билось в груди, точно двигатель, вышедший из-под контроля. Свежая энергия влилась в его тело так быстро, что, казалось, сейчас оно взорвется. Роланд оторвал от рубахи еще полоску — скоро от нее ничего не останется, кроме воротника, — и положил ее на колено. Когда он допьет, он замотает лед в тряпку и приложит его к раненой руке. Он делал все это не думая, мысли его блуждали в иных сферах.

Сладко! — снова и снова выкрикивал он про себя, пытаясь постичь смысл, таящийся в этом, или убедить себя, что смысл в этом есть, точно так же, как Эдди пытался убедить себя в том, что другой существует, что это не какой-нибудь спазм сознания, когда ты обманываешь сам себя. *Сладко! Сладко! Сладко!*

В этом темном питье сахару было даже больше, чем в кофе Мартена, который этот великий чревоугодник, скрывавшийся за суровой внешностью аскета, пил по утрам и в периоды тяжелых депрессий.

Сахар... белый... порошок...

Взгляд стрелка невольно обратился к мешочкам с зельем, едва заметным под травой, которой он их укрыл, и Роланд даже подумал, уж не одно ли и то же это вещество: то, которое в мешочках, и то, которое у него в питье. Когда Эдди был здесь на берегу, когда они были двумя людьми, он прекрасно понимал стрелка, и Роланд подозревал, что, если он сможет переместиться в мир Эдди физически, в своем теле (а он знал инстинктивно, что это *возможно*... хотя, если дверь захлопнется, когда он будет там, он останется там навсегда, как и Эдди останется здесь навсегда, если они поменяются ролями), он тоже будет понимать его язык. Побывав в сознании Эдди, он понял, что в основе своей языки этих двух миров похожи. Похожи, но все-таки это разные языки. У них, например, «сварганить» означает «приготовить что-нибудь поесть». Значит... не исключено, что то снадобье, которое Эдди называет *кокаин*, в мире стрелка называется *сахар*?

Но, подумав как следует, он решил, что нет. Эдди купил это питье открыто, зная, что за ним наблюдают люди, которые служат жрецам таможни. Потом Роланд вспомнил, что тот заплатил за питье относительно недорого. Даже меньше, чем за бутеры с мясом. Нет, сахар не кокаин. Только Роланд не мог понять, зачем нужен этот кокаин или любое другое запретное зелье в мире, где такое сильное средство, как сахар, настолько доступно и дешево.

Он опять поглядел на мясные бутеры, ощутил первый приступ голода... и осознал с изумлением и смущенной благодарностью, что *чувствует себя лучше*.

Почему? Из-за питья? Или из-за сахара в питье?

Отчасти да, но вряд ли только поэтому. Когда ты устал, сахар может на какое-то время восстановить силы; это он знал еще с детства. Но утолить боль или унять лихорадочный жар в твоем теле, когда заражение превратило его в раскаленную топку... нет, сахаром здесь не поможешь! Но именно это с ним и произошло. И все еще происходит.

Дрожь прекратилась. Пот на лбу высыхал. Рыболовные крючки, дравшие ему горло, как будто исчезли. Факт неве-

роятный, но все-таки неоспоримый. Это не воображение, не стремление выдать желаемое за действительное (кстати сказать, стрелок давно не позволял себе подобные вольности — так давно, что уже и забыл, что такое вообще возможно). Пальцы руки и ноги, которых не было, по-прежнему исходили болью, но даже и эта боль слегка притупилась.

Роланд запрокинул голову, закрыл глаза и вознес благодарственную молитву Богу.

Богу и Эдди Дину.

Не совершай ошибки, Роланд, не давай себе привязаться к нему, поднялся голос из самых глубин сознания: не нервный, чуть-чуть истеричный голос человека в черном и не грубый — Корта. А голос отца — или так стрелку показалось. *Ты же знаешь: все, что он делает для тебя, он делает ради собственных интересов. И эти люди — хоть они и инквизиторы — частично или даже полностью правы в своих подозрениях. Он — сосуд слабый, и задержали его не напрасно. В нем есть сталь, я этого не отрицаю. Но в нем есть и слабость. Он как Хакс, повар. Хакс отравлял людей неохотно... но от этого крики людей, у которых горели внутренности, не становились тише. И есть еще причина остерегаться...*

Но Роланду не нужен был голос, чтобы знать эту другую причину. Он видел ее в глазах Джейка, когда мальчик начал уже понимать, какова цель стрелка.

Не совершай ошибки, не давай себе привязаться к нему.

Совет хороший. Не стоит питать добрых чувств к тем, кому ты неизбежно сделаешь плохо, иначе тебе будет плохо тоже.

Помни о своем долге, Роланд.

— Я никогда о нем не забываю, — прохрипел он, обращаясь к звездам, безжалостно льющим свой свет на землю, и волнам, набегающим на песок, и омарообразным чудищам, выкрикивающим свои идиотские вопросы. — Этот долг — мое проклятие. А если уж я проклят, зачем отступать?

Он принялся за бутеры, которые Эдди назвал «собаками»*.

Хот-дог — дословно: горячая собака *(англ.)*. — *Примеч. ред.*

Роланда не слишком-то привлекала идея есть мясо собаки, и вкус у него по сравнению с танцующей рыбой был как у подметки, но после такого изумительного питья стоит ли привередничать? Нет, не стоит. К тому же он уже слишком далеко зашел, чтобы беспокоиться о таких мелочах.

Он съел все до последней крошки и вернулся туда, где сейчас находился Эдди: в какой-то волшебной карете, летящей по дороге, залитой металлом, запруженной такими же странными экипажами... дюжины, если не сотни... и все до единого без лошадей.

7

Фургончик из пиццерии подъехал. Эдди стоял, приготовившись. Роланд внутри приготовился тоже.

Просто еще одна версия сна Дианы, подумал Роланд. *Что там в ларце? Золотой кубок или ядовитая змея? И как только она повернула ключ и взялась рукой за крышку, мама позвала ее: «Просыпайся, Диана! Пора завтракать!»*

О'кей, мысленно отозвался Эдди. *Ну и что же там будет? Дева прекрасная или тигр?*

Из пассажирского окошка фургончика выглянул человек с бледным прыщеватым лицом и большими зубами.

— Привет, Кол, — выдавил Эдди без особого энтузиазма. Рядом с Колом Винсентом восседал за рулем старина Двойной Уродец, так Генри за глаза называл Джека Андолини.

Но никогда в глаза, добавил про себя Эдди. Нет, конечно же, нет. Назвать так Джека в глаза — верный способ самоубийства. Огромный мужик с узким лбом пещерного человека и громадной челюстью прирожденного киллера. Супруга его приходилась родственницей Энрико Балазару... не то племянница, не то кузина, хрен его знает кто. Его громадные руки сжимали руль, точно лапы обезьяны, вцепившейся

в ветку. Из ушей пучками торчала жесткая щетина. Сейчас Эдди видел одно волосатое ухо. Джек Андолини сидел к нему в профиль и не думал поворачиваться.

Старина Двойной Уродец. Но даже Генри (который, как пришлось признать Эдди, не всегда отличался прозорливостью) никогда не назвал бы Джека Двойным Тупицей. Колин Винсент всегда был прославленным идиотом, и таким он и останется. А вот Джеку, при всей его внешности неандертальца, хватило ума заделаться первым помощником Балазара и первым же его замом. Эдди не понравилось, что Балазар прислал человека такого масштаба. Совсем не понравилось.

— Привет, Эдди, — откликнулся Кол. — Мы слышали, у тебя проблемы.

— Спасибо, я сам с ними справился. — Эдди вдруг поймал себя на том, что почесывает то одну, то другую руку. Типичное движение закоренелого наркомана, от которого ему все-таки удалось удержаться во время допроса в таможне. Он заставил себя прекратить чесаться. Но Кол уже улыбался, и Эдди едва сдержал могучий порыв врезать кулаком по этой гнусной улыбающейся роже, да так, чтобы кулак вышел с той стороны. Он бы, наверное, так и сделал... если б не Джек. Джек по-прежнему сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, и, казалось, думал свои примитивные думы — человек, который воспринимает мир в виде набора элементарных цветов и простейших ходов, ибо большего человек таких зачаточных интеллектуальных способностей (как подумал бы всякий, раз взглянув на него) воспринять просто не может. И все же Эдди не сомневался, что за день Джек способен увидеть больше, чем Кол Винсент за всю свою жизнь.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Кол. — Это хорошо.

Молчание. Кол, улыбаясь, глядел на Эдди — ждал, когда того опять одолеет наркоманский зуд и он будет почесываться, переминаясь с ноги на ногу, как ребенок, которому нужно в уборную. Ждал, когда Эдди начнет выспрашивать, что случилось и нет ли у них случайно с собой порошка.

Но Эдди молча смотрел на него. Теперь он не чесался, теперь он вообще не шевелился.

Легкий ветерок гнал через стоянку обертку от «Ринг-Динга». Тишину нарушали только шелест ее об асфальт и холостое жужжание клапанов фургона.

Понимающая улыбка Кола дрогнула.

— Забирайся к нам, Эдди, — сказал Джек, не повернув головы. — Давай прокатимся.

— Куда? — спросил Эдди, прекрасно зная ответ.

— К Балазару. — Джек так и не обернулся, только провел рукой по баранке. На среднем пальце правой его руки сверкнуло массивное золотое кольцо с ониксом, который торчал из металла, точно глаз гигантского насекомого. — Он интересуется, что с товаром.

— Товар у меня. Все нормально.

— Вот и славно. Значит, и не о чем волноваться. — Джек Андолини по-прежнему смотрел прямо перед собой.

— Но мне сперва нужно подняться к себе, — сказал Эдди. — Переодеться, поговорить с Генри...

— И не забудь принять дозу, — осклабился Кол, обнажив крупные желтые зубы. — Вот только принять-то, чувак, тебе нечего.

Дад-а-чум? — подумал в сознании Эдди стрелок, и они оба невольно вздрогнули.

Кол это заметил, и улыбка его стала шире. *А-а, вот и он, Эдди,* говорила его улыбка. *Старый добрый наркоманский зуд. А то я уже было начал переживать.* Желтые зубы, обнаженные в этой улыбке, тоже не улучшали общего впечатления.

— Это еще почему?

— Мистер Балазар подумал, что для всех будет лучше, если на хате у вас будет чисто, — пояснил, не повернув головы, Джек. Он продолжал наблюдать за миром: занятие, по мнению любого стороннего наблюдателя, для такого индивидуума невозможное. — На случай, если кто-то решит проверить.

— Например, люди с ордером от федеральных властей, — добавил Кол. Мордоворот его так и сиял злорадством. Эдди почувствовал, что и Роланду тоже хочется врезать по этим гнилым зубам, которые делают гнусную эту улыбку еще гаже, хотя гаже уже некуда. Это совпадение побуждений немного его подбодрило. — Он нанял уборщиков, чтобы помыли стены и пропылесосили ковры, и заметь, Эдди, он ни цента с вас не возьмет за все это!

А вот сейчас ты спросишь, нет ли у меня чего, говорила улыбка Кола. *О да, сейчас ты спросишь, Эдди, мой мальчик. Потому что ты можешь и не любить кондитера, но конфетки ты любишь, верно? И теперь, когда ты знаешь, что Балазар позаботился, чтобы ваши заначки накрылись тем самым местом...*

Внезапная мысль, мысль неприятная и пугающая, сверкнула в его мозгу. Если они забрали их запасы...

— Где Генри? — спросил он так резко, что Кол в изумлении отшатнулся.

Джек Андолини все-таки повернул голову. Так медленно, словно это священное действо он исполнял только изредка и ему это стоило невероятных усилий. Так и казалось, что в толще его мощной шеи сейчас заскрипят несмазанные шарниры.

— В безопасности, — изрек он и так же медленно вернул голову в первоначальное положение.

Эдди стоял перед фургончиком, борясь с паникой, что поднималась в его сознании и грозила оборвать ход связных мыслей. Внезапно потребность ширнуться, с которой он до сих пор так успешно справлялся, стала невыносимой. Ему надо ширнуться. Тогда он сможет думать, возьмет себя в руки...

Прекрати! — проревел Роланд у него в голове. Так громко, что Эдди невольно поморщился (а Кол, приняв эту гримасу боли и изумления за очередной приступ наркоманского зуда, снова расплылся в улыбке). *Прекрати! Тебе нужен контроль над собой, я его тебе обеспечу!*

Ты не понимаешь! Он мой брат! Мой гребаный брат! Балазар забрал моего брата!

Ты так говоришь, будто я никогда этого слова не слышал. Ты за него боишься?

Да! Боже мой, да!

Тогда делай то, что они ждут от тебя. Кричи. Ной и проси. Проси эту твою дозу. Я уверен, они этого ждали, и у них с собой есть. Делай все это, чтобы оправдать их ожидания, и тогда ты уже можешь не сомневаться в том, что все твои опасения подтвердятся.

Я не понимаю, о чем ты...

Если ты сейчас перед ними наложишь в штаны, тогда они точно прибьют твоего драгоценного братца. Ты этого хочешь?

Ладно. Я буду держаться. Может быть, это звучит по-дурацки, но я буду держаться.

Ты это так называешь? Ладно. Тогда держись.

— Мы не так договаривались, — сказал Эдди, обращаясь через голову Кола непосредственно к Джеку Андолини. — Не для того я носился с товаром Балазара как с писаной торбой, и держал язык за зубами, хотя любой другой на моем месте уже выдал бы список имен для смягчения приговора из расчета по пять за каждый скинутый год отсидки.

— Балазар решил, что с ним твоему брату будет безопаснее, — ответил Джек не оборачиваясь. — Он взял его под свою защиту.

— Тогда ладно. Поблагодари его за меня и скажи, что я прибыл, товар в сохранности и я сам могу позаботиться о Генри, как Генри всегда заботился обо мне. Скажи ему, что у меня все схвачено. Когда мы встретимся с Генри, мы распределим товар, а потом сядем в нашу машину, поедем в город и тогда уже сделаем все, как нужно. Как договаривались.

— Балазар хочет с тобой повидаться, Эдди. — Голос Джека был непреклонен и неумолим. Голова его не повернулась. — Садись в машину.

— А пошел ты туда, куда солнышко не заглядывает, мать твою, — сказал Эдди и направился к своему подъезду.

8

Идти было недалеко, но не прошел он и полпути, как рука Андолини схватила его за плечо с парализующей силой тисков. Сам он дышал в шею Эдди горячо, как бык. Он проделал все это за пару секунд, а судя по его туповатому виду, можно было предположить, что за это время мозг его не успел бы дать команды руке, чтобы та открыла дверцу.

Эдди обернулся.

Держись, Эдди, прошептал Роланд.

Держусь, отозвался Эдди.

— За такое мне бы надо тебя убить, — сказал Андолини. — Я бы ни от кого не потерпел, чтобы меня посылали в задницу, и особенно от такого засранца и мелкого наркомана, как ты.

— *Ну так убивай!* — выкрикнул Эдди, но это был крик рассчитанный. Крутой крик, если так можно выразиться. Они стояли на тротуаре, две темные фигуры в горизонтальных лучах весеннего заката, на пустынной улице Ко-Оп-сити в Бронксе. И люди слышали крик, слышали слово «убей», и если их радиоприемники были включены, они прибавляли звук, если же выключены, то сначала включали, а потом прибавляли звук. Потому что так лучше, так безопаснее.

— *Рико Балазар не сдержал слова! Я, значит, свое обязательство выполнил, а он меня кинул! Так что пошел-ка ты в задницу, это я тебе говорю. И ему тоже скажу, пусть идет в задницу. Я любому скажу, пусть идет в задницу!*

Андолини вытаращился на него. Глаза его были такими темными, что цвет их, казалось, просачивается в белки, и от этого они стали желтыми, как старый пергамент.

— *Я бы и президенту Рейгану сказал, чтобы он убирался в задницу, если бы он не сдержал данного слова, а если у него там ректальный полип, или как там оно называется, то пусть все равно идет в задницу — ничего, как-нибудь продерется.*

Слова отскочили эхом от кирпича и бетона. Единственный ребенок с очень черной кожей в белых баскетбольных

трусах и высоких кроссовках стоял на игровой площадке на той стороне улицы и наблюдал за ними, держа мяч на сгибе локтя.

— Ты закончил? — осведомился Андолини, когда все затихло.

— Да, — сказал Эдди совершенно нормальным голосом.

— О'кей, — подытожил Андолини, разжал свои обезьяньи пальцы и улыбнулся... и когда он улыбнулся, случились сразу две вещи: во-первых, в нем появился какой-то шарм, столь неожиданный, что он мог бы обезоружить любого, а во-вторых, стало видно, что он действительно умен. Опасно умен. — А теперь, может, начнем все сначала?

Эдди провел ладонью по волосам, на мгновение сложил руки, чтобы почесать обе одновременно, и сказал:

— Наверное, лучше поедем. Все равно разговор этот ни к чему не приведет.

— О'кей, — согласился Андолини. — Никто ничего не сказал, никто никого не обидел. — И добавил еще, не повернув головы и не нарушив размеренного ритма речи: — Иди через заднюю дверь, бестолочь.

Кол Винсент, осторожно выбравшийся из фургончика через дверь с водительской стороны, которую Андолини оставил открытой, поспешно залез обратно, так что даже ударился головой. Он протиснулся на свое прежнее место и с мрачным видом принялся потирать ушибленную башку.

— Ты должен был сообразить, что положение изменилось, когда тебя зацапали на таможне, — задумчиво проговорил Андолини. — Балазар — большой человек. У него интересы, которые он защищает. *Люди,* которых он защищает. И один из этих людей, так уж вышло, — твой брат Генри. Думаешь, я тебе заливаю? Если да, то лучше подумай о том, каково сейчас Генри.

— С Генри все в порядке, — сказал Эдди. Но он знал правду, и голос выдал его. Он сам услышал и понял, что Джек Андолини услышал тоже. В последнее время Генри все время ходил под кайфом. На рубашке его красовались дыры,

прожженные сигаретой. Он порезался электрическим консервным ножом, когда открывал банку с кормом для Потси, их кошки. Эдди не понимал, как можно порезаться электрическим консервным ножом, но Генри все-таки умудрился. Время от времени Генри не убирал со стола отходы «наркопроизводства», и иной раз Эдди находил в раковине обгорелую ложку.

Генри, говорил он тогда. *Так нельзя, Генри. Ты хоть компромат убирай, а то нас обоих подставишь.*

Да, о'кей, братишка, отвечал ему Генри. *Все путем, у меня все под контролем.* Но иногда, глядя на пепельно-бледное лицо Генри, в его потухшие глаза, Эдди понимал, что Генри больше уже ничего не сумеет держать под контролем.

На самом деле он хотел сказать Генри совсем другое. *Хотел,* но не мог. И вовсе не потому, что его непременно повяжут, что их обоих повяжут, если так пойдет и дальше. Он *хотел* сказать вот что: *Генри, ты как будто ищешь место, где умереть. Так мне кажется, и я хочу, чтобы ты завязал к чертям. Потому что, если ты умрешь, ради чего мне тогда жить?*

— С Генри *не все* в порядке, — сказал Джек Андолини. — За ним нужно приглядывать. Ему нужен... как там поется? Мост над бурными водами. Вот что ему нужно. Мост над бурными водами. Этот мост — Il Roche.

Il Roche — это мост в ад, подумал Эдди, а вслух спросил:

— Так Генри у него? У Балазара?

— Да.

— Я отдам Балазару его товар, а он мне отдаст Генри?

— И твой товар, — напомнил ему Андолини. — Не забывай.

— То есть, иными словами, все пойдет, как и было условлено?

— Точно так.

— А теперь ты мне скажи, как ты это себе представляешь. Ну давай, Джек. Скажи. Я хочу посмотреть, сумеешь ли ты не измениться в лице. Я хочу посмотреть, насколько вырастет твой носище.

— Я тебя не понимаю, Эдди.

— Само собой, ты меня понимаешь. Балазар думает, будто товар у меня *с собой*? Если так, то он должен быть идиотом, а я знаю, что он не идиот.

— Я не знаю, о чем он думает, — невозмутимо проговорил Андолини. — О чем он думает, не мое дело. Он знает, что товар был у тебя, когда ты вылетал с Островов. Он знает, что тебя загребли на таможне, а потом отпустили с миром. Он знает, что ты поехал домой, а не в кутузку, и знает, что его товар где-то есть.

— И знает еще, что таможня за мной следит, потому что ты это знаешь и ты сообщил ему кодом по телефону. Что-то вроде «двойная с анчоусами и сыром», правильно, Джек?

Джек Андолини молчал с невозмутимым видом.

— Только он это знает и без тебя. Все равно что соединить точечки на картинке, которую ты изучил заранее.

Андолини стоял, омываемый золотым светом заходящего солнца, который постепенно оранжевел. По-прежнему молча и по-прежнему с невозмутимым видом.

— Он думает, что меня перевербовали. Он думает, я такой идиот, что меня можно перекупить. В принципе я его не виню. Почему бы и нет? Наркоман на все способен. Хочешь, проверь, нет ли на мне передатчика.

— Я знаю, что нет, — отозвался Андолини. — У меня есть одна штука в фургоне. Что-то вроде прибора для радиолокационных помех, ловит только коротковолновые передачи. Но, что важнее, я знаю, что ты не работаешь на федералов.

— Да?

— Да. Ну что, садимся в машину и едем или как?

— У меня есть выбор?

Нет, произнес у него в голове Роланд.

— Нет, — сказал Андолини.

Эдди вернулся к фургону. Мальчик с баскетбольным мячом все еще стоял на площадке на той стороне, тень его выросла до гигантских размеров.

— Давай отсюда, малыш, — крикнул ему Эдди. — Тебя здесь не было, ты ничего не видел. Угребывай.

Мальчишка пустился бегом.

Кол глядел на него и лыбился.

— Подвинься, дружочек, — сказал ему Эдди.

— По-моему, тебе будет удобнее в середине, Эдди.

— Подвинься, — процедил Эдди. Кол поглядел на него, потом покосился на Андолини, но тот даже не повернулся к нему: захлопнул дверцу и уставился прямо перед собой, невозмутимый, как Будда, предоставив им разбираться самим, кто куда сядет. Кол еще раз поглядел на Эдди и решил подвинуться.

Они мчались по улицам Нью-Йорка — и стрелок (он в изумлении глядел на высокие шпили изящных построек, на мосты, что висели над широкой рекой стальной паутиной, и на воздушные экипажи с винтами, которые зависали в небе, точно странные рукотворные насекомые) не мог знать, что они едут к Башне.

9

Как и Джек Андолини, Энрико Балазар не думал, что Эдди работает на федералов; как и Андолини, он это знал.

Бар был пуст. На двери висела табличка: «ЗАКРЫТО. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ». Балазар сидел у себя в кабинете, дожидаясь Андолини и Кола Винсента с малышом Дином. Два его телохранителя, Клаудио Андолини, брат Джека, и Чими Дретто, обретались здесь же. Они сидели на мягкой софе слева от громадного письменного стола и завороженно наблюдали, как растет величественное карточное сооружение, которое Балазар возводил у себя на столе. Дверь закрывать не стали. Сразу за дверью шел небольшой коридорчик: направо — к подсобке бара и маленькой кухоньке, где готовились простенькие блюда из макарон, налево — в бухгалтерию и кладовку. В бухгалтерии еще трое из Балазаровых «джентль-

менов» — так их называли — развлекали Генри Дина настольной игрой «Пустое занятие».

— О'кей, — сказал Джордж Бьонди, — вот легкий вопрос, Генри. Генри? Генри, ты где? Прием, это Земля. Даю посадку. Прием. Повторяю: даю посадку, Генр...

— Да здесь я, здесь, — откликнулся Генри. Голос его был невнятным, как у сонного мужа, который бурчит разбудившей его жене, что да, он уже проснулся и пусть она от него отстанет хотя бы на пять минут.

— О'кей. Раздел «Искусство и развлечения». Вопрос... Генри? Не отключайся, когда я с тобой разговариваю, ты, жопенция!

— Да не отключаюсь я, не отключаюсь! — раздраженно выкрикнул Генри.

— О'кей. Вопрос. В каком популярном романе Уильяма Питера Блэтти, действие которого разворачивается в Вашингтоне, в районе Джорджтауна, повествуется о маленькой девочке, одержимой дьяволом?

— Джонни Кэш, — ответил Генри.

— Боже правый! — воскликнул Трикс Постино. — Ты же так отвечаешь на все вопросы! Чего ни спроси — Джонни Кэш, и хоть ты убейся! *На все* — Джонни Кэш.

— Джонни Кэш, он и есть *все,* — выдал Генри вполне серьезно, и на мгновение зависла тишина — настолько все были ошарашены... а потом грохнул хохот, причем смеялись не только те, кто сидел в комнате с Генри, но и два «джентльмена», засевшие в кладовой.

— Хотите, я закрою дверь, мистер Балазар? — тихонько спросил Чими.

— Нет, не нужно. И так хорошо, — буркнул в ответ Балазар. Он был сицилийцем во втором поколении, но в речи его не проскальзывало никакого акцента; кстати, речь Балазара не выдавала и человека, который все свое образование получил на улице. В отличие от многих своих партнеров по бизнесу он закончил среднюю школу. И более того: два года он посещал школу бизнеса при Нью-Йоркском университете.

Голос его, как и методы ведения дел, был спокойным, культурным и «американским», вот почему его внешность была так же обманчива, как и внешность Джека Андолини. Люди, которые в первый раз слышали его чистое, без акцента, американское произношение, всегда изумлялись, как будто перед ними выступал искусный чревовещатель. Выглядел он как фермер, или трактирщик, или мелкий мафиозо, который достиг успехов отнюдь не своими мозгами, а лишь потому, что в нужное время оказался в нужном месте. Умники предыдущего поколения назвали бы его «Усатым сейфом». Этот толстяк одевался всегда по-крестьянски. В тот вечер на нем была простая белая хлопчатобумажная рубашка с расстегнутым воротом (под мышками расплывались пятна пота), простые серые штаны из саржи, коричневые мокасины на босу ногу, такие стоптанные, что они походили скорее не на туфли, а на домашние шлепанцы. Икры его покрывала сетка багрово-синих варикозных вен.

Чими и Клаудио как завороженные наблюдали за ним.

В прежние времена его называли Иль-Роке — Скала. Кое-кто из стариков называл его так до сих пор. В правом верхнем ящике стола, где другие бизнесмены хранят папки, ручки, скрепки и прочую канцелярию, Энрико Балазар держал три колоды карт. Однако он не играл в карты.

Он из них строил.

Сначала брал две первые карты, наклонял их друг к другу, и получалась фигура в форме буквы «А» — только без горизонтальной палочки. Рядом он ставил еще одну такую фигуру и клал сверху карту, делая крышу. Он ставил одно А за другим, ряд за рядом, этаж за этажом, и в конце концов на столе у него вырастал карточный домик. Если нагнуться и заглянуть в него сбоку, увидишь что-то вроде пчелиного улья, но с ячейками треугольной формы. Чими уже не одну сотню раз видел, как эти домики падали (Клаудио тоже видел, но меньше, потому что был на тринадцать лет моложе Чими, уже поговаривавшего о скором уходе на пенсию и собиравшегося уехать со своей стервой женой на ферму, которую они

приобрели в Нью-Джерси, и там посвятить все свое время саду... и обширной программе, целью которой было пережить эту стерву, на которой он имел глупость жениться; но не тещу — он давно уже оставил надежду поесть fettucini на поминках Зверюги. Зверюга вечна. Но надежда на то, что он сумеет пережить свою стерву супружницу, все же была. Отец его любил повторять одну фразу; если перевести ее на нормальный язык, то получится что-то вроде: «Бог ссыт тебе на голову каждый день, но утонешь ты один раз», но Чими все-таки верил, что Бог не такой уж и плохой парень, так что он не терял надежды пережить если не двух, то хотя бы одну), но чтобы Балазар из-за этого психанул, он видел всего лишь раз. В большинстве случаев домики рушились случайно: кто-то сильно хлопал дверью в соседней комнате или пьяный, споткнувшись, вписывался в ближайшую стену. Иной раз Чими видел, как сооружения мистера Балазара (которого он до сих пор называл «Папа Босс», как одного героя в комедии Честера Гоулда), возводившиеся не один час, падали оттого, что музыка в баре играла слишком громко. Иной раз эти воздушные конструкции рушились вообще безо всяких причин. А однажды — эту историю Чими пересказывал тысяч пять, наверное, раз, и всем (кроме него самого) она уже осточертела — Папа Босс взглянул на него поверх руин и изрек: «Вот видишь, Чими? Вот ответ всякой матери, проклинающей Бога за то, что ее ребенок погиб ни за что ни про что, любому отцу, которого выгнали с фабрики, лишив работы, любому ребенку, который рожден для боли и спрашивает: «За что?» Наши жизни — как эти домики. Иногда они падают по какой-то причине, иногда они падают безо всяких причин».

Карлочими Дретто считал, что это самое мудрое определение человеческой жизни, какое он когда-либо слышал.

Как-то Балазар действительно психанул, когда его домик упал. Случилось это лет двенадцать назад. А может, и все четырнадцать. Какой-то парень зашел к нему насчет выпивки. Парень, как говорится, без шика и без манер. Воняло от него так, как будто он мылся не чаще раза в год. Одним словом,

ирландишка. И, разумеется, он пришел насчет выпивки. Ирландцев всегда интересует только спиртное, а не курево или, скажем, не ширево. И этот ирландишка, он подумал, что сооружение на столе Папы Босса — это просто забава. «Загадай желание!» — заорал он дурным голосом после того, как Балазар терпеливо ему разъяснил, как джентльмен джентльмену, почему у них не получится вместе вести дела. И тогда этот ирландишка, один из этих парней с рыжими волосами и такой бледной мордой, как будто у них застарелый туберкулез или что-нибудь в этом роде, один из этих, чьи имена начинаются на «О» с такой маленькой закорючкой между этим «О» и настоящим их именем, *дунул* на стол Папы Босса, как какой-нибудь niño* задувает свечи на пироге к дню рождения, и карты разлетелись прямо в лицо Балазару, и Балазар открыл левый верхний ящик стола, где другие бизнесмены хранят свои записные книжки и прочую канцелярию, вытащил свой 45-й и разрядил его в голову этому ирландишке, и при этом лицо Балазара не изменилось, а после того, как Чими и еще один парень по имени Трумэн Александр, который года четыре назад умер от сердечного приступа, закопали ирландишку под каким-то курятником где-то возле Седонвилла, штат Коннектикут, Балазар сказал Чими:

— Человеку надлежит возводить здания, дружок. А разрушать их надлежит лишь Богу. Согласен?

— Да, мистер Балазар. — Чими был согласен.

Балазар удовлетворенно кивнул.

— Вы все сделали, как я сказал? Пристроили мальчика в таком месте, где на него будут гадить куры, и утки, и прочая живность?

— Да.

— Вот и славно, — невозмутимо проговорил Балазар и вынул новую колоду из правого верхнего ящика.

Для Балазара, Иль-Роке, одного уровня было мало. Поверх крыши первого уровня он строил второй, только уже чуть

---

* Niño — маленький мальчик (*исп.*). — *Примеч. ред.*

поуже, поверх второго — третий, поверх третьего — четвертый. И еще выше. Но после четвертого ему приходилось вставать. И тебе больше не нужно было нагибаться, чтобы заглянуть внутрь, где ты видел уже не ряды треугольничков, а изумительный, хрупкий и невообразимо прекрасный чертог из алмазных граней. Если смотреть слишком долго, то голова начинала кружиться. Однажды Чими побывал в «Лабиринте зеркал» на Кони-Айленде. Так ощущение было точно такое же. Больше он не ходил туда никогда.

Чими говорил (он был уверен, что никто ему не верит; а, по правде сказать, всем было до фонаря), что однажды он видел, как Балазар выстроил уже не карточный домик, а карточную башню, которая, прежде чем рухнуть, поднялась на девять уровней. Чими и не подозревал, что всем, кому он об этом рассказывал, было в высшей степени наплевать, поскольку каждый считал своим долгом изобразить искреннее восхищение, ведь Чими был приближенным Папы Босса. Но они бы действительно восхитились, без дураков, если бы Чими нашел слова, чтобы описать эту башню, какая она была стройная и изящная, как она поднималась почти на три четверти расстояния между столом и потолком — кружевная конструкция из дам и валетов, королей, и десяток, и тузов, красная с черным, сложенная из бумажных бриллиантов, стоящая как вызов миру, который вращается во Вселенной, чьи законы и силы хаотичны и несообразны. Башня, которая восхищенному Чими представилась звенящим, точно хрусталь, отрицанием всех несправедливых парадоксов жизни.

Если бы только он знал, как это выразить, он бы сказал: *Я видел это сооружение, и мне стало ясно, зачем зажигаются звезды.*

10

Балазар знал, как все это будет.

Федералы прищучили Эдди — может быть, прежде всего это он сам сглупил, послав Эдди. Быть может, ему изменили

его инстинкты, но парень казался таким примерным, таким правильным. Дядя Балазара, работая на которого Балазар начинал приобщаться к делу, как-то сказал, что из всякого правила есть исключения, кроме одного: «Никогда не доверяй наркоману». Балазар тогда промолчал — не пристало пятнадцатилетнему сопляку раскрывать рот, хотя бы только затем, чтобы с готовностью согласиться, — но про себя подумал, что единственно верное правило, из которого нет исключений, — это то, что существуют правила, к которым это не относится.

Но если бы дядя Вероне сейчас был жив, подумал Балазар, *он бы лишь рассмеялся и сказал так: «Послушай, Рико, я всегда знал, что ты слишком умен и иной раз себе во вред. Ты знаешь правила, ты держишь рот на замке, когда старшие учат тебя уму-разуму, но в глазах у тебя всегда такое высокомерие... Ты парень толковый и умный, и ты сам это знаешь. Слишком ты много знаешь. Но однажды твоя гордыня тебя погубит. А так и будет, помяни мое слово».*

Он поставил еще две карты и накрыл их сверху.

Они взяли Эдди, помурыжили и отпустили.

Балазар забрал брата Эдди и все их общие запасы. Так что Эдди придет обязательно... и Балазар его ждал.

Он ждал Эдди к себе, потому что прошло всего два часа, а два часа — это *неправильно.*

Его допрашивали в аэропорту, а не на 43-й улице, и это было неправильно тоже. Это значит, что Эдди сумел скинуть большую часть, а то и весь кокаин.

Или нет?

Он думал. Он вычислял.

Эдди вышел из аэропорта через два часа после того, как его сняли с самолета. Два часа. Слишком мало для того, чтобы выжать из него все, что нужно, и слишком долго, чтобы убедиться в том, что он чист, а экипаж поднял ложную тревогу.

Он думал. Он вычислял.

Братец Эдди — безмозглый, как зомби, но сам Эдди парень смышленый. И все еще крепкий. Он бы не раскололся

за два часа... если бы только не его брат. Если бы что-то не случилось с братом.

И все же — как обошлось без 43-й улицы? Как обошлось без таможенного фургона, который во всем как почтовый, за исключением решетки на окнах задней двери? Потому что Эдди *действительно* удалось что-то сделать с товаром? Скинуть его? Заныкать?

Невозможно спрятать товар в самолете.

Невозможно избавиться от него.

Но невозможно и сбежать из некоторых тюрем, ограбить некоторые банки, отвертеться от некоторых приговоров. Однако есть люди, которым это удается. Гарри Гудини выбирался из смирительных рубашек, из закрытых багажников, из гребаных банковских сейфов. Но Эдди Дин — не Гудини.

Или нет?

Он мог бы отдать приказ, чтобы Генри убили в его квартире или на улице, нет, все-таки лучше — в квартире, чтобы фараоны решили, что два наркомана повздорили и, забыв о том, что они братья, поубивали друг друга. Но в этом случае многие вопросы остались бы без ответа.

Он получит ответы. Продумает, что ему делать в дальнейшем, или просто удовлетворит свое любопытство — в зависимости от того, какие это будут ответы, а потом прикончит обоих.

Несколько ответов. Двумя наркоманами меньше. Кое-какая выгода и никаких потерь.

В соседней комнате игра продолжалась.

— О'кей, Генри, — как раз говорил Джордж Бьонди. — Будь внимательнее, вопрос с подковыркой. Раздел «География». Вопрос: «Единственный континент, где водятся кенгуру».

Пауза.

— Джонни Кэш, — сказал Генри, и снова раздался взрыв громового хохота.

Задрожали стены.

Чими напрягся, опасаясь, что карточный домик Балазара (который вырастет в башню, если того пожелает Бог или слепые силы, что правят Вселенной от Его имени) сейчас рухнет.

По картам прошла легкая дрожь. Если хотя бы одна упадет, то обрушится все.

Ни одна не упала.

Балазар поднял глаза и улыбнулся Чими.

— Piasan, — сказал он по-итальянски. — Il Dio est bono, il Dio est malo; temps est poco-poco; tu est une grande peeparollo*.

Чими улыбнулся.

— Si, signore, — сказал он. — Io grande peeparollo. Io va fanculo por tu**.

— None va fanculo, catzarro. Eddie Dean va fanculo***. — Балазар улыбнулся и принялся за второй этаж своей карточной башни.

11

Когда фургончик уже парковался у заведения Балазара, Кол Винсент случайно взглянул на Эдди и увидел нечто невероятное. Он попытался что-то выдавить из себя, но не смог. Язык прилип к нёбу, и как Кол ни старался, он сумел выдать только сдавленное похрюкивание.

Он увидел, как глаза Эдди меняют цвет: были карими и вдруг стали голубыми.

12

На этот раз Роланд не принимал сознательного решения *перешагнуть «порог»*. Он просто бездумно рванулся вперед — помимо воли, чисто автоматически, точно так же, как он бы вскочил со стула и вытащил револьверы, если бы кто-то ворвался к нему в комнату.

---

* Дружок, Господь бывает плохим и хорошим, времени маломало, а ты законченный идиот *(ит.)*.

** Да, синьор. Я законченный идиот. Я для вас расшибусь в лепешку *(ит.)*.

*** Не надо расшибаться в лепешку. В лепешку расшибется Эдди Дин *(ит.)*.

Башня! — в исступлении думал он. *Это же Башня! Бог мой, Башня в небе! Я ее вижу! В небе, омытая струями алого пламени! Катберт! Ален! Десмонд! Я ее вижу! Башню! Башн...*

Но в этот момент он почувствовал сопротивление Эдди — тот не боролся с ним, а отчаянно пытался что-то ему объяснить.

Стрелок отступил и стал слушать — слушать так же отчаянно. А на морском берегу, в необозримой дали, в ином времени и пространстве, его лишенное разума тело дрожало и извивалось, как тело спящего человека, которому видится сон, где он поднимается до запредельных вершин наслаждения или падает в бездну ужаса.

13

Вывеска! — мысленно кричал Эдди, крик этот гремел у него в голове... и в голове *другого*.

Это же вывеска, простая неоновая вывеска. Не знаю я, о какой башне думаешь ты, но это обычный бар, заведение Балазара. Называется «Падающая башня», как бы в честь той, что в Пизе! Это просто рисунок, изображающий эту чертову башню в Пизе, которая падает! Прекрати психовать! Успокойся! Иначе нас с тобой шлепнут раньше, чем мы до них доберемся!

Пиза? — с сомнением переспросил стрелок и поглядел еще раз.

Вывеска. Да, теперь он увидел: это не Башня, а вывеска у трактира. Изображена на ней башня, накренившаяся и светящаяся зубчатыми завитками. Настоящее чудо, но не более того. Теперь он разглядел, что вывеска состоит из толстых прозрачных трубок, которые как-то умудрились наполнить красными болотными огоньками. Кое-где огоньков было меньше: в этих местах пламя мерцало и тихонько жужжало.

Теперь под башней он различил буквы из таких же изогнутых трубок: в большинстве своем — буквы Высокого Сло-

га. БАШНЯ, — прочитал Роланд и, да, — ПАДАЮЩАЯ. ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ. Впереди еще было короткое слово из трех букв: первая Т, последняя Е, а ту букву, что в середине, он первый раз видел.

Это что? — спросил он у Эдди.

ТНЕ. Артикль.

Артикль?

Ладно, не важно. Теперь ты видишь, что это вывеска? Вот что действительно важно — чтобы ты понял!

Я вижу, ответил стрелок, но про себя он подумал, действительно ли Узник верит в то, что говорит, или просто не хочет усложнять ситуацию из-за этой башни, состоящей из цепочки красных огней. Неужели Эдди и вправду думает, что всякая вывеска, всякий знак — вещь пустая и незначительная?

Тогда остынь! Ты меня слышишь? Не заводись!

Держаться? — спросил Роланд, и оба почувствовали, как он слегка улыбнулся в сознании Эдди.

Правильно. Держись. Я сам тут со всем разберусь. Предоставь это мне.

Да. Хорошо.

Пусть пока разбирается Эдди.

Но только — пока.

14

Колу Винсенту наконец удалось отодрать свой язык от нёба.

— Джек. — Голос его звучал как из подземелья.

Андолини заглушил мотор и сердито взглянул на него.

— Его глаза.

— Что с его глазами?

— Да, что с моими глазами? — полюбопытствовал Эдди.

Кол поглядел на него.

Солнце уже зашло, оставив после себя только слабые отблески света, но все же этого было достаточно, чтобы Кол разглядел, что глаза у Эдди опять стали карими.

Если они вообще меняли цвет.

Ты это видел, настойчиво утверждала часть сознания, но в самом ли деле? Колу было двадцать четыре, и последние двадцать один никто не считал его человеком надежным. Иногда — полезным. Послушным — почти всегда... если держать его на коротком поводке. Но надежным? Нет. В последнее время Кол и сам почти в это поверил.

— Ничего, — выдавил он.

— Тогда пошли, — сказал Андолини.

Они выбрались из фургончика. Андолини встал слева, Кол Винсент — справа. Так Эдди и Роланд вошли в «Падающую башню».

Глава 5
ПРОБА СИЛ И ПЕРЕСТРЕЛКА

1

В протяжном блюзе двадцатых годов Билли Холидей, которой еще предстояло узнать о себе всю правду, пела:

> Доктор сказал мне: «Деточка, надо тебе завязать,
> Иначе еще «ракета» — и тебя уже не откачать».

Последняя «ракета» Генри Дина стартовала за пять минут до того, как фургончик остановился у дверей «Падающей башни» и его брата препроводили внутрь.

Джордж Бьонди — известный среди друзей как Большой Джордж, а среди врагов как Большой Нос — сидел справа от Генри и потому задавал Генри вопросы. Сейчас Генри сидел над доской, тупо кивая и осоловело моргая глазами. Трикс Постино вложил ему в руку игральный кубик: в руку серого

цвета, которая стала такой в результате длительного употребления героина. Цвет пыли — предвестник гангрены.

— Твоя очередь, Генри, — сказал Трикс, но Генри просто выронил кубик.

Он продолжал сидеть, вперив взгляд в пространство и не обнаруживая никаких намерений передвинуть свою фишку. Джимми Аспио передвинул ее за него.

— Смотри-ка, Генри. У тебя есть шанс отхватить неплохой кусок пирога.

— Кусок-носок, — сонно пробормотал Генри, а потом огляделся по сторонам, как будто проснувшись. — Где Эдди?

— Скоро будет, — успокоил его Трикс. — Давай пока поиграем.

— А как насчет уколоться?

— Играем, Генри.

— О'кей, о'кей, только не надо на меня давить.

— Не дави на него, Джимми, — сказал Кевин Блейк.

— Ладно, не буду, — ответил Джимми.

— Ты готов? — спросил Джордж Бьонди и подмигнул остальным, когда подбородок Генри снова свесился на грудь, а потом вдруг поднялся — как поднимается на поверхность разбухшее бревно, которое вот-вот утонет, но пока еще держится на плаву.

— Угу, — буркнул Генри. — Давай.

— Давай! — радостно подхватил Джимми Аспио.

— Вот ты и *давай* этому жеребцу! — огрызнулся Трикс, и все снова заржали (в соседней комнате карточное сооружение Балазара, теперь высотой в три уровня, пошатнулось, но не упало).

— О'кей, слушай внимательно. — Джордж опять подмигнул остальным. Хотя фишка Генри теперь находилась в разделе «Спорт», Джордж объявил раздел «Искусство и развлечения». — «Какой популярный певец кантри написал песни «Парень по имени Сью», «Блюз тюрьмы Фольсон» и ряд других столь же дерьмовых?»

Кевин Блейк, который действительно мог бы правильно сложить девять и семь (но только на картах для покера), буквально взвыл от смеха, хлопнув себя по коленям и едва не перевернув столик.

Все еще изображая, что читает вопрос по карточке, которую держит в руке, Джордж продолжал:

— «Этого популярного певца еще называют «Человеком в черном». Его имя означает еще и место, куда ходят пописать, а фамилия — то, что было бы у тебя в кошельке, Генри, если бы ты не сел на иглу*.

Долгая выжидательная тишина.

— Уолтер Бреннан, — наконец выдал Генри.

Громовой взрыв хохота. Джимми Аспио повис на Кевине Блейке. Кевин хлопнул Джимми по плечу. Один раз, второй, третий. В кабинете у Балазара карточный домик, который уже становился башней, опять задрожал.

— Заткнитесь там! — заорал Чими. — Папа Босс строит!

Они сразу заткнулись.

— Правильно, — сказал Джордж. — Ты угадал, Генри. Это был трудный вопрос, но ты справился.

— Как всегда, — скромно заметил Генри. — Я вообще парень смышленый. Как насчет уколоться?

— Неплохая мысль! — Джордж достал откуда-то из-за спины ящик из-под сигар «Рой-Тан» и извлек оттуда шприц. Игла вошла в вену Генри чуть выше локтя, и его последняя «ракета» рванула ввысь.

2

Фургончик из пиццерии снаружи выглядел так себе, но под слоем дорожной грязи и краски была такая сверхсовременная электроника, что ей позавидовали бы и ребята из

* Ответ на этот вопрос — Джонни Кэш. Английское слово Johnny, помимо всего прочего, имеет значение «уборная». Слово cash означает «наличные деньги». — *Примеч. пер.*

ОБН. Как любил повторять Балазар, одолеть этих ублюдков можно только в том случае, если ты сумеешь составить им достойную конкуренцию, в том числе и в экипировке. Экипировка стоила больших денег, но у Балазара было одно неоспоримое преимущество: то, что его люди могли своровать, сотрудникам ОБН приходилось покупать по ценам, безбожно взвинченным. Даже представить себе невозможно, сколько служащих электронных компаний на всем Восточном побережье так и рвутся продать тебе совершенно секретное оборудование по смехотворно низкой цене. Эти catzzaroni (Джек Андолини называл их еще долбогребами из Силиконовой долины) буквально тебя донимали, чтобы ты только взял самое новейшее оборудование.

Под приборной доской фургончика располагались: портативная станция радиолокационных помех, глушитель полицейского радара, работающего на ультравысоких частотах, детектор высокочастотных радиопередач, глушитель радиосигналов, импульсный повторитель с усилителем, с помощью которого можно ввести в заблуждение всякого, кто захочет отследить фургончик обычными методами триангуляции, — приборы его покажут, что в данный момент фургончик находится в Коннектикуте, Гарлеме или в Монток-Саунде. Еще там был радиотелефон... и одна маленькая красная кнопочка, которую Джек Андолини нажал, как только Эдди Дин вышел из фургончика.

Телефон внутренней связи в офисе Балазара издал короткое жужжание.

— Это они, — сказал он. — Клаудио, проводи их сюда. Чими, скажи им там, чтобы они заткнулись. Чтобы Эдди Дин думал, что, кроме меня и вас с Клаудио, здесь никого нет. Бери всех джентльменов и побудьте пока в кладовой.

Они вышли. Чими повернул налево, Клаудио Андолини — направо.

Балазар невозмутимо принялся за следующий уровень карточной башни.

3

Предоставь все мне, повторил Эдди, когда Клаудио открыл дверь.

Да, еще раз согласился стрелок, но остался настороже, готовый перешагнуть «порог» в ту же секунду, когда в том возникнет необходимость.

Звякнули ключи. Стрелок остро чувствовал запахи: справа — застарелого пота от Кола Винсента, слева — резкий, чуть кисловатый запах одеколона от Джека Андолини, а когда они вошли в полумрак помещения, еще и кислый запах пива.

Из всех странных запахов он узнал только запах пива. Это был отнюдь не развалюха-салун с дощатым полом, посыпанным опилками, и доской на козлах для пилки дров вместо стойки. (*Совсем не похоже на заведение Шеба в Талле,* изумился стрелок.) Повсюду мягко поблескивало стекло: в одной комнате было столько стекла, сколько Роланд не видел за всю свою жизнь, разве что в раннем детстве, когда уже начали рваться нити, связующие их мир воедино, частично из-за происков Фарсона, нашего «доброго друга», но большей частью просто из-за того, что мир сдвинулся с места. Мятеж Фарсона был лишь следствием этого сдвига, а не его причиной.

Повсюду стрелок видел их отражения: в стекле стен, в застекленной стойке, в большом зеркале позади нее, даже — на изгибах бокалов для вина в форме изящных колокольчиков, что висели за стойкой донышком вверх... бокалах таких же великолепных и хрупких, как пиршественная утварь.

В углу стояло какое-то сооружение, как будто слепленное из света. Оно вспыхивало и менялось, вспыхивало и менялось. Вот оно золотое, вот зеленое, вот желтое, вот ярко-алое, вот золотое опять. Поперек него буквами Высокого Слога было начертано слово, которое Роланд сумел прочесть, но оно ни о чем ему не говорило: ROCKOLA.

Ладно, не важно. Надо делать дело. Он тут не праздный зевака и не может позволить себе эту роскошь: разинув рот,

глазеть по сторонам, пусть даже тут все так изумительно и загадочно.

Человек, который открыл им дверь, был, вне всяких сомнений, братом того, кто вел этот фургончик, как назвал эту машину Эдди (*похож на охранника,* предположил Роланд). Только этот — повыше ростом и лет на пять моложе, а на плечевом ремне у него — револьвер.

— Где Генри? — спросил Эдди с ходу. — Я хочу видеть Генри. — Тут он повысил голос: — Генри! *Эй, Генри,* ты где?

Никакого ответа — лишь тишина, в которой бокалы над стойкой, казалось, звенят, но звон этот так слаб, что не доступен человеческому уху.

— Мистер Балазар хотел бы сперва с тобой поговорить.

— Вы, что ли, его связали, а в рот ему сунули кляп? — спросил Эдди и вдруг рассмеялся, не дав Клаудио даже рта открыть. — Нет, что это я... да вы просто его накачали. Зачем возиться с кляпами и веревками, если можно вколоть ему дозу и он сразу уймется. Ладно. Пошли к Балазару. Раньше начнем — раньше кончим.

4

Стрелок смотрел на карточную башню на столе у Балазара и думал: *еще один знак.*

Балазар посмотрел на них поверх карточной башни. Лицо его так и светилось дружелюбием и теплотой.

— Эдди, — сказал он. — Я рад тебя видеть, сынок, а то я слышал, у тебя были какие-то неприятности в аэропорту.

— Никакой я вам не сынок, — спокойно проговорил Эдди.

Балазар сделал жест, который мог бы означать одновременно печаль, иронию и недоверие. *Ты меня обижаешь, Эдди,* говорил этот жест. *Ты очень меня обижаешь, когда говоришь такое.*

— Давайте начистоту, — сказал Эдди. — Вы сами знаете, что все это могло завершиться одним из двух: либо они меня

перекупили, либо меня отпустили с миром. Вы хорошо знаете, что они не могли уломать меня за какие-то два часа. И что, если б они этого добивались, им пришлось бы отвезти меня на 43-ю улицу, где меня бы допрашивали беспрерывно, давая только короткие передышки, чтобы я мог сблевать в раковину.

— Так они тебя перекупили? — мягко спросил Балазар.

— Нет. Им пришлось меня выпустить. Они следили за мной, но я их не вел.

— Значит, товар ты заныкал, — подытожил Балазар. — Невероятно. Ты непременно должен мне рассказать, как надо прятать два фунта кокса на борту пассажирского самолета. Это очень полезная информация. Как в том рассказе про тайну запертой комнаты.

— Я не прятал его, — сказал Эдди. — Но у меня его больше нет.

— А у кого же он? — спросил Клаудио и тут же вспыхнул, когда брат прожег его свирепым взглядом.

— *У него*, — улыбнулся Эдди, указав поверх карточной башни на Энрико Балазара. — Товар доставлен по назначению.

В первый раз после того, как Эдди ввели в кабинет, на лице Балазара промелькнуло искреннее чувство: неподдельное изумление. Мелькнуло и тут же исчезло. Балазар вежливо улыбнулся.

— Да. В одно место, о котором ты нам скажешь потом. После того как ты получишь обратно брательника и свой товар и вы вместе отбудете в неизвестном направлении. Скорее всего в Исландию. Я правильно излагаю?

— Нет, — отозвался Эдди. — Вы не понимаете. Товар *здесь*. Доставка на дом. Как мы и договаривались. Потому что даже в наш век обмана есть еще люди, которые выполняют свои обязательства. Трудно поверить, я понимаю. Но это так.

Все уставились на него.

Ну как я справляюсь, Роланд? — спросил Эдди.

По-моему, отлично. Только не давай этому Балазару опомниться, Эдди. Мне кажется, он человек опасный.

Ты так думаешь? Тут я с тобой согласен, дружище. Я знаю, что он человек опасный. Очень, мать его, опасный.

Он опять взглянул на Балазара и легонько ему подмигнул.

— Так что теперь *это вам* нужно побеспокоиться о федеральных агентах, не мне. Если они сейчас явятся сюда с ордером, то может так получиться, что вас отымеют, даже не раздвигая ног, мистер Балазар.

Балазар взял еще две карты. Руки его вдруг затряслись, и он положил их на место. Это длилось всего лишь мгновение, но Роланд заметил, и Эдди тоже: выражение неуверенности — может быть, даже страха — промелькнуло и тут же исчезло.

— Когда ты со мной говоришь, последи за своими словами, Эдди. Последи за собой и, пожалуйста, не забывай, что у меня мало времени, равно как и терпения, на выслушивание такой бредятины.

Джек Андолини вдруг насторожился.

— Они сговорились с ним, мистер Балазар! Этот кусок дерьма отдал им кокаин, а они подбросили его нам, пока делали вид, что ведут допрос!

— Никого здесь не было, — сказал Балазар. — И никто сюда не подберется, Джек, как тебе хорошо известно. Сигнализация тут такая, что не вздохни, не перни.

— Но...

— Даже если они исхитрились нас как-то подставить, наши люди в их лавочке нам бы уже сообщили. У них там столько наших, что они еще только подумали бы, что да как, а мы бы уже знали, кто, когда и как.

Балазар поглядел на Эдди:

— Эдди, у тебя есть пятнадцать секунд на то, чтобы прекратить пороть эту чушь. Ровно через пятнадцать секунд сюда придет Чими Дретто и станет тебя обижать. А потом, когда он немного пообижает тебя, он пойдет в соседнюю комнату и ты услышишь, как он обижает твоего братца.

Эдди весь напрягся.

Спокойнее, пробормотал стрелок, а про себя подумал: *Легко же тебе управлять им: назвать имя брата — и все. Как ткнуть острой палкой в открытую рану.*

— Сейчас я зайду в вашу уборную. — Эдди указал на дверь в дальнем левом углу, дверь, настолько незаметную, что ее можно бы было принять за панель на стене. — Зайду один, а потом выйду оттуда и отдам вам фунт вашего кокаина. Половину всего товара. Вы его проверите. Потом приведете сюда Генри, чтобы я на него посмотрел. Когда я увижу его, увижу, что с ним все в порядке, вы отдадите ему наш товар и он уедет домой с кем-нибудь из ваших джентльменов. Когда он уедет, мы с... — он едва не сказал «с Роландом» — со всеми вашими ребятами посмотрим, как вы строите эту штуку. Когда Генри будет дома и в безопасности — то есть никто не будет стоять над ним и держать у его уха пушку, — он позвонит сюда и скажет мне одно слово. Мы договорились с ним перед моим отъездом. На всякий случай.

Стрелок проверил в мозгу у Эдди, это правда или он просто блефует. Оказалось, что правда. По крайней мере так думал Эдди. Роланд увидел, что Эдди действительно верит в то, что его брат Генри скорее умрет, чем выдаст этот пароль. Но сам стрелок был отнюдь не уверен в этом.

— Ты, наверное, думаешь, что я до сих пор еще верю в Санта-Клауса, — сказал Балазар.

— Я знаю, что вы не верите.

— Клаудио, обыщи его. Джек, иди в уборную и проверь там. Все.

— Есть там такое место, о котором мне неизвестно? — спросил Андолини.

Балазар призадумался, внимательно глядя на Андолини.

— На задней стенке аптечки есть небольшая панель, — наконец сказал он. — Я там держу кое-какие личные вещи. Она не такая большая, чтобы запрятать там фунт порошка, но ты все равно проверь.

Джек пошел, и, когда он открыл дверь в небольшой нужник, стрелок увидел вспышку такого же холодного белого

света, который освещал отхожее место в воздушной карете. Дверь быстро закрылась.

Балазар вновь поглядел на Эдди.

— Ну и зачем тебе эти дурацкие бредни? Эта идиотская ложь? — спросил он почти с искренней грустью. — Я думал, ты умный парень.

— Посмотрите мне в глаза, — сказал Эдди, — и скажите, лгу я или нет.

Балазар так и сделал. Смотрел он долго. Потом отвернулся и засунул руки в карманы своих крестьянских штанов так глубоко, что они обтянули его широкий крестьянский зад. Вся поза его выражала печаль — печаль по любимому сыну, упорствующему в заблуждении, — но прежде чем он отвернулся, Роланд заметил, что лицо его выражает отнюдь не печаль. То, что Балазар увидел в глазах у Эдди, пробудило в нем не печаль, а сильное беспокойство.

— Раздевайся, — теперь Клаудио наставил свой револьвер на Эдди.

Эдди принялся снимать одежду.

5

Не нравится мне это, думал Балазар, дожидаясь, когда Джек Андолини вернется из туалета. Он был напуган. Внезапно пот выступил не только под мышками и в паху, где Балазар потел всегда, даже самой холодной зимой, но и по всему телу. Эдди уже не выглядел как наркоман — пусть и смышленый, но все-таки наркоман, которого можно поддеть за яйца и вести за собою куда угодно, — он теперь выглядел как... а как? Как будто он *вырос*, как-то *изменился*.

Как будто в него вкачали две кварты свежей крови.

Да. Именно так. И еще порошок. Этот гребаный порошок. Джек проверял туалет, а Клаудио обыскивал Эдди с нарочитой свирепостью тюремного надзирателя-садиста; даже когда Клаудио, поплевав себе на левую руку и растерев

слюну по правой, засунул ее Эдди в задний проход по самое запястье и еще дюйма на два глубже, Эдди выдержал это с флегматичным спокойствием, которого Балазар даже и предположить бы не мог ни в нем, ни в каком другом закоренелом наркомане.

Порошка не было ни в туалете, ни на Эдди, ни внутри Эдди. Ни в карманах, ни в куртке, ни в сумке. Значит, он блефовал.

Посмотрите мне в глаза и скажите, лгу я или нет.

Он посмотрел. То, что он там увидел, его встревожило. Он увидел, что Эдди Дин совершенно уверен в себе: он войдет в уборную и выйдет оттуда с половиной Балазарова товара.

Балазар и сам едва не поверил, что так и будет.

Клаудио Андолини вытащил руку. Пальцы его вышли из задницы Эдди Дина с каким-то хлюпающим звуком. Губы Клаудио искривились.

— Быстрее, Джек, а то у меня вся рука в дерьме этого урода! — сердито выкрикнул он.

— Если б я знал, что ты будешь там лазить, Клаудио, я бы, когда в последний раз срал, вытер зад хотя бы ножкой от стула, — этак ласково проговорил Эдди. — У тебя руки были бы чище, да и я бы сейчас не стоял как дурак с чувством, как будто меня трахнул в задницу бык Фердинанд.

— Джек!

— Иди на кухню и вымой руки, — спокойно проговорил Балазар. — У нас с Эдди нет никаких причин задевать друг друга. Правда, Эдди?

— Никаких.

— Все равно он чист, — сказал Клаудио. — Впрочем, «чист» — не то слово. Я имею в виду, у него ничего нет. Уж в этом будьте уверены. — Он ушел, держа перед собой грязную руку, как дохлую рыбу.

Эдди спокойно поглядел на Балазара, который опять размышлял о Гарри Гудини, Блакстоне, Дуге Хеннинге и Дэвиде Копперфилде. Говорят, что магия тихо сдохла, как и ва-

рьете, но Хеннинг был суперзвездой в своем деле, а малыш Копперфилд, когда Балазар был на его представлении в Атлантик-Сити, ошеломил целую толпу народу. Балазар любил фокусников. Полюбил с самого первого раза, когда увидел на улице дяденьку, который показывал фокусы с картами за небольшое вознаграждение. А с чего начинается фокус, прежде чем что-то появится из ничего и зрители сначала вздохнут изумленно, а потом бешено зааплодируют? Первым делом фокусник предлагает кому-то из зрителей убедиться, что место, откуда появится кролик, или голубь, или шлюшка с голыми грудками, сейчас совершенно пусто. И более того — убедиться, что ничего нельзя достать *изнутри*.

Может быть, он так и сделал. Не знаю уж как, да мне и плевать. Единственное, что я знаю, так это то, что мне это все не нравится. Очень не нравится.

6

Джорджу Бьонди тоже кое-что не понравилось. И он сомневался, что и Эдди Дин придет от этого в восторг.

Джордж был уверен, что к тому времени, когда Чими вошел в бухгалтерию и погасил свет, Генри уже умер. Умер тихо: никакого скандала, никаких беспокойств. Просто отлетел, как семена одуванчика, уносимые ветерком. Джордж думал, что это случилось как раз в тот момент, когда Клаудио пошел на кухню мыть руки.

— Генри? — шепнул Джордж ему в ухо. Он приложил губы так близко, словно хотел поцеловать его в ушко, будто девушку, как это показывают в фильмах, и ощущение было омерзительным, к тому же когда ты уверен, что парень мертв. Как наркофобия, или как там, мать ее, называют. Но он должен был знать, а стена между этой комнатой и офисом Балазара очень тонкая.

— Что там случилось, Джордж? — спросил Трикс Постино.

— Заткнитесь. — Голос Чими был низким, как гул двигателя, работающего на холостых оборотах.

Они заткнулись.

Джордж сунул руку Генри под рубашку. Да, дела шли все хуже и хуже. Образ свидания с девушкой из кинофильма никак его не оставлял. Вот он щупает ее грудь, только это *не она,* а *он,* и это уже не наркофобия, а гребаная *гомо*-наркофобия, и тощая грудь наркомана Генри не поднимается и не опускается, и внутри не слышится *тук-тук.* Для Генри Дина все уже закончилось, игра его завершилась на седьмой инъекции. Все в нем умолкло, тикали только часы на руке.

Он двинулся в сторону тяжкого запаха Старого Света, оливкового масла и чеснока, что окружал Чими Дретто.

— У нас, кажется, будут проблемы, — прошептал Джордж.

7

Джек вышел из туалета.

— Ничего там нет, — взгляд его безжалостных глаз вперился в Эдди. — И если ты думал смыться через окно, можешь об этом забыть. Там крепкая стальная решетка.

— Я и не думал смываться, — спокойно ответил Эдди. — И товар там, ты просто не знаешь, куда смотреть.

— Прошу прощения, мистер Балазар, — сказал Андолини, — но с меня уже хватит этой брехни.

Балазар глядел на Эдди, как будто не расслышав слов Андолини. Он думал. Он размышлял.

Размышлял о том, как фокусники достают из шляп кроликов.

Зовешь кого-нибудь из зрителей, чтобы он убедился, что в шляпе ничего нет. А что еще? Что бывает всегда? Что больше никто не заглядывает в эту шляпу, кроме самого фокусника. А что сказал этот малыш? *Сейчас я зайду в вашу уборную. Зайду один.*

Обычно Балазар не хотел знать, в чем заключается фокус. Знание портит удовольствие.

Обычно.

Но на этот раз ему не терпелось узнать.

— Хорошо, — сказал он Эдди. — Если он там, то пойди и возьми его. Прямо вот так, как есть. С голой задницей.

— Хорошо. — Эдди направился к двери в уборную.

— Но не один, — добавил Балазар. Эдди резко остановился. Все тело его напряглось, как будто в него попали невидимым гарпуном, и Балазару это понравилось. Впервые что-то пошло вразрез с планами малыша. — С тобой пойдет Джек.

— Нет, — быстро сказал Эдди. — Так мы не...

— Эдди, — мягко перебил его Балазар, — никогда не говори мне «нет». Никогда так не делай.

8

Все в порядке, сказал стрелок. *Пусть идет.*

Но... но...

Эдди едва не сорвался, едва удержал себя в руках. И не только из-за финта, который неожиданно выкинул Балазар, а из-за своего беспокойства за Генри и — потребность в этом росла, затмевая все остальное, — желания уколоться.

Пусть идет. Все будет в порядке. Послушай.

Эдди прислушался.

9

Балазар наблюдал за ним: худым, обнаженным молодым человеком, грудь которого только-только еще начала приобретать характерную для наркомана впалость. Тот чуть склонил голову в сторону, и, глядя на него, Балазар почувствовал, как его самоуверенность потихоньку испаряется. Малыш

как будто прислушивался к какому-то голосу, который был слышен только ему одному.

То же самое подумал и Андолини, но другими словами: *Это что еще? Он похож на собаку с обложек старых пластинок RCA Victor!*

Кол хотел что-то сказать ему о глазах Эдди. Теперь Андолини жалел, что тогда отмахнулся.

Поделом тебе, копайся теперь в дерьме, сказал он себе.

Если Эдди и прислушивался к внутренним голосам, то либо они умолкли, либо он перестал обращать на них внимание.

— О'кей, — сказал он. — Пойдем, Джек. Я тебе покажу восьмое чудо света. — Он одарил их всех лучезарной улыбкой, которая не понравилась ни Джеку Андолини, ни Энрико Балазару.

— Неужели? — Андолини вытащил револьвер из потайной кобуры, укрепленной на поясе сзади. — Я что, должен буду удивиться?

Улыбка Эдди стала еще лучезарнее.

— О да. Я думаю, ты вообще офигеешь.

10

Андолини, немного психуя, вошел в туалет следом за Эдди, держа револьвер наготове.

— Закрой дверь, — сказал Эдди.

— А пошел ты, — огрызнулся Андолини.

— Закрой дверь, иначе ты ни фига не получишь, — повторил Эдди.

— Пошел ты, — снова послал его Андолини. Сейчас, немного испуганный, не понимающий, что происходит, он выглядел не таким тупым, как в фургончике.

— Он не хочет закрывать дверь, — крикнул Эдди Балазару. — Я уже начинаю о вас плохо думать, мистер Балазар. У вас здесь, наверное, человек шесть бугаев, и у каждого — по

четыре пушки, а вы двое подняли такую бучу из-за голого парня. Да еще наркомана.

— Закрой эту гребаную дверь, Джек! — заорал Балазар.

— Вот и славненько, — сказал Эдди, когда Андолини пинком закрыл дверь. — А то ты мужик или...

— О Боже, с меня довольно, — простонал Андолини, ни к кому конкретно не обращаясь. Он поднял револьвер рукояткой вперед и собрался уже врезать Эдди по зубам.

И вдруг застыл с поднятым пистолетом, челюсть его отвисла от изумления: он увидел то, что Кол Винсент видел в фургончике.

Глаза Эдди поменяли цвет. Были карими, стали голубыми.

— *Хватай его!* — раздался низкий повелительный голос, и пусть он исходил изо рта Эдди, это был не его голос.

Шизик, подумал Джек Андолини. *У него крыша поехала, мать его...*

Но мысль оборвалась, как только руки Эдди схватили его за плечи, потому что в этот момент Андолини увидел дыру в реальности, что внезапно открылась футах в трех за спиной у Эдди.

Нет, не дыру. Слишком правильные у нее очертания...

Это *дверь.*

— Дева Мария, помилуй нас, — хрипло выдохнул Джек. Через эту дверь, что зависла в футе от пола перед душем в Балазаровом туалете, он разглядел темный берег и волны, бьющиеся о него. По берегу расползались какие-то твари. *Твари.*

Он замахнулся револьвером, но удар, который должен был выбить Эдди все передние зубы, лишь немного рассек ему губы. Крови почти и не было. Силы его покидали. Джек буквально *физически ощущал,* как это происходит.

— Я же тебе *говорил,* Джек, что ты офигеешь, — сказал Эдди и резко дернул его на себя. Только в последний момент Джек понял, что собирается сделать Эдди, и начал бешено отбиваться, как дикий кот, но он спохватился поздно: они

уже падали через «порог» этой жуткой двери, и приглушенный гул ночного Нью-Йорка, к которому так привыкаешь, что в конце концов перестаешь его слышать и замечаешь только тогда, когда его больше нет, сменился скрежетом волн о песок и вопросительными голосами страшилищ, смутно различимых в темноте на берегу.

11

Нам надо действовать быстро, иначе мы погорим, сказал Роланд, и Эдди тоже ни на мгновение не усомнился в том, что, если они сейчас не поторопятся, им будет большой абзац. В этом он был уверен. Если уж речь зашла о крепких парнях, Джек Андолини — он как Дуайт Гуден: да, его можно свалить, его можно и вырубить, но если дать ему время опомниться, он размажет тебя по стенке.

Левая рука! — сказал себе Роланд, когда они прошли через дверь и он отделился от Эдди. ***Не забывай! Рука левая! Левая!***

Он видел, как Эдди и Джек, пошатнувшись, упали и покатились по каменистому склону, обрамлявшему песчаный пляж, сражаясь за револьвер в руке Андолини.

У Роланда еще было время подумать о том, что вот будет весело, если вернешься в свой мир и обнаружишь, что, пока тебя не было, твое тело умерло... но время вышло. Уже поздно о чем-либо думать, поздно поворачивать назад.

12

Андолини так и не понял, что произошло. В его сознании все смешалось: и уверенность в том, что он сошел с ума, и мысль, что Эдди вколол в него что-то или пустил в лицо газ, и вера в то, что мстительный Бог его детства наконец-то

устал от его злодеяний и, вырвав его из знакомого мира, поместил в это жуткое чистилище.

А потом он увидел открытую дверь, из которой на каменистую землю лился белый свет — свет из Балазарова сортира, — и понял, что можно вернуться обратно. Прежде всего Андолини был человеком практичным. Позже он подумает обо всем, что с ним случилось. А сейчас он собирался прикончить этого засранца и вернуться через дверь.

Силы, которые покинули Джека в момент потрясения, теперь вернулись. Он сообразил, что Эдди пытается вырвать у него маленький, но весьма действенный «кольт-кобра» и ему это почти удалось. Грязно выругавшись, Джек потянул его обратно, попытался прицелиться, но Эдди опять мертвой хваткой вцепился ему в руку.

Андолини надавил коленом на правое бедро Эдди, прямо на большую мышцу (брюки Джека, дорогие, габардиновые, были все в грязно-сером песке), и Эдди вскрикнул от боли.

— *Роланд!*— позвал он. — *Помоги мне! Помоги, ради Бога!*

Андолини рывком повернул голову, и то, что он увидел, снова выбило его из равновесия. Там стоял парень... только больше похожий на призрак, чем на человека. Но отнюдь не на Каспера, доброе привидение из мультика. Парень еле стоял на ногах. Его белое, изможденное лицо заросло щетиной. Клочья изодранной рубахи пошевеливались на ветру, обнажая выступившие ребра. На правой руке торчала окровавленная повязка. Парень явно был болен и умирал, но даже в таком состоянии он выглядел достаточно крутым, чтобы Андолини почувствовал себя сваренным всмятку яйцом.

И у него была парочка револьверов.

Таких древних, что они казались старше, чем горы, как будто он взял их из музея Дикого Запада... но это были револьверы, и они могли быть в рабочем состоянии, и Андолини вдруг понял, что сейчас ему нужно переключиться на этого бледного человека... если только это действительно человек,

а не призрак, потому что, если это призрак, тогда не стоит и переживать.

Андолини отпустил Эдди и резко перекатился вправо, даже не почувствовав острого выступа камня, о который он разорвал свою куртку, стоившую пятьсот зеленых. В тот же миг стрелок выхватил револьвер левой рукой — не важно, болен он или здоров, бодрствует или еще как следует не проснулся, движение это было таким, как всегда: быстрым, как вспышка летней молнии.

Мне конец, подумал Андолини с каким-то болезненным изумлением. *Боже, я в жизни не видел, чтобы кто-то так быстро... Я пропал, Пресвятая Дева Мария, сейчас он меня прикончит, сейчас он меня...*

Человек в разорванной рубахе нажал на спусковой крючок, и Джек Андолини подумал — действительно подумал, — что он уже отошел в мир иной, и лишь потом сообразил, что вместо выстрела услышал только глухой щелчок.

Осечка.

Улыбаясь, Андолини встал на колени и поднял свой «кольт».

— Не знаю, кто ты, но на прощание можешь поцеловать себя в задницу, гребаный призрак, — сказал он.

13

Эдди сел. Его била дрожь. Обнаженное тело покрылось гусиной кожей. Он видел, как Роланд вытащил револьвер. Услышал глухой щелчок вместо выстрела. Увидел, как Андолини поднялся на колени, как что-то сказал, и прежде чем сам осознал, что он делает, Эдди нащупал рукой камень с острыми краями. Вырвав камень из песка, Эдди швырнул его что есть силы.

Камень попал Андолини в затылок. Из дырки в черепе Джека Андолини брызнула кровь. Андолини выстрелил, но пуля, которая наверняка бы убила стрелка, ушла в сторону.

14

Не совсем чтобы в сторону, сказал бы стрелок. *Когда пуля свистит у твоей щеки, вряд ли ты скажешь, что она ушла в сторону.*

Немного оправившись после выстрела Андолини, большим пальцем он взвел курок револьвера и еще раз нажал на спусковой крючок. На этот раз револьвер выстрелил — сухой властный звук разнесся эхом по пляжу. Чайки, спавшие на камнях, взвились в воздух вопящей испуганной стаей.

Пуля стрелка должна была бы прикончить Андолини, но тот как раз пошатнулся и повалился на бок, оглушенный ударом в голову. Грохот выстрела казался далеким, ненастоящим, но раздробленный левый локоть и боль, пронзившая руку, как раскаленная кочерга, были очень даже настоящими. Боль привела его в чувство, Андолини поднялся. Одна рука бесполезно болталась, в другой дрожал пистолет, выискивая цель.

Первым он увидел Эдди. Эдди-наркомана. Эдди, который каким-то непостижимым образом затащил его в это безумное место. Эдди стоял совсем голый, в чем мать родила, и дрожал на студеном ветру, обхватив себя руками. Ладно, пусть он здесь умрет, но он не откажет себе в удовольствии прихватить Эдди Дина с собой.

Андолини поднял пистолет. Маленькая «кобра», казалось, весила фунтов двадцать, но он все же с ней справился.

15

Только бы не осечка, угрюмо подумал Роланд и взвел курок. Сквозь крики чаек он различил мягкий масляный щелчок: патрон встал на место.

16

Осечки не было.

17

Стрелок целился не в голову Андолини, а в пистолет у него в руке. Он не знал, понадобится им еще этот человек или нет. Ну а вдруг понадобится?! Он нужен Балазару, а поскольку предположения стрелка подтвердились и Балазар проявил себя человеком страшным, то с ним лучше выбрать линию поведения наиболее безопасную.

Выстрел его был хорош, и это неудивительно. Но то, что случилось с Андолини, удивления было достойно. Роланд знал, что такое бывает, но только дважды за всю свою жизнь он видел, как люди стреляют друг в друга одновременно.

Тебе, парень, сегодня не повезло, подумал стрелок, когда Андолини, шатаясь, двинулся с дикими воплями к воде. По рубахе и брюкам стекала кровь. На руке, в которой он держал свой «кольт», отсутствовало пол-ладони. Сам пистолет валялся на песке бесполезным куском искореженного металла.

Эдди ошеломленно уставился на него. Больше уже никого не обманет лицо Джека Андолини, лицо пещерного человека. Потому что теперь лица у него не было. На его месте осталось только обожженное месиво кровоточащей плоти и черная вопящая дыра вместо рта.

— Боже мой, что с ним случилось?

— Видимо, моя пуля попала в барабан его револьвера в ту же секунду, когда он нажал на спусковой крючок. — Стрелок произнес это сухо, как профессор, читающий лекцию по баллистике в полицейской академии. — В результате произошел взрыв, оторвавший заднюю часть его револьвера. И скорее всего взорвалось еще два-три патрона.

— Пристрели его, — сказал Эдди. Теперь его трясло еще сильнее и не только из-за ночной прохлады, холодного ветра с моря и отсутствия всякой одежды. — Убей его. Ему же больно. Пожалей его, ради Бога...

— Поздно. — Безразличие стрелка пробрало Эдди своим холодом до мозга костей.

Он отвернулся, но все же успел заметить, как чудовища обступили Андолини и принялись откусывать по кусочку от его ботинок... разумеется, вместе с плотью. Вскрикнув и судорожно взмахнув руками, Андолини упал лицом вниз. Омароподобные твари с жадностью набросились на него и все задавали свои беспокойные вопросы, заживо пожирая его: *Дад-а-чак? Дид-а-чик? Дуд-а-чум? Дод-а-чок?*

— Господи, — простонал Эдди. — И что теперь?

— Теперь ты возьмешь ровно столько (*бес-порошка,* сказал стрелок; *кокаина,* услышал Эдди), сколько ты обещал этому Балазару. Не больше и не меньше. И мы вернемся. — Роланд спокойно поглядел на Эдди. — Только на этот раз я пойду с тобой сам.

— Боже правый, — воскликнул Эдди. — А ты так можешь? — И тут же ответил на свой вопрос: — Ну конечно, ты можешь. Только зачем?

— Потому что один ты не справишься, — сказал Роланд. — Пойдем.

Эдди оглянулся на копошащуюся груду чудовищ. Ему не нравился Джек Андолини, но он все равно почувствовал, как желудок его выворачивается наизнанку.

— Пойдем, — теряя терпение, повторил Роланд. — У нас мало времени, и потом, мне очень не нравится то, что я сейчас должен сделать. Я никогда раньше такого не делал. И даже не думал, что мне *придется.* — Его губы скривились в горькой усмешке. — Но я уже потихоньку привыкаю к таким вещам.

Эдди медленно приблизился к нему — к этой тощей фигуре, — ноги его были точно ватные. Его кожа отсвечивала белизной во тьме чужого мира. *Кто ты, Роланд?* — подумал он. *Что ты такое? Этот жар, от тебя исходящий, — только ли лихорадка? Или еще и безумие? Наверное, и то, и другое.*

Боже, ему нужно ширнуться. Он это *заслужил.*

— Никогда раньше не делал чего? — спросил он. — Ты о чем вообще говоришь?

— Возьми. — Стрелок указал на древний револьвер в кобуре справа на поясе. Указал не пальцем — у него не было пальца, чтоб им указывать, — только обмотанный тряпкой обрубок. — Теперь он мне вряд ли уже пригодится. Ни сейчас, ни, наверно́е, вообще.

— Я... — Эдди тяжело сглотнул. — Я не хочу даже к нему прикасаться.

— Мне тоже не хочется, чтобы ты к нему прикасался, — теперь в голосе Роланда сквозила непривычная мягкость, — но, боюсь, выбора у нас нет. Похоже, будет перестрелка.

— Да?

— Да. — Стрелок невозмутимо взглянул на Эдди. — И, по-моему, большая.

18

С каждой секундой Балазар нервничал все сильнее. Слишком долго. Слишком надолго они там засели, и как-то у них слишком тихо. Он слышал, как где-то далеко, может быть, за квартал отсюда, двое кричали друг на друга, а потом раздался какой-то грохот, похожий на выстрелы... но когда ты занимаешься таким делом, каким занимается Балазар, ты не слишком-то переживаешь о каких-то там выстрелах.

Крик. Это был крик?

Не важно. Мало ли что там творится за квартал отсюда... тебя это никак не заденет. Ты превращаешься в мнительную старушенцию.

И все равно: по всем признакам дело плохо. Просто погано.

— Джек? — выкрикнул он в сторону закрытой двери.

Никакого ответа.

Балазар открыл левый верхний ящик стола и достал пистолет. Это был не маленький «кольт-кобра», удобный для ношения в потайной кобуре, а здоровенный «Магнум-357».

— Чими! — позвал он. — Ты мне нужен!

Он резко задвинул ящик. С тихим шелестом карточная башня рухнула. Балазар даже и не заметил этого.

Чими Дретто — все его двести пятьдесят фунтов весу — возник в дверном проеме, заполнив его целиком. Он увидел, что Папа Босс достал из стола пистолет, и немедленно вытащил свой из-под клетчатого пиджака таких кричащих цветов, что стороннему наблюдателю вполне можно было бы заработать себе ожог сетчатки, если бы он имел неосторожность смотреть на него слишком долго.

— Мне нужны Клаудио и Трикс, — распорядился Балазар. — Быстро давай их сюда. Наш малыш, кажется, что-то удумал.

— У нас там проблема, — сообщил Чими.

Взгляд Балазара метнулся от двери туалета к Чими.

— У меня здесь своих полно, — сказал он. — Ну и что там у вас еще?

Чими облизал губы. Он не любил сообщать Папе Боссу плохие новости, даже при обстоятельствах более благоприятных... а уж когда Папа Босс смотрел на него так...

— Ну, — протянул он и опять облизал губы. — Видите ли...

— *А быстрее нельзя, мать твою?* — заорал Балазар.

19

Рукоятка из сандалового дерева была такой гладкой, что Эдди, впервые взяв револьвер, едва не уронил его себе на ногу. Он был таким большим, что казался вообще допотопным; таким тяжелым, что Эдди решил держать его двумя руками. *Отдача,* предположил он, *вобьет меня в ближайшую стену, если эта штука вообще выстрелит.* И все-таки что-то в нем тянулось к этому револьверу, что-то в нем отвечало ясному предназначению оружия, сознавало его кровавую историю и хотело ее продолжить.

Его держали в руках только самые лучшие, подумалось Эдди. *По крайней мере до сих пор.*

— Ты готов? — спросил Роланд.

— Нет, но все равно давай.

Левой рукой он сжал левое запястье Роланда. Тот приобнял его за плечи горячей правой.

Вместе они шагнули через «порог», из ветреной тьмы на пляже в умирающем мире Роланда, в прохладное свечение туалета в офисе Балазара в «Падающей башне».

Эдди моргнул, привыкая к свету, и услышал в соседней комнате голос Чими Дретто:

— У нас там проблемы.

Не у вас одних, подумал Эдди, и тут его взгляд наткнулся на аптечку. Дверца была открыта. Он вспомнил, как Балазар приказал Джеку обыскать туалет, а Джек спросил, есть ли там место, о котором он не знает. Прежде чем ответить, Балазар помедлил, а потом сказал: «На задней стенке аптечки есть небольшая панель. Я там держу кое-какие личные вещи».

Андолини отодвинул металлическую панель, но обратно задвинуть забыл.

— Роланд! — прошептал Эдди.

Роланд приложил к губам дуло своего револьвера, требуя тишины. Эдди беззвучно скользнул к аптечке.

Кое-какие личные вещи оказались бутылочкой с суппозиториями, номером иллюстрированного журнала под названием «Детские игры» (на обложке красовались две обнаженные девочки лет восьми, целующиеся взасос) и десятью упаковками кефлекса. Эдди знал, что такое кефлекс. Все наркоманы, подверженные всяким общим и локальным инфекциям, как правило, знают.

Кефлекс — это антибиотик.

— У меня здесь своих полно, — говорил Балазар за стенкой. Он явно торопился. — Ну и что там у вас еще?

Если уж это ему не поможет, тогда ничто уже не поможет, подумал Эдди. Он сгреб упаковки с лекарством и хотел было сунуть их в карман, как вдруг вспомнил, что у него нет карманов, и издал какой-то сухой лай, совсем не похожий на смех.

Он сложил упаковки в раковину. Потом они их заберут... если *будет* это потом.

— Ну, — говорил Чими. — Видите ли...

— *А быстрее нельзя, мать твою?* — заорал Балазар.

— Старший брат этого малыша... — начал Чими и умолк. Эдди замер, держа в руках последние две упаковки кефлекса, и склонил голову, прислушиваясь. Сейчас он действительно был похож на псину с обложки старых пластинок RCA Victor.

— Что с ним? — нетерпеливо спросил Балазар.

— Умер, — выдавил Чими.

Эдди уронил кефлекс в раковину и рывком повернулся к Роланду.

— Они убили моего брата, — сказал он.

20

Балазар открыл было рот, чтобы сказать Чими, дабы тот не приставал к нему с такой ерундой, когда есть проблемы гораздо важнее, как, например, это свербящее чувство, что малыш собирается его кинуть, пусть даже с ним там Андолини, и вдруг услышал голос парнишки так же явственно, как тот, вне всяких сомнений, слышал разговор Балазара и Чими:

— Они убили моего брата.

Внезапно Балазар перестал волноваться о своем товаре, о вопросах, оставшихся без ответа, о чем бы то ни было, кроме того, что надо бы остановить все это, пока ситуация не вышла из-под контроля.

— *Убей его, Джек!* — выкрикнул он.

Ответа не было. Потом он услышал, как малыш повторил:

— Они убили моего брата. Они убили Генри.

И внезапно Балазар понял — вот именно, *понял*, — что малыш обращается не к Джеку.

— Давай сюда всех джентльменов, — велел он Чими. — Всех до единого. Сейчас мы поджарим задницу этому говнюку, а потом оттащим его на кухню, и я лично откручу ему башку.

21

— Они убили моего брата, — сказал узник.

Стрелок не сказал ничего. Он только смотрел и думал: *Эти бутылочки. В раковине. Это то, что мне нужно, или он так считает, что мне это нужно. Пакетики. Не забыть. Не забыть.*

Из другой комнаты:

— *Убей его, Джек!*

Ни Эдди, ни сам стрелок не обратили на это внимания.

— Они убили моего брата. Они убили Генри.

В соседней комнате Балазар рассуждал о том, как он отвинтит голову Эдди в качестве трофея. Стрелок находил в этом какое-то странное утешение: оказывается, они не такие и разные, эти два мира.

Тот, кого звали Чими, принялся громко орать, зовя остальных. Послышался вовсе не джентльменский топот бегущих ног.

— Ты собираешься что-то делать или так и будешь стоять здесь? — спросил Роланд.

— Да, кое-что я собираюсь сделать, — ответил Эдди и поднял револьвер стрелка. И хотя еще пару минут назад он был уверен в том, что ему придется держать этот револьвер двумя руками, сейчас обнаружилось, что он это делает с легкостью.

— И что же это? — Собственный голос показался Роланду каким-то далеким. Он еле держался, его сжигал жар лихорадки, но сейчас его охватил другой жар, слишком знакомый. Тот, который обуял его в Талле. Жар схватки, который сжигает все мысли, оставляя одно желание: прекратить думать и начать стрелять.

— Я собираюсь объявить им войну.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — сказал Роланд. — Но ты узнаешь. Сейчас мы войдем в ту комнату. Ты иди вправо, я — влево. Из-за руки.

Эдди кивнул. Они вышли — на свою войну.

22

Балазар думал, что выйдет Эдди, или Андолини, или и тот, и другой. Он совершенно не ожидал, что вместе с Эдди появится какой-то мужик, абсолютно ему незнакомый — с грязными черными волосами, в которых проглядывала седина, и лицом, как будто высеченным из камня десницей некоего жестокого божества. На мгновение он растерялся, не зная, в кого стрелять.

У Чими, однако, такой проблемы не возникло. Папа Босс расстроился из-за Эдди. Значит, сначала займемся Эдди, а об этом catzarro позаботимся позже. Чими тяжеловесно развернулся в сторону Эдди и трижды нажал на спусковой крючок своего автоматического пистолета. Гильзы сверкнули в воздухе. Эдди увидел, как здоровый детина поворачивается к нему, и, пригнувшись, рывком скользнул по полу, как какой-нибудь разбушевавшийся малый на конкурсе дискотанцев, который в пылу борьбы сбросил с себя свой костюмчик а-ля Джон Траволта и нижнее белье в придачу; его мужское достоинство болталось туда-сюда, а голые колени сначала нагрелись, а потом обожглись о пол по мере нарастания силы трения. Прямо над ним в пластиковой панели под сучковатую сосну образовалось три дырки. Осколки посыпались ему на плечи и голову.

Боже, не дай мне умереть голым и без последней дозы, взмолился Эдди, понимая прекрасно, что такая молитва не просто вопиющее богохульство, но еще и вопиющая нелепость. Но остановиться он не мог. *Пусть я умру, но пожалуйста, дай мне еще разок уколо...*

Револьвер в левой руке стрелка грохнул. Если на открытом морском берегу грохот выстрела был просто громким, то здесь, в помещении, он был оглушительным.

— *Боженька!*— сдавленно выкрикнул Чими Дретто. Удивительно, как он вообще сумел крикнуть. Грудь его внезапно проломилась, как будто кто-то швырнул в бочку кувалду. На белой его рубашке уже проступали алые пятна, словно на ней расцветали маки. — *Боже Иисусе! Боже Иисусе! Боже...*

Клаудио Андолини отшвырнул его в сторону. Чими с грохотом повалился на пол. Со стены свалились две фотографии в рамках. Одна из них, на которой Папа Босс вручал какому-то улыбающемуся пареньку кубок «Спортсмена года» на банкете Полицейской атлетической лиги, приземлилась Чими на голову. Осколки стекла рассыпались по его плечам.

— *Боже Иисусе,* — прошептал он в последний раз, и кровавая пена выступила на его губах.

Следом за Клаудио двинулся Трикс и еще один парень из тех, кто сидел в кладовой. В обеих руках Клаудио держал по автоматическому пистолету; у парня из кладовой была винтовка «ремингтон» со стволом, обрезанным так низко, что она походила больше на крупнокалиберный «дерринджер» с тяжелым случаем свинки; у Трикса Постино — скорострельный М-16, который он называл «чудесной машиной Рэмбо».

— Где мой брат, ты, урод наколотый? — заорал Клаудио. — Что ты сделал с Джеком?

Его, похоже, не слишком интересовал ответ, потому что он начал палить из обоих стволов, еще не закончив орать. *Я — труп,* сказал себе Эдди, а потом Роланд выстрелил снова. Клаудио Андолини отлетел назад, окутанный облаком собственной крови. Пистолеты выпали из его рук и, проехав по столу Балазара, грохнулись на ковер посреди разбросанных карт. Кишки Клаудио шлепнулись на стену за секунду до того, как он сам о нее ударился.

— *Прикончить его!*— вопил Балазар. *Прикончить призрака! Мальчишка один не опасен! Он всего лишь наркоман с голой задницей! Призрака надо кончать! Застрелить его к черту!*

Он дважды нажал на спусковой крючок своего 357-го. «Магнум» стрелял почти так же громко, как револьвер Роланда. Пули его не прошили панели стены, у которой стоял Роланд, аккуратными дырочками — они разнесли панели в щепки по обеим сторонам от головы стрелка. Зазубренными лучами в дырки полился белый свет из уборной.

Роланд нажал на спусковой крючок.

Только сухой щелчок.

Осечка.

— *Эдди!* — выкрикнул он, и Эдди поднял свой револьвер и нажал на спусковой крючок.

Громыхнуло так, что на мгновение Эдди подумалось, что револьвер взорвался у него в руке, как тогда у Джека. Отдача не вмазала его в стену, как он опасался, но все-таки ощутимо дернула руку, рванув сухожилия.

Он увидел, как часть плеча Балазара исчезла в облаке алых брызг. Балазар завизжал, точно раненый кот, а Эдди завопил:

— *Наркоман не опасен? Ты так сказал? Так ты сказал, мудила? Хотел нас с братом прикончить? Я тебе покажу, кто опасен! Я тебе...*

Громыхнуло так, как будто кто-то швырнул гранату. Это парень из кладовой выпалил из своего «ремингтона». Эдди откатился в сторону. Дробь пробила, наверное, не меньше сотни мелких дырочек в стене и двери туалета. Кое-где дробинки задели голую кожу Эдди, и тот только теперь сообразил, что если бы парень стоял чуть ближе, а рой дроби был бы чуть плотнее, он бы просто испарился.

Черт, все равно я уже покойник, сказал он себе, наблюдая за парнем из кладовой, который только что перезарядил свой дробовик и теперь прикладывал его к плечу. Он усмехался. Его желтые зубы явно давно не водили дружбу с зубной щеткой.

Господи, я умру от руки какого-то мудака с желтыми зубами, а я даже не знаю, как его звать, подумал Эдди словно издалека. *Но я хотя бы разочек попал в Балазара. Хотя бы это я сделал. Стрелял ли Роланд еще?* — Эдди не мог припомнить.

— Я возьму его! — весело заорал Трикс Постино. — Не мешай мне, Дарио! Уйди!

Но парень по имени Дарио и шагу ступить не успел, а Трикс уже открыл огонь из «чудесной машины Рэмбо». Тяжелый грохот автомата заполнил весь кабинет Балазара, в результате чего Эдди остался жив. Дарио уже взял его на мушку, но не успел он нажать на спуск, как очередь из автомата Трикса разрезала его пополам.

— *Прекрати, идиот!* — заорал Балазар.

Но Трикс либо не слышал, либо не мог уже остановиться, либо не хотел. Губы его растянулись в акульем оскале, обнажив зубы, блестящие от слюны. Он поливал свинцом комнату от стены к стене. Панели на стенах рассыпались в пыль, фотографии в рамках взорвались облаками летящих осколков стекла. Дверь в уборную сорвало с петель. Рельефное стекло стойки душа разлетелось на кусочки. Трофей с благотворительного аукциона — Балазар приобрел его в прошлом году — зазвенел точно колокол, когда автоматная очередь прошлась по нему.

В фильмах люди часто убивают друг друга из ручного скорострельного оружия. В реальной жизни такое случается очень редко. А если случается, то только за первые три-четыре очереди (что мог бы, кстати, подтвердить и незадачливый Дарио, если бы только он мог теперь подтверждать). А после первых очередей с человеком, который пытается справиться с этим оружием, причем с любым человеком, даже с самым сильным, — происходят две вещи: ствол потихоньку поднимается вверх, а стрелка разворачивает вправо или влево в зависимости от того, к какому плечу он приставил приклад. Короче говоря, этим оружием может пользоваться только либо конченый идиот, либо кинозвезда: с тем же успехом можно пытаться застрелить кого-нибудь и отбойным молотком.

Эдди на пару мгновений застыл, буквально не в силах предпринять ничего более конструктивного, как только глядеть на этот образчик чистого идиотизма. Потом он увидел,

как в дверь за спиной Трикса ломятся еще люди, и поднял револьвер стрелка.

— *Я возьму его!* — вопил Трикс с этаким истеричным восторгом любителя боевиков, который насмотрелся слишком много фильмов и теперь не различает уже, где граница между картиной, возникшей в его воспаленном воображении, и реальной жизнью. — *Я возьму его! Я возьму его! Я возьму...*

Эдди нажал на спуск и снес Триксу треть головы — от бровей и выше. Судя по поведению бедняги, хуже ему все равно не будет.

Боже правый, когда эти штуки стреляют, они действительно пробивают дыры, подумал Эдди.

Слева раздалось оглушительное БА-БАХ. Что-то пробило горячую выемку в его недоразвитом левом бицепсе. Он оглянулся и увидел, что Балазар целится в него из «магнума» из-за края усыпанного картами стола. Плечо Балазара представляло собой кровоточащую алую кашу. «Магнум» грохнул. Эдди пригнулся.

23

Роланд исхитрился припасть к полу, взять на мушку первого из джентльменов, ввалившихся в дверь, и нажать на спусковой крючок. Он только что провернул барабан, высыпал на ковер использованные и невыстрелившие патроны и перезарядил револьвер. Он сделал это зубами. Балазар целился в Эдди. *Если и этот патрон не выстрелит, нам обоим конец.*

Но этот выстрелил. Револьвер грохнул, отдача дернула руку, Джимми Аспио упал на пол, 45-й выпал из мертвой руки.

Роланд заметил, как тот, кто был рядом с Джимми, отпрянул и, повалившись на пол, пополз по щепкам и осколкам стекла. Роланд сунул револьвер в кобуру. Сама мысль о том, чтобы снова перезарядить его без двух пальцев на правой руке, казалась дурацкой шуткой.

Эдди справлялся прекрасно. Хотя бы судя по тому, что он дрался обнаженным. А для мужчины это тяжело. Иногда просто невозможно.

Стрелок подхватил автоматический пистолет, из тех, которые выронил Клаудио Андолини.

— *Вы чего, парни, ждете?* — проорал Балазар. — *Господи! Разберитесь с ними!*

Большой Джордж Бьонди и еще один парень из кладовой вломились в дверь. Парень кричал что-то на итальянском.

Роланд ползком добрался до края стола. Эдди поднялся, нацелившись на дверь. *Он знает, что Балазар затаился и ждет только удобного случая, чтобы пальнуть, но он уверен, что мне уже нечем стрелять,* подумал Роланд. *Вот и еще один готов умереть за тебя, Роланд. За какие грехи тебе дана эта способность возбуждать в людях такую преданность?*

Балазар поднялся, не замечая стрелка, который подобрался к нему с фланга. Балазар был сейчас занят только одним: покончить наконец с этим чертовым наркоманишкой, из-за которого он поимел столько бед на свою голову.

— Нет, — проговорил стрелок.

Балазар обернулся, на его лице было написано изумление.

— Пошел ты... — начал было Балазар, разворачивая свой «магнум». Стрелок четыре раза пальнул в него из автоматического пистолета Клаудио. Дешевенькая штуковина. Ничем не лучше игрушки. Прикоснувшись к нему, стрелок почувствовал себя так, как будто он выпачкал руки, но так, наверное, и надо: прикончить жалкого человечишку жалким «игрушечным» револьверчиком.

Энрико Балазар умер с выражением крайнего изумления на том, что осталось еще от его лица.

— Пока, Джордж! — сказал Эдди и нажал на спуск. К его несказанному удовольствию, снова раздался грохот. *В этом малыше нет ни одного порченого,* в каком-то бешеном исступлении подумал Эдди. *Мне, как видно, достался хороший ствол.* Джордж успел еще выстрелить, а потом пуля Эдди отшвыр-

нула его назад, и он упал на пол, повалив заодно и орущего мужика, что стоял у него за спиной. Джордж промахнулся. Эдди вдруг охватило иррациональное, но отметающее все сомнения чувство: что револьвер Роланда наделен некой колдовской силой оберега. Пока он держит его в руках, с ним ничего не случится.

А потом наступила тишина — Эдди слышал лишь стоны несчастного, которого придавил Большой Джордж (когда Джордж свалился на Руди Векчино, так звали этого бедолагу, он сломал ему три ребра), и звон у себя в ушах. На мгновение он испугался, что уже никогда не будет слышать нормально. По сравнению с грохотом перестрелки, которая, кажется, завершилась, самый оглушительный рок-концерт звучал не громче радио, играющего где-то за два квартала.

Офис Балазара представлял собой картину полного опустошения. На комнату он походил теперь меньше всего. Его прежнее назначение даже и не угадывалось. Эдди огляделся, вытаращив глаза, как это бывает, когда очень юный парнишка видит что-то подобное впервые в жизни, но Роланд знал эту картину, и картина всегда была одинаковой. Громадное ли это поле битвы, где тысячи солдат полегли под огнем канонады, от винтовок, мечей, алебард, или маленькая комнатушка, где пять-шесть человек перестреляли друг друга, — в конце все сводилось к одному: еще один мертвый дом, еще один склеп, воняющий порохом и сырым мясом.

Стена между офисом и туалетом исчезла за исключением нескольких стоек. Все было усыпано битым стеклом. Потолочные панели, развороченные эффектной, но бесполезной стрельбой Трикса Постино, свисали как ошметки содранной кожи.

Эдди сухо откашлялся. Теперь он различал и другие звуки: гул возбужденного разговора, крики из бара и на улице, вдалеке — вой сирен.

— Сколько? — спросил стрелок Эдди. — Мы их всех уложили?

— Да, я думаю...

— Я тебе кое-что принес, Эдди, — выкрикнул из коридора Кевин Блейк. — Мне показалось, тебе оно пригодится в качестве сувенира на память. Видишь? — То, чего Балазару не удалось сотворить с младшим Дином, Кевин сделал со старшим. Он швырнул в дверь отрезанную голову Генри Дина.

Эдди увидел, что это, и закричал. Босой, он с криком рванулся к двери прямо по осколкам стекла и щепкам, не обращая на них внимания, стреляя на бегу, тратя последние патроны, оставшиеся в барабане огромного револьвера.

— *Нет, Эдди!* — крикнул стрелок, но Эдди его не слышал. Он вообще ничего не слышал.

Шестой патрон дал осечку, но теперь Эдди вообще ничего уже не понимал, кроме того, что его брат Генри мертв. *Генри,* они отрезали ему *голову*, какой-то вонючий сукин сын отрезал Генри голову, и сукин сын за это *заплатит*, о да, в этом можете не сомневаться.

Он бежал к двери, опять и опять нажимая на спусковой крючок, не замечая того, что револьвер давно уже не стреляет, что его ноги красны от крови и что Кевин Блейк вышел, низко пригнувшись, ему навстречу, что в руках у него автоматический пистолет «лама» 38-го калибра. Рыжие волосы Кевина вились колечками и спиральками. Он улыбался.

24

Сейчас он очень огорчится, подумал стрелок, зная, что положиться ему можно только на удачу, чтобы попасть в цель из этого игрушечного пистолетика, не вызывающего никакого доверия, даже если он точно прицелится.

Когда он увидел, что солдат Балазара старается выманить Эдди, Роланд поднялся на колени и подпер левую руку кулаком правой, упрямо не обращая внимания на невыносимую боль. Другого шанса не будет. Боль не имеет значения.

Когда человек с рыжими волосами показался, расплывшись в улыбке, в дверном проеме, разума Роланда будто не стало, как это бывало всегда: глаз его видел, рука стреляла — и вот уже рыжеволосый распластался у той стены коридора с открытыми глазами и маленькой синенькой дыркой во лбу. Эдди стоял над ним, крича и рыдая, и снова и снова палил из пустого револьвера с рукояткой из сандалового дерева, как будто этот рыжеволосый был для него еще недостаточно мертв.

Стрелок ожидал смертоносной очереди, что разрежет Эдди пополам, и когда ее не последовало, он проникся уверенностью, что теперь все действительно закончилось. Если и были другие солдаты, они давно смылись.

Он поднялся на ноги, пошатнулся, едва не упав, и медленно пошел туда, где стоял Эдди Дин.

— Прекрати, — сказал он.

Эдди не слышал его: он продолжал палить в мертвого человека из пустого револьвера.

— Остановись, Эдди. Он мертв. Они все мертвы. У тебя ноги в крови.

Эдди не слышал его: он продолжал щелкать курком. Теперь возбужденные голоса стали ближе. Вой сирен тоже.

Стрелок схватил револьвер и потянул его к себе. Эдди повернулся к нему, и прежде чем Роланд успел понять, что сейчас произойдет, Эдди ударил его в висок его же собственным револьвером. Роланд почувствовал на виске теплую струйку крови и упал, привалившись к стене. Стрелок попытался подняться — им пора выбираться отсюда и побыстрее, — но почувствовал, что сползает по стене вниз, несмотря на все усилия, а потом мир ненадолго исчез в колышущейся серой пелене.

25

Он был в отключке не более двух минут, но затем все же сумел собраться и подняться на ноги. Эдди куда-то делся: его больше не было видно в коридоре. Револьвер Роланда лежал

на груди рыжеволосого мертвеца. Стрелок нагнулся, борясь с приступом головокружения, поднял револьвер и неуклюже опустил его левой рукой в правую кобуру.

Как бы вернуть мои чертовы пальцы, устало подумал он и вздохнул.

Он направился в развороченный офис — добрался туда кое-как, спотыкаясь на каждом шагу. Он нагнулся и собрал одежду Эдди: столько, сколько сумел унести на сгибе левого локтя. Вой сирен приближался. Роланд решил, что это, наверное, едут солдаты милиции, комендантский отряд, что-нибудь в этом роде... но не исключена и возможность, что это люди Балазара.

— Эдди, — прохрипел он.

В горле снова саднило. Оно болело даже сильнее, чем припухлость на виске, куда Эдди ударил его револьвером.

Эдди не замечал ничего. Он сидел на полу, прижимая к животу голову брата. Его трясло. Он рыдал. Стрелок оглянулся, ища глазами дверь на берег, и когда не увидел ее, испытал какое-то неприятное чувство, похожее на панический ужас. А потом вспомнил. Когда они оба по эту сторону, единственный способ вернуть дверь — войти с Эдди в физический контакт.

Он потянулся к нему, но Эдди отпрянул, не прекращая всхлипывать.

— Не прикасайся ко мне, — сказал он.

— Эдди, все кончено. Они все мертвы, и твой брат тоже мертв.

— *Не трогай моего брата!* — как-то по-детски выкрикнул Эдди, и его тело снова задрожало. Он прижал к груди отрезанную голову брата и уставился на стрелка глазами, полными слез.

— Он всегда обо мне заботился, понимаешь? — Эдди захлебывался от рыданий, так что стрелок с трудом его понимал. — Всегда. Почему я не сумел позаботиться о нем, лишь один раз, после всего, что он для меня сделал?

Да уж, он позаботился о тебе, хмуро подумал Роланд. *Посмотри на себя: сидишь тут и дрожишь, как будто ты скушал плод хинного дерева. Замечательно он о тебе позаботился.*

— Нам надо идти.

— Идти? — Впервые за все это время на лице Эдди отразилось хоть какое-то понимание, которое тут же сменилось тревогой. — Я никуда не пойду. И особенно в это жуткое место, где эти огромные крабы, или что там такое, сожрали Джека.

Кто-то ломился в дверь, требуя, чтобы ее немедленно открыли.

— Хочешь остаться тут и объяснять, откуда здесь все эти трупы? — спросил стрелок.

— Мне все равно. Без Генри все потеряло смысл. Все.

— Тебе, может быть, и все равно, — сказал Роланд, — но сюда впутаны и другие, узник.

— *Не называй меня так!* — заорал Эдди.

— *Я перестану тебя так называть, когда ты докажешь, что можешь выйти из той темницы, в которой ты заперт!* — прокричал в ответ Роланд. Ему было больно кричать, но он все равно орал. — *Выброси этот кусок гнилого мяса и прекрати ныть!*

Эдди поглядел на него. Щеки мокрые. В глазах страх.

— ДАЮ ВАМ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС! — раздался снаружи громовой голос. Эдди подумал еще, что он до жути похож на голос ведущего какого-нибудь игрового шоу. — ПРИБЫЛА ГРУППА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ — ПОВТОРЯЮ: ПРИБЫЛА ГРУППА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ!

— Что меня ждет там, за дверью? — спокойно спросил Эдди Роланда. — Давай скажи мне. Если ты скажешь, я, может быть, и пойду с тобой. Только не лги, я узнаю, если ты мне солжешь.

— Возможно, смерть, — отозвался стрелок. — Но, прежде чем это случится, скучать тебе не придется. Я хочу, чтобы ты пошел вместе со мной на поиск. Конечно, все это может закончиться смертью... мы умрем все вчетвером в странном месте... — Глаза Роланда зажглись. — Но если мы победим, Эдди, ты увидишь такое, что ты и в мечтах себе не представлял.

— И что же?

— Темную Башню.

— А где эта Башня?

— Далеко-далеко от берега, где ты меня нашел. Я даже не знаю, как далеко.

— *Что* это?

— Я тоже не знаю... может быть, что-то вроде... вроде стержня. Центральная ось, которая держит все бытие. Все бытие, все время и весь размер.

— Ты сказал: четверо. Кто остальные двое?

— Я их не знаю. Их еще нужно извлечь.

— Как ты извлек меня. Вернее, собираешься извлечь.

— Да.

Снаружи раздался какой-то взрыв, как будто грохнула мортира. Стекло на фасаде «Падающей башни» разлетелось на куски. В баре уже заклубились струйки слезоточивого газа.

— Ну? — спросил Роланд. Он мог бы схватить Эдди, силой вернуть двери существование и протащить его на ту сторону. Но он видел, как ради него Эдди рисковал жизнью, видел, как этот человек, подавляемый злым духом, вел себя с достоинством прирожденного стрелка, несмотря на пристрастие к зелью и на то, что он был вынужден драться в чем мать родила, и поэтому он хотел, чтобы Эдди сам принял решение.

— Поиски, приключения, Башни, миры, которые нужно завоевать. — Эдди слабо улыбнулся. Ни он, ни Роланд даже не обернулись, когда первые гранаты со слезоточивым газом влетели в помещение сквозь выбитые окна. Первые едкие щупальца газа уже просачивались в кабинет Балазара. — Звучит даже лучше, чем «Марсианские истории» Эдгара Берроуза, которые Генри читал мне в детстве. Ты только забыл одну вещь.

— Какую?

— Прекрасных дев с голыми сиськами.

Стрелок улыбнулся:

— На пути к Темной Башне возможно все.

Эдди снова сотрясла дрожь. Он поднес голову Генри к губам, поцеловал холодную пепельно-серую щеку и осторожно отложил эту жуткую реликвию в сторону. Потом он поднялся.

— О'кей. У меня все равно нету планов на этот вечер.

— На, возьми. — Роланд протянул Эдди его одежду. — И надень хотя бы ботинки. Ты порезал все ноги.

Снаружи, на улице, двое фараонов в плексигласовых шлемах, бронежилетах и защитной спецодежде разнесли в щепки переднюю дверь «Падающей башни». В туалетной комнате Эдди (одетый только в трусы и в кроссовки «Адидас») передал Роланду упаковки кефлекса, и Роланд сложил их в карманы джинсов Эдди. Когда Роланд закончил, он правой рукой приобнял Эдди за плечо, а Эдди сжал левую руку Роланда. Дверь появилась опять — прямоугольником темноты. Эдди почувствовал, как ветер иного мира треплет его слипшиеся от пота волосы. Он услышал плеск волн, набегающих на каменистый берег. Почувствовал запах соли. И несмотря ни на что, несмотря на всю боль и горечь, ему вдруг захотелось увидеть эту Башню, о которой ему говорил Роланд. Очень-очень. А теперь, когда Генри мертв, что держит его в этом мире? Родители их давно умерли, постоянной девушки у него не было вот уже три года, с тех пор как он пристрастился к наркотикам, — только шлюхи, ширяльщицы и нюхачки. Ни одной стоящей. Всех к этой матери.

Они шагнули через порог, Эдди даже немного опередил Роланда.

Уже на той стороне его вдруг снова бросило в дрожь, а все тело его свело судорогой — первые симптомы острого героинового голодания. И еще — тревожная запоздалая мысль.

— Погоди! — крикнул он. — Мне на минуточку нужно вернуться! У него в столе! Или в соседнем кабинете! Товар! Если Генри держали подколотым, значит, там есть! Героин! Мне нужно! Нужно!

Он умоляюще посмотрел на Роланда, но лицо у стрелка было каменным.

— Этот этап твоей жизни уже завершился, Эдди, — сказал Роланд и преградил ему путь левой рукой.

— *Нет!* — закричал Эдди, вцепившись в стрелка. — *Ты не врубаешься! Мне нужно! МНЕ НУЖНО!*

С тем же успехом он мог бы царапать камень.

Стрелок захлопнул дверь.

Она издала глухой хлопок, означающий бесповоротное завершение, и упала плашмя на песок. Из-под краев ее взметнулись облачка пыли. Больше за дверью не было ничего, и надпись на ней пропала. Эти врата между мирами закрылись уже навсегда.

— НЕТ! — завопил Эдди, и чайки ответили ему криком, в котором как будто сквозило насмешливое презрение. Омароподобные твари нашептывали свои вопросы, как бы намекая, что он их расслышит гораздо лучше, если подойдет поближе, и Эдди упал на песок, продолжая кричать, и трястись, и корчиться в судорогах.

— Эта потребность пройдет, — сказал стрелок и достал одну упаковку лекарства из кармана джинсов Эдди, которые были очень похожи на его собственные штаны. Он опять сумел разобрать несколько букв, хотя и не все. *Чифлет,* так он прочитал это слово.

Чифлет.

Лекарство из того, другого мира.

— Смерть или спасение, — пробормотал Роланд и проглотил всухую две капсулы. Потом принял еще три таблетки *астина*, лег рядом с Эдди, обнял его как можно крепче, и уже через пару минут они оба заснули.

ПЕРЕТАСОВКА

Время, наступившее после этой ночи, в сознании Роланда представлялось распавшимся временем, временем сломленным, временем, которое перестало быть собственно временем. Он запомнил лишь вереницу образов, и мгновений,

и пустых разговоров; образы проносились мимо, как карты в быстро тасуемой колоде: одноглазые валеты и тройки, девятки и кроваво-черная сучка — Паучья Королева.

Позже он спросил Эдди, сколько все это продолжалось, но Эдди тоже не знал. Время исчезло для них обоих. Время разрушилось. В аду не бывает времени, а каждый из них пребывал в своем собственном частном аду: Роланд — в аду заражения и лихорадки, Эдди — в преисподней ломки.

— Меньше недели, — сказал Эдди. — В этом я точно уверен.

— Откуда ты знаешь?

— Таблеток, которые я тебе дал, должно хватить на неделю. А потом мы посмотрим, что с тобой будет. Одно из двух.

— Либо я вылечусь, либо умру?

— Точно.

Перетасовка.

Когда сумерки растворяются во тьме ночи, раздается выстрел: сухой грохот, перекрывающий неизбежный и неотвратимый плеск волн, что разбиваются о пустой берег, — БА-БАХ! Пахнет порохом. *Похоже, у нас проблемы,* думает стрелок и тянется за револьвером, которого нет. О нет, это конец, это...

Но выстрелов больше не слышно, и чем-то запахло во тьме

перетасовка,

так хорошо, так вкусно. После всего этого долгого темного и сыпучего времени что-то готовится. Варится. Это не просто запах. Теперь Роланд различает треск хвороста и тускло-оранжевое мерцание маленького костерка. Иной раз, когда с моря тянет ветерком, он чует пахучий дым и еще один аромат, от которого слюнки текут. *Еда,* думает он. *Боже мой, я же голоден! А если я голоден, может быть, я поправляюсь.*

Эдди, пытается он сказать, но голоса нет. Горло болит, очень сильно болит. *Надо нам было взять и астина тоже,* думает он и пытается засмеяться: все снадобья — для него, и ни одного — для Эдди.

Появляется Эдди. В руках у него жестяная тарелка. Стрелок узнает ее тут же: тарелка из его собственного мешка. На ней — дымящиеся кусочки розовато-белого мяса.

Что? — пытается он спросить, но издает только слабый хрип.

Эдди читает по губам.

— *Я* не знаю, — говорит он раздраженно. — Но я от него не умер. Ешь, черт бы тебя побрал.

Он видит, что Эдди бледен, что Эдди трясет, чует, что пахнет от Эдди не то дерьмом, не то смертью, и понимает, что Эдди сейчас лихо. Он тянет руку, чтобы как-то его ободрить, успокоить, но Эдди отталкивает ее.

— Я тебя покормлю, — говорит он раздраженно. — Мать твою, если б я знал почему. Мне бы надо тебя убить. Я так бы и сделал, но вдруг подумал, что если ты один раз пробрался в мой мир, то, черт тебя знает, может, ты снова сможешь.

Эдди оглядывается по сторонам.

— Да и не улыбается мне сидеть здесь одному. В компании этих... ползучих.

Он опять смотрит на Роланда, и вдруг его сотрясает дрожь — такая сильная, что он едва не роняет тарелку с мясом. Но приступ скоро проходит.

— Ешь, черт тебя побери.

Стрелок ест. Мясо совсем не плохое — оно восхитительное. Он съедает три куска, а потом все опять расплывается

перетасовка

в попытке заговорить, но получается только сдавленный шепот. Эдди приникает ухом к его губам, хотя оно и отодвигается каждый раз, когда тело Эдди трясется в конвульсиях. Стрелок повторяет:

— На север. На север... по берегу.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, — шепчет он.

Эдди смотрит на него.

— Ты повернутый. Сумасшедший.

Стрелок улыбается и почти отключается, но Эдди бьет его по щеке. Бьет сильно. Голубые глаза Роланда широко раскрываются, и на мгновение в них загорается столько жизни и огня, что Эдди чувствует неловкость, а потом губы его расползаются в улыбке, больше похожей на оскал.

— Ладно, можешь отрубаться, — говорит он, — но сначала прими колеса. Пора. Во всяком случае, судя по солнцу. Так мне кажется. Я, правда, не был бойскаутом, так что я не могу говорить наверняка. Но, сдается мне, судя по солнцу, пора открывать контору. Открой ротик пошире, Роланд. Доктор Эдди даст тебе пилюльку, гребаный похититель детей.

Стрелок открывает рот, как младенец навстречу материнской груди. Эдди кладет ему в рот две таблетки и небрежно заливает их свежей водой. Роланд предполагает, что вода эта из ручья с холмов на востоке и она может быть ядовита. Эдди не знает, как различать хорошую и плохую воду. Но, с другой стороны, сам Эдди, кажется, в полном порядке, а выбора все равно нет. Ведь нет? Нет.

Он глотает, кашляет и едва не давится. Эдди равнодушно глядит на него.

Роланд тянется к нему.

Эдди пытается отодвинуться.

Но глаза стрелка пригвождают его к месту.

Роланд притягивает его так близко к себе, что чует запах болезни Эдди, а Эдди чует запах его болезни, и сочетание это вызывает у каждого омерзение и тошноту.

— Есть только два пути, — шепчет Роланд. — Я не знаю уж, как в твоем мире, но здесь их только два. Либо подняться и, может быть, выжить, либо умереть на коленях со склонен-

ной головой, так что в нос тебе ударяет вонь из собственных подмышек. Но это... — Он кашляет. — Это не для меня.

— *Кто ты?* — кричит Эдди.

— Твоя судьба, Эдди, — шепчет стрелок.

— Почему бы тебе не сдохнуть в своем дерьме?

Стрелок хочет ответить, но не успевает: его вновь унесло во тьму, и карты летят

перетасовка.

БА-БАХ!

Роланд открывает глаза, видит миллиарды звезд, кружащихся в темноте, и закрывает снова.

Он не знает, что происходит, но надеется, что все в порядке. Колода все еще в игре, карты

перетасовка.

Еще куски свежего вкусного мяса. Он себя чувствует лучше. Эдди тоже выглядит получше, но он чем-то обеспокоен.

— Они подбираются ближе, — сообщает он. — Может, они и уроды, но все-таки не совсем тупые. Они знают, что я такое делаю. Каким-то образом они знают, и им это не нравится, и с каждым разом они подбираются все ближе. Нам бы надо чуть-чуть отойти до заката, если ты можешь двигаться. А то может так получиться, что это будет последний закат в нашей жизни.

— Кто? — Это уже не шепот, а что-то среднее между шепотом и настоящей речью.

— *Они.* — Эдди указывает в сторону моря. — *Дад-а-чак, дум-а-чум* и все это дерьмо. По-моему, они вроде нас, Роланд: готовы сожрать всех и вся, но чтобы при том не сожрали их.

Внезапно, в наплыве всепоглощающего ужаса, Роланд понимает, что это за розовато-белое мясо, которым кормил

его Эдди. Говорить он не может. Тошнота подступает к горлу, не давая прорваться голосу. Но по его лицу Эдди читает все, что Роланд не сумел сказать.

— А что, ты думал, я делал? — Он едва ли не усмехается. — Позвонил в ресторан «Красный омар», чтобы прислали обед на дом?

— Они ядовитые, — шепчет Роланд. — Вот почему...

— Ага, вот почему ты сейчас hors de combat*. А я-то стараюсь, Роланд, дружище, чтобы ты не стал еще и hors d'oeuvre**. А что касается ядовитых тварей, то вот, скажем, гремучая змея, она ядовита тоже, но в некоторых странах ее едят. И она очень вкусная. Как цыпленок. Я где-то это читал. Мне они напоминают омаров, вот я и решил попробовать. А что еще мы должны были есть? Грязь? Я подстрелил одного чипиздрика и приготовил из него конфетку. Здесь ничего съедобного больше нет. И уж если на то пошло, то они очень даже вкусные. Каждую ночь, когда солнце только садилось, я подстреливал одного. Они не очень активны, пока совсем не стемнеет. И я ни разу не видел, чтобы ты отказался откушать.

Эдди улыбается.

— Мне нравилось думать, что, быть может, какой-то из тех, кого я подстрелил, сожрал Джека. Мне нравилось думать, что я ем этого мудака. У меня, знаешь ли, настроение поднималось.

— Какой-то из этих сожрал и кусок от меня, — выдавливает стрелок. — Два пальца с руки, один — с ноги.

— Тоже круто. — Эдди продолжает улыбаться. Лицо его, бледное, с заострившимися чертами, напоминает акулью морду... но он выглядит все же уже не таким больным, а этот запах не то дерьма, не то смерти, что окружал его плотным облаком, начинает, похоже, рассеиваться.

— Трахни себя в задницу, — хрипит стрелок.

---

* Выйти из строя (*фр.*). — *Примеч. пер.*

** Закуска (*фр.*). — *Примеч. пер.*

— Роланд проявил силу духа! — вопит Эдди. — Может быть, все-таки ты не откинешь копыта! Дорогуша! Это же ве-ли-ко-леп-ненько!

— Выберусь, — говорит Роланд. Шепот его превращается в хрип. Горло дерет, как рыболовными крючками.

— Да? — Эдди глядит на него, потом кивает и сам отвечает на свой вопрос: — Да. По-моему, ты выживешь. Хотя я уже пару раз думал, что ты кончаешься, а один раз мне показалось, что ты уже все. А теперь ты, похоже, выберешься. Это антибиотики помогли, но мне кажется, что ты сам себя *вытащил*. Но почему? Почему, мать твою, ты так стараешься выжить на этом долбаном берегу?

Башня, говорит он одними губами, не в силах выдавить даже хрип.

— А пошел ты со своей долбаной Башней, — говорит Эдди, уже отворачиваясь. Но тут же в изумлении поворачивается обратно, когда рука Роланда сжимает его запястье точно стальной наручник.

Они смотрят друг другу в глаза, и Эдди говорит:

— Ну хорошо. Хорошо!

На север, шепчет стрелок одними губами. *На север, я говорил уже. Говорил? Кажется, да. Но все как будто в тумане, затерялось в тасуемой колоде.*

— Откуда ты знаешь? — кричит Эдди в отчаянии, поднимает кулаки будто бы для того, чтобы ударить Роланда, но потом опускает.

Просто знаю — зачем ты тратишь мое время и силы, задавая дурацкие вопросы? — хочет ответить Роланд, но карты снова...

перетасовка

...а его тащат по берегу. Голова его беспомощно мотается из стороны в сторону. Он привязан к какой-то странной волокуше своими же собственными ремнями. Волокуша под-

прыгивает и глухо ударяется о землю. Стрелок слышит, как Эдди Дин распевает какую-то жутко знакомую песню, и сперва ему кажется, что ему снится бредовый сон:

— Hey Jude... don't make it bad... take a sad song... and make it better...

Где ты слышал ее, Эдди? — хочет спросить он. *Может быть, я ее пел? И где мы?*

Но не успел он спросить, как все закружилось

перетасовка.

Если бы Корт такое увидел, он бы снес парню голову, думает Роланд, глядя на волокушу, на которой провел этот день, и смеется. Но смех его больше похож на плеск волн, набегающих на каменистый пляж. Он не знает, как далеко они с Эдди продвинулись, но все же достаточно далеко, чтобы Эдди выдохся окончательно. Сейчас, в сумеречном свете уходящего дня, Эдди сидит на камне с револьвером стрелка на коленях, а рядом валяется полупустой бурдюк. Карман рубахи его оттопырен. Там — патроны из задней части патронташа: убывающий запас «хороших». Эдди обмотал их куском, оторванным от своей рубахи. Но запас этот таял быстро, потому что каждый четвертый или пятый патрон из «хороших» на поверку оказывался пустышкой.

Эдди, который только что дремал, поднимает голову.

— Чего ты ржешь?

Стрелок трясет искалеченной рукой и качает головой. Потому что он понимает, что был не прав. Корт не стал бы сносить Эдди голову за эту убогую кривенькую волокушу. Роланд думает даже, что Корт бы его похвалил — причем хвалил он так редко, что мальчик, с которым подобное происходило, даже не знал, что ответить: он лишь хлопал глазами и открывал рот, как рыба, только что вытащенная из воды.

Каркасом для волокуши служили две тополиные ветви примерно одинаковой длины и ширины. Каркас поддержи-

вали ветки поменьше, которые Эдди закрепил посредством всего, что имелось в наличии: ремнями патронташа, клейкой лентой, которой он прикрепил к телу мешочки с бес-порошком, даже сыромятным шнурком от шляпы стрелка и шнурками своих кроссовок. Поверх веток он положил одеяло Роланда.

Корт не стал бы дубасить Эдди, потому что, несмотря на свою слабость, Эдди не ограничился тем, что плюхнулся на задницу и принялся оплакивать злую судьбу. Он сделал *хотя бы что-то*. Он *попытался*.

И Корт наверняка похвалил бы Эдди в своей обычной резкой, грубоватой манере, потому что, какой бы дикой ни выглядела эта штука, она *сработала*. И доказательство тому — долгие следы, протянувшиеся вдоль берега, где они сходились на горизонте в единую точку.

— Ты их видишь? — спрашивает Эдди. Солнце опускается за горизонт, расплескивая по воде оранжевую дорожку, и стрелок соображает, что на этот раз он был в отключке часов шесть, если не больше. Он окреп и сам это чувствует. Он садится и смотрит на воду. Ни берег, ни пейзаж, простирающийся до западного склона гор, особенно не изменились, разве что только в деталях: например, комочек перьев, шевелящихся на ветру — мертвая птица ярдах в двадцати слева и в тридцати ярдах от кромки воды. Но, если не брать во внимание такие мелочи, они как будто и не сдвигались с места.

— Нет, — говорит стрелок. И чуть погодя: — Да. Вон там один.

Он показывает. Эдди всматривается и кивает. Солнце опускается ниже, и оранжевая дорожка на море постепенно окрашивается в цвет крови, первые омарообразные чудища выходят из волн и расползаются по каменистому берегу.

Двое неуклюже несутся наперегонки к дохлой чайке. Победитель набрасывается на нее, перерезает клешней пополам и начинает запихивать в пасть гниющие останки.

— *Дид-а-чик?* — вопрошает он.

— *Дуд-а-чум?* — отзывается второй. — *Дод-а...*

БА-БАХ!

Револьвер Роланда обрывает расспросы второго чудовища. Эдди спускается к нему и поднимает за хвост, не сводя настороженного взгляда с его собрата. Тот, однако, не доставляет ему никаких проблем: он занят чайкой. Эдди приносит добычу. Чудище еще корчится, воздевая и опуская свои клешни, но вскоре оно замирает. В последний раз выгибается хвост и потом просто падает, а не опускается медленно. Вяло повисают клешни.

— Кушать сейчас будет подано, хозяин, — говорит Эдди. — Выбирайте: филе из ползучего гада клешнистого или филе из клешнистого гада ползучего. Что вам больше понравится, хозяин.

— Я тебя не понимаю, — отвечает стрелок.

— Все ты понимаешь, у тебя просто нет чувства юмора. Куда оно делось?

— Отстрелили, наверное, где-нибудь на войне.

Эдди улыбается:

— Сегодня ты вроде уже оживаешь, Роланд.

— Мне тоже так кажется.

— Ну тогда, может, ты завтра сумеешь немного пройтись. Сказать по правде, дружище, я уже заколебался тебя тащить.

— Я постараюсь.

— Да уж, пожалуйста, постарайся.

— Ты тоже сегодня выглядишь получше. — На последних двух словах голос Роланда ломается, как у мальчишки. *Если я сейчас не замолчу,* еще думает он, *я скоро совсем не смогу говорить.*

— Сдается мне, я буду жить. — Эдди безо всякого выражения глядит на Роланда. — Ты ведь даже не знаешь, как близко я подходил к последней черте пару раз. Однажды я взял один из твоих револьверов и на полном серьезе приставил его к голове. Взвел курок, подержал так немного, а

потом отложил. Осторожно освободил курок и засунул обратно тебе в кобуру. А ночью меня скрутило. Спазмы, судороги... По-моему, на вторую ночь, хотя не уверен. — Он качает головой и добавляет фразу, которую стрелок понимает и в то же время не понимает: — Теперь Мичиган для меня как сон.

Хотя голос его опять падает до хриплого шепота и сам он знает, что ему нельзя разговаривать, Роланд задает вопрос, потому что ему нужно знать:

— Почему ты не нажал на спуск?

— Ну, видишь ли, это теперь мои единственные штаны, — отвечает Эдди. — А в последнюю секунду я вдруг подумал, что, если сейчас я нажму на спуск, а это окажется очередная пустышка, я уже больше в жизни не наберусь смелости повторить этот опыт... а если ты наложил в штаны, нужно немедленно их постирать, иначе будешь вонять до конца дней своих. Это Генри мне так говорил. Он научился этому во Вьетнаме. А поскольку как раз была ночь и Омар Лестер пошел на прогулку, не говоря уж о всех его родственниках и приятелях...

Но стрелок уже хохочет, хохочет от души, хотя с губ его срывается только трескучий хрип. Эдди сам улыбается и говорит:

— Кажется, в той войне твое чувство юмора отстрелили только по локоть.

Он встает, чтобы сходить к холмам за дровами.

— Погоди, — шепчет Роланд, и Эдди ждет. — И все-таки почему?

— Потому, наверное, что я тебе нужен. Если бы я себя кокнул, ты бы пропал без меня. Ты бы точно коньки откинул. Потом, когда ты действительно встанешь на ноги, я, может, попробую еще раз. — Он смотрит по сторонам и глубоко вздыхает. — Может быть, где-нибудь в твоем мире есть Диснейленд или Кони-Айленд, но то, что я вижу сейчас, меня не особенно вдохновляет.

Он делает шаг, но медлит и оглядывается на Роланда. Лицо его мрачно и хмуро, но уже без болезненной бледности. Его больше уже не трясет, разве что изредка.

— Иногда ты меня абсолютно не понимаешь, да?

— Да, — шепчет стрелок. — Иногда нет.

— Тогда я тебе разъясню. Есть люди, которым необходимо быть нужными другим людям. Ты меня не понимаешь, потому что ты не такой человек. Сначала ты мной воспользуешься, а потом выбросишь, как ненужный бумажный пакет, если это потребуется. Друг хренов. Ты натура достаточно тонкая, чтобы тебе из-за этого было больно, и все же достаточно крепкая, чтобы идти напролом и использовать тех, кто рядом, если так будет нужно. Не из-за того, что ты такой мерзавец. Ты просто не сможешь иначе. Если я буду валяться тут на берегу и вопить о помощи, ты просто перешагнешь через меня, окажись я вдруг между тобой и твоей чертовой Башней. Я ведь правильно излагаю?

Стрелок молчит и только смотрит на Эдди.

— Но не все люди такие. Есть люди, которым необходимо, чтобы они были нужны другим. Как в той песне Барбры Стрейзанд. Банально, быть может, но верно. Просто еще один способ попасть в наркотический омут.

Эдди пристально смотрит на Роланда.

— Но, уж если на то пошло, ты у нас чистенький, правда?

Роланд молча глядит на Эдди.

— Если не считать Башни. — Эдди издает короткий смешок. — Ты наркоман, Роланд. Твой наркотик — Башня.

— Какая это была война? — шепчет Роланд.

— Что?

— На какой войне тебе отстрелили твое чувство благородства и чести?

Эдди вздрагивает, как будто Роланд влепил ему пощечину.

— Пойду принесу воды, — говорит он сухо. — Ты присматривай за этими клешнистыми и ползучими. Сегодня мы

отошли далеко, но я так до сих пор и не понял, разговаривают они друг с другом или нет.

Он отворачивается, но Роланд еще успевает увидеть последние отблески алого солнца, отразившиеся на его мокрых щеках.

Роланд смотрит на берег. Роланд наблюдает. Омароподобные чудища ползают и вопрошают, вопрошают и ползают, но все как будто бесцельно: они разумны, но не настолько, чтобы передавать информацию своим собратьям.

Иной раз Бог губит исподтишка, не в открытую, думает он. *Не часто, но иногда так бывает.*

Эдди приносит дрова.

— Ну? — говорит он. — И что ты думаешь?

— У нас все в порядке, — хрипит стрелок, и Эдди что-то ему отвечает, но стрелок устал, и ложится на спину, и смотрит на первые звезды, что пробиваются сквозь фиолетовую завесу ночного неба, и...

Перетасовка.

За последующие три дня стрелок потихонечку выздоравливал. Красные полосы, расползавшиеся вверх по рукам, сперва поползли обратно, потом поблекли, потом исчезли. Назавтра он попробовал идти сам, хотя Эдди иногда приходилось тащить его. А уже на второй день его вообще не нужно было волочить: каждый час или два они делали небольшой привал, чтобы ноги его отдохнули. Именно во время этих коротких передышек и по вечерам, перед сном, когда ужин был съеден, а костер еще не догорел, стрелок услышал историю Генри и Эдди. Поначалу он все удивлялся, почему между братьями такие сложные отношения, но когда Эдди начал рассказывать, постоянно запинаясь и срываясь на гнев, смешанный с обидой, тот гнев, что обычно бывает вызван затаенной глубокой болью, Роланду захотелось его перебить и сказать: *Не волнуйся так, Эдди. Я все понимаю.*

Но он не стал, потому что Эдди бы это не помогло. Он говорил не для того, чтобы хотя бы словами воскресить мертвого брата. Он говорил для того, чтобы похоронить Генри с миром и чтобы напомнить себе, что, хотя Генри мертв, он, Эдди, еще жив.

Поэтому стрелок слушал молча.

Суть очень проста: Эдди был убежден, что он не дает Генри жить. И Генри тоже так думал. Генри дошел до этого сам или, быть может, из-за частых нотаций, которые мама читала Эдди и суть которых сводилась к тому, что она и Генри жертвуют для него очень многим, чтобы Эдди было безопасно в этих каменных джунглях, чтобы Эдди был *счастлив*, насколько вообще человек может быть счастлив в этих каменных джунглях, чтобы Эдди не кончил так же, как его бедная сестричка. Эдди, конечно, ее почти не помнил. Она была такой славной, хорошенькой, Боже, прими ее душу. Она сейчас в раю, в окружении ангелочков, там ей замечательно, но маме не хочется, чтобы Эдди сейчас оказался у ангелочков, чтобы его сбил какой-нибудь пьяный водитель, как его сестричку, или чтобы его прирезал какой-нибудь чокнутый наркоман, за какие-то жалкие двадцать пять центов выпустил ему кишки и они растекались бы по асфальту, а поскольку она уверена, что и сам Эдди тоже не хочет попасть к ангелочкам, то ему лучше слушаться старшего брата и не забывать, что ради любви к нему Генри жертвует многим.

Эдди признался Роланду, что мама даже и не подозревала о том, что они вместе с Генри творили: как они воровали комиксы из кондитерской на Ринкон-авеню или как курили у стены фабрики на Коухоус-стрит.

Однажды они увидели «шевроле» с ключами внутри, и хотя Генри едва ли умел водить машину — ему тогда было шестнадцать, а Эдди восемь, — он втащил брата в автомобиль и сказал, что они поедут в Нью-Йорк-Сити. Эдди перепугался и разревелся, Генри тоже испугался, разозлился на Эдди и стал кричать на него, чтобы он заткнулся, чтобы не был таким гребаным сосунком, что у него есть десять баксов

и у Эдди тоже есть доллара три-четыре, что они могут смотреть кино хоть целый день, а потом на подземке приедут домой, мама даже не успеет накрыть к ужину стол и хватиться их. Но Эдди продолжал реветь, а у моста Куинсборо на боковой улице они заметили полицейскую машину, и хотя Эдди был абсолютно уверен, что фараон даже не посмотрел в их сторону, он ответил «да», когда Генри спросил его вдруг охрипшим голосом, засек ли их легавый. Генри побледнел и резко прижался к обочине, так что едва не своротил пожарный гидрант. Он пробежал уже с квартал, а Эдди, тоже запаниковав, еще никак не мог справиться с незнакомой дверной ручкой. Генри остановился, вернулся и вытащил Эдди из машины. А еще влепил ему две оплеухи. Обратно в Бруклин они шли пешком, вернее, не шли, а крались. Добрались они уже к вечеру, а когда мама спросила, почему они оба такие потные, запыхавшиеся и измотанные, Генри ответил, что весь день учил Эдди играть в баскетбол на площадке в соседнем квартале, а потом заявились какие-то большие парни, и они убежали. Мама поцеловала Генри, улыбнулась Эдди и спросила: разве у него не самый лучший на свете старший брат? Эдди с ней согласился охотно и искренне. Он и сам так думал.

— В тот день он был перепуган не меньше меня, — сказал Эдди Роланду, когда они сидели, глядя на отблески заходящего солнца, пляшущие на поверхности воды, где скоро будет отражаться только свет звезд. — Действительно перепуган, потому что он думал, что тот фараон видел нас, а я знал, что нет. Он поэтому и побежал. Но потом вернулся. Это самое главное. *Он вернулся*.

Роланд молчал.

— Ведь ты понимаешь? — Эдди пристально и вопросительно поглядел на Роланда.

— Я понимаю.

— Он перетрусил, но он вернулся. И всегда возвращался.

Роланд подумал, что было бы лучше для Эдди, а в перспективе, быть может, лучше для них обоих, если бы Генри

тогда не вернулся... тогда или в любой другой раз. Но такие, как Генри, всегда возвращаются, потому что такие, как Генри, *знают,* как использовать человеческое доверие. Это — единственное, чем такие, как Генри, умеют пользоваться. Сначала они обращают доверие в необходимость, потом — необходимость в наркотик, а когда это случается, они — как там Эдди это назвал? — злоупотребляют. Да. Злоупотребляют им.

— Я, наверное, буду спать, — сказал стрелок.

На следующий день Эдди продолжил рассказ, но Роланд уже все знал наперед. В школе Генри не ходил ни в какую спортивную секцию, потому что не мог оставаться после уроков на тренировки. Генри надо было заботиться об Эдди. То, что Генри был не в меру тощим, несобранным, с плохой координацией и вообще не особенно интересовался спортом, не имело, разумеется, никакого значения; Генри мог бы стать замечательным баскетболистом или бейсболистом, как постоянно твердила им мать. Оценки у Генри всегда были низкими, и ему приходилось по нескольку раз повторять материал, но все это не потому, что Генри был тупарем. Эдди и миссис Дин знали, что Генри — ужасно умный и сообразительный мальчик. Просто Генри приходится тратить так много времени, заботясь о брате, в частности, и того времени, которое он мог бы посвятить школе и выполнению домашних заданий (то, что забота о брате проявлялась обычно в том, что они оба сидели на диване в гостиной и смотрели телик или боролись в той же гостиной на полу, во внимание тоже не принималось). Плохие оценки означали, что Генри не примут ни в один университет, за исключением Нью-Йоркского, но с плохими оценками нельзя было рассчитывать на стипендию, так что учиться Генри не пошел, а потом был призыв, и его загребли во Вьетнам, где ему отстрелили колено, боль была жуткой, и, чтобы унять ее, Генри давали морфий, а когда ему стало лучше, ему перестали давать наркотик и вроде бы отучили его от морфия, только не слишком-

то хорошо, и Генри вернулся в Нью-Йорк с «обезьяной на закорках», голодной обезьяной, которую нужно было кормить, и через пару месяцев он пошел «встретиться с одним парнем», а еще месяца через четыре, вскоре после смерти мамы, Эдди впервые увидел, как его брат вдыхает с зеркальца какой-то белый порошок. Эдди решил, что это кокаин. Но оказалось, что — героин. И если вернуться к самому началу, то чья в том вина?

Роланд молчал, вслушиваясь в голос Корта, вдруг зазвучавший в его мозгу: *Вина, запомните, малыши, всегда лежит в одном месте — на человеке достаточно слабом, чтобы признать ее и спросить с себя.*

Когда правда раскрылась, Эдди сначала был в шоке, потом взбесился. В ответ Генри не стал обещать, что прекратит это дело, а сказал, что не сердится на Эдди за то, что тот на него психует. Он все понимает, он знает, что Вьетнам превратил его в бесполезный мешок с дерьмом, что он слаб, он уйдет, это лучше всего, Эдди прав, зачем ему в доме какой-то вонючий наркоман. Он просто надеется, что Эдди не будет его винить. Он стал слабаком, это он признает: что-то во Вьетнаме его сломало, что-то в нем сгнило, как сгнивают от сырости шнурки кроссовок. Вот и во Вьетнаме есть что-то такое, соприкоснувшись с чем, сердце твое начинает гнить, говорил со слезами Генри. Он просто надеется, что Эдди не забудет про все те годы, когда он пытался быть сильным.

Ради самого Эдди.

Ради мамочки.

Так что Генри попытался уйти. И, само собой, Эдди ему не позволил. Эдди терзался виной. Он видел этот зарубцевавшийся ужас на когда-то здоровой ноге, видел колено, где тефлона было больше, чем кости. Они долго орали друг на друга в коридоре. Генри стоял в своих старых хаки с набитой сумкой в руках и фиолетовыми кругами под глазами, Эдди — только в пожелтевших трусах. Генри кричал: «Я тебе не нужен, Эдди, я тебе отравляю жизнь, и я это знаю». Эдди

вопил: «Ты никуда не пойдешь, возвращайся немедленно, шевели своей задницей». И так продолжалось, пока в коридор не выскочила миссис Магюрски и не заорала сама дурным голосом: «Уходи, оставайся, меня это не волнует, только давай соображай поживее, иначе я вызываю полицию». Она, похоже, хотела добавить еще пару пассажей, но тут вдруг заметила, что на Эдди нет ничего, кроме трусов, и, фыркнув: «Как неприлично, Эдди Дин!» — скрылась за дверью. Как чертик из табакерки, только в обратном порядке. Эдди взглянул на Генри. Генри взглянул на Эдди. «Как пупс-ангелочек, только слегка располневший», — сказал Генри, понизив голос, и они расхохотались, держась друг за друга, и Генри вернулся в квартиру, а еще через пару недель Эдди и сам тоже нюхал и никак не мог уразуметь, почему он из этого делал такую большую проблему, ведь они просто нюхают, черт, и балдеют, как говорит Генри (которого Эдди теперь про себя называл великим мудрецом и выдающимся наркоманом), в мире, который летит сломя голову в ад, как же не словить кайф напоследок?

Прошло время. Эдди не сказал сколько. Стрелок не спросил. Он догадался, что Эдди знал, что есть тысячи оправданий и ни одной причины «ловить кайф» и что он держал это свое пристрастие под строгим контролем. И что Генри тоже сумел взять свое под контроль. Не так хорошо, как Эдди, но все же достаточно, чтобы эта пагубная привычка не поглотила его целиком. Потому что если Эдди и не понимал (а в глубине души Роланд знал, что Эдди должен был понимать), то уж Генри-то осознал, что теперь они поменялись ролями. Теперь Эдди держал Генри за ручку, когда они переходили улицу.

И вот пришел день, когда Эдди застал брата за тем, что он уже не нюхал, а кололся. Последовал очередной истерический спор, почти слово в слово повторивший первый, только теперь — в спальне у Генри. И закончился он почти так же. Генри плакал, и каялся, и защищался, и эта его неумолимая, неоспоримая защита была точно полное поражение,

безоговорочная капитуляция: Эдди прав, такому, как он, вообще нельзя жить на свете, он недостоин даже подбирать отбросы из мусорных баков. Он уйдет. Эдди больше никогда его не увидит. Он только надеется, что Эдди не забудет...

Голос его растворился в глухом бормотании, чем-то похожем на шелест волн, набегающих на каменистый берег. Роланд молчал — он знал всю историю наперед. Это *Эдди* ее не знал, и только теперь, когда впервые за десять, если не больше, лет в голове у него прояснилось, он потихоньку начал осознавать все случившееся. Эдди рассказывал не для Роланда, а для себя.

И это правильно. Чего-чего, думал Роланд, а уж времени у них вдоволь. И разговор помогает его скоротать.

Эдди сказал, что ему не давало покоя колено Генри, шрам, идущий по всей ноге (все, конечно, давно зажило, Генри только чуть-чуть прихрамывал... и только когда они с Эдди ссорились, хромота становилась заметнее), ему не давало покоя все то, в чем Генри когда-то себе отказал ради него, и еще его мучила одна мысль, уже более прагматичная: Генри нельзя оставлять одного на улице. Он там не выживет. Как кролик, которого запустили в джунгли, где полно тигров. Предоставленный сам себе, Генри загремит в кутузку, не пройдет и недели.

Так что Эдди упрашивал, и Генри в конце концов оказал ему эту милость и согласился остаться, а спустя где-то полгода Эдди тоже начал колоться. С того момента все неудержимо понеслось вниз по крутой спирали вплоть до поездки Эдди на Багамы и вторжения Роланда в его жизнь.

Другой бы на месте Роланда, будь он чуть менее прагматичным и более склонным к самоанализу, непременно спросил (если не вслух, то хотя бы про себя): *Почему он? Почему именно этот человек, такой слабый, такой чужой и даже, может быть, обреченный?* Похоже, Новый этап его поиска начинается с дурного знака.

Но стрелок не только не задал такого вопроса — ничего подобного ему и на ум не пришло. Вот Катберт бы точно

спросил. Катберт всегда задавал вопросы, он был отравлен вопросами и умер тоже с вопросом на устах. Теперь их нет. Никого не осталось. Последние питомцы Корта, тринадцать стрелков, которые продержались в классе, куда первоначально пришло пятьдесят шесть человек. Теперь они все мертвы. Все, кроме Роланда. Он — последний стрелок в этом мире, который стал затхлым, пустым и стерильным.

Тринадцать — плохое число, несчастливое, говорил им Корт накануне церемонии Посвящения. А назавтра, впервые за тридцать лет, Корт не присутствовал на церемонии. Его последние ученики пришли к его дому, чтобы, как подобает, преклонить перед ним колена, подставляя незащищенные шеи, потом подняться, принять поздравительный поцелуй и вручить учителю свои револьверы, чтобы он их в первый раз зарядил. Через девять недель Корт умер. Поговаривали, что от яда. А два года спустя началась последняя гражданская война. Кровавая резня докатилась до последнего бастиона цивилизации, света и здравомыслия, и смела все то, что им — наивным — казалось незыблемым, так же легко и небрежно, как морская волна смывает замок из песка, выстроенный ребенком.

Он остался последним. Может быть, он потому и выжил, что практичность и простота оттеснили в его натуре темную романтику. Он понял, что только три вещи имеют значение: смерть, *ка* и Башня.

Вполне достаточно, чтобы занять все мысли.

Эдди закончил свой долгий рассказ примерно в четыре часа на третий день их дороги на север по лишенному всяких примет берегу. Берег, казалось, совсем не менялся. Чтобы убедиться в том, что они не стоят на месте, приходилось смотреть на восток — направо. Там прежде зазубренные пики гор теперь сгладились и потихоньку становились ниже. Вполне вероятно, что еще дальше на севере они превратятся в пологие холмы — надо только дойти.

Закончив рассказ, Эдди надолго замолчал. Полчаса, если не больше, они прошли, не обмолвившись ни единым сло-

вом. Эдди искоса поглядывал на Роланда и даже не сознавал, что стрелок замечает эти взгляды: он все еще был погружен в себя. Роланд знал, чего Эдди ждет от него: ответа. Какого-нибудь ответа. Любого ответа. Дважды Эдди открывал рот, но так ничего и не сказал. Стрелок знал, что он хочет спросить, и наконец Эдди спросил:

— Ну? И что ты думаешь?

— Я думаю, что ты здесь.

Эдди остановился, уперев руки в бока.

— И это *все*? *Все?*

— Это все, что я знаю, — ответил стрелок. Раны на месте исчезнувших пальцев зачесались и разболелись. Сейчас ему очень бы не помешало еще *астина* из мира Эдди.

— У тебя что, никаких мыслей нету о том, что, мать твою, все это *значит*?

Стрелок мог бы поднять искалеченную правую руку и сказать: *А у тебя есть какие-то мысли по поводу того, что это значит, ты, тупой идиот?* — но ему даже и в голову не пришло ничего подобного точно так же, как и задаться вопросом, почему из всех людей во Вселенной ему в спутники достался именно Эдди.

— Это *ка,* — сказал он, спокойно глядя на Эдди.

— Что еще за *ка*? — Эдди был раздражен и зол. — Никогда о таком не слышал. Разве что если произнести это дважды, то получится слово, как дети дерьмо называют.

— Об этом я ничего не знаю, — сказал стрелок. — Здесь оно обозначает долг, или судьбу, или предназначение, или, если простым языком, место, куда тебе нужно пойти. Куда ты должен пойти.

Эдди удалось изобразить, как будто он одновременно испуган, испытывает крайнее отвращение и забавляется от души:

— Тогда скажи его дважды, Роланд, потому что, по мне, все равно это звучит как дерьмо.

Стрелок пожал плечами.

— Я не силен в философских проблемах. И историю я не учил. Я знаю только, что прошлое — это прошлое, а будущее — это будущее. То, что ждет тебя впереди, и есть *ка,* и оно как бы само по себе и ничему не подвластно.

— Да? — Эдди поглядел на север. — Насколько я вижу, все, что ждет меня впереди, это около девяти миллиардов миль этого сраного берега. Если *это — ка,* значит, они с «кака» — одно и то же. У нас еще, может быть, хватит хороших патронов, чтобы подстрелить пять-шесть этих омарообразных уродов, а потом нам придется кидать в них камнями. Так что куда мы идем?

Роланд про себя подумал, а задавал ли Эдди хоть раз этот вопрос своему брату, но спросить сейчас об этом означало начать долгий и бессмысленный спор, поэтому он сказал только, указывая на север:

— Для начала туда.

Эдди смотрел и не видел ничего, кроме все того же серого берега, покрытого ракушками и камнями. Он повернулся обратно к Роланду, собираясь уже отпустить какое-нибудь язвительное замечание, но, увидев суровую уверенность на его лице, опять стал вглядываться в даль. Он прищурился. Заслонил рукой левую половину лица от лучей заходящего солнца. Ему отчаянно хотелось увидеть хоть что-нибудь, *что-нибудь,* черт, пусть даже мираж, но там не было ничего.

— Можешь думать обо мне все, что угодно, — медленно проговорил он, — но я считаю, что это трюк, подлый и нечестный. Там, у Балазара, я ради тебя рисковал своей жизнью.

— Я знаю. — Стрелок улыбнулся. Он вообще улыбался редко, и эта улыбка осветила его лицо точно внезапный луч солнца в ненастный день. — Вот почему я поступил с тобой честно, Эдди, и не стал тащить тебя с собой силой. Она здесь. Я увидел ее еще час назад. Я сначала подумал, что это мираж или игра моего воображения, но она здесь. Без дураков.

Эдди опять повернулся туда и смотрел, пока на глаза не навернулись слезы. Наконец он сказал:

— Я ничего не вижу, только этот проклятый пляж, а зрение у меня стопроцентное.

— Я не знаю, что это значит.

— Это значит, что, если бы там что-то было, я бы это увидел! — И все-таки он сомневался. Кто знает, как далеко видит Роланд своими суровыми голубыми глазами. Может быть, только чуть дальше, чем Эдди.

А может быть, намного дальше.

— Ты увидишь ее, — пообещал стрелок.

— Что я увижу?

— Сегодня мы до нее не доберемся, но, если зрение у тебя хорошее, как ты говоришь, ты увидишь ее еще до того, как диск солнца коснется воды. Если только не будешь стоять тут на месте и разевать пасть.

— *Ка,* — съязвил Эдди.

Роланд кивнул совершенно серьезно:

— *Ка.*

— *Кака,* — добавил Эдди и рассмеялся. — Пойдем, Роланд. На экскурсию. И если я ничего не увижу до того, как диск солнца коснется воды, ты меня угощаешь цыпленком. Или биг-маком. *Чем угодно,* только не омаром.

— Пойдем.

Они зашагали вперед, и еще за час до того, как солнце коснулось линии горизонта, Эдди разглядел вдали какой-то непонятный силуэт — смутный, едва проступающий, как сквозь туман, еле различимый, но все-таки там *что-то* было. Что-то *новенькое.*

— О'кей, — сказал он. — Я вижу. У тебя зрение, наверное, как у супермена.

— Как у кого?

— Ладно, проехали. Мы имеем тяжелый клинический случай культурного отставания.

— Чего?

Эдди расхохотался:

— Ладно, проехали. Это что?

— Увидишь.

И стрелок двинулся дальше, прежде чем Эдди успел спросить что-нибудь еще.

Минут через двадцать Эдди решил, что он действительно видит. А еще через четверть часа он уже был абсолютно уверен. До этой штуки на берегу оставалось еще две-три мили, но он уже понял, что это. Дверь. Ну конечно. Еще одна дверь.

В ту ночь они спали плохо и наутро отправились в путь еще за час до того, как пики гор явственно проступили в дымке рассвета. Они добрались до двери одновременно с первыми лучами солнца — такого спокойного и надменного. Эти лучи, словно лампы, осветили их щеки, заросшие многодневной щетиной, и в беспощадном их свете стрелку снова было сорок, а Эдди казался не старше того Роланда, который вышел на бой с Кортом со своим оружием — соколом Давидом.

Эта дверь была точно такой же, как первая, только надпись на ней гласила:

ГОСПОЖА ТЕНЕЙ.

— Ну вот, — тихо вымолвил Эдди, глядя на дверь, которая просто стояла на берегу, а петли ее крепились к какому-то неведомому косяку в проеме между двумя мирами, между двумя Вселенными. Она стояла с высеченным на ней сообщением, реальная, как скала, но таинственная, как свет звезд.

— Ну вот, — согласился стрелок.

— *Ка*.

— *Ка*.

— И отсюда ты должен извлечь второго из своей тройки?

— Похоже на то.

Стрелок понял, что собирается сделать Эдди, еще до того, как Эдди сам это осознал. Он увидел, как Эдди рванулся вперед, еще до того, как он сам сдвинулся с места. Роланд мог бы вывернуть руку Эдди и сломать ее в двух местах, прежде

чем Эдди сообразил бы, что случилось, но стрелок даже не шевельнулся. Мало того: он позволил Эдди выхватить револьвер из своей правой кобуры. В первый раз в жизни Роланд позволил, чтобы кто-то прикоснулся к его оружию без разрешения. И все же он даже не шевельнулся, чтобы остановить это святотатство. Он лишь спокойно, едва ли не мягко, взглянул на Эдди.

Напряженное лицо Эдди так и пылало. Белки его выпученых глаз, казалось, горят. Он держал тяжелый револьвер обеими руками, и все равно дуло дрожало, мотаясь из стороны в сторону.

— Открывай, — сказал он.

— Ты ведешь себя глупо. — Голос стрелка оставался спокойным. — Мы с тобой оба не знаем, куда ведет эта дверь. Вовсе не обязательно, что она откроется в твою *Вселенную*, не говоря уж о том, чтобы в твой мир. Откуда нам знать, может быть, у Госпожи Теней восемь глаз и девять рук, как у Шивы. И даже если она откроется в твой мир, то, быть может, мы окажемся в далеком прошлом, задолго до твоего рождения, или в далеком будущем.

Эдди натянуто улыбнулся.

— Вот что я тебе скажу, приятель: я более чем охотно променяю резинового цыпленка и этот отпуск на засранном пляже на то, что меня ожидает за дверью номер два.

— Я не понимаю...

— Я знаю, что ты не врубаешься. Это не имеет значения. Просто открой эту хреновину.

Стрелок покачал головой.

Они стояли в лучах рассвета, и косая тень от двери тянулась к волнам отлива.

— *Открывай*! — заорал Эдди. — Я пойду с тобой! Ты въезжаешь? Я пойду с тобой! Это не значит, что я потом не вернусь. Может быть, я вернусь. То есть скорее всего я вернусь. Ты не думай, я не забыл, что ты для меня сделал. Но пока ты будешь там разбираться с этой теневой куколкой, я собираюсь зайти в ближайший «Цыплячий восторг» и взять там

цыпленка навынос. Думаю, для начала сойдет «Семейный коробок».

— Ты останешься здесь.

— Думаешь, я шучу? — Эдди, казалось, сейчас взорвется. Стрелок почти воочию увидел, как тот заглянул в бурлящую бездну своего проклятия. Эдди взвел курок древнего револьвера. С рассветным отливом ветер с моря затих, и в тишине явственно щелкнул затвор. — Давай проверим.

— Давай проверим.

— *Я тебя пристрелю!* — заорал Эдди.

— *Ка,* — твердо проговорил стрелок, повернулся к двери и потянулся к ручке. Сердце его замерло в ожидании: жизнь или смерть?

Ка.

ГОСПОЖА ТЕНЕЙ

Глава 1
ДЕТТА И ОДЕТТА

Адлер* когда-то сказал: идеальный шизофреник — если вообще таковой существует в природе — это такой человек, который не только не подозревает о существовании своего второго «я», но и пребывает в блаженном неведении о том, что с ним, или с ней, творится что-то не то. Конечно, он выразил эту мысль на своем профессиональном жаргоне.

Адлер не был знаком с Деттой Уокер и Одеттой Холмс.

1

— ...последний стрелок, — закончил Эндрю.

Он говорил уже долго, но Эндрю всегда говорил, а Одетта обычно позволяла его речам просто стекать с поверхности ее сознания, как вода в душе стекает по телу и волосам. Но сейчас эти слова не просто обратили на себя ее внимание — оно зацепилось за них, как за колючку.

— Прошу прощения?

— А, просто статья в газете, — сказал Эндрю. — Даже понятия не имею, кто ее написал. Как-то не обратил внима-

---

* Альфред Адлер (1870—1937) — австрийский врач-психиатр и психолог. — *Примеч. ред.*

ния. Ну этот, политик... Может, вы знаете, мисс Холмс. Я любил его, я даже плакал, когда его выбрали...

Одетта улыбнулась, невольно растрогавшись. Эндрю както сказал, что его бесконечная болтовня — это что-то такое, чего он остановить не может, и что он за нее не отвечает: это лезет наружу его ирландская душа, да он и болтает все больше о пустяках: квохчет и стрекочет о родных и друзьях, которых Одетта не знает и никогда не узнает, отпускает наивные политические замечания, рассуждает о всяких жутких и таинственных феноменах, комментируя столь же таинственные источники (помимо всего прочего, Эндрю непоколебимо верил в «летающие тарелки»), — но эти слова действительно ее тронули, потому что она сама плакала в тот день выборов.

— Но я не плакал, когда этот сукин сын... простите меня за грубость, мисс Холмс... когда этот сукин сын Освальд его застрелил, и с тех пор я вообще не плакал... уже месяца, поди, два будет?

Три месяца и два дня, подумала Одетта.

— Ну да, вроде того.

Эндрю кивнул.

— А вот вчера я прочел эту статью... вроде бы в «Дейли ньюс»... о том, что из Джонсона тоже получится неплохой президент, но это будет уже не то. Тот парень, который статью написал, говорит, что Америка проводила последнего в мире ковбоя, последнего стрелка.

— А мне кажется, что Джон Кеннеди никакой не стрелок. — Видно, голос ее прозвучал сейчас резче, чем привык Эндрю (а так, наверное, и было, потому что Одетта увидела в зеркале заднего вида, как он испуганно моргнул, скорее даже поморщился), именно потому, что она тоже растрогалась. Абсурдно, но факт. Что-то было такое в этой фразе — *Америка проводила последнего стрелка,* — что запало ей в душу. Это неправильно, несправедливо: Джон Кеннеди был миротворцем, а не этаким парнем в скрипучей коже типа Малыша

Билли, который скорее в духе Барри Голдуотера*, — и все же от этих слов у нее по телу прошли мурашки.

— А еще этот парень писал, что в снайперах недостатка не будет, — продолжал Эндрю, нервно поглядывая на Одетту в зеркало заднего вида. — В этом смысле он упоминает Джека Руби**, потом еще Кастро, и этого парня на Гаити...

— Дювалье, — подсказала она. — Папу Дока.

— Во-во, и еще Дьем...

— Братьев Дьем уже нет в живых.

— Там просто написано, что Джон Кеннеди был не такой, как они, вот и все. Что и он хватался за револьвер, но только в том случае, если кто-то слабее его в том нуждался и если других путей не было. И что Кеннеди был мужик умный и понимал, что иной раз разговорами делу не поможешь. Что бешеную собаку лучше всего пристрелить.

Он продолжал поглядывать на нее с опаской.

— Это я просто статью прочитал в газете.

Лимузин катил уже по Пятой авеню, по направлению к западному входу в Центральный парк, фигурка на капоте рассекала студеный февральский воздух.

— Да, — мягко проговорила Одетта, и напряженный взгляд Эндрю немного расслабился. — Я понимаю. Я не согласна, но я понимаю.

Ты лжешь, сказал внутренний голос. Он частенько ее донимал. Она даже придумала для него название. Это был голос-стимул. *Ты все понимаешь, и ты согласна. Можешь лгать Эндрю, если тебе так хочется, но, ради Бога, не лги себе, женщина.*

И все же какая-то часть души воспротивилась, объятая ужасом. В этом мире, превратившемся в ядерную пороховую

---

* Барри Голдуотер — американский политик, лидер Республиканской партии США в 1960-х годах. Известен своими ультраконсервативными взглядами. — *Примеч. ред.*

** Джек Руби — человек, по неизвестным причинам застреливший в 1963 г. Ли Харви Освальда, убийцу президента Кеннеди. — *Примеч. ред.*

бочку, на которой сидело уже около миллиарда человек, было бы страшной — если не самоубийственной — ошибкой верить в то, что есть какая-то разница между хорошими и плохими стрелками, снайперами, как назвал их Эндрю. Слишком много трясущихся рук держат зажигалки очень близко к запалам. В этом мире стрелкам больше нет места. Если и было их время, оно прошло.

Прошло ли?

Она на мгновение прикрыла глаза и потерла себе виски. Она ощущала приближение нового приступа головной боли. Иногда боль угрожающе надвигалась, как зловещий грозовой шквал в жаркий летний полдень, а потом уносилась прочь... как эти летние тучи порой уходят, чтобы обрушить на землю свои громы и молнии где-нибудь в другом месте.

Однако на этот раз ей показалось, что буря вряд ли пройдет стороной. Она грянет всей своей мощью: с громом, молниями и градинами размером с мячик для гольфа.

Уличные фонари на Пятой авеню, казалось, горели слишком уж ярко.

— Ну и как там в Оксфорде, мисс Холмс? — несмело полюбопытствовал Эндрю.

— Сыро. Февраль на дворе, а там сыро. — Она умолкла, уговаривая себя не произносить тех слов, которые, как желчь, подступили к горлу, заставляя себя проглотить этот горький комок. Сказать их было бы неоправданной и бесполезной жестокостью. Слова Эндрю о последнем в мире стрелке — это просто очередная порция его словесного поноса. И все-таки они были последней каплей, переполнившей чашу, и слова, которых она не хотела произносить, хлынули через край. Она очень надеялась, что ее голос звучит, как обычно, спокойно и твердо, но ведь себя не обманешь: она понимала, что поступает опрометчиво, но остановиться уже не могла:

— Разумеется, поручитель явился безотлагательно; его уведомили заранее. Но они нас мордовали до конца, и я тоже держалась до конца, но на этот раз они, как мне кажется, взя-

ли верх, потому что я в конце напрудила в трусы. — Одетта увидела в зеркальце, как Эндрю снова поморщился, и ей захотелось остановиться, но она не смогла. — Видишь ли, они вроде бы хотят преподать тебе урок. Отчасти чтобы напугать тебя, потому что перепуганный человек уже не заявится к ним в их драгоценный южный край и больше не станет их донимать и возмущать их спокойствие. Но мне еще кажется, что все они — даже самые тупари, а они там тупари далеко не все — знают, что в конце концов перемены наступят, как бы они ни старались, и пытаются унизить тебя, пока они еще в силе, а то вдруг больше случая не представится. Хотят показать, что тебя *можно* унизить. Ты можешь клясться перед Богом-Отцом, и Сыном, и всем сонмом святых, что ты никогда, никогда, ни при каких обстоятельствах не запятнаешь себя, но если они за тебя возьмутся, то ты еще как запятнаешь. Как миленький. А урок заключается в том, что ты просто животное в клетке. Всего лишь животное в клетке. Так что я напрудила в трусы. Я все еще чувствую запах мочи и этой чертовой камеры. Понимаешь, они полагают, что мы происходим от обезьян. И мне действительно сейчас кажется, что от меня разит обезьяной.

В зеркало заднего вида она увидела глаза Эндрю и пожалела о сказанном. Иной раз случается, что ты не можешь сдержать не только мочу.

— Простите, мисс Холмс.

— Нет. — Она снова потерла виски. — Это мне надо просить прощения. Тяжелые были денечки, Эндрю, все три.

— Да уж, — выдавил он голосом потрясенной старой девы, так что Одетта невольно расхохоталась. Но в душе ей было не до смеха. Она думала, что знает, куда лезет, и что полностью представляет себе, как ей несладко придется. Она обманулась.

Тяжелые три денечка. Можно сказать и так, а можно иначе: три дня в Оксфорде, штат Миссисипи, были короткой экскурсией в ад. Есть вещи, которые ты никогда никому не расскажешь. Скорее умрешь, но не расскажешь... пока

не предстанешь перед судом Всевышнего, где хочешь не хочешь, а придется признать и ту правду, что сейчас порождает адскую бурю в этом странном сером желе в голове (ученые утверждают, что в этом сером желе нет нервов, но если это не хохма, то тогда что же?).

— Я хочу одного: поскорее домой и в душ, в душ, в душ, а потом спать, спать, спать. Будем надеяться, к завтрашнему дню я приду в себя.

— Ну конечно! Встанете как огурчик! — Эндрю явно хотел извиниться за что-то, но лучших слов не нашел. Больше он не сказал ничего, не рискуя продолжать этот разговор. Так что к серому кварталу викторианских домов на углу Пятой и южного входа Центрального парка они подъехали в непривычном молчании — к весьма фешенебельному кварталу викторианских домов, при виде которого Одетта всегда ощущала себя этаким ходячим примером в поддержку доводов спекулянтов недвижимостью. Она прекрасно *знала*, что в этих роскошных квартирах живут люди, которые никогда с ней не заговорят, если только в том не возникнет крайней необходимости, но это ее не особенно волновало. К тому же она была выше их, и они это *знали*. Выше их и над ними. Не один раз ей приходило в голову, что кое-кого из них просто бесит, что в квартире пентхауса живет черномазая — и это в старом приличном доме, куда в свое время чернокожие допускались только в белых перчатках лакеев или в кожаных черных перчатках шоферов. Она очень надеялась, что их это бесит, и ругала себя за такую нехристианскую озлобленность по отношению к ближнему своему, но ей хотелось, чтобы они бесились, она не смогла тогда сдержаться и напрудила прямо в свои дорогие шелковые трусики, точно так же она не могла сдержать и этот поток злорадства. Это низко, не по-христиански и нехорошо... нет, даже очень плохо: в том по крайней мере, что касается Движения, это вообще приводит к обратным результатам. Скоро они завоюют права, за которые борются. Может быть, уже в этом году: Джонсон, памятуя о наследии, что досталось ему от убитого президента (и,

возможно, надеясь забить еще один гвоздь в гроб Барри Голдуотера), сделает больше, чем просто просмотрит Акт о гражданских правах, — если будет нужно, он *придаст* ему силу закона. Так что ушибы и оскорбления надо свести к минимуму. Работа еще предстоит немалая. И ненависть ей не поможет. Наоборот: ненависть может ее испортить.

Но иногда ты все равно ненавидишь.

И этому тоже ее научил Оксфорд.

2

Детту Уокер абсолютно не интересовало Движение, да и жила она в обстановке более скромной: на чердаке облупившегося многоквартирного дома в Гринвич-Виллидж. Одетта и знать не знала про этот чердак, равно как и Детта не ведала о пентхаусе, а единственным человеком, подозревавшим, что что-то неладно, был Эндрю Фини, шофер. Он поступил на работу к отцу Одетты, когда той было четырнадцать, а Детты Уокер еще и на свете не было.

Временами Одетта исчезала. Иногда на несколько часов, иногда на несколько дней. Прошлым летом она пропала на три недели, и Эндрю уже собирался звонить в полицию, но в тот вечер Одетта сама позвонила ему и попросила подать машину завтра в десять: она хочет проехать по магазинам.

С его губ едва не сорвался крик: «Мисс Холмс! И где это вы пропадали?» Но он уже спрашивал раньше, а в ответ получал лишь недоуменные взгляды — действительно недоуменные взгляды, в этом он мог поклясться. «Нигде я не пропадала, — скажет она. — Ты что, Эндрю? Ты же сам каждый день возишь меня в два, а то и в три места. У тебя, я надеюсь, нет еще старческого склероза, а?» А потом рассмеется, как будто сегодня у нее особенно замечательное настроение (а так всегда и бывало после этих исчезновений), и ущипнет его за щеку.

— Хорошо, мисс Холмс, — сказал он. — Завтра в десять.

В тот раз ее не было три недели. Эндрю положил трубку, закрыл глаза и вознес краткую благодарственную молитву Пресвятой Деве о благополучном возвращении мисс Холмс. Потом позвонил Говарду, привратнику в ее доме.

— Она когда пришла?

— Минут двадцать назад, — сказал Говард.

— Кто ее привез?

— Без понятия. Ты же знаешь, как это бывает. Каждый раз — новая машина. Иногда они останавливаются за углом, я их вообще не вижу и даже не знаю, что она вернулась, пока мне не позвонят. Смотрю, а это она. — Говард помедлил и добавил: — У нее на щеке здоровенный синяк.

Говард был прав. Синяк был действительно здоровенный, но он уже начал сходить. Эндрю не хотелось даже думать о том, каким он был в свежем виде. Мисс Холмс спустилась ровно в десять. Одетая в шелковый сарафан с бретельками не толще спагеттины (дело было в конце июля). Синяк на щеке уже начал желтеть. Она предприняла чисто символическую попытку скрыть его под макияжем, словно зная, что чрезмерные старания замазать синяк только привлекут к нему еще больше внимания.

— Как это вас угораздило, мисс Холмс? — спросил он.

Она весело рассмеялась:

— Ты же знаешь, Эндрю, какая я неуклюжая. Я вчера выходила из ванной, и у меня рука соскользнула с поручня... я в спешке мылась, чтобы успеть новости посмотреть. Шлепнулась и приложилась щекой. — Она уставилась на его лицо. — А ты, я смотрю, уже собираешься талдычить насчет докторов и осмотров, да? Можешь не отвечать: за столько лет я научилась видеть тебя насквозь. Я все равно никуда не пойду, ни к каким врачам, так что даже и не проси. Со мной все в порядке. Вперед, Эндрю! Я намерена скупить пол-«Сакса» и весь «Джимбелс», а в промежутке съесть все, что подают в «Четырех временах года».

— Да, мисс Холмс, — сказал Эндрю и улыбнулся вымученной улыбкой, стоившей ему немалых усилий. Синяк был

явно не вчерашний, а как минимум недельной давности... но он все равно промолчит, разве нет? Всю эту неделю он звонил ей каждый вечер ровно в семь часов, потому что, если хочешь наверняка застать мисс Холмс дома, надо звонить к началу новостей Хантли-Бринкли. Мисс Холмс — заядлая поклонница этой программы. Он звонил ей каждый день, всю неделю. А вчера не выдержал и приехал, и выпросил у Говарда ключ. В нем зрело настойчивое убеждение, что с ней действительно случилась какая-то неприятность вроде той, о которой она рассказала... только дело не ограничилось синяками или переломами: она умерла, умерла в одиночестве, и сейчас, в этот самый момент, лежит там мертвая... Он вошел. Сердце бешено колотилось. Он себя чувствовал точно кот в темной комнате, поперек которой растянуты струны для пианино. Оказалось, он зря психовал. На кухонном столе стояла забытая масленка, и хотя крышка была закрыта, масло успело покрыться плесенью. Он вошел без десяти семь и ушел минут через пятнадцать. Во время быстрого осмотра квартиры он заглянул и в ванную. Там было сухо. Полотенца сложены аккуратно, может быть, даже слишком аккуратно. Все поручни в ванной блестели сухим металлом. Ни капли влаги.

Он знал, что его не было — этого случая, о котором она рассказала.

Однако Эндрю не думал, что она солгала. Она сама верила в то, что сказала.

Он взглянул в зеркало заднего вида и увидел, как она легонько, кончиками пальцев, растирает виски. Это ему не понравилось. Обычно она терла себе виски перед тем, как опять исчезнуть.

3

Эндрю не стал глушить двигатель, чтобы печка работала и мисс Холмс сидела в тепле. Сам он пошел к багажнику. Глядя на два ее чемодана, он снова поморщился. Выглядели они

так, как будто взбешенные мужики с явной нехваткой мозгов, но зато с крепкими телесами долго и нудно пинали их со всех сторон, отделав их так, как они не решились отделать мисс Холмс, как они обработали бы и его, например, окажись он тогда там. И дело совсем не в том, что она женщина; она черномазая, наглая черномазая с Севера, которая сует нос туда, куда бы ей лезть не надо. По их мнению, такая женщина вполне заслуживает того, на что она так нарывается. Дело в том, что она состоятельная черномазая. И что американские граждане знают ее разве что чуть похуже Медгара Эверса или Мартина Лютера Кинга. Дело в том, что ее черномазая физиономия красовалась на обложке «Тайм», и было бы затруднительно отдубасить такую особу, а потом с невинным видом говорить: «Чего? Нет, сэр. Нет, начальник. Мы и в глаза-то ее не видели. Никого даже похожего не было, правда; парни?» Дело в том, что это действительно проблематично — распалить себя до такой степени, чтобы ударить единственную наследницу «Холмс дентал индастрис», когда у них там на солнечном Юге двенадцать заводов «Холмс», один из которых в соседнем с Оксфордом округе.

Так что, не осмелившись тронуть мисс Холмс, они лупили ее чемоданы.

Он смотрел на эти немые свидетельства ее пребывания в Оксфорде со смешанным чувством стыда, ярости и любви — столь же немым, как и вмятины на чемоданах, которые были такими красивыми, а вернулись побитыми и помятыми. Он смотрел, не в силах сдвинуться с места, и дыхание его струйками пара вырывалось в морозный воздух.

Говард уже шел помочь, но Эндрю помедлил еще мгновение, а потом взялся за ручки чемоданов. *Кто вы, мисс Холмс? Кто вы на самом деле? Куда вы время от времени пропадаете, и чем вы таким занимаетесь, неужели таким нехорошим, что потом вам приходится сочинять всякие небылицы, чтобы солгать даже себе самой?* И буквально за миг до того, как подоспел Говард, в голове у него пронеслась странная мысль, так пугающе уместная: *Где вы еще? Где остальное?*

Немедленно прекрати так думать. Если кому-то и нужно об этом поразмыслить, так это самой мисс Холмс, а она вроде бы не проявляет такого намерения, так что и ты прекращай.

Эндрю вытащил из багажника чемоданы и протянул их Говарду. Тот спросил, понизив голос:

— У нее все нормально?

— По-моему, да. — Эндрю тоже понизил голос. — Просто она устала. Устала до самого, как говорится, нутра.

Говард кивнул, подхватил побитые чемоданы и пошел к подъезду, только на минуту задержавшись, чтобы легонько коснуться полей шляпы, уважительно приветствуя Одетту Холмс, которую было почти не видно за тонированным стеклом.

Когда он ушел, Эндрю вытащил со дна багажника сложенную конструкцию из нержавеющей стали и начал ее расправлять. Кресло-каталка.

19 августа 1959 года, примерно пять с половиной лет тому назад, часть Одетты Холмс от колен и ниже перестала существовать, точно так же, как выпадают в небытие часы и дни ее странных исчезновений.

4

До несчастного случая в подземке Детта Уокер реально осознавала происходящее всего несколько раз — так высятся над океаном коралловые острова, с виду отдельные образования, а на самом деле — вершины огромного архипелага, скрытого под водой. Одетта и не подозревала о существовании Детты, да и Детта не знала, что есть такая Одетта... но Детта по крайней мере ясно осознавала, что с ней *что-то* не так, что в ее жизни происходит нечто, мать его, странное. Смутные воспоминания о том, что происходило с ней, когда Детта завладевала ее телом, Одетта приписывала не в меру разыгравшемуся воображению. Детта, будучи не столь смышленой, до этого не доходила. Она действительно кое-что вспоминала, но далеко не все, и происходило это крайне редко.

Детта хотя бы частично осознавала эти *провалы*.

Она помнила о фарфоровом блюдце. О нем она помнила. Помнила, как опускает его в карман платья, то и дело поглядывая через плечо, чтобы убедиться, что Синяя Тетка за ней не подглядывает. Потому что блюдце принадлежало Синей Тетке. Детта смутно сознавала, что это блюдце *особенное*. Потому она его и взяла. Еще она помнила, что отнесла его в одно место, которое она называла (хотя она и не знала, откуда взялось это название) Отстойником, — к дымящейся мусорной яме, где она как-то увидела обожженного младенца с пластиковой кожей. Она помнила, как осторожно поставила блюдце на землю и уже собиралась на него наступить, но потом остановилась, чтобы снять трусики и положить их в тот же карман, где лежало блюдце, а дальше она осторожно провела указательным пальцем левой руки по прорези в том самом месте, где Старый Глупенький Бог соединил ее ноги неплотно. И не только ее, а всех на свете женщин и девочек. И все-таки *кое-что* в отношении этого места задумано было неплохо, потому что она помнила приятный толчок, помнила, как ей захотелось еще сильнее надавить, но она все-таки не надавила, помнила приятное ощущение обнаженности, когда хлопчатобумажные трусики не мешали ей слиться с миром, а она все-таки не надавила, пока ее туфелька — черная кожаная лакированная — не надавила на блюдце, и вот тогда она надавила пальцем на эту свою прорезь, точно так же, как надавила ногой на *особенное* блюдце Синей Тетки, она помнила, как черная лакированная туфелька накрывала тоненькую синюю паутинку, идущую по кромке блюдца, она помнила об этом *давлении*, да, она помнила, как вдавливает блюдце в Отстойник, давит ногой и пальцем, помнила о восхитительном предвкушении от соединения пальца и прорези, помнила, что, как только блюдце треснуло с горьким и хрупким хрустом, такое же хрупкое удовольствие хлынуло вверх от прорези к самым глубинам нутра, пронзая его, как стрела; она помнила, как с ее губ сорвался крик, неприятный и хриплый, как карканье вороны, кото-

рую спугнули со жнивья, она помнила, как тупо смотрела на осколки блюдца, потом медленно доставала из кармана свои простые хлопчатобумажные трусики и надевала их, *исподнее*, она как-то слышала это название, но память не зафиксировала когда именно, и теперь бескрайний океан времени волнами прилива вынес это слово как водоросли, на поверхность ее памяти; *исподнее*, очень верно, потому что сначала ты разоблачаешься, как бы выходишь из него, чтобы сделать свои дела, а потом возвращаешься внутрь, к исподнему — сначала одна черная блестящая туфелька, потом вторая, как хорошо, как приятно, она отчетливо помнила, как трусики скользили по ногам, по коленям, засохшая корочка на левом уже скоро отвалится, обнажив розовую, как у младенца, кожицу, да, она помнила прекрасно, как будто это все было не неделю назад, и не вчера, а буквально мгновение назад помнила очень точно, как пояс трусиков дошел до подола платья, помнила четкий контраст белого хлопка и черной кожи, как сливки, да, именно как сливки, льющиеся из кувшина в чашку кофе, и вот трусики уже под подолом — только теперь почему-то платье стало ярко-оранжевым, а трусики ползут не вверх, а вниз, они такие же белые, но уже не хлопчатобумажные, а нейлоновые, дешевенькие прозрачные нейлоновые трусики, дешевые не в одном только смысле, она помнила, как они соскользнули, как поблескивали на коврике «доджа де-сото-46», да, какими они были белыми, какими дешевыми, их уже не назовешь исподним: просто дешевые белые трусики, да и девчонка была дешевой, и это было так хорошо — быть дешевой, продажной, выходить на панель даже не как проститутка, а как хорошая свиноматка; она помнила уже не круглое фарфоровое блюдце, а круглое белое лицо парнишки, изумленного пьяненького студентика, он не был, само собой, фарфоровым блюдцем, но лицо у него было круглым, как блюдце Синей Тетки, и на щеках у него расползлась паутинка, такая же синяя, как на *особенном* блюдце Синей Тетки, но так было лишь потому, что неоновый свет был красным, свет был слишком ярким, в темноте свет от вывески

придорожной закусочной *делал* синими алые подтеки на его щеках, где она расцарапала их в кровь, а он только сказал: «Зачем ты, зачем, зачем ты это делаешь?» — и открыл окно, чтобы высунуться наружу и блевануть, а она помнила, что в баре слушали Доди Стивенса, который пел о коричневых туфлях с розовыми шнурками и большой панамке с фиолетовой ленточкой, она помнит, что звук его рвоты был похож на грохот щебенки в бетономешалке, а его пенис, еще минуту назад торчавший молодцеватым восклицательным знаком над курчавыми волосами лобка, сник, превратившись в дряблый белесый вопросительный знак; она помнила, как хриплые раскатистые звуки рвоты вроде бы прекратились, а потом зарядили по новой, и она еще подумала: «Похоже, дальше закладки фундамента этого парня не хватит», и рассмеялась, и прижала свой палец (теперь его украшал длинный подпиленный ноготь) к обнаженной вагине, но все-таки не совсем обнаженной, потому что теперь она заросла курчавыми волосами, но внутри у нее раздавался все тот же слабый, отрывистый хруст, и по низу живота разливалось все то же причудливое ощущение, в котором боль мешалась с наслаждением (но только приятнее, намного приятнее, чем вообще ничего), а потом он повернулся и стал шарить вслепую, пытаясь ее схватить, и все приговаривал хрипло, с надрывом: «Ах ты, проклятая черномазая сучка», а она продолжала смеяться, легко увертываясь от него, а потом, схватив свои трусики, открыла со своей стороны дверцу машины, чувствуя, как его пальцы пытаются поймать ее за блузку, и убежала в майскую ночь, напоенную ароматом ранней жимолости, красно-розовый неоновый свет разбивался о гравий парковочной площадки какой-то послевоенной планировки, а она торопливо запихивала свои трусики — дешевые нейлоновые трусики — уже не в карман, а в сумочку, набитую подростковой мешаниной косметики, и бежала, неоновый свет дрожал, и вот ей уже двадцать три, и это не трусики, а шарф из искусственного шелка, который она небрежно опускала в сумочку, проходя вдоль прилавка галантерейной секции уни-

вермага «Мейси», — шарф, который стоил в то время 1,99 доллара.

Дешевка.

Как белые нейлоновые трусики.

Дешевка.

Как и она сама.

Тело, в котором она поселилась, принадлежало женщине, унаследовавшей миллионы, но Детта об этом не знала и ей было наплевать — шарф был белым, с синей каймой, и внутри снова разлилось хрупкое наслаждение, когда она села на заднее сиденье такси и, не обращая внимания на водителя, зажала шарф в одной руке и, неотрывно глядя на него, запустила другую руку под твидовую юбку, под резинку белых трусиков: тот же самый длинный черный палец принялся за работу — точным безжалостным движением.

Так что иной раз она задавалась вопросом, но как-то смутно и словно бы издалека, где она есть, когда ее нет, но обычно страсти ее и желания настойчиво и внезапно напоминали о себе, и у нее уже не было времени на дальнейшие размышления — и она просто делала то, что ей нужно было сделать. Завершить то, что должно быть завершено.

Роланд бы понял.

5

Одетта могла позволить себе ездить повсюду на лимузине, даже в 1959 году, хотя тогда отец ее был еще жив и она не была так сказочно богата, как в 1962-м, после его кончины. Деньги, которые до сих пор находились в ведении ее опекуна, по достижении ею двадцати пяти лет перешли к ней, и она могла делать с ними все, что душе угодно. Ее мало задевало выражение одного из консервативных газетчиков, пущенное в оборот года два назад: «либералишки в лимузинах», — но она все же была достаточно молода и не хотела, чтобы ее

воспринимали таким образом, пусть даже так было на самом деле. Но все-таки не так молода (или не так глупа!), чтобы искренне верить в то, что несколько пар полинялых джинсов и рубашек цвета хаки, которые она имела обыкновение носить, могут реально изменить ее действительный статус, или те же поездки в автобусе или в подземке вместо того, чтобы просто вызвать машину (при этом она бывала так поглощена собой, что не замечала искреннего изумления и обиды Эндрю; он любил ее, и такое отношение с ее стороны воспринимал как личную неприязнь), но все же достаточно молода, чтобы все еще верить, что подобные выходки могут порой если не развалить, то хотя бы слегка пошатнуть существующий порядок.

Вечером 19 августа 1959 года она заплатила за эти выходки половиной ног... и половиной рассудка.

6

Сначала ее что-то подталкивало, потом тянуло и, наконец, бросило в морскую зыбь, которая вскоре выросла в приливную волну. В 1957-м ее увлекла безымянная в ту пору сила, которую позже назвали Движением. Она кое-что знала об исторических предпосылках, знала, что борьба за расовое равенство началась не с момента провозглашения Манифеста об освобождении рабов, а почти сразу же после того, как в Америку на кораблях доставили первые партии рабов (точнее, в Джорджию, которая в то время была британской колонией, куда ссылали преступников и должников), но для Одетты все началось с определенного места и определенных четырех слов: *Никуда я не пойду.*

Дело было в городском автобусе, в Монтгомери, штат Алабама, слова эти произнесла чернокожая женщина, Роза Ли Паркс, а уходить она отказалась из передней части салона городского автобуса, когда ей предложили переместиться в заднюю, предназначенную, разумеется, для всех черноma-

зых Джимов Кроу*. Гораздо позже Одетта станет распевать «Никуда мы не пойдем» в толпе чернокожих, каждый раз вспоминая Розу Ли Паркс и каждый раз сгорая со стыда. Так просто петь «мы», когда вас много, когда вы держитесь за руки, — это так просто даже для женщины без ног. Так просто петь «мы», так легко быть этим «мы». А в том автобусе не было никакого «мы». Тот автобус, наверное, пах старой кожей и сигаретным и сигарным дымом. Там, наверное, были вывески: «ЛАКИ СТРАЙК» — и: РАДИ БОГА, ХОДИТЕ В ИЗБРАННУЮ ВАМИ ЦЕРКОВЬ! — и: ПЕЙТЕ «ОВАЛТАЙН»! ВЫ УЗНАЕТЕ, ЧТО ОН ТОГО СТОИТ! — и: «ЧЕСТЕРФИЛД» — СМЕСЬ ПОТРЯСАЮЩЕГО ТАБАКА 21 СОРТА. 20 ПОТРЯСАЮЩИХ ПЕРЕКУРОВ. И никакого «мы» в потрясенных взглядах водителя и белых пассажиров, среди которых она уселась, и в столь же потрясенных взглядах черных из задней части автобуса.

Никакого «мы».

Никаких марширующих многотысячных толп.

Только одна Роза Ли Паркс, чьи слова дали толчок приливной волне: *Никуда я не пойду.*

Одетта еще подумала: *Если бы только и я смогла сделать что-то подобное, если бы я смогла быть такой храброй, я, наверное, была бы счастлива до конца своих дней. Но такое мужество не по мне.*

Она прочитала о Розе Ли Паркс в какой-то газете, но поначалу это не вызвало у нее интереса. Интерес рос постепенно. Трудно сказать, когда и как именно ее воображение потряс и воспламенил этот поначалу почти беззвучный толчок расового потрясения, которое всколыхнуло весь Юг.

Около года спустя один молодой человек, с которым она встречалась более-менее регулярно, начал возить ее в Вилидж, где несколько молодых (преимущественно белых) ис-

---

* Джим Кроу — кличка, данная американскими расистами неграм, а также в иносказательном смысле обозначение любых проявлений расовой дискриминации и сегрегации негров. Первоначально — название старинной негритянской песни. — *Примеч. ред.*

полнителей народных песен, выступающих там, пополнили свой репертуар кое-какими новыми и даже пугающими песнями: неожиданно, в добавление ко всем этим древним присвистам о том, как Джон Генри взялся за молот, да так лихо, что обошел новенький паровой молот (и, надорвавшись, откинул копыта, ля-ля), или о том, как Барбри Аллен жестоко отвергла юного ухажера, изнывающего от любви (и умерла со стыда, ля-ля), появились песни о том, каково это — быть отверженным, когда тобой пренебрегают, выгоняют тебя с работы потому только, что кожа у тебя не того цвета, когда тебя упекают в кутузку и хлещут плеткой лишь потому, что ты, чернокожий, осмелился — ля-ля-ля — подсесть в закусочной Вулворта за столик к белым, в городе Монтгомери, штат Алабама.

Это может показаться абсурдным, но только тогда она стала интересоваться судьбой своих родителей, и их родителей, и родителей тех родителей. Ей не суждено было прочитать книгу «Корни»: она жила в другом мире и в другом времени, задолго до того, как Алекс Хейли ее написал, а может быть, даже задумал, — однако она осознала впервые, на удивление поздно, что ее предки вырвались из цепей, в которых держали их белые люди, не так уж и давно. Конечно, сам факт она знала и раньше, но это была только голая информация, лишенная всякой эмоциональной окраски, — как абстрактное уравнение, которое никогда не затрагивало ее жизни.

Суммировав все, что ей было известно, Одетта сама ужаснулась скудости своих знаний. Она знала, что мама ее родилась в городе Одетта, штат Арканзас, в городе, в память о котором ее родители потом назвали свою единственную дочь. Она знала, что папа ее был дантистом в провинциальном городишке. Что он изобрел и запатентовал какой-то новый способ изготовления зубных коронок, а потом положил свою разработку в долгий ящик, и только лет десять спустя на нее обратили внимание специалисты и он неожиданно стал состоятельным человеком. Она знала, что он разработал еще несколько оригинальных методик в области зубоврачебной

техники за эти десять лет до того, как разбогател, и еще в течение четырех лет после этого; большинство их было связано с протезированием и косметикой, и вскоре после переезда в Нью-Йорк вместе с женой и дочерью (которая родилась четыре года спустя после получения первого патента) он основал компанию «Холмс дентал индастрис», которая ныне в зубоврачебной промышленности все равно что компания «Скуибб» в области производства антибиотиков.

Но сколько она ни расспрашивала его, как они с мамой жили все эти годы до ее рождения и после, вплоть до того времени, когда они разбогатели, папа всегда уходил от ответа. Он рассказывал ей вроде бы все, но не говорил ничего. Эта часть его жизни была для нее закрытой. Как-то раз ее мама — отец называл ее просто ма или Элис, и иногда еще Элли, когда выпивал стаканчик или был в добром расположении духа, — проговорила: «Расскажи ей о том, как в тебя стреляли, Дэн, когда ты ехал на «форде» по крытому мосту», а он в ответ удостоил ее таким мрачным и осуждающим взглядом, что ма, которая всегда была шумной, веселой и разговорчивой, вся так и съежилась в кресле и больше не проронила ни слова.

После этого случая Одетта пару раз попыталась расспросить маму наедине, но напрасно. Если б она додумалась до этого раньше, она, быть может, смогла бы что-нибудь разузнать, но, поскольку отец молчал, мама тоже решила хранить молчание, но Одетта поняла, что прошлое для отца: все эти родственники, все эти пыльные дороги, магазинчики и лачужки с грязными полами и окнами без стекол, без самой простенькой занавесочки, все эти стычки, все домогательства и обиды, все соседские ребятишки, одетые в робы, сшитые из мешков из-под муки, — все это для отца похоронено и упрятано в памяти, как мертвый зуб под безупречной белоснежной коронкой. Он никогда об этом не говорил или, быть может, не мог говорить и сознательно погрузился в эту выборочную амнезию; их жизнь в шикарной квартире дома «Греймарл» у южного входа Централь-

ного парка была как зубы под коронками. Все остальное тщательно скрывалось за этой непроницаемой оболочкой. Прошлое отца было упрятано глубоко и надежно, без единой щелочки, сквозь которую можно было бы заглянуть, без единой лазеечки через этот запломбированный барьер в зев откровения.

Детта знала многое, но Детта не знала про Одетту, а Одетта не знала про Детту, так что и эти гладкие зубы были сомкнуты плотно, как ворота неприступной крепости.

От матери Одетта унаследовала некоторую застенчивость, а от отца — его явную (хотя и ненарочитую) жесткость характера, и только однажды она осмелилась еще раз подступиться к нему с расспросами. Как-то вечером — дело было в его библиотеке — она сказала ему, что он ей отказывает в элементарной человеческой искренности, что ей можно уже доверять, что она заслуживает доверия. Отец оторвался от «Уолл-стрит джорнэл», аккуратно свернул газету и положил ее на сосновый столик рядом с торшером. Снял очки без оправы, положил их поверх газеты и только потом посмотрел на нее — худощавый чернокожий мужчина, такой худой, что казался почти истощенным; седые курчавые волосы уже редели на углубившихся впадинках на висках, где нежно и ровно пульсировали вены, — и сказал: «Я никому не рассказываю о той моей жизни, Одетта. Я даже не вспоминаю о ней. Это просто бессмысленно. С тех пор мир изменился, скажем так, сдвинулся с места».

Роланд бы понял.

7

Открыв дверь с надписью «ГОСПОЖА ТЕНЕЙ», Роланд увидел много такого, чего он не понял, — он понял только, что это все не имеет значения.

Это был мир Эдди Дина, но сейчас он представлял собой какую-то мешанину огней, людей и вещей — Роланд в жиз-

ни не видел столько вещей. Судя по виду, вещички эти предназначались для дам, и, очевидно, они продавались: одни лежали под стеклом, другие красовались заманчивой росписью в витринах. Роланд не мог рассмотреть их как следует: мир, в который он заглянул, наплывал на него, проносясь мимо дверного проема, который теперь стал глазами Госпожи. Роланд смотрел ее глазами точно так же, как смотрел глазами Эдди Дина, когда тот шел по проходу воздушной кареты.

А сам Эдди застыл точно громом пораженный. Револьвер у него в руке задрожал и качнулся вниз. Стрелок мог бы сейчас без труда его отобрать, но он даже не шелохнулся. Стоял совершенно неподвижно — этому трюку он выучился давным-давно.

Изображение в дверном проеме развернулось. У Роланда опять закружилась голова, но, как ни странно, на Эдди этот неожиданный разворот подействовал успокаивающе. Роланд не знал, что такое кино. Эдди же видел тысячи фильмов, и все это напоминало ему быструю смену кадров, как, например, в «Кануне Дня Всех Святых» и «Сиянии». Он даже знал, как киношники добиваются такого эффекта. С помощью фиксированной камеры. Вот и здесь точно так же.

— «Звездные войны», — пробормотал он. — Звезда Смерти. Такая громадная железяка, помнишь?

Роланд лишь молча взглянул на него.

Руки, темно-коричневые руки, появились в проеме, который Роланду казался дверью, а Эдди — неким волшебным киноэкраном... экраном, в который, при благоприятных обстоятельствах, можно будет войти, как тот парень из «Пурпурной розы Каира» сошел с экрана в реальный мир. Убойный фильмец.

Только теперь Эдди понял, насколько убойный.

Правда, по ту сторону двери этот фильм еще даже не сняли. Это был Нью-Йорк — почему-то даже сигналы такси, пусть приглушенные и далекие, не оставляли в том никаких сомнений, — и это был какой-то нью-йоркский универмаг, и он даже как-то туда заходил, но что-то в нем было такое... такое...

— Как раньше, — пробормотал он.

— Раньше твоего времени? — переспросил стрелок.

Эдди взглянул на него и отрывисто хохотнул.

— Ну да. Можно и так обозвать.

— День добрый, мисс Уокер, — раздался вкрадчивый голос. Изображение в дверном проеме метнулось вверх так внезапно, что даже у Эдди немного закружилась голова, и он увидел продавщицу, которая, очевидно, знала эту женщину с темными руками, знала и недолюбливала ее. Или побаивалась. Или и то и другое вместе. — Чем-нибудь вам помочь?

— Вот. — Владелица темных рук протянула вперед белый шарф с ярко-синей каймой. — И не трудитесь его заворачивать, крошка. Просто суньте в пакет.

— Наличные или че...

— Наличность — она всегда наличность, верно ведь?

— Да, замечательно, мисс Уокер.

— Я так рада, что вы одобряете, дорогуша.

Продавщица отвернулась, но Эдди успел разглядеть, как она сморщилась. Может быть, все объяснялось просто. Может быть, продавщице неприятно, что с ней так разговаривает эта «хамоватая негритоска» (но опять же сейчас проявлялся скорее его кинозрительский опыт, нежели знание истории или хотя бы уличной жизни, потому что все это казалось ему кинофильмом про 60-е годы или тогда же отснятым вроде «Душной южной ночью» с Родом Стайгером и Сидни Пуатье) или, может быть, еще проще: Роландова Госпожа Теней, независимо от цвета кожи, оказалась стервозиной и грубиянкой.

Но на самом-то деле не это главное, точно? Его это никак не колышет. Его сейчас только одно волнует: как бы выбраться туда.

Там Нью-Йорк. Он, кажется, чувствует запах Нью-Йорка.

Там можно будет достать героин.

Он уже чувствует его запах.

Но тут есть одна загвоздка.

Одна большая, твою-Богу-душу-мать, загвоздка.

8

Роланд внимательно следил за Эдди. Хотя стрелок мог бы прикончить его в любое удобное время, он предпочел не создавать никакого шума и дать Эдди возможность самому разобраться со сложившейся ситуацией. Эдди Дина нельзя назвать человеком приятным во всех отношениях, и даже человеком хорошим его не назовешь (а стрелок, который сознательно допустил смерть ребенка, понимал разницу между тем, что хорошо, а что — не очень), но уж глупцом Эдди Дин не был.

Парень он был смекалистый.

Он сможет справиться с ситуацией.

И он справился.

Он посмотрел на Роланда, улыбнулся, не разжимая губ, крутанул револьвер на пальце, неуклюже, карикатурно, как актер, изображающий стрелка в каком-нибудь идиотском фарсе, и протянул его Роланду дулом вперед.

— Как я понимаю, от этой штуки мне толку не больше, чем от куска дерьма, верно?

Ведь можешь же ты мыслить здраво, когда захочешь, подумал Роланд. *И чего тебя тянет так часто на глупые разговоры, Эдди? Это все потому, что ты думаешь, будто так было принято разговаривать там, куда твой брат пошел со своим оружием?*

— Верно? — повторил Эдди.

Роланд кивнул.

— Если бы я тебя *кокнул*, что бы случилось с дверью?

— Откуда я знаю. Попробуй — посмотришь.

— Ну а что, ты *думаешь*, может случиться?

— Думаю, что она исчезнет.

Эдди кивнул. Он тоже так думал. Трах-тарарах! Исчезла, как в сказке! Только что была, друзья мои, и вот уже — нет. С тем же успехом киномеханик мог бы выхватить револьвер и бабахнуть в киноаппарат: разницы никакой, верно?

Если бабахнуть по аппарату, кина не будет.

А Эдди совсем не хотелось, чтобы кино закончилось.

Эдди хотелось получить за свои деньги по полной программе.

— Ты можешь пройти туда, — медленно проговорил он.

— Да.

— Но сперва только как наблюдатель.

— Да.

— Ворваться к ней в голову. Как ворвался ко мне.

— Да.

— То есть как бы проехаться автостопом в мой мир.

Роланд в ответ промолчал. Иногда Эдди употреблял слова, ему непонятные, как, например, «автостоп»... но общий смысл он уловил.

— Но ты можешь пройти туда и в своем собственном теле. Как тогда у Балазара. — Эдди разговаривал вслух, но обращался скорее к себе самому. — Но только со мной, так?

— Да.

— Значит, возьми меня тоже.

Роланд открыл было рот, но Эдди не дал ему заговорить.

— Не сейчас, я имею в виду не сейчас, — быстро вставил он. — Я понимаю, если мы там сейчас объявимся... там такое поднимется, что ой-ой-ой. — Он хохотнул, и смех его вышел каким-то диким. — Это как фокусник кролика вынимает из шляпы, только там никакой шляпы не будет. Мы подождем, и когда она будет одна, мы...

— Нет.

— Я вернусь с тобой, — сказал Эдди. — Клянусь, Роланд. Я хочу сказать, я понимаю, что у тебя есть одно важное дело и что без меня ты его не сделаешь. Я понимаю, что ты выручил мою задницу на таможне, но я тоже помог тебе у Балазара... ну и что ты скажешь?

— Да, ты мне очень помог. — Роланд вспомнил, как Эдди поднялся из-за стола, пренебрегая опасностью, и на мгновение засомневался.

Но лишь на мгновение.

— Ну что? Услуга за услугу. Рука руку моет. Ты — мне, я — тебе. Все, что мне нужно, так это вернуться на пару часов.

Ухватить где-нибудь цыпленка и, может быть, упаковочку «Данкин Донатс». — Эдди кивнул на дверь, где все снова пришло в движение. — Ну так как?

— Нет, — отозвался стрелок, но он сейчас вряд ли думал об Эдди. Это движение по проходу... Госпожа, кем бы она ни была, ходила не так, как все обычные люди... не так, например, как шел Эдди, когда Роланд смотрел сквозь его глаза, или (теперь, когда он об этом задумался, а раньше ему даже и в голову не приходило обратить на это внимание, как никогда не обращаешь внимания на то, что в поле зрения всегда маячит кончик твоего носа) как ходит он сам. Когда ты идешь, картинка у тебя перед глазами напоминает плавное качание маятника: левая нога, правая нога, левая, правая, и мир у тебя перед глазами как бы качается взад-вперед, так мягко и плавно, что через какое-то время — наверное, вскоре после того, как ты научился ходить, — ты уже этого не замечаешь. А в походке Госпожи не было этого маятникового качания: она двигалась по проходу плавно, как будто плыла по рельсам. Ирония в том, что у Эдди сложилось точно такое же впечатление... но для него это выглядело как киношный спецэффект, достигаемый при помощи фиксированной камеры. Впечатление это подействовало на него успокаивающе, потому что оно было ему знакомо.

А для Роланда оно было чуждым... Но тут Эдди прервал молчание, и голос его был пронзительным:

— Но почему нет? Почему, мать твою, нет?

— Потому что тебе не цыпленок нужен. Теперь я знаю, как называется то, что тебе нужно. Ты хочешь ширнуться, Эдди. Хочешь вколоть себе дозу.

— Ну и что? — выкрикнул Эдди едва ли не истерично. — Ну и что, если хочу? Я же сказал, что вернусь с тобой! Я же пообещал! Я имею в виду, что я тебе пообещал железно! Чего тебе нужно еще? Хочешь, я поклянусь именем своей матери? Хорошо, я клянусь именем своей матери! Хочешь, я поклянусь именем брата Генри? Хорошо, я клянусь! Я КЛЯНУСЬ!

Энрико Балазар сказал бы ему, но стрелку не нужны были советы каких-то там балазаров, чтобы твердо усвоить неоспоримый факт: никогда не доверяй наркоману.

Роланд кивнул в сторону двери.

— Пока мы не дошли до Башни, на прежней жизни можешь поставить крест. Что с тобой будет потом, меня не волнует. Потом можешь идти хоть к черту. А пока ты мне нужен.

— Зачем ты мне врешь? — тихо проговорил Эдди. Его голос звучал бесстрастно, но стрелок заметил, что в глазах его стоят слезы, однако он ничего не сказал. — Ты же знаешь прекрасно, что после Башни не будет уже никакого «потом», — продолжал Эдди. — Ни для меня, ни для нее, ни для этого третьего парня, кого ты там еще собираешься вытащить. И может быть, для тебя тоже: видок у тебя еще хуже, чем был у Генри в его самые трудные дни. Если мы не умрем на пути к твоей Башне, значит, мы непременно откинем копыта прямо там, *тогда зачем ты мне врешь?*

Стрелок ощутил нечто вроде стыда, но лишь повторил:

— Пока что на прежней жизни ты можешь поставить крест.

— Да? — спросил Эдди. — У меня есть для тебя кое-какие новости, Роланд. Я, кажется, знаю, что будет с твоим настоящим телом, когда ты войдешь туда и внутрь ее. Я уже это видел, так что я знаю. Мне не нужны твои револьверы. Я просто ухвачу тебя за то самое место, дружище, где растут короткие волосики. Ты можешь даже повернуть ее голову, как ты мою поворачивал, и посмотреть, что я буду делать с твоим бренным телом, пока ты витаешь там в виде своего этого долбаного *ка*. Я подожду до ночи и оттащу тебя к воде. А ты можешь полюбоваться, как эти омары тебя поедают. Но ты, наверное, будешь слишком спешить, чтобы сполна насладиться этим приятным зрелищем.

Эдди на мгновение умолк. В наступившей тишине скрежещущий шелест волн и глухое завывание ветра казались слишком громкими.

— Или я просто возьму твой нож и перережу тебе горло.

— И навсегда закроешь эту дверь?

— Ты же сам говоришь, что на своей прежней жизни я могу поставить большой жирный крест. И ты имеешь в виду не только один героин. Ты имеешь в виду: Нью-Йорк, Америку, мое время — *все*. Если дело обстоит так, то я хочу крест поставить и на этом тоже. Обстановочка дохлая, да и компашка вонючая. Бывают такие моменты, Роланд, что по сравнению с тобой даже Джимми Сваггарт со своими телепроповедями кажется абсолютно нормальным.

— Впереди ждут великие чудеса, — сказал Роланд. — И замечательные приключения. Даже более того: в поиске этом тебе дается шанс восстановить свое доброе имя. И еще кое-что. Ты сам можешь стать стрелком. В конце концов, может быть, я и не буду последним. В тебе это заложено, Эдди. Я вижу. Я *чувствую*.

Эдди расхохотался, хотя по щекам его уже текли слезы.

— Замечательно. Просто чудно! Только этого мне не хватало! Вот мой брат Генри. Он уже был стрелком. В одном месте. Вьетнам называется. Так он там отстрелялся по полной программе. Тебе бы стоило на него посмотреть, Роланд, как его колбасило после очередной дозы. Он даже не мог доползти до гребаного туалета без посторонней помощи. Если рядом никого не было, он просто сидел на диване, смотрел по телику борьбу и делал себе в штаны. Это здорово — быть стрелком. Это круто. Я вижу. Брат мой кончил наркоманом, а у тебя крыша съехала.

— Вероятно, твой брат имел самое смутное представление о чести.

— Может быть. Мы там у себя не всегда ясно себе представляли, что к чему. Это было для нас просто слово. Так обращались к судье — ваша честь, — если случалось влипнуть на том, что снимаешь какой-нибудь обтекатель с какого-нибудь «тандерберда» или покуриваешь марихуанку, а тебя за это тащат в суд.

Эдди еще пуще расплакался, но в то же время его душил смех.

— А эти твои друзья. Этот парень, о котором ты все бормочешь во сне, этот пижон Катберт...

Стрелок невольно вздрогнул. Не помогли даже долгие годы тренировки — он вздрогнул.

— Они-то врубались в весь этот бред, который ты здесь мне несешь, точно сержант из морской пехоты, вербующий молокососов в армию? Приключения, поиски, честь?

— Да, они знали, что такое честь, — медленно произнес Роланд, вспоминая всех тех, кого уже нет.

— И что, *они* с этого поимели что-нибудь более стоящее, чем досталось моему брату?

Стрелок промолчал.

— Я знаю, кто ты. Знаю, что ты собой представляешь, — продолжал Эдди. — Насмотрелся я на таких, как ты. Ты просто очередной шиз, который горланит: «Вперед, воины Христовы!» — со знаменем в одной руке и оружием в другой. Спасибо, но мне такой чести не нужно. Мне нужен хороший обед и один укольчик. В таком вот порядке: сначала цыпленок, потом укольчик. Так что иди туда. Ты это можешь. Но как только ты уйдешь, я прикончу тебя, вернее, то, что здесь от тебя останется.

Стрелок молчал.

Эдди криво усмехнулся и стер слезы со щек тыльной стороной ладоней.

— Хочешь знать, как это у нас называется там?

— Как?

— Безнадега. Безнадежное противостояние.

Мгновение они лишь смотрели друг на друга, а потом Роланд резко перевел взгляд на дверь. Оба они уголком глаза видели — Роланд чуть больше, чем Эдди, — что изображение в проеме снова развернулось, на этот раз влево. Появился прилавок со сверкающими драгоценностями. Одни лежали под стеклом, но большая часть — открыто, и стрелок решил, что это всего лишь безделушки. Эдди назвал бы их бижутерией. Темно-коричневые руки этак небрежно и бегло перебирали некоторые из этих дешевеньких украшений, а потом

появилась еще одна продавщица. Последовал разговор, которого ни Роланд, ни Эдди не разобрали, а потом Госпожа (некая дама, обозвал ее про себя Эдди) попросила, чтобы ей показали что-то еще. Продавщица ушла, и вот тогда взгляд Роланда резко метнулся к дверному проему.

Темные руки опять появились, но теперь в них была сумочка. Она открылась. И вдруг руки стали сгребать в нее — вроде бы без разбору, да нет, почти наверняка без разбору — украшения, что лежали в открытую на прилавке.

— Любопытная у тебя подбирается компания, Роланд, — с горечью и в то же время вроде бы забавляясь, проговорил Эдди. — Сначала тебе достается конченый белый наркоман, а потом закоренелая чернокожая воровка...

Но Роланд уже рванулся к двери между мирами — быстро, не глядя на Эдди.

— Я не шучу! — крикнул Эдди ему вдогонку. — Только войди туда, и я перережу твою гребаную глотку...

Но он не успел даже договорить — стрелок исчез. Осталось только обмякшее, бессознательное, но дышащее тело, лежащее на берегу.

На мгновение Эдди застыл на месте, не в силах поверить, что Роланд все-таки это сделал: действительно ушел, так поидиотски, несмотря на предупреждение Эдди — на его искреннее заверение, мать твою, каковы будут последствия.

Он застыл на месте, вращая глазами, точно испуганный конь, почуявший приближение грозы... хотя, разумеется, не было никакой грозы, кроме той, что бушевала у него в голове.

Ну ладно. Ладно, черт побери.

У него, может быть, есть только пара секунд. Роланд может вернуться в любое мгновение — вряд ли он даст ему много времени, — и Эдди прекрасно это понимал. Он быстро глянул на дверь и увидел, что темные руки застыли над позолоченным ожерельем, наполовину засунутым в сумочку, которая уже сверкала, как сундук с пиратскими сокровищами. Хотя Эдди не мог слышать голос Роланда, он чувствовал, что тот ведет разговор с владелицей черных рук.

Он достал нож из котомки стрелка и перевернул обмякшее тело, что лежало у двери, на спину. Глаза стрелка были открыты, но пусты — они закатились так, что остались одни белки.

— Роланд, смотри! — выкрикнул Эдди. Монотонный, дурацкий, нескончаемый ветер свистел у него в ушах. Боже правый, так и свихнуться недолго. — Внимательнее смотри! Сейчас я заполню пробелы в твоем долбаном образовании! Сейчас я тебе покажу, что бывает, когда кто-то пытается нагребать братьев Дин!

Он занес нож над горлом стрелка.

Глава 2
ПРЕДВЕСТИЕ ПЕРЕМЕН

1

Август 1959-го

Когда полчаса спустя молодой врач вышел на улицу, Хулио стоял, прислонившись к машине «скорой помощи», которая так и была припаркована на стоянке отделения экстренной помощи больницы Сестер Милосердия на Двадцать третьей улице. Каблук остроносой туфли Хулио опирался о переднее крыло. Он успел переодеться в кричащие розовые штаны и голубую рубашку, на левом нагрудном кармане которой золотыми стежками было вышито его имя: на нем была униформа команды игроков в кегли. Джордж поглядел на часы: команда Хулио «Превосходные латины» уже вовсю гоняла шары.

— Я думал, что ты уже смылся, — сказал Джордж Шейверз, молодой врач-стажер, живущий при больнице Сестер

Милосердия. — Как твои парни думают выиграть без Чудо-Крюка?

— Меня подменил Мигель Басале. У него рука не такая верная, но иногда он бывает в ударе. Все у них будет в ажуре. — Хулио помедлил. — Мне любопытно, чем там закончилось. — Хулио работал в больнице шофером. Кубинец с чувством юмора, о котором, как был уверен Джордж, и сам даже не подозревал. Он огляделся. Никого из фельдшеров — из тех, кого он возил, — поблизости не наблюдалось.

— А где все? — спросил Джордж.

— Кто? Эти долбаные близнецы Боббси? А ты как думаешь, где они могут быть? Поехали в Виллидж, поблядовать с черномазыми шлюхами. Ты думаешь, она выкарабкается?

— Без понятия.

Он пытался напустить на себя глубокомысленный вид и показать, что все знает, но на самом-то деле дежурный врач и подоспевшие хирурги забрали чернокожую женщину быстрее, чем можно произнести: *О Дева Мария, помилосердствуй* (а именно эти слова и рвались с его губ — видок у той женщины был неважный: казалось, долго она не протянет).

— Она потеряла чертовски много крови.

— Да, хорошего мало.

Джордж, один из шестнадцати ординаторов при больнице Сестер Милосердия, входил также в группу из восьми человек, работающих по новой программе «Скорый выезд». Предполагалось, что команда «Скорого выезда» из одного врача и двух фельдшеров иной раз в критическую минуту может перетянуть чашу весов между жизнью и смертью в пользу первой. Джордж знал, что большинство водителей, медсестер и фельдшеров считали, будто зеленые ординаторы, только-только начавшие медицинскую практику, скорее гробят, нежели спасают таких «экстренных» пациентов, и все-таки Джордж был уверен, что польза от этой программы была.

Иногда.

В любом случае больница могла гордиться своей «связью с общественностью», и хотя молодые врачи, занятые в про-

грамме, были не прочь повозмущаться насчет сверхурочных (причем неоплачиваемых) восьми часов в неделю, Джордж Шейверз не сомневался, что его коллеги испытывают те же чувства, что и он сам: гордость, сознание своего долга и способности справиться с любой задачей.

А потом как-то ночью он выехал к Айдлуайлду, на место крушения самолета «Три-Стар» компании TWA. На борту было шестьдесят пять пассажиров, шестьдесят, в чем Хулио Эстевес не сомневался, — погибли на месте, — а трое из оставшихся пяти выглядели не лучше того месива, которое ты выгребаешь со дна угольной топки... с той только разницей, что тот хлам, который ты выгребаешь из топки, не стонет, и не кричит, и не умоляет тебя дать ему морфий или добить. *Если ты вынесешь это,* подумал он после, вспоминая обугливщиеся конечности, что валялись среди остатков алюминиевых щитков, обломков сидений и искореженной груды металла, который когда-то был хвостом самолета, с цифрой 17, большой красной буквой «Т» и остатками буквы «W», вспоминая глазное яблоко на обожженном дорогом чемодане, плюшевого медвежонка с пуговичными глазками рядом с красной кроссовкой, в которой еще была детская ножка, *если ты вынесешь это, детка, ты вынесешь все.* И он действительно справился. Справлялся, пока ехал домой. Справлялся за поздним ужином из индейки перед теликом. Заснул он без проблем, что послужило безоговорочным доказательством того, что он сумел справиться. А потом, в самый глухой предутренний час, он проснулся, спасаясь от жуткого кошмара: ему приснилось, что на обугленном чемодане лежит не игрушечный медвежонок, *а голова его мамы,* и глаза у нее открыты, и они тоже обожжены, и выражение у них такое же мертвое и застывшее, как в глазах-пуговичках плюшевого медвежонка; рот открыт, обнажая переломанные зубы, которые были здоровыми и безупречными до того страшного мига, когда в самолет, заходящий на посадку, ударила молния, и она шепчет: «Ты не сумел спасти меня, Джордж, ради тебя мы во многом себе отказывали, чтобы у

тебя было все, мы многого не позволяли себе, чтобы только у тебя было все; твой отец уладил все с этой девушкой, чтобы у тебя не было неприятностей, а ты ВСЕ-ТАКИ НЕ СУМЕЛ СПАСТИ МЕНЯ, БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ», и он проснулся с диким криком, смутно осознавая, что кто-то дубасит по стенке, но ему было сейчас не до этого: он бросился в ванную и едва успел склониться над унитазом в коленопреклоненной позе кающегося грешника, как весь его ужин выплеснулся наружу — дымящийся и горячий, все еще пахнущий разогретой индейкой. Все еще стоя на коленях, он заглянул в унитаз и увидел полупереваренные куски индейки и морковки, которая сохранила свой первоначальный аппетитный цвет, и тут в сознании его вспыхнули алые буквы. Одно только слово:

ХВАТИТ.

Правильно.
Именно так:

ХВАТИТ.

Пора кончать с этой работой по сбору костей. Пора прекращать это дело, потому что:

ХВАТИТ!
ХОРОШЕНЬКОГО ПОНЕМНОЖКУ.

Пора прекращать. Как там в мультике говорил Пучеглаз: «Это все, что я могу еще вынести, но я ничего больше не вынесу». Пучеглаз попал в точку.

Он спустил воду и, вернувшись в постель, почти мгновенно заснул. Проснувшись же, обнаружил, что по-прежнему хочет быть врачом, в этом он абсолютно уверен — и это было так хорошо, что, может быть, стоило целой программы, как ее ни обзови: «Срочный выезд», «Ведерко крови» или «Угадай мелодию».

Ему *по-прежнему* хочется быть врачом.

Он знал одну женщину, занимавшуюся рукоделием. Из последних денег наскреб он десять долларов и заказал ей маленькую старомодную вышивку:

ЕСЛИ ТЫ ВЫНЕСЕШЬ ЭТО,
ТЫ ВЫНЕСЕШЬ ВСЕ.

Да. Правильно.

Случай в подземке произошел месяц спустя.

2

— Эта дама какая-то чертовски странная, ты заметил? — спросил Хулио.

Мысленно Джордж с облегчением вздохнул. Если бы Хулио сам не затронул эту тему, Джордж, наверное, не стал бы ее поднимать. Пока что он ординатор, но в один прекрасный день он станет уже настоящим, оперившимся, скажем так, врачом, теперь он верил в это безоговорочно, а Хулио, он тертый калач, и в присутствии «тертого калача» ему не хотелось бы ляпнуть какую-нибудь глупость. Хулио бы лишь хохотнул и сказал: «Черт, я такого дерьма насмотрелся уже. Тысячу раз, детка. Возьми-ка ты лучше полотенце и оботри себе хорошенько губы, а то молоко не обсохло еще и капает».

Но, похоже, такого Хулио *еще не видел*. Что хорошо, потому что Джорджу *хотелось* поговорить об этом.

— Да уж, странновата. Как будто в ней два человека.

Он с изумлением заметил, что теперь *Хулио* явно почувствовал облегчение, и внезапно ему стало стыдно. Хулио Эстевес, которому в жизни только и светило, что до конца дней своих водить лимузин с парой красных мигалок на крыше, только что проявил больше мужества, чем он сам.

— А ты, док, смекалистый. Попал в самую точку. — Хулио вынул пачку «Честерфилда» и сунул в рот сигарету.

— Эта гадость тебя доконает, дружище, — сказал Джордж.

Хулио кивнул и предложил пачку.

Они покурили молча. Может быть, их напарники и в самом деле поехали «блядовать», как выразился Хулио... или, может, они просто были по горло всем этим сыты. Сначала *Джордж* действительно испугался, нет, кроме шуток. Но в конце концов это именно он спас женщину, а не фельдшера, и Хулио это знал, и Джордж знал, что он знает. Быть может, поэтому Хулио и дождался его. Первой тогда бросилась на помощь старуха негритянка и еще белый парнишка, который вызвал полицию, пока все остальные (кроме старухи негритянки) просто толпились вокруг и глазели, как будто там показывали фильм какой-нибудь, или телешоу, или очередную серию «Питера Ганна», но в конце концов все свалилось на Джорджа Шейверза, и он, перепуганный до полусмерти, исполнил, как мог, свой долг.

Женщина ждала поезд, о котором с большим уважением отзывался Дюк Эллингтон, — знаменитый поезд А. Хорошенькая молодая чернокожая женщина в джинсах и рубашке цвета хаки просто стояла у края платформы и ждала знаменитый поезд А.

Кто-то ее столкнул.

Джордж Шейверз не знал, удалось ли полиции поймать этого ублюдка, — это не его дело. Его дело — женщина, которая с криком упала в тоннель подземки перед знаменитым поездом А. Каким-то чудом она не попала на третий рельс, знаменитый третий рельс, который сделал бы с ней то же, что власти Нью-Йорка делают с плохими парнями в тюрьме «Песня песней», которые получают бесплатный проезд на тот свет на знаменитом поезде А, прозванном зеками «старина-искромет».

Боже правый, такое чудо — электричество.

Она попыталась сползти с рельсов, но времени не было, и знаменитый поезд А вкатился в станционный тоннель, визжа тормозами и изрыгая сноп искр: машинист увидел ее, но было уже слишком поздно — и для него, и для нее. Стальные

колеса этого знаменитого поезда А прокатились по ее ногам и отрезали их чуть выше колен. И пока все остальные на станции (кроме белого парнишки, который бросился вызывать полицию) просто стояли и дрочили (или мастурбировали, как сказал бы Джордж), старая негритянка спрыгнула вниз, вывихнув при этом бедро (потом мэр наградил ее медалью «За храбрость»), и перетянула ноги пострадавшей своей косынкой. На том конце станции белый парнишка орал в телефонную трубку, вызывая «скорую помощь», а старая негритянка кричала из тоннеля, чтобы ей помогли, чтобы бросили, ради Христа, хоть что-нибудь, чтобы наложить жгут, и наконец какой-то белый пожилой господин делового вида нехотя уступил свой ремень, а чернокожая старуха взглянула на него и произнесла слова, которые на другой день появились на передней полосе нью-йоркской «Дейли ньюс», два слова, которые сделали старую негритянку подлинной героиней Америки: «Спасибо, браток». Потом она перетянула ремнем культяпку левой ноги пострадавшей посередине между тазом и тем местом, где было колено, пока его не отрезал знаменитый поезд А.

Джордж слышал, как кто-то в толпе говорил кому-то, что прежде, чем хлопнуться в обморок, молодая негритянка успела произнести: «КТО ЭТОТ КОЗЕЛ? ДОБЕРУСЬ ДО НЕГО — ЯЙЦА ВЫРВУ!»

Старухе негритянке нечем было проделать дополнительную дырку в ремне, так что она просто держала его, вцепившись, точно угрюмая старуха-смерть, пока не прибыла бригада «Скорой помощи»: Хулио, Джордж и два их напарника.

Желтая линия. Джордж вспомнил, как мама в детстве ему говорила, чтобы он никогда, никогда, никогда не переступал за желтую линию на платформе подземки, ожидая поезда (хоть знаменитого, хоть самого обыкновенного), вспомнил запах масла и электричества, который ударил ему в ноздри, когда он спрыгнул в тоннель. Вспомнил, как там было жарко. Как в пекле. Жар обволакивал все: его, старую негритянку, молодую, поезд, тоннель, невидимое небо над головой и самый ад

под ногами. Вспомнил, как он еще подумал: «Если сейчас мне измерить давление, стрелку, наверное, зашкалит», — а потом вдруг успокоился и закричал, чтобы ему бросили сумку, а когда один из напарников хотел спрыгнуть к нему с сумкой, он так его отматерил и велел угребывать, что тот испугался и вытаращился на него, как будто видел Джорджа Шейверза впервые в жизни, и действительно угреб.

Джордж перетянул столько вен и артерий, сколько мог при данных обстоятельствах, а когда сердце пострадавшей бешено забилось, вколол ей полную дозу дигиталиса. Наконец прибыла кровь. Ее доставили фараоны. «Вам нужно поднять ее, док?» — спросил один, но Джордж ответил, что не сейчас, ввел ей в вену иглу и начал закачивать кровь, точно дозу какой-нибудь страждущей наркоманке.

Потом он позволил поднять ее.

Потом ее повезли в больницу.

В машине она очнулась.

Тогда-то и начались странности.

3

Как только ее занесли в машину, Джордж вколол ей демерол: она начала шевелиться и слабо вскрикивать, — причем дозу такую, чтобы уж быть уверенным, что она тихо-мирно доедет до Сестер Милосердия. Он был на девяносто процентов уверен, что она не умрет в дороге, но хирурги потребуются самые лучшие.

Однако веки женщины стали подергиваться, когда до больницы оставалось еще шесть кварталов. Она издала хриплый стон.

— Может, опять ее вырубить, док? — предложил один из фельдшеров.

Джордж едва ли осознал, что кто-то из среднего медперсонала впервые снизошел до того, чтобы назвать его «док», а не Джордж или, еще того хуже, Джорджи.

— Ты что, рехнулся? Лучше не суйся, когда ни фига не знаешь!

Фельдшер быстренько ретировался.

Джордж повернулся опять к молодой негритянке и вдруг увидел, что она пришла в себя и тоже смотрит на него вполне осознанным взглядом.

— Что со мной произошло? — спросила она.

Джордж вспомнил, как кто-то из толпы говорил другому о том, что она якобы произнесла прежде, чем потерять сознание (как она доберется до этого мудака и вырвет ему яйца и т.д., и т.п.). Тот тип был белым. Теперь Джордж решил, что все это пустой треп, вызванный либо странной склонностью людей излишне драматизировать трагическую ситуацию, либо просто расовыми предрассудками. Сразу видно, что эта женщина воспитанная и культурная.

— Несчастный случай, — сказал он. — Вам...

Она закрыла глаза, и он подумал, что ее опять потянуло в сон. Ну и хорошо. Пусть кто-то другой скажет ей, что она лишилась ног. Кто-то из тех, у кого доходу больше 7600 долларов в год. Он отодвинулся чуть влево, чтобы еще раз измерить ей давление, и тут она снова открыла глаза. Перед Джорджем Шейверзом была совершенно другая женщина.

— Мать твою, из-за этого мудозвона мне оттяпало ноги. Я чувствую, что они тю-тю. Это что, «скорая»?

— Д-д-да, — выдавил Джордж. Ему вдруг захотелось чего-нибудь выпить. Не обязательно спиртного. Просто промочить горло, а то во рту пересохло. Как в том фильме со Спенсером Трейси, «Доктор Джекил и мистер Хайд», только на самом деле.

— Поймали они этого белого мудака?

— Нет. — А про себя Джордж подумал: *Похоже, тот парень в толпе был прав.*

Он как-то смутно осознал, что фельдшера, подступившие было поближе (быть может, в надежде, что он сделает что-то не так), теперь ретировались.

— Ну и ладно. Все равно эти белые гады его отпустят. Я сама до него доберусь. Я хрен ему на фиг отрежу. Сукин сын! Я скажу тебе, что я буду делать с этим сукиным сыном! Я тебе кое-что скажу, белый ублюдок! Я скажу тебе... я скажу...

Глаза ее снова закрылись, и Джордж подумал: *Да, лучше спи, пожалуйста, спи. Мне за это никто не заплатит, я все равно не врубаюсь, не знаю, что делать, нам читали про шоковое состояние, но никто даже не упомянул шизофрению...*

Глаза снова открылись. Перед ним была первая женщина.

— Какой несчастный случай? — спросила она. — Я помню, как вышла из «Я»...

— Из себя? — тупо переспросил Джордж.

Она улыбнулась вымученной улыбкой.

— Такое кафе. «Голодный я».

— А... Да. Понимаю.

Из-за той, другой, будь она хоть трижды пострадавшая, он испытывал такое ощущение, словно его облили грязью, его даже слегка мутило. А с этой он чувствовал себя рыцарем из романа про короля Артура, рыцарем, который успешно вытащил Прекрасную Даму из пасти дракона.

— Я еще помню, как спустилась в подземку, прошла на платформу, а дальше...

— Кто-то столкнул вас. — Это звучало глупо, ну и что с того? Это действительно было глупо. Нелепо.

— Столкнул под поезд?

— Да.

— И я осталась без ног?

Джордж попытался сглотнуть, но не смог. В горле пересохло.

— Не совсем, — выдавил он, и ее веки снова сомкнулись.

Пусть это будет обморок, подумал он. *Пусть это будет...*

Глаза распахнулись. Они так и пылали. Рука поднялась и резанула растопыренной пятерней по воздуху в каком-то дюйме от его лица — еще чуть чуть, и он лежал бы сейчас в травмпункте с разодранной щекой, а не курил бы тут с Хулио «Честерфилд».

— ТЫ, БЕЛЫЙ ГАД, СУКИН СЫН! — завопила она. Глаза горели адским огнем на чудовищно искаженном лице. В этом лице не осталось уже ничего человеческого. — БУДУ ТЕПЕРЬ КОНЧАТЬ ВСЯКОГО БЕЛОГО МУДАКА, ТОЛЬКО МНЕ ПОПАДИСЬ! ОТРЫВАТЬ ИХНИЕ ЯЙЦА И ШВЫРЯТЬ В ИХНИЕ БЕЛЫЕ ХАРИ! Я...

Это было какое-то сумасшествие. Так изъяснялась только «Бабочка» Маккуин, негритянка из одного комикса, которая окончательно рехнулась. И еще она — или оно — обладала как будто сверхчеловеческой силой. Это вопящее и изодранное существо просто не могло полчаса назад лежать в тоннеле подземки с отрезанными ногами. Она кусалась. Пыталась расцарапать ему лицо. Из носа у нее текло, с губ летели плевки, изо рта — непристойности.

— Вырубите ее, док! — заорал кто-то из фельдшеров, вдруг побледнев. — Бога ради, вырубите ее! — Он потянулся уже к коробке со шприцами, но Джордж отшвырнул его руку.

— Отвали, чучело.

Джордж посмотрел на свою пациентку и снова увидел глаза той, первой, — спокойные, умные.

— Я буду жить? — спросила она небрежно, таким тоном, каким обычно беседуют за чашкой чаю, а он подумал: *Она даже не знает об этих провалах. Совершенно не знает.* И чуть погодя: *И та тоже не знает.*

— Я... — Он тяжело сглотнул, потер грудь поверх халата, как бы стараясь унять бешеное сердцебиение, и приказал себе успокоиться. Жизнь он ей спас. Психологические ее проблемы его не касаются.

— С *вами* все в порядке? — спросила она. И он даже слегка улыбнулся из-за искренней тревоги, прозвучавшей в ее голосе. Это надо же — *она* спрашивает *его*!

— Да, мэм.

— Вы на какой вопрос отвечаете?

Он сначала не понял, но потом сообразил:

— На оба. — Он взял ее за руку. Она сжала его руку, а он заглянул в ее сияющие глаза и подумал: *А в нее можно влю-*

биться, и в это мгновение ее рука превратилась в царапающую пятерню, и она сообщила ему, что он белый мудак и что она не просто яйца ему отрежет, а вырвет их зубами.

Он отпрянул, глядя на ладонь, не идет ли кровь, и в голове у него пронеслась бессвязная мысль, что если кровь есть, то нужно будет что-нибудь сделать, потому что она ядовитая, эта женщина ядовитая, ее укус все равно что укус мокасиновой или гремучей змеи. Но крови не было. А когда он посмотрел на нее снова, перед ним была та — первая.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я не хочу умирать. Пожал... — Тут она потеряла сознание. Может, и к лучшему. Для них для всех.

4

— Ну и что ты думаешь? — спросил Хулио.

— Насчет того, кто выйдет в финал? — Джордж расплющил окурок каблуком ботинка. — «Уайт Сокс». Я как-то уже с ними свыкся.

— Да нет, насчет этой девицы.

— По-моему, она ярко выраженная шизофреничка, — медленно проговорил Джордж.

— Да, я *знаю*. Я имею в виду, что с ней будет потом?

— Я-то откуда знаю?

— Ей нужна помощь, дружище. Но кто ей поможет?

— Ну я-то, что мог, для нее уже сделал. — При этих словах Джорджа бросило в жар.

Хулио поглядел на него.

— Если ты уже сделал что мог, то не лучше ли было оставить ее умирать, а, док?

Джордж поглядел на Хулио, но не смог выдержать его взгляда, в котором сквозило не обвинение даже, а только грусть.

Он пошел прочь.

У него еще были дела в городе.

5

Время для Извлечения.

С того несчастного случая ситуацию в основном контролировала Одетта Холмс, но Детта Уокер стала проявлять себя все чаще и чаще, а больше всего на свете Детта любила воровать. И не важно, что ворованное частенько оказывалось никудышным барахлом и она потом его выкидывала.

Важен был сам *процесс*.

Когда стрелок вошел в ее сознание в «Мейси», Детта аж взвизгнула от страха и ярости, а руки ее неподвижно застыли над бижутерией, которую она запихивала себе в сумку.

Она взвизгнула, потому что, когда Роланд вошел к ней в сознание, когда он проявил себя у нее в голове, она на мгновение почувствовала присутствие той, *другой*, как будто в мозгах у нее приоткрылась дверь.

И еще она взвизгнула потому, что тот, кто насильно ворвался в ее сознание, был белым.

Видеть она не могла, но она чувствовала, что он белый.

Люди стали оглядываться. Дежурный администратор, который следил за порядком на этом этаже, заметил визжащую женщину в инвалидной коляске с открытой сумочкой на коленях, куда она запихивала бижутерию, причем даже с такого расстояния сумочка смотрелась раза в три дороже, чем все эти украшения, вместе взятые.

Администратор позвал:

— Эй, Джимми!

Джимми Халворсен, штатный охранник универмага, обернулся, увидел, что происходит, и сломя голову бросился к темнокожей женщине в инвалидной коляске. Чего, спрашивается, побежал? Но он ничего не мог с собой поделать: он восемнадцать лет прослужил в городской полиции, и такой образ действия буквально въелся ему в кровь — а на бегу еще подумал, что работенка ему предстоит дерьмовая. Малышня, калеки, монашки, разбираться с такими — всегда дерьмовая работенка. Все равно что пинать пьянчужку. Они

немного поплачут перед судьей, а потом их отпустят на все четыре стороны. Очень трудно убедить судей в том, что и среди калек попадаются настоящие негодяи.

Но он все равно побежал.

6

Роланд на мгновение опешил перед этой змеиной ямой ненависти и отвращения, которую представляло собой сознание, куда он попал... а потом услышал женский визг и увидел, как прямо на нее (него) несется здоровенный мужик с пузом, похожим на мешок с картошкой, увидел, что люди смотрят на них, и решил взять контроль на себя.

Внезапно он *стал* этой женщиной с темными руками. Он почувствовал в ней какое-то странное раздвоение, но сейчас у него не было времени поразмыслить об этом.

Он развернул кресло и принялся толкать его вперед. Ряд прилавков проносится мимо него (нее). Люди шарахаются в обе стороны. Сумку они уронили, и вещи Детты и украденные ею сокровища тянутся широким следом по полу. Мужчина с необъятным пузом поскользнулся на цепочках из поддельного золота и тюбиках с губной помадой и грузно свалился на задницу.

7

«Вот дерьмо!» — ругнулся про себя Халворсен, и в какой-то миг его рука сама сунулась под спортивную куртку, где в потайной кобуре висел револьвер 38-го калибра. Но здравый смысл все-таки возобладал: это ведь не какой-нибудь чокнутый наркоман или вооруженный грабитель — всего-навсего негритянка-калека в инвалидной коляске. Правда, катила она на ней как взбесившийся гонщик, но при этом все-таки оставалась калекой. Что он собирается

делать? Стрелять в нее? Хорошая вышла бы штука! И куда она, интересно, несется? В конце прохода не было никакого выхода, только примерочные кабинки.

Он поднялся, потирая ушибленные ягодицы, и бросился следом за ней, теперь чуть прихрамывая.

Инвалидная коляска вкатилась в одну из кабинок. Дверца с силой захлопнулась.

«Вот ты и попалась, сучка, — подумал Джимми. — Сейчас я тебе покажу. И мне наплевать, если вдруг у тебя пять сироток-детишек и жить осталось тебе всего год. Бить не буду, но душу вытрясу».

Он опередил администратора и навалился на дверь кабинки левым плечом. Кабинка была пуста.

Никакой негритянки.

Никакой инвалидной коляски.

Вообще ничего.

Он ошалело уставился на администратора.

— В другой! — заорал он. — В другой!

Не успел Джимми пошевелиться, как администратор вломился в соседнюю кабинку. Дама в нижней юбке и лифчике «Плейтекс Ливинг» пронзительно завизжала, прижав руки к груди. Белая — очень белая женщина — и никакая не калека.

— Прошу прощения, — пролепетал администратор, заливаясь густой краской.

— Убирайся немедленно, извращенец! — завопила дама в бюстгальтере и нижней юбке.

— Да, мэм, — выдавил администратор и закрыл дверь.

Покупатель в «Мейси» всегда прав.

Он поглядел на Халворсена.

Халворсен поглядел на него.

— Что еще за дерьмо? — спросил Халворсен. — Так она заезжала туда или нет?

— Да, заезжала.

Администратор лишь покачал головой.

— Пойдем-ка лучше и уберем там все с пола.

— Это ты уберешь все с пола, — поправил Халворсен. — А то у меня ощущение такое, как будто задница раскололась на девять кусков. — Он помедлил. — И если по правде, друг мой, я что-то вообще не врубаюсь, что тут происходит.

8

Как только стрелок услышал, что дверь кабинки захлопнулась, он с размаху направил коляску к двери. Если Эдди сделал, что обещал, дверь должна исчезнуть.

Но дверь стояла распахнутой. Роланд перекатил Госпожу Теней через порог.

Глава 3
ОДЕТТА
ПО ТУ СТОРОНУ

1

Чуть позже Роланд подумал: *Любая другая женщина, хоть здоровая, хоть калека, если б ее вдруг потащили на полной скорости между прилавками магазина, где она занималась делом — если угодно, то нехорошим делом, — причем потащил незнакомец, поселившийся у нее в сознании, загнал ее в маленькую комнатушку, и при этом какой-то мужик кричал ей вдогонку немедленно остановиться, потом неожиданно развернули там, где не было места для разворота, и выкатили в совершенно другой мир... Любая женщина, как мне кажется, при таких обстоятельствах первым делом наверняка бы спросила: «Где я?»*

Вместо этого Одетта Холмс вежливо осведомилась:

— Что именно вы собираетесь делать с этим ножом, молодой человек?

2

Роланд поглядел на Эдди. Лезвие ножа у него в руке было уже менее чем в четверти дюйма от его горла. Обладай Роланд даже сверхъестественной скоростью, он все равно не успел бы спастись, если бы Эдди решился ударить.

— Вот-вот, — сказал Роланд, — что ты с ним собираешься делать?

— Еще не знаю. — В голосе Эдди сквозило искреннее отвращение к себе. — Нарезать, наверное, наживки. А что, непонятно, что я собираюсь пойти порыбачить?

Он швырнул нож в сторону коляски Госпожи, целясь намного правее. Нож вонзился в песок по самую рукоятку и еще долго дрожал.

И тогда Госпожа повернула голову и начала было:

— Будьте любезны, объясните, пожалуйста, куда вы меня...

Тут она осеклась. Она успела сказать только «Будьте любезны», когда увидела, что позади коляски никого нет, и стрелок с интересом отметил, что она все же продолжила фразу, потому что из-за ее состояния некоторые вещи стали в ее жизни непреложными истинами: например, если коляска двигалась, значит, ее кто-то двигал. Но сзади никого не было.

Вообще никого.

Она опять поглядела на Эдди и на стрелка, в ее черных глазах читались смущение, тревога и замешательство.

— Где я? — спросила она. — Кто меня сюда вывез? Как я здесь оказалась? И почему я одета, если уж на то пошло: ведь я была дома, в халате, смотрела новости. Кто я? Где я? И кто вы?

Она спросила: «Кто я?» — подумал стрелок. *Плотину прорвало, и хлынул поток вопросов. Этого следовало ожидать. Но этот вопрос «Кто я?». Даже сейчас я уверен, что она совершенно не сознает, что задала его.*

И когда она его задала.

Она задала этот вопрос *самым первым.*

До того, как спросить, кто *они,* она спросила: «Кто *я*?»

3

Эдди растерянно перевел взгляд с молодого/старого лица негритянки в инвалидной коляске на Роланда.

— Как это так, она не знает?

— Затрудняюсь сказать. Наверное, она в шоке.

— Из-за шока она не помнит, как вышла из дома и оказалась в «Мейси»? Хочешь сказать, что последнее, что она помнит, это как сидела в халате и слушала какого-нибудь надутого пижона, вещавшего с экрана, что этого шиза нашли на островах Флорида-Кис, а левая кисть Кристы Маколифф торчала на стене его логова рядом с чучелом большой рыбины?

Роланд не проронил ни слова.

Совершенно ошарашенная, Госпожа спросила:

— А кто эта Криста Маколифф? Она — из пропавших без вести на «рейсах Свободы»?

Теперь пришел черед Эдди озадаченно умолкнуть. Рейсы Свободы? Кто такие?

Стрелок посмотрел на него, и Эдди без труда прочитал у него в глазах: *Ты что, неужели не видишь, что она в шоке?*

Я понимаю, что ты имеешь в виду, старина Роланд, но есть одна неувязочка. Я тоже был чуть-чуть в шоке, когда ты ворвался ко мне в башку, как какой-нибудь Уолтер Пейтон под кайфом, но память-то у меня не отшибло.

Кстати, о шоке: его еще раз неслабо шибануло, когда она прошла через дверь. Он стоял на коленях над неподвижным телом Роланда, держа нож у самого горла, открытого для удара... но, говоря по правде, он не смог бы пустить нож в дело — во всяком случае, не сейчас. Он, словно загипнотизированный, смотрел на дверь. Когда проход между рядами прилавков понесся на него, ему опять вспомнился фильм «Сияние», та сцена, где зритель видит то же, что и маленький мальчик, который едет на трехколесном велосипеде по коридору отеля с привидениями. А в конце коридора мальчик видит двух мертвых девчушек-близняшек. Но здесь вместо призраков

была прозаичная белая дверь. На ней надпись большими четкими буквами: «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ БОЛЕЕ ДВУХ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ ОДНОВРЕМЕННО». Точно, универмаг «Мейси». Сомнений быть не может.

Черная рука распахнула дверь, а сзади вопил мужской голос (голос легавого, уж будьте уверены, Эдди-то их наслушался), приказывая остановиться немедленно, все равно там нет выхода, иначе ей же самой будет хуже, а потом Эдди мельком увидел в зеркале отражение чернокожей женщины и подумал еще: *Боже правый, он сейчас в ней, и ей это очень не нравится.*

Но тут изображение крутанулось, *и Эдди увидел себя.* Картинка стремительно надвигалась на наблюдателя, и он хотел уже вскинуть руку с ножом, чтобы прикрыть глаза, потому что смотреть одновременно через две пары глаз было ему не по силам — так и с ума сойти недолго, — но он не успел: все это произошло слишком быстро.

Инвалидная коляска проехала через дверь. Она прошла еле-еле: Эдди услышал, как скрипнули о косяк ее боковые крепления. И почти тут же услышал еще один звук, звук рвущейся ткани, заставивший Эдди вспомнить одно слово (*плацентарный*), то есть не то чтобы вспомнить: он никогда не думал, что знает это слово. А потом женщина покатилась к нему по плотно слежавшемуся песку, и она больше не выглядела разъяренной, как фурия, — если уж на то пошло, она вообще не походила на женщину, которую Эдди мельком видел в зеркале, — но он решил, что в этом нет ничего удивительного: когда ты на одном дыхании вылетаешь из примерочной «Мейси» на морской берег в каком-то Богом забытом мире, где водятся омары величиной с карликовую колли, ты себя чувствуешь несколько ошарашенно. Уж насчет этого Эдди Дин мог утверждать как знаток, познавший сие на своем горьком опыте.

Прежде чем остановиться, она проехала по инерции еще фута четыре. Руки ее больше не толкали колеса (*Если завтра вы, леди, проснетесь с болью в плечах, вините в том сэра Ро-*

ланда, угрюмо подумал Эдди), а лежали на подлокотниках кресла. Вцепившись в них что есть силы, она смотрела на двух мужчин.

За спиной у нее дверь уже исчезла. Исчезла? Не совсем верное слово. Она как будто сама себя *поглотила*, как в фильме, когда кинопленку крутят в обратном направлении. Это случилось как раз в тот момент, когда охранник магазина с разбегу влетел в примерочную. Разбежался он очень неслабо: наверное, думал, что воровка заперлась изнутри, и Эдди еще подумал, что, когда этот дятел туда ворвется, он с размаху впишется в противоположную стену, но сам он уже этого не увидит. Прежде чем кусок сжимающегося пространства на месте двери исчез окончательно, на той стороне все застыло.

Фильм превратился в неподвижную фотографию.

Остались только две колеи от колес на песке, берущие начало из ниоткуда и заканчивающиеся у инвалидной коляски, в четырех футах от этой стартовой точки.

— Будьте любезны, разъясните, пожалуйста, где я и как я сюда попала? — спросила женщина едва ли не умоляющим голосом.

— Ну, одно я скажу тебе, Дороти*, — выступил Эдди. — Ты уже не в Канзасе.

В глазах у женщины заблестели слезы. Эдди видел, как она пытается их сдержать, но ничего у нее не получалось: она разрыдалась.

В бешенстве (и одновременно — с отвращением к себе) Эдди повернулся к стрелку, который уже поднялся на ноги. Роланд сделал шаг, но не в сторону плачущей Госпожи. Он направился за своим ножом.

— Скажи ей! — заорал Эдди. — Ты ее сюда затащил, *так что давай, мужичок, расскажи ей!* — И чуть погодя добавил уже спокойнее: — А мне расскажи, почему она себя не помнит.

---

* Дороти — героиня сказок Ф. Баума, девочка, которую буря перенесла из Канзаса в волшебную страну Оз. — *Примеч. ред.*

4

Роланд не ответил. По крайней мере не сразу. Он нагнулся, двумя пальцами, что остались на правой руке, не считая большого, поднял нож за рукоятку, осторожно переложил его в левую руку и опустил в ножны на поясе. Он все еще пытался осмыслить ту странность, которую он почувствовал в сознании Госпожи. В отличие от Эдди она сопротивлялась ему, сопротивлялась, как дикая кошка, начиная с того момента, как он вошел к ней в сознание, и пока они не проехали через дверь. Сопротивление началось в то же мгновение, как она ощутила его присутствие. Никакого, хотя бы секундного, замешательства — она вообще не удивилась. Он испытал это на себе, но понять этого не мог. Она вовсе не удивилась вторжению постороннего разума в ее сознание — только ярость, ужас и борьба: она силилась прогнать его. Ее усилия не увенчались успехом, да и вряд ли она могла бы его победить, рассудил Роланд, но она все равно продолжала борьбу. В каком-то неизбывном бешенстве. Он буквально физически ощутил, что эта женщина обезумела от страха, ярости и ненависти.

В сознании ее ощущалась лишь тьма — это был разум, погребенный в глухой пещере.

За исключением того...

За исключением того, что в тот миг, когда они прошли через дверь и разделились, у Роланда вдруг возникло желание — *отчаянное* желание — задержаться хотя бы еще на секунду. За эту секунду ему открылось бы многое. Потому что женщина, которую они сейчас видели перед собой, абсолютно не походила на ту, в чьем сознании он побывал. Это был совершенно другой человек. Сознание Эдди напоминало комнату с шаткими запотевшими стенами. Сознание Госпожи — темноту, где ты лежишь обнаженный, а вокруг тебя копошатся ядовитые змеи.

И только в самом конце все предстало в ином свете.

В самом конце она переменилась.

И было еще кое-что, что-то жизненно важное, стрелок чувствовал это, но либо не понимал, либо не мог вспомнить. Что-то похожее на (*взгляд*) саму дверь, только в ее сознании. Что-то похожее (*ты разбил это «особенное», именно ты*) на внезапное озарение. Если подумать как следует, ты наконец понимаешь...

— Мать твою, — в сердцах выдавил Эдди. — Ты не человек, а бездушный чертов автомат.

Он прошел мимо Роланда, приблизился к женщине, встал рядом с ней на колени, а когда она обняла его, ничего не соображая в панике — руки ее были как руки тонущего пловца, — он не отпрянул и тоже обнял ее, прижав к себе.

— Все нормально, — сказал он. — Я хочу сказать, это, конечно, не замечательно, но все нормально.

— *Где мы?* — всхлипнула она. — *Я была дома, смотрела новости по телевизору, хотела узнать, удалось ли моим друзьям выбраться из Оксфорда живыми и невредимыми, и вдруг я оказалась здесь, и Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ ГДЕ!*

— Ну и я тоже не знаю. — Эдди прижал ее крепче и начал легонько укачивать. — Но, как я понимаю, мы теперь вместе. Я сам оттуда, откуда и вы, из старого доброго Нью-Йорка, и со мной приключилась такая же штука — ну, если по правде, со мной было немножко по-другому, — но я могу вам сказать: все с вами будет нормально. — И чуть погодя добавил: — Если только вы любите омаров.

Обнимая его, она плакала, а он обнимал ее и убаюкивал, и Роланд подумал: *Теперь с Эдди все будет в порядке. Брата его нет в живых, но теперь у него есть кто-то, о ком нужно заботиться, так что теперь с ним все будет в порядке.*

Но в глубине души он почувствовал укол боли. Он может стрелять — во всяком случае, левой рукой, — убивать, идти неуклонно вперед, одолевая с безжалостным упорством мили, и годы, и, как выяснилось, измерения на пути к своей Башне. Он знает, как выжить, иногда у него получается даже кого-нибудь защитить — он спас мальчика Джейка от медленной смерти на заброшенной станции посреди пустыни и от плотских посягательств пророчицы у подножия гор, — но

в конце концов он допустил гибель Джейка. И это был никакой не несчастный случай — он совершил это сознательно и тем обрек себя на проклятие. И вот теперь он смотрел на них, смотрел, как Эдди ее обнимает и уверяет, что все будет хорошо. Он тогда просто не мог поступить по-другому, но теперь в сердце его к печали прибавился паскудный страх.

Если сердце свое ты отдал Башне целиком, Роланд, считай, что с тобой уже все кончено. Бессердечное существо — это существо, не умеющее любить, а существо, не умеющее любить, — это животное. Зверь. Если бы быть только зверем, это еще можно как-то вынести, но человек, который стал зверем, должен будет потом расплатиться за это, и плата будет страшна... но что, если ты все же достигнешь того, к чему так стремишься? Что, если ты, бессердечный, возьмешь приступом Темную Башню и покоришь ее? Если в сердце твоем нет ничего, кроме тьмы, что тебе остается, как не превратиться из зверя в чудовище? Добиться своей вожделенной цели, будучи зверем, — в том была бы какая-то горькая ирония, это все равно что рассматривать слона через увеличительное стекло. Но добиться своей цели, будучи чудовищем...

Заплатить адом — одно дело. Но захочешь ли ты овладеть им?

Он вспомнил Элли и еще одну девушку, которая ждала его у окна, вспомнил о том, как он плакал над безжизненным трупом Катберта. О, тогда он умел любить. Да. Тогда.

Я так хочу любить! Роланд едва не расплакался, но хотя Эдди по-прежнему плакал вместе с женщиной в инвалидной коляске, глаза стрелка оставались сухими, как пустыня, которую он пересек, чтобы прийти к этому хмурому морю.

5

На вопрос Эдди он ответит чуть позже. Потому что так будет лучше для Эдди — держаться настороже. А причина того, что она не помнит, была очень проста. Она — не одна женщина, а две.

И одна из них очень опасна.

6

Эдди рассказал ей все, что мог, приукрасив лишь перестрелку у Балазара, но в остальном неукоснительно следуя правде.

Когда он закончил, она какое-то время хранила молчание.

С пологих гор, растянувшихся на несколько миль к востоку, стекали маленькие ручейки. Именно оттуда Роланд и Эдди брали пресную воду. Сначала ходил только Эдди, потому что Роланд был слишком слаб. Позже они ходили по очереди, и каждый раз приходилось ходить все дальше и искать воду чуть дольше. Горный кряж потихоньку сходил на нет, ручьев становилось все меньше, и вода в них струилась уже не так быстро, но она оставалась хорошей и пригодной для питья.

Пока.

Роланд ходил за водой вчера, и хотя сегодня была очередь Эдди, стрелок пошел снова: закинул за плечо опустевшие бурдюки и удалился, не сказав ни слова. Эдди эта любезность с его стороны показалась весьма подозрительной. Эдди совсем не желал умиляться такому великодушному жесту — да и вообще всему, что делал Роланд, уж если на то пошло, — но все-таки он невольно был тронут.

Она же внимательно его выслушала, не проронив ни слова и глядя ему прямо в глаза. Иной раз Эдди казалось, что она старше его лет на пять, иной раз — на все пятнадцать. И только в одном он был уверен на сто процентов: он потихоньку в нее влюблялся.

Когда он закончил, она еще какое-то время сидела молча, теперь глядя мимо него, на морские волны, из которых на закате выйдут хищные омары со своими непонятными вопросами. Их он описал ей в красках. Пусть она лучше сейчас испугается — чуть-чуть, — чем придет в ужас потом, когда они окажутся в поле зрения. Про себя он предположил, что, когда дело дойдет до того, чтобы их съесть, она понача-

лу не станет к ним прикасаться, после того, как услышала, что они сделали с пальцами Роланда, а потом еще и увидит их своими глазами. Но потом голод все-таки возобладает над этими *дид-а-чик и дуд-а-чум.*

Взгляд ее был устремлен вдаль — в пространство.

— Одетта? — тихонько позвал он спустя, наверное, пять минут. Она сказала ему, как ее зовут. Одетта Холмс. Ему показалось, что это великолепное имя.

Она посмотрела на него, очнувшись от задумчивости. Слегка улыбнулась. Сказала одно только слово:

— Нет.

Он лишь поглядел на нее, не в силах найти подходящие слова. До теперешнего момента он даже представить себе не мог, каким может быть безграничным это бесхитростное отрицание.

— Я не понимаю, — признался он наконец. — Что вы сейчас отрицаете?

— Вот это все. — Одетта описала рукой широкий круг (Эдди заметил, какие у нее сильные руки — нежные, но очень сильные), включающий море, и небо, и пляж, и неровную гряду гор, на склонах которой стрелок, вероятно, искал сейчас воду (или, быть может, его пожирало какое-то новое и занимательное чудовище, впрочем, сейчас Эдди было не до того), короче говоря, включающий весь этот мир.

— Я знаю, что вы сейчас должны чувствовать. Поначалу мне тоже все это казалось каким-то ненастоящим.

Но так ли это? Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что тогда он просто смирился, принял все беспрекословно, может быть, потому, что ему было худо, ему безумно хотелось ширнуться, его буквально ломало.

— Вы потом свыкнетесь.

— Нет, — повторила она. — Я уверена, что случилось одно из двух, и даже не важно — что. Я по-прежнему в Оксфорде, штат Миссисипи. А это все — нереально.

Она продолжала говорить. Если бы голос ее был чуть громче (или, возможно, если бы он не влюблялся в нее), ее

речь вполне бы сошла за пространную лекцию. Но для Эдди все это звучало гораздо лиричнее, чем просто лекция.

За одним исключением, твердил он себе. *На самом деле все это чепуха, и тебе еще предстоит убедить ее в этом. Для ее же блага.*

— У меня, наверное, была какая-то травма. Головы, — закончила она. — Они там, в Оксфорде, мастера орудовать топорищами и дубинками.

В Оксфорде.

Что-то в глубинах памяти Эдди откликнулось на это название. То, как она произнесла это слово, почему-то напомнило ему Генри... Генри и мокрые пеленки. Почему? Что? Теперь это уже не имело значения.

— Вы хотите сказать, что думаете, будто все это — сон, а вы пребываете в бессознательном состоянии?

— Или в коме, — сказала она. — И не надо смотреть на меня так, словно вы считаете, что я говорю ерунду. Потому что это не ерунда. Взгляните сюда.

Она аккуратно приподняла волосы над левым ухом, и Эдди увидел, что она носит прическу с косым пробором вовсе не потому, что следует моде. Пониже края волос красовался уродливый шрам от старой раны, а кожа на нем была не коричневая, а серовато-белая.

— Похоже, что в жизни вам здорово не повезло, — сказал Эдди.

Она раздраженно пожала плечами.

— Иногда не везло, иногда наоборот. Возможно, одно другим уравновешивалось. Я показала вам этот шрам лишь потому, что я тогда была в коме целых три недели. Мне было пять лет. И я видела сны. Много снов. Я не помню, что мне тогда снилось, но мама потом рассказывала, что они с папой знали: пока я разговариваю во сне, я не умру, а я, похоже, разговаривала все время, хотя мама мне говорила, что они разбирали из дюжины одно слово. Но я помню, что эти сны были очень достоверными. Словно все снившееся мне происходило наяву.

Она помедлила, оглядевшись по сторонам.

— Такие же реальные, как все это. Как *вы*, Эдди.

Когда она назвала его по имени, Эдди почувствовал, как по рукам у него побежали мурашки. Вот именно, мурашки, а не хухры-мухры.

— *И он*... — Она вздрогнула. — *Он,* по-моему, реальнее всего.

— Мы настоящие. Я хочу сказать, мы реальные, что бы вы там ни думали.

Она улыбнулась ему по-доброму, хотя, очевидно, не поверила ни единому слову.

— А как это случилось? — спросил Эдди. — Откуда у вас этот шрам?

— Какое это имеет значение? Я просто хочу подчеркнуть, что случившееся однажды может вполне повториться.

— И все-таки мне любопытно.

— Меня ударили кирпичом. Это случилось, когда мы в первый раз съездили на Север — в город Элизабет в штате Нью-Джерси. Ехали мы на поезде, в вагоне для Джима Кроу.

— Для кого?

Она недоверчиво, едва ли не пренебрежительно, покосилась на него.

— Вы где жили, Эдди? В бомбоубежище?

— Я из другого времени, — пояснил он. — Могу я спросить, сколько вам лет, Одетта?

— Мне уже можно голосовать, но до пенсии все-таки далековато.

— Вы, как я понимаю, меня тем самым на место ставите.

— Но все же, надеюсь, не грубо. — И снова она улыбнулась своей лучезарной улыбкой, и по рукам его вновь пробежали мурашки.

— Мне двадцать три, — сказал он. — Только я родился в 1964-м — как раз в том году, когда Роланд вас сюда притащил.

— Но это же полный бред.

— Отнюдь. Я жил себе мирно в 1987-м, когда он перетащил меня.

— Да уж, — сказала она чуть погодя, — это действительно ощутимое подкрепление вашего утверждения, что все это реальность, Эдди.

— Вагон Джима Кроу... это там, где положено ездить черным?

— Неграм, — поправила она. — Называть негра черным — это невежливо, вы не находите?

— Где-то к 80-му году вы себя сами будете так называть, — сказал Эдди. — Когда я был маленьким, назвать черного негром означало нарваться на драку. Все равно как назвать его ниггером или черножопым.

Она растерянно на него поглядела, а потом покачала головой.

— Ладно, вы начали рассказывать про кирпич...

— Младшая сестра моей мамы выходила замуж, — продолжала Одетта. — Ее звали София, но мама всегда звала ее Синей Сестрицей, потому что той нравился синий цвет. «Во всяком случае, она воображает, что он ей нравится» — так поговаривала моя мама. Так что и я ее звала Синей Тетушкой, еще до того, как мы с ней познакомились лично. Свадьба была замечательная. После венчания еще гуляли. Гости пришли. Я даже помню, какие были подарки.

Она рассмеялась.

— Детям подарки всегда кажутся чем-то необыкновенным, правда, Эдди?

Он улыбнулся:

— Да, это вы верно подметили. Подарки забыть невозможно. Ни того, что дарили тебе, ни того, что дарили другим.

— К тому времени папа уже начинал делать деньги. Я помню, как мама еще говорила, что мы *потихоньку идем в гору*. Она это так называла, и однажды, помню, я ей рассказала, что подружка моя, с которой я всегда играла, спросила, богатый ли у меня папа, а мама велела мне отвечать всем приятелям, если кто-то еще вдруг задаст этот вопрос, именно так: что мы *потихоньку идем в гору*. В общем, они были уже в

состоянии подарить Синей Тетушке на свадьбу прелестный фарфоровый сервиз, и я помню...

Голос ее сорвался. Она рассеянно поднесла руку к виску и потерла его, как будто у нее начинала болеть голова.

— Помните что, Одетта?

— Помню, как мама ей подарила кое-что особенное.

— Что?

— Простите, Эдди. У меня голова разболелась. Что-то язык у меня заплетается, и вообще я не знаю, зачем я вас беспокою своей болтовней?

— Вы не хотите рассказывать?

— Нет. Я расскажу. Я *хочу* рассказать, что мама ей подарила одно особенное блюдце. Белое с тонкой синей вязью по краю. — Одетта улыбнулась, но Эдди показалось, что это была не слишком умиротворенная улыбка. Чем-то это воспоминание ее тревожило. Оно полностью поглотило ее, а в той ситуации, прямо скажем, необыкновенной, в которой она сейчас оказалась и которая вроде бы должна была полностью занимать все ее мысли, такое с ее стороны поведение было несколько странноватым, и это обеспокоило Эдди.

— Я мысленно вижу это блюдце так же ясно и четко, как сейчас вижу вас, Эдди. Мама подарила Синей Тетушке это блюдце, а та расплакалась и никак не могла успокоиться. Наверное, когда они с мамой были детьми, ей понравилось точно такое же блюдце, но их родители были не в состоянии купить ей подобную вещь. В детстве у мамы с сестрой не было ничего особенного. После свадьбы Синяя Тетушка с мужем отправились на медовый месяц в Грейт-Смоки-Маунтинс. На поезде. — Она внимательно посмотрела на Эдди.

— В вагоне для Джима Кроу, — сказал он.

— Точно так! В вагоне для Кроу! В то время все негры так ездили, и ели они тоже в этом вагоне. Против этого мы и выступили в Оксфорде.

Она поглядела на него, видимо, предполагая, что он снова начнет уверять ее, будто все происходящее сейчас реаль-

но, но Эдди увяз в паутине собственных воспоминаний: мокрые пеленки и это слово. Оксфорд. Внезапно пришли и другие слова — строка из песни, которую Генри мурлыкал не переставая, пока мама не попросила его замолчать. Ей хотелось послушать Уолтера Кронкайта.

Надо бы поскорей разобраться. Вот эти слова. Вот строка из той песни, которую Генри гнусаво мурлыкал себе под нос. Эдди попытался вспомнить другие строчки, но не сумел. И неудивительно. Ему тогда было не больше трех лет. *Надо бы поскорей разобраться.* От этих слов по спине его побежали мурашки.

— Эдди, что с вами?

— Ничего. А что?

— Вы дрожите.

Он улыбнулся:

— Это утенок Дональд прошел по моей могиле.

Она рассмеялась.

— Во всяком случае, я не испортила свадьбу. Это случилось, когда мы возвращались на вокзал. Мы переночевали у подруги Синей Тетушки, а утром папа вызвал такси. Такси приехало очень быстро, но как только шофер увидел, что мы цветные, он укатил с такой скоростью, как будто у него волосы на голове горели или в заднице шило свербило. Подруга Синей Тетушки уехала чуть раньше, с нашим багажом — а его было немало: мы собирались на недельку съездить в Нью-Йорк. Я еще помню, как папа сказал, что ему не терпится увидеть, как засияет мое лицо, когда в Центральном парке пробьют часы и на них затанцуют зверюшки.

Когда машина уехала, папа сказал, что мы вполне можем дойти до вокзала пешком. Мама тут же согласилась и заявила, что это прекрасная мысль, что идти здесь не больше мили и нам будет очень полезно размять ноги после трех суток в поезде и перед новой многочасовой поездкой. Отец сказал: да, и погода к тому же чудесная, — но я поняла, даже в свои пять лет, что папа взбешен, а мама обижена и оба они боялись снова вызвать такси, чтобы не повторилось то же самое.

Так что мы пошли пешком. Я шла ближе к домам, потому что мама опасалась подпускать меня близко к проезжей части. Я шла и все думала, что хотел сказать папа, когда говорил, что у меня *засияет* лицо, когда я увижу эти часы в Центральном парке, — зажжется, как лампочка? И не будет ли мне тогда больно? И именно в этот момент мне на голову упал кирпич. В глазах у меня потемнело, и какое-то время была одна темнота, а потом начались сны. Очень яркие сны. Как живые.

Она улыбнулась.

— Как *этот* сон, Эдди.

— Кирпич сам упал или его кто-то бросил?

— Никого не нашли. Мама потом мне сказала — уже гораздо позднее, когда мне было лет шестнадцать, — что полиция побывала в том доме, в жилом доме, предназначенном под снос, и они обнаружили, что в одном месте на фасаде не хватает кирпичей, а оставшиеся вот-вот упадут. Как раз под окном четвертого этажа. Но люди в том доме по-прежнему обитали. И особенно по ночам.

— Понятно, — вставил Эдди.

— Никто не видел, чтобы из дома кто-то выходил, так что происшедшее посчитали несчастным случаем. Мама потом говорила, что она так и предполагала, но мне кажется, что она врала. Она даже мне не рассказала, что по этому поводу думал отец. Они оба все еще переживали, что таксист тогда, как только увидел нас, развернулся и уехал. И, по-моему, именно этот поступок таксиста убедил их в том, что кто-то в том доме выглянул из окна, увидел, что мы идем, и решил бросить кирпич на голову черномазым. А скоро появятся эти ваши омары?

— Еще нескоро, — ответил Эдди. — Пока не стемнеет. Значит, вы считаете, что все это — просто сон, коматозный сон, как те, которые снились вам после того случая с кирпичом. Только на этот раз вас огрели дубинкой.

— Да.

— Это, как вы говорили, одно из двух. А что второе?

Лицо и голос Одетты были спокойны, но в голове у нее переплетались в безобразный клубок картины и образы, связанные с Оксфордом. Оксфорд. Как там в песне поется? *Двоих пришли при полной луне, надо бы поскорей разобраться.* Не совсем так, но близко к тому. Очень близко.

— Может быть, я сошла с ума, — вымолвила она.

7

Первое, что пришло Эдди в голову: *Вы точно, Одетта, не в своем уме, если думаете, что сошли с ума.*

После недолгих раздумий он все же решил, что продолжать разговор в таком духе не стоит.

Какое-то время он молча сидел на песке возле ее коляски, подтянув колени к груди и сцепив пальцы.

— А вы, Эдди, действительно были наркоманом? И героин потребляли?

— Я и *сейчас еще* наркоман. Это, знаете, как алкоголизм или пристрастие к «free base»*. От этого просто так не избавишься. Мне говорили об этом, и я соглашался: «Да, да, правильно, верно», но понял я только сейчас. Мне все еще нужен наркотик, и, наверное, что-то во мне *всегда* будет нуждаться в нем, но стадию физической зависимости я преодолел.

— А что такое «free base»? — спросила она.

— В ваше время такого еще не придумали. Это тот же кокаин, только особая его формула. Это примерно то же, как заменить взрывчатку атомной бомбой.

— А вы пробовали?

— Боже упаси. Я же вам говорил, я героинщик.

— Вы совсем не похожи на наркомана.

Да уж, выглядел Эдди превосходно... если отрешиться от запашка, исходившего от его тела и одежды (возможность

---

* «Free base» — чистый, пригодный к употреблению кокаин. — *Примеч. пер.*

мыться у него была, и он мылся, и одежду стирал, однако без мыла как следует не помоешься и не постираешь). Когда Роланд вошел в его жизнь, Эдди ходил коротко стриженный (*С такой благообразной прической, котик, ты привлечешь меньше внимания на таможне...* И *чем* это все обернулось? Обхохочешься!), и хотя волосы чуть отросли, прическа по-прежнему вид имела приличный. Он брился каждое утро. Вместо бритвы он приспособил остро отточенный нож Роланда. Поначалу ручонки тряслись, но потом он наловчился. До того как Генри загремел во Вьетнам, Эдди еще был зелен и юн и ему не нужно было бриться, да и Генри тогда не подавал ему положительного примера, и хотя бороду он никогда не отпускал, иной раз лицо его зарастало четырехдневной щетиной, и маме приходилось напоминать ему «скосить лужайку». Но когда Генри вернулся, он превратился в какого-то «бритвенного» маньяка (и не только в отношении бритья: он, например, после душа стал обрабатывать ноги специальным тальком, чистить зубы по три-четыре раза на дню и полоскать рот зубным эликсиром, аккуратно развешивать вещи в шкафу на плечиках) и сумел привить Эдди этот свой гигиенический фанатизм. «Лужайку косили» два раза в день: утром и вечером. Привычка эта глубоко укоренилась в Эдди, как и все остальное, чему учил его брат. Включая, само собой разумеется, и наркотики.

— Выгляжу слишком прилично? — спросил он, усмехнувшись.

— Нет, слишком белым, — резко отозвалась она и умолкла, хмуро глядя на море. Эдди тоже притих. Он не знал, как теперь вернуться к разговору.

— Простите, — сказала она наконец. — Это так некрасиво и грубо с моей стороны и так на меня не похоже.

— Да ничего, все нормально.

— *Нет,* не нормально. Это все равно как белый взял бы и сказал: «Господи, в жизни бы не догадался, что вы черномазый».

— А вам нравится думать, что вы такая справедливая, лишенная предубеждений? — спросил Эдди.

— То, что мы думаем о себе, и то, что мы в действительности собой представляем... по-моему, очень редко совпадает, но да, я считаю себя человеком, лишенным предубеждений. Так что примите мои извинения, пожалуйста, Эдди.

— Хорошо, но при одном условии.

— При каком? — Она опять улыбнулась. Так хорошо. Он был доволен, что ему удалось вызвать ее улыбку.

— Попробуйте в это поверить. Вот такое условие.

— Поверить *во что*? — Она как будто забавлялась. Скажи таким тоном кто-то другой, Эдди бы психанул или подумал, что над ним издеваются, но она — это другое дело. В ее устах это звучало нормально. Она могла сделать все, что угодно, и для него это было бы нормально.

— Что есть еще один, третий, вариант. Что все это действительно происходит. На самом деле. Я имею в виду... — Эдди откашлялся, прочищая горло. — Я не слишком силен во всей этой философской бодяге, ну, знаете, в этой метаморфозе или черт знает, как ее там называют...

— Вы хотите сказать: в метафизике?

— Может быть. Я не знаю. Да, наверное. Но я твердо знаю одно: нельзя так упорно не верить своим глазам. Ну ладно, допустим, вы правы и все это — сон, но если так...

— Я не сказала, что сон...

— Вы, может быть, выразились и не так, но смысл-то один, правда? Ложная реальность?

Если до этого в ее голосе и проскальзывала какая-то нотка снисходительности, то теперь ее как не бывало.

— Может быть, Эдди, философия и метафизика не ваш конек, но в школе, наверное, вы были членом дискуссионного клуба.

— Никогда. Это занятие для геев, страшненьких девочек и зануд. Вроде клуба шахматистов. А что еще за конек?

— Ну, просто то, в чем вы преуспели. А что за геи?

Он лишь посмотрел на нее и пожал плечами.

— Голубые. Гомосексуалисты. Какая разница? Мы можем хоть целый день толковать слова. Но ни к чему это не приведет. Я пытаюсь сказать, что если все это сон, то, может быть, это не я вам, а вы мне снитесь. Может быть, это *вы* — плод *моего* разыгравшегося воображения.

Ее улыбка погасла.

— Но вы... вас никто не тюкал по голове.

— *Вас* тоже никто не тюкал.

Теперь от улыбки ее не осталось и следа.

— Точнее, я просто *не помню* кто, — поправила она довольно резко.

— Я тоже не помню, — взорвался он. — Вы говорите, что там, в Оксфорде, ребята крутые. Ну и парни с таможни тоже обычно не веселятся, когда не могут найти товар, на который они уже навострились. Может быть, кто-то из них шибанул меня по башке прикладом. Может быть, я лежу сейчас где-нибудь в Белвью, в больничной палате, и мне снитесь вы и Роланд, а они пишут объяснительную начальству, что так вот нехорошо получилось: в ходе допроса я оказал злостное сопротивление, и им пришлось меня успокаивать в срочном порядке.

— Это не одно и то же.

— А почему? Потому что вы умная, социально активная черная дама без ног, а я наркоман из Бронкса?

Он сказал это с улыбкой, как бы в шутку, но Одетта набросилась на него, оскорбленная:

— Прекратите меня называть *черной*!

Он вздохнул:

— Хорошо, но мне нужно привыкнуть.

— И вам все-таки стоило записаться в дискуссионный клуб.

— Мать твою, — сказал Эдди, и по ее взгляду он понял, что разница между ними заключается не только в цвете кожи: они разговаривали друг с другом как бы с двух островов, разделенных водами времени. Ничего не поделаешь. Слово не воробей. — Я не хочу с вами спорить. Я просто хочу, чтобы вы наконец поняли, что это не сон, вот и все.

— Может быть, я и смогла бы принять эту третью альтернативу, и действовать исходя из того, что диктует сложившаяся ситуация... пока данная ситуация... так или иначе не изменится, но на одном я буду настаивать: между тем, что случилось со мной и вами, существует огромная разница. Настолько огромная, что вы ее не видите.

— Тогда подскажите мне.

— Ваше сознание, скажем так, непрерывно. А в моем существуют провалы. Разрывы.

— Я не понимаю.

— Я имею в виду, что вы можете вспомнить все. От точки до точки. Самолет, вторжение этого... этого... ну, *его*... — Она кивнула в сторону гор с явным неудовольствием. — Как вы прятали наркотики, как вас забрали таможенники и все остальное. История фантастическая, но в ней нет никаких выпадающих звеньев. А у меня все по-другому. Я вернулась из Оксфорда, меня встретил Эндрю, мой шофер, и привез домой. Я приняла ванну и собиралась ложиться спать: у меня ужасно разболелась голова, а сон — самое лучшее средство от действительно сильной боли. Но дело близилось к полуночи, и я решила сначала посмотреть новости. Кое-кого из наших отпустили, но большинство так и остались сидеть в каталажке. Мне хотелось узнать, может быть, их тоже уже выпустили.

Я вытерлась, надела халат и пошла в гостиную. Включила телевизор. Обозреватель начал передачу с последней речи Хрущева об американских советниках во Вьетнаме. Он сказал: «У нас есть документальные кадры из...» — и вдруг все исчезло, а я оказалась на этом пляже. Вы говорите, что вы меня видели через какую-то волшебную дверь, которая теперь пропала. Что я была в универмаге «Мейси» и что-то там крала. Это само по себе просто бред, но даже если и так, я, уж наверное, стала бы красть что-нибудь посущественнее, чем дешевая бижутерия. Я вообще не ношу украшений.

— Посмотрите еще разок на свои руки, Одетта, — тихо вымолвил Эдди.

Она долго смотрела на перстень с бриллиантом на мизинце левой руки — явно фальшивым, судя по размеру и весьма вульгарному виду, — и на здоровенный опал на среднем пальце правой, который не мог быть настоящим по той же причине.

— Это все нереально, — решительно повторила она.

— У вас, по-моему, пластинку заело! — На этот раз Эдди действительно рассердился. — Как только в вашей аккуратной истории выходит прокол, вы повторяете эту дурацкую фразу: «Это все — нереально». Пора бы уже понять, Детта.

— *Не называйте меня так! Я ненавижу, когда меня так называют!* — завопила она так пронзительно, что Эдди невольно отпрянул.

— Простите. Боже мой! Я не знал.

— Я попала из ночи в день, из моей гостиной на какой-то пустынный пляж. Я была в халате, а сейчас я одета. Потому что на самом деле какое-то должностное лицо с толстым пузом и красным загривком шибануло меня дубинкой по голове! *И ничего больше!*

— Но вы же помните, как уезжали из Оксфорда, — вполголоса вставил он.

— Ч-что? — Опять неуверенность. Или, может быть, понимание, но отказ принимать. Как и с этими кольцами. — В таких случаях не всегда соблюдается строгая логика. — Она снова терла виски. — Но сейчас, если вы не возражаете, Эдди, я бы хотела прекратить разговор. У меня опять голова разболелась. Ужасно.

— А по-моему, есть там логика или нет, все зависит от того, во что вы хотите верить. Я видел вас в «Мейси», Одетта. Я видел, как вы воровали. Вы говорите, что никогда этим не занимались, но вы еще говорили, что не носите украшений. Вы это мне говорили, хотя, даже пока мы разговаривали, вы несколько раз смотрели на свои руки. С самого начала на них были кольца, но *получается, вы как будто не видели их, пока я не обратил на них ваше внимание и буквально не вынудил их увидеть.*

— Я не хочу говорить об этом! — закричала она. — У меня голова болит!

— Хорошо. Но вы все-таки знаете, где потеряли след времени, и это случилось не в Оксфорде.

— Оставьте меня в покое, — вяло проговорила она.

Эдди увидел, как Роланд спускается вниз со склона с двумя полными бурдюками: один обвязан вокруг пояса, другой перекинут через плечо. Выглядел он усталым.

— Я очень хочу вам помочь, Одетта, — сказал Эдди, — но для этого, как я понимаю, мне надо быть настоящим.

Он еще постоял возле ее коляски, но она уже на него не смотрела, а, склонив голову, продолжала тереть виски.

Эдди пошел навстречу Роланду.

8

— Присядь. — Эдди взял у Роланда бурдюки. — Вид у тебя измученный.

— Это точно. Я, кажется, снова заболеваю.

Эдди посмотрел на горящие щеки и лоб стрелка, на его потрескавшиеся губы и кивнул:

— Я надеялся, что все обойдется, но если честно, я вовсе не удивляюсь, дружище. Курс лечения ты не прошел. Балазаровского кефлекса явно мало.

— Я тебя не понимаю.

— Чтобы полностью подавить инфекцию, нужно пройти курс лечения. А ты просто забил ее пенициллином. Прошло несколько дней, и она вылезла снова. Нам нужно побольше лекарств, но у нас впереди, слава Богу, еще одна дверь. Придется тебе пока как-нибудь продержаться. — А про себя Эдди подумал, что Одетта — безногая, а за водой приходится ходить все дальше и дальше. Удобное времечко выбрал Роланд, чтобы опять разболеться. Специально захочешь — хуже не придумаешь.

— Мне нужно сказать тебе кое-что про Одетту.

— Ее так зовут?

— Угу.

— Красивое имя, — заметил стрелок.

— Да, мне тоже так кажется. Имя приятное. Неприятно другое: то, что она думает о своем пребывании здесь. Она думает, что ее здесь нет.

— Я знаю. И меня она недолюбливает, я прав?

В самую точку попал, подумал Эдди. *Однако это не мешает ей считать, что ты — кошмарная галлюцинация.* Но вслух он этого не сказал, только кивнул.

— И я, кажется, знаю причину, — продолжал стрелок. — Дело в том, что она не та женщина, которую я сюда затащил. Совсем не та.

Эдди вытаращил глаза, а потом вдруг кивнул в возбуждении. Это размытое отражение в зеркале... искаженное злобой лицо... старина Роланд прав. Боже всемогущий, он прав! То была не Одетта.

Но тут он вспомнил руки, которые небрежно перебирали шарфы и косынки, а потом так же небрежно принялись запихивать в сумочку дешевую бижутерию — впечатление складывалось такое, что ей хотелось, чтобы ее поймали за кражей.

И кольца на пальцах были.

Те же самые кольца.

Однако это еще не значит, что те же самые руки, вдруг осенило его, но уже через пару секунд его возбуждение спало. Он хорошо разглядел ее руки. Те же самые руки: тонкие, нежные, с длинными пальцами.

— Нет, — подытожил стрелок. — Это не она.

Глаза его пристально изучали Эдди.

— Ее руки...

— Послушай, — не дал ему договорить Роланд. — И слушай очень внимательно. Сейчас от этого может зависеть жизнь и твоя, и моя: моя — потому что я снова заболеваю, твоя — потому что ты в нее влюбился.

Эдди предпочел промолчать.

— В ее теле — *две* женщины. Когда я вошел в нее, это была одна женщина, а когда я вернулся, она стала совсем другой.

Теперь Эдди *не смог* вымолвить ни слова.

— И было еще кое-что, одно странное обстоятельство, но я либо не понял, либо понял, но это вылетело из головы. Мне это обстоятельство показалось важным.

Роланд поглядел мимо Эдди на одинокую коляску, что стояла в конце небольшой колеи, идущей из ниоткуда, потом — снова на Эдди.

— Я мало что понимаю, как такое вообще может быть, но *тебе нужно держаться настороже.* Ты понимаешь, о чем я?

— Да, — еле выдавил Эдди. В легких как будто не было воздуха. Он понял — пусть даже на уровне завсегдатая киношек, — о чем говорил стрелок, но пока у него не хватало сил объяснить. Ощущение было такое, как будто Роланд одним ударом вышиб из него дух.

— Хорошо. Потому что та женщина, в которую я вошел по ту сторону двери, так же смертельно опасна, как эти ночные омарообразные чудища.

Глава 4
ДЕППА ПО ТУ СТОРОНУ

1

«Тебе нужно держаться настороже», — сказал стрелок, и Эдди с ним согласился, но Роланд был уверен, что Эдди не понял, о чем он говорит: потаенная часть его разума, где таится — или не таится — инстинкт самосохранения, осталась глуха к словам стрелка.

Роланд это понял.

Эдди очень повезло, что Роланд понял.

2

Посреди ночи Детта Уокер открыла глаза. В них отражались свет звезд и ясный ум.

Она вспомнила все: как она отбивалась, как ее привязали к коляске, как издевались над ней, называли ее черномазой сукой.

Она вспомнила чудищ, выходящих из волн; вспомнила, как один из этих двух мужиков — тот, что постарше, — убил одного «омарчика». Тот, что помоложе, развел костер, приготовил еду, а потом, улыбаясь, протянул ей на палочке кусок дымящегося мяса. Вспомнила, как она плюнула ему в рожу. Его улыбочку, которая мигом обернулась злобным оскалом белого. Он наотмашь ударил ее по лицу и сказал: *Ладно-ладно, ты еще пожалеешь, черномазая сука. Потом сама просить будешь, но ни фига не получишь.* А потом он и Воистину Гнусный Мужик рассмеялись, и Воистину Гнусный Мужик достал здоровенный кусок говядины, насадил его на вертел и принялся обжаривать над костром — на морском берегу, в незнакомом месте, куда они ее притащили.

Запах медленно прожаривающегося мяса был действительно соблазнительным, но она и виду не подала. Даже когда этот, что помоложе, помахал ломтем мяса у нее перед лицом, издеваясь: «Укуси, черномазая сука, попробуй-ка откуси», она сидела, как каменная статуя, сдерживая себя.

Позже она уснула, и вот сейчас, проснувшись, обнаружила, что веревки, которыми ее привязали к коляске, куда-то делись. Да она и не сидела в кресле: она лежала на берегу, на одном одеяле, укрытая другим, гораздо выше верхней линии прилива, где бродили омарообразные чудища, задавая свои печальные вопросы и хватая неосторожных чаек.

Она посмотрела налево и не увидела ничего.

Посмотрела направо и увидела двух спящих мужчин, укутанных в одеяла. Тот, что моложе, был ближе, а Воистину Гнусный Мужик снял свои ружейные ремни и положил их рядом с собой.

На ремнях — кобуры, в кобурах — револьверы.

Ты, урод, совершил очень большую ошибку, сказала себе Детта и перекатилась на правый бок. Вой ветра, плеск волн, вопрошающее щелканье чудищ заглушали поскрипывание песка под ее телом. Она медленно ползла вперед (ползла, как эти омарообразные гады), и глаза у нее горели.

Она дотянулась до ремней и вытащила один револьвер.

Он оказался очень тяжелым, гладкая его рукоять в ее руке казалась каким-то от нее независимым смертоносным существом. Но вес револьвера ее не пугал. У нее сильные руки. У Детты Уокер.

Она проползла чуть подальше.

Младший из мужчин храпел, как бревно, но Воистину Гнусный Мужик зашевелился во сне, и она замерла на месте, лицо ее искривилось в гримасе, которая исчезла только тогда, когда тот успокоился снова.

Сукин сын, падла. Давай, Детта. Давай.

Она нащупала затвор патронника, попыталась протолкнуть его вперед, но не смогла. Попробовала потянуть на себя. Патронник открылся.

Заряжен! Заряжен, твою-Богу-душу-мать! Сначала я сделаю этого юнца-хренососа, а потом и Воистину Гнусный Мужик проснется, я ему улыбнусь сладко-сладко — улыбнись, золотце, а то я тебя не вижу — и всажу пулю прямо в морду.

Она захлопнула патронник, взвела было курок... но решила чуть-чуть еще выждать.

Когда налетел очередной порыв ветра, она довела взвод до конца.

Детта целилась Эдди в висок.

3

Стрелок наблюдал за всем этим, полуоткрыв один глаз. У него опять начинался жар, но он был еще не настолько плох, чтобы усомниться в собственных силах. Так что он вы-

жидал, его полуоткрытый глаз был как палец на спусковом крючке его тела, которое было его револьвером всегда, когда под рукой не было револьвера.

Она нажала на спуск.

Щелк.

Конечно же — *щелк.*

Когда они с Эдди, болтая друг с другом, вернулись с полными бурдюками, Одетта Холмс уже крепко спала в своей инвалидной коляске, склонившись на бок. Они постарались устроить ей на песке ложе получше и осторожно перенесли ее с коляски на расстеленные одеяла. Эдди был на сто процентов уверен, что она проснется, но Роланд-то уже разгадал ее хитрость.

Он добыл омара, Эдди развел костер. Они поужинали, отложив порцию для Одетты на утро.

Потом они поговорили, и Эдди сказал одну вещь, которая поразила Роланда, как удар молнии, слишком яркий, слишком короткий, чтобы понять все до конца, и все-таки Роланд многое понял — так иной раз видишь детали пейзажа в свете единственной вспышки молнии.

Он мог бы сказать Эдди сразу, но он не сказал. Он понял, что для Эдди он должен быть Кортом, а когда кто-то из учеников Корта корчился от боли и истекал кровью после неожиданного удара, у Корта на все был один ответ: «Ребенок не понимает, что такое молоток, пока, забивая гвоздь, не ударит им себе по пальцу. Вставай и прекрати ныть, червяк! Ты забыл лицо своего отца!»

Так что Эдди заснул, хотя Роланд и предупреждал его быть начеку, и когда Роланд удостоверился, что они оба спят (за Госпожой он следил дольше, потому что предполагал, что она могла попытаться его перехитрить), он перезарядил револьверы стреляными гильзами, снял их с пояса (для него это была болезненная процедура) и положил рядом с Эдди.

И стал ждать.

Один час. Второй. Третий.

Ближе к середине четвертого часа, когда его, усталого, горящего в лихорадке, уже начало клонить ко сну, он скорее почувствовал, чем увидел, что Госпожа проснулась, и сам тоже проснулся.

Он видел, как она перекатилась на бок. Видел, как, изогнув пальцы в клешни, она поползла по песку к тому месту, где лежали его револьверы. Видел, как она вытащила один, подползла совсем близко к Эдди, потом помедлила, наклонив голову и раздувая ноздри — она не просто нюхала воздух, она его пробовала на вкус.

Да. Именно эту женщину он провез через дверь.

Когда она поглядела в сторону Роланда, он не просто притворился спящим — потому что она бы увидела подвох, — он действительно уснул. Когда он почувствовал, что она отвела взгляд, он мгновенно проснулся и опять приоткрыл один глаз. Он увидел, как она поднимает револьвер — это ей далось гораздо легче, чем Эдди, когда стрелок в первый раз передал ему револьвер, — и целится в голову Эдди. Она помедлила, и на лице у нее отражались невыразимое коварство и злоба.

В этот момент она напомнила ему Мартена.

Она попыталась открыть патронник. Сначала у нее ничего не вышло, но потом она сообразила. Она поглядела на головки патронов. Роланд напрягся, опасаясь, что она заметит пробитые капсулы гильз, что она перевернет револьвер, посмотрит с другой стороны барабана и увидит, что пуль там нет (сначала он думал зарядить револьвер патронами, которые дали осечку, но быстро выбросил это из головы: Корт учил их, что любым револьвером управляет Старина Хромой Случай и что патрон, который дал один раз осечку, в другой раз запросто может пальнуть). Если бы она это сделала, он бы мгновенно рванулся с места.

Но она закрыла барабан, начала было взводить курок... а потом снова остановилась. Выжидала, когда подует ветер, чтобы не было слышно щелчка.

Он подумал: *Вот и еще стрелок. Боже, она воплощение зла, безногая, но она настоящий стрелок, такой же, как Эдди.*

Он выжидал вместе с ней.

Подул ветер.

Она взвела курок до конца и приставила дуло почти к виску Эдди. С ухмылкой, похожей на оскал злобного духа, она нажала на спусковой крючок.

Щелк.

Он выжидал.

Она нажала еще раз. Еще раз. Еще.

Щелк-щелк-щелк.

— КОЗЛИНА! — выкрикнула она и ловким, едва уловимым движением перевернула револьвер рукоятью вперед.

Роланд весь сжался, как пружина, но все же остался на месте. *Ребенок не понимает, что такое молоток, пока, забивая гвоздь, не ударит им себе по пальцу.*

Если она убьет его, она убьет тебя.

Не имеет значения, отозвался безжалостный голос Корта.

Эдди вдруг шевельнулся. Оказалось, что у него неплохая реакция: он успел отодвинуться в сторону и спас себя от того, чтобы быть оглушенным или вообще убитым. Тяжелая рукоять револьвера вместо того, чтобы поразить его уязвимый висок, врезалась ему в челюсть.

— Что... Боже!

— КОЗЛИНА! БЕЛЫЙ УБЛЮДОК! — завопила Детта, и Роланд увидел, как она опять заносит револьвер. И хотя она без ног, а Эдди успел откатиться в сторону, стрелок решил, что пора действовать. Если Эдди так и не усвоил, что ему говорят, то сейчас-то он наверняка сообразит и в следующий раз, когда Роланд скажет ему держаться настороже, он послушается... и к тому же сучка эта — проворная. Было бы неразумно и дальше рассчитывать на быстроту реакции Эдди или на слабость Госпожи.

Он рванулся вперед, перелетел через Эдди и, повалив ее навзничь, навалился сверху.

— *Ты этого хочешь, мудила?* — завопила она, прижимаясь лоном своим к его чреслам и одновременно занося над

его головой руку с револьвером. — *Хочешь? Ну так я тебе дам, чего хочешь, сейчас!*

— *Эдди!* — снова выкрикнул он, но теперь это был не просто крик, а команда. Еще пару секунд Эдди помедлил, тупо стоя на четвереньках: глаза выпучены, с разбитой челюсти стекает кровь (она уже начала припухать), — глядя невидящим взором в пространство. *Шевелись, что ты встал, как дурак, не можешь, что ли, пошевелиться,* подумал стрелок про себя, *или просто не хочешь?* Силы уже покидали его: в следующий раз, когда она замахнется револьвером, она просто сломает ему руку... если он только успеет подставить руку. В противном случае она проломит ему *черепушку*.

А потом Эдди все-таки сдвинулся с места и успел перехватить револьвер, когда он уже опускался Роланду на голову. Она пронзительно завопила, развернулась к нему и накинулась, как вампир, пытаясь укусить, поливая его грязной бранью — такими забористыми южными ругательствами, что даже Эдди не сумел разобрать слов; а для Роланда это звучало так, как будто женщина внезапно заговорила на каком-нибудь иностранном языке. Но Эдди все же сумел вырвать у нее револьвер, и как только угроза, над ним нависшая, благополучно миновала, Роланду удалось пригвоздить Госпожу к земле.

Но даже тогда она не успокоилась, а продолжала брыкаться, дергаться и материться, а на ее черном лице выступил пот.

Эдди уставился на нее, беззвучно открывая и закрывая рот, точно какая-то рыба, потом осторожно прикоснулся к разбитой челюсти, поморщился, убрал руку и принялся разглядывать кровь на ладони.

Она вопила, что убьет их обоих; они двое могут ее изнасиловать, но она их обоих убьет — своей штучкой, они посмотрят, у нее там, твою мать, вход весь утыкан зубами, так что пусть они всадят ей свои вонючие члены, и посмотрим тогда, что с ними будет!

— Какого черта... — тупо выдавил Эдди.

— Мои ремни, — прохрипел стрелок. — Давай один сюда. Я попытаюсь ее перекатить наверх, а ты попробуй схватить ее руки и связать их за спиной.

— НИ ХЕРА! — завопила Детта и рванулась с такой силой (безногая женщина!), что едва не сбросила Роланда. Он чувствовал, как она снова и снова пытается ткнуть культей своей правой ноги ему между ног.

— Я... я... она...

— *Шевелись, проклятие лицу твоего отца!*— проревел Роланд, и Эдди наконец вышел из оцепенения.

4

Она дважды едва не вырвалась, пока они оба держали ее и вязали. Но Эдди все-таки удалось ремнем Роланда затянуть петлю на ее запястьях, когда Роланд — приложив всю свою силу! — сумел отвести ее руки за спину (увертываясь все время от ее выпадов и укусов, как мангуст от змеи; укусов он избежал, но прежде, чем Эдди закончил свою работу, она успела его оплевать). Потом Эдди оттащил ее от Роланда за свободный конец ремня. Ему не хотелось причинять боль этому корчащемуся, изрыгающему проклятия существу — существу, которое было гораздо страшнее и безобразнее омарообразных чудищ, потому что оно обладало разумом, — ибо он знал, что оно может быть и прекрасным. Ему не хотелось причинять боль второму человеку, заключенному где-то в глубинах этого тела (подобно живому голубю, спрятанному в тайнике волшебного ящика для фокусов).

Внутри этого вопящего благим матом создания таилась Одетта Холмс.

5

Хотя последнее его верховое животное — мул — сдохло еще в незапамятные времена, у Роланда еще оставался кусок от его привязи (которая, в свою очередь, когда-то служила стрелку неплохим арканом). Этой веревкой они привязали

Детту к коляске, как она себе воображала раньше (или выудила эту сцену из ложной памяти), но в конце концов им пришлось именно так и поступить, верно? Закончив, они отошли от нее подальше.

Если б не эти ползучие твари-омарчики, Эдди сходил бы к воде и как следует вымыл руки.

— Меня, кажется, сейчас вырвет. — Голос его срывался, как у подростка.

— *А чего бы вам не покусать друг у друга яйца?* — вопило, стараясь вырваться, существо в коляске. — *Что, слабо негритянку трахнуть? Валяйте — сосите теперь друг у друга! Ну! Давайте-давайте, пока есть время, а то Детта Уокер сейчас слезет с этого чертова кресла, оторвет ваши бледные стояки и скормит их этим гадам ползучим!*

— Вот в *этой* женщине я и был. Теперь ты мне веришь? — спросил стрелок.

— Я тебе верил и *раньше*. Я тебе уже говорил.

— Ты *думал*, что веришь. Умом-то ты понимал, но не сердцем. Но теперь, я надеюсь, ты все же поверил? Всем сердцем?

Эдди поглядел на вопящее, бьющееся существо в инвалидной коляске и поспешил отвести взгляд, вдруг побледнев, — только ссадина на разбитой челюсти еще кровоточила. Щеку заметно раздуло.

— Да, — выдавил он. — Боже мой, да.

— Эта женщина — чудовище.

Эдди заплакал.

Стрелку вдруг захотелось его утешить, но он не смог совершить подобное святотатство (он не забыл про Джейка) и просто ушел во тьму, изнывая в жару нового приступа лихорадки.

6

Намного раньше той ночью, когда Одетта еще спала, Эдди сказал Роланду, что он, кажется, знает, что с ней не так. *Кажется*. Роланд переспросил, что он имеет в виду.

— Она, может быть, шизофреничка.

Роланд лишь покачал головой. Эдди принялся объяснять ему, что он знает о шизофрении в основном по фильмам типа «Три лика Евы» и по различным телевизионным программам (преимущественно по «мыльным операм», которые они с Генри частенько смотрели под кайфом). В ответ Роланд кивнул. Да. Болезнь, которую описал Эдди, к данному случаю вполне подходила. Женщина с двумя лицами: одним светлым, одним темным. С лицом, похожим на пятую карту из колоды Таро в гадании человека в черном.

— И они... эти шизофреники... не знают, что у них есть второе лицо? — уточнил он.

— Нет, не знают. Но... — Эдди вдруг замолчал, мрачно глядя на омарообразных чудовищ, которые ползали и вопрошали, вопрошали и ползали у воды.

— Но что?

— Я же не психератор, — сказал Эдди, — и я точно не знаю...

— Психератор? Это что такое?

Эдди постучал пальцем себе по виску.

— Доктор по расстройствам психики. Врач, который вправляет мозги. Вообще-то правильно он называется психиатр.

Роланд кивнул. «Психератор» понравился ему больше. Потому что разум у этой Госпожи был каким-то уж слишком огромным. В два раза больше, чем нужно.

— Но, мне кажется, шизы почти всегда знают, что с ними что-то творится неладное, — продолжал Эдди. — Потому что в сознании у них бывают провалы. Может быть, я ошибаюсь, но я всегда думал, что это как бы два человека, каждый из которых уверен, что он страдает временной потерей памяти из-за этих самых провалов, которые обнаруживаются, когда сознанием завладевает другой. Она... она говорит, что помнит все. Она действительно думает, что помнит все.

— Но ты, кажется, говорил, будто она вообще не верит, что все это с ней происходит на самом деле.

— Ну да, — сказал Эдди, — но пока что забудь об этом. Я пытаюсь сказать, что это не важно — во что она верит, главное, она *помнит* все, с того момента, как она сидела у себя в гостиной и смотрела по телику новости, и никаких провалов. Она понятия не имеет, что в теле ее проявился какой-то другой человек в промежутке между тем, как она сидела у телевизора, и тем, как ты вошел в ее сознание в «Мейси». Черт его знает, это могло случиться на следующий день или вообще через несколько недель. Там, как я понял, была все еще зима — большинство покупателей были в теплых пальто...

Стрелок кивнул. Восприятие Эдди с каждым днем становилось острее. Это хорошо. Правда, он пропустил шарфы, и ботинки, и перчатки, торчавшие из карманов пальто, но для начала неплохо.

— ...но в остальном невозможно определить, сколько времени Одетта была той женщиной, потому что она и сама не знает. Я думаю, что в такой ситуации, как сейчас, она еще не бывала, и эта ее история о том, как ее тюкнули по голове, просто защита.

Роланд кивнул.

— И эти кольца. Когда она их увидела, она была действительно потрясена. Она попыталась этого не показать, но все равно было видно.

— Если эти две женщины не подозревают, что они существуют в одном теле, что с ними что-то творится неладное, если у каждой — своя непрерывная цепь воспоминаний, частично реальных, частично вымышленных, чтобы заполнить провалы, которые возникают, когда одна заменяет другую, что нам тогда с ней делать? — спросил Роланд. — Как нам с ней вообще ужиться?

Эдди пожал плечами.

— Меня не спрашивай. Это твои заморочки. Это ты все твердишь, что она тебе нужна. Черт возьми, ты головой своей рисковал, чтобы ее сюда перетащить. — Эдди на мгновение задумался, вспомнил, как он занес нож над горлом Роланда, и вдруг рассмеялся, хотя в этом не было ничего смеш-

ного. *Рисковал головой, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА, дружище,* подумал он про себя.

Они помолчали. Одетта мирно спала, дыша глубоко и ровно. Стрелок собирался уже еще раз предупредить Эдди, чтобы тот держался настороже, и объявить (причем достаточно громко, чтобы и Госпожа, если она вдруг не спит, а притворяется, тоже услышала), что он собирается лечь спать, как вдруг Эдди сказал одну вещь, которая вспыхнула молнией в сознании Роланда и помогла ему — хотя бы частично — понять все то, что ему так отчаянно нужно было узнать.

В самом конце, когда они уже прошли через дверь.

В самом конце она переменилась.

А он что-то такое понял, что-то такое...

— Вот что я тебе скажу. — Эдди задумчиво поворошил угольки костра клешней омара, которым они только что поужинали. — Когда ты ее провозил, мне показалось, что это я шиз.

— *Почему?*

Эдди задумался, но потом лишь пожал плечами. Объяснить было очень сложно, или, быть может, он просто устал.

— Это не важно.

— Почему?

Эдди внимательно посмотрел на Роланда, понял, что тот задает серьезный вопрос из серьезных соображений — по крайней мере ему так показалось, — и на минуту задумался.

— Это действительно трудно будет объяснить, старик. Я смотрел в эту дверь. И то, что я там увидел, меня напугало до чертиков. Когда кто-нибудь движется с той стороны этой двери, у тебя впечатление такое, как будто ты движешься вместе с ним. Ты понимаешь, о чем я.

Роланд кивнул.

— Ну так вот, я смотрел в эту дверь, как на экран... ладно, это не важно, потом объясню... до самого конца. А когда ты развернул ее лицом *сюда, я увидел себя.* Это как... — Он не сумел подобрать нужного слова. — Не знаю. Как будто я видел свое отражение в зеркале, но это было не зеркало, пото-

му что... потому что мне показалось, что я вижу кого-то другого. Как будто меня вывернуло наизнанку. Словно я находился в двух местах одновременно. Черт, не знаю, как это объяснить.

Но стрелка словно громом поразило. *Именно это* он и почувствовал, когда они проходили через дверь, *именно это* с ней и произошло... нет, не *с ней*, а *с ними*: в какой-то момент Одетта и Детта увидели друг друга, но не так, как бывает, когда ты смотришься в зеркало — а когда смотришь *на кого-то другого*. Зеркало вдруг превратилось в оконное стекло. Одетта увидела Детту, Детта — Одетту, и панический ужас обуял их обеих.

Они знают, мрачно подумал стрелок. *Может быть, раньше они и не знали, но теперь они обе знают. Если даже каждая будет пытаться скрыть это от себя самой, все равно они видели, поняли и, может быть, даже запомнили.*

— Роланд?

— Что?

— Просто хотел убедиться, что ты не заснул с открытыми глазами. А то у тебя сейчас был такой вид, как будто ты отлетел далеко и надолго.

— Если и так, я уже вернулся, — сказал стрелок. — Я сейчас лягу спать. А ты, Эдди, запомни, что я сказал: будь начеку.

— Я послежу, — уверил его Эдди, но Роланд знал, что, будь он хоть трижды больным, сегодня ночью следить и бдить предстоит ему.

А все остальное уже вытекает из этого обстоятельства.

7

После всех этих шумных событий Эдди и Детта Уокер очень скоро опять заснули (Детта, правда, скорее не заснула, а впала в какую-то бессознательную прострацию, завалившись на бок в своей коляске, повиснув на опутывающих ее веревках).

Стрелок, однако, не спал.

Мне нужно будет столкнуть их обеих друг с другом, думал он, и ему не был нужен никакой Эддин «спец по мозгам», чтобы понимать, что борьба эта будет не на жизнь, а на смерть. *Если светлая личность, Одетта, одержит верх, все еще может закончиться благополучно. Если же победит темная, с ней будет все кончено.*

Однако он чувствовал, что в этой борьбе нужно будет добиться не чьей-то гибели, а *воссоединения*. Он уже понял, что для него — *для них* — есть кое-что ценное в этой низменной неуступчивости и строптивости Детты Уокер. Она нужна ему, но только так, чтобы держать ее под контролем. Да, путь предстоит нелегкий. Она принимала их с Эдди за каких-то чудовищ, которых она называла «белыми мудаками». Это всего лишь опасный бред, но на пути к Башне им встретятся настоящие чудища: омарообразные твари не первые и не последние. Женщина из разряда «буду держаться, пока не сдохну», в сознание которой он вошел по ту сторону двери и которая ночью сегодня опять появилась, была бы как нельзя кстати, если дело дойдет до столкновения с этими чудищами, но только в том случае, если ее удастся обуздать спокойной человечностью Одетты Холмс — и особенно сейчас, когда на руке у него не хватает двух пальцев, патроны почти на исходе и опять начинается жар.

Но это я уже опережаю события. Если у меня получится сделать так, чтобы они признали существование друг друга, они тут же вступят в борьбу. Вот только как это сделать?

Он так и не спал этой долгой ночью, а все думал и думал. Жар разгорался, но ответа Роланд так и не нашел.

8

Эдди проснулся незадолго до рассвета, увидел, что стрелок сидит у потухшего костра, по-индейски закутавшись в одеяло, и подсел к нему.

— Как самочувствие? — спросил он, понизив голос. Госпожа еще не проснулась: она крепко спала в своем кресле, опутанная веревками, и лишь иногда вздрагивала во сне, стонала и бормотала что-то неразборчивое.

— Нормально.

Эдди обвел его оценивающим взглядом.

— А видок у тебя неважный.

— Спасибо, Эдди, — сухо ответил стрелок.

— Тебя всего трясет.

— Это пройдет.

Госпожа снова вздрогнула и застонала — на этот раз одно слово прозвучало почти разборчиво. Она, кажется, пробормотала: «*Оксфорд*».

— Господи, как мне не нравится, что она связана, — буркнул Эдди. — Как теленок в хлеву.

— Она скоро проснется. Может быть, мы тогда сможем ее развязать.

Они оба очень надеялись, но не решались высказать этого вслух, что, когда Госпожа в своем кресле откроет глаза, их поприветствует спокойный, слегка озадаченный взгляд Одетты Холмс.

Четверть часа спустя, когда первые лучи солнца коснулись холмов, Госпожа Теней открыла глаза — их приветствовал не спокойный взгляд Одетты Холмс, а безумная злоба Детты Уокер.

— Ну и сколько раз вы меня трахнули, пока я валялась в отрубе? — спросила она. — У меня там все скользко и сально... прям точно там побывала парочка этих бледных палок, которые вы, мудаки, называете членами.

Роланд вздохнул.

— Пора в путь, — сказал он и поднялся с гримасой боли.

— Я с вами, мудилами, никуда не пойду, — выпалила Детта.

— Пойдешь как миленькая, — сказал Эдди. — Весьма сожалею, милочка.

— Куда это?

— Ну, — сказал Эдди, — за дверью номер один была фигня, но вполне терпимая, за дверью номер два — еще того гаже, так что теперь, вместо того чтобы все это послать, как нормальные люди, куда подальше, мы пойдем прямо вперед и поищем где-нибудь там дверь номер три. Если пойдет в том же духе, там за дверью, наверное, будет какая-нибудь симпатяшка вроде Годзиллы или Трехглавой Гидры. Но я оптимист, я все еще не теряю надежды обнаружить там пару кастрюлек из нержавеющей стали.

— Никуда я не пойду.

— Пойдешь-пойдешь. — С этими словами Эдди встал позади коляски. Детта опять забилась, но стрелок завязал веревки своими особыми узлами, и от ее усилий они только туже затягивались. Вскоре она это поняла и успокоилась. Она так и кипела злобой, но была далеко не глупой. Она только поглядела через плечо с такой улыбочкой, что Эдди невольно попятился. Он в жизни не видел такого злобного выражения на человеческом лице.

— Ну что ж, можно чуток прокатиться, — сказала она, — только, наверное, не так далеко, как ты думаешь, соплячок. И точно уж, Бог свидетель, не так быстро, как ты думаешь.

— Вы о чем?

Она опять оскалилась на него через плечо.

— Сейчас узнаешь, малыш. — Ее глаза, безумные от злости, но непреклонные, на мгновение обратились к стрелку. — Вы оба узнаете.

Эдди ухватился за ручки на спинке коляски и покатил ее. Они продолжали идти на север по бесконечному пляжу, но теперь за ними тянулись не только следы ботинок, но и две колеи от колес.

9

День был кошмарным.

Очень трудно определить пройденное расстояние, когда окружающий монотонный пейзаж никак не меняется, но

Эдди и без того понимал, что они продвигаются черепашьим шагом.

И он знал, в чем причина.

О да.

Вы оба узнаете, предупреждала Детта; не прошло и получаса, как слова ее подтвердились.

Толкать коляску.

Это первое. Если бы на пляже был только песок, то и браться не стоило бы — с тем же успехом можно было бы пытаться проехать на автомобиле по снежным завалам. Однако на этом гравийно-мергельном* пляже катить коляску было можно, хотя все равно тяжело. Сначала она катилась достаточно ровно, давя ракушки и разбрасывая во все стороны гальку своими твердыми резиновыми шинами... а потом заезжала в ямку, занесенную мелким песком, и Эдди приходилось, кряхтя, выволакивать ее оттуда вместе с пассажиркой, от которой, понятное дело, помощи не было никакой. Песок алчно засасывал колеса. Приходилось всем весом наваливаться на ручки, чтобы коляска не опрокинулась. И так — раз за разом.

Детта только подхихикивала, пока он пытался вытащить коляску, не перевернув ее.

— Хорошо тебе там отдыхается, солнышко? — язвила она каждый раз, когда коляска въезжала в такую ямку.

Если стрелок подходил помочь, Эдди махал ему, чтобы он отошел.

— У тебя еще будет возможность себя измудохать, — говорил он. — Давай по очереди. — *Но, сдается мне, мои смены будут подольше его,* подсказал ему внутренний голос. *Видок у него еще тот, долго он не протянет, ему самому бы шагать, не говоря уж о том, чтобы катить это чертово кресло. Нет уж, сэр Эдди, боюсь, эта крошка достанется только тебе. Это знаешь что? Божья кара. Все эти*

---

* Мергель — осадочная горная порода. — *Примеч. ред.*

годы ты у нас был наркоманом, и в конце концов сам заделался толкачом.*

Он коротко хохотнул, едва переводя дух.

— Чего такого смешного, беляк? — поинтересовалась Детта, и хотя, как показалось Эдди, она хотела высказать это с сарказмом, у нее получилось скорее сердито.

Предполагается, что веселого мало, подумал он. *Вообще ничего для меня смешного и быть не может. Уж она-то для этого делает все.*

— Ты все равно не поймешь, лапуля. Так что оставим мой смех в покое.

— Скоро я оставлю *тебя* в упокое, — пообещала она. — Тебя и дружка твоего, засранца, вот только разделаю вас на кусочки обоих, валяйтесь потом по всему этому чертову пляжу. Вот так. А пока поберег бы ты лучше свою дыхалку. Толкать будет сподручнее. А то ты уже, бедненький, весь запыхался. Прямо пернешь сейчас с натуги.

— Зато ты балаболишь за нас двоих, — огрызнулся Эдди, тяжело дыша. — Уж ты-то *вряд ли* когда-нибудь пернешь с натуги.

— Не боись, беложопый, ух как я перну в твою дохлую харю!

— Слова, слова, — вздохнул Эдди, вытаскивая коляску из ямки с песком на относительно твердый грунт. По крайней мере какое-то время они ехали без приключений. Солнце еще не достигло зенита, а Эдди был уже весь в поту.

Да уж, денек обещает быть поучительным и забавным, подумал он. *Это уже заметно.*

Остановки.

Это — вторая проблема.

Они выбрались на относительно твердый участок берега. Эдди начал катить коляску гораздо быстрее, смутно надеясь

---

* На сленге английское слово pusher (толкач, толкатель) означает «торговец наркотиками». — *Примеч. пер.*

на то, что если ему удастся сохранить такой темп, у него, быть может, получится проскочить следующую песчаную ловушку с разгона.

Но внезапно коляска остановилась. Застряла намертво. Перекладина спинки с глухим ударом въехала Эдди в грудь. Он тихо крякнул. Стрелок обернулся, но даже с его молниеносной реакцией уже невозможно было удержать коляску Госпожи. Она перекувыркнулась вместе с Деттой, привязанной и беспомощной, но заливающейся диким гоготом. Она все еще продолжала хохотать, когда Роланд и Эдди сумели наконец поставить коляску на колеса. Некоторые веревки натянулись так туго, что они, наверное, больно врезались в ее тело, едва ли не нарушив циркуляцию крови. Детта разбила лоб, кровь натекла на брови, но она все равно продолжала ржать.

Когда коляска встала на колеса, Роланд и Эдди начисто выбились из сил. Коляска с женщиной вместе весила, наверное, не меньше двухсот пятидесяти фунтов, из которых большая часть приходилась на коляску. Эдди вдруг пришло в голову, что, если бы Роланд забрал эту женщину из его времени, из 1987 года, ее коляска весила бы фунтов на шестьдесят меньше.

Детта хихикала, фыркала, моргала глазами, залитыми кровью.

— Как же вы это со мной обращаетесь, парни?

— Звоните своему адвокату, — буркнул Эдди. — Подавайте в суд.

— И уж как, бедные, задолбались меня поднимать. Минут десять, считай, провозились.

Стрелок оторвал лоскут от своей рубахи — от нее и так остались одни лохмотья, так что было уже не жалко — и протянул левую руку, чтобы вытереть кровь у нее со лба. Она попыталась его укусить, и по жуткому лязгу ее зубов Эдди заключил, что, если бы Роланд замешкался хоть на миг, Детта Уокер уравняла бы количество пальцев у него на руках.

Заливаясь смехом, она уставилась на стрелка с этаким нарочитым весельем в глазах, но Роланд видел, что за этим ве-

сельем скрывается страх. Она боялась его. Потому что он был Воистину Гнусный Мужик.

Почему она так его прозвала? Может быть, потому, что на каком-то глубинном уровне подсознания она чувствовала, что он знает о ней всю правду.

— Чуть-чуть, беложопый, тебя не достала, — расхохоталась она. — Чуть-чуть не попался на этот раз.

— Подержи ей голову, — спокойно проговорил стрелок. — Она кусается, как ласка.

Эдди придержал ей голову, и Роланд тщательно вытер рану на лбу. Она была небольшой и, кажется, неглубокой, но стрелок не хотел рисковать: он спустился к морю, смочил лоскут в соленой воде и вернулся обратно.

Когда он приблизился к ней, она завопила благим матом:

— Не прикасайся ко мне этой штукой! Из этой воды зверюги вылазят ядовитые, а ты собрался ею рану! Убери! Убери!

— Держи ей голову, — повторил стрелок все тем же спокойным тоном. Детта мотала ею из стороны в сторону. — Я не могу рисковать.

Эдди схватил... и сжал голову Детты, когда она попыталась вывернуться. Она поняла, что Эдди шутить не намерен, и успокоилась тут же, больше не проявляя никакого страха перед этой мокрой тряпкой. Все равно она лишь притворялась.

Она улыбнулась Роланду, когда тот промывал ей рану, осторожно удаляя последние прилипшие песчинки.

— Это надо ж, мужик, *у тебя* видок, — заметила Детта. — Ты не просто весь выдохся, ты же совсем больной, беложопый. Этак ты далеко не уйдешь. Этак ты скоро ножки протянешь.

Тем временем Эдди разобрался в примитивной системе управления коляской. Он обнаружил простой ручной тормоз, блокирующий оба колеса. Детта дотянулась до него правой рукой, подождала, пока Эдди как следует не разгонится, а

потом резко дернула рычаг, умышленно перевернув коляску. Но зачем? Лишь для того, чтобы они остановились и потеряли время. Не слишком разумный поступок, но такой женщине, как Детта, по мнению Эдди, и не нужно каких-то разумных причин. Такая, как Детта, с большой охотой будет делать другим подлянки исключительно из-за своей непроходимой низости.

Роланд немного ослабил веревки, чтобы не нарушать кровообращение, а потом привязал ее правую руку так, чтобы она не могла дотянуться до тормоза.

— Ничего, господин хороший, — уверила Детта, обнажив все свои зубы в гнусной ухмылке. — Ничего. Найдутся другие способы попридержать вас, ребятки. *Разнообразные* способы.

— Пойдем, — сухо сказал стрелок.

— Ты сам-то как, старина? — спросил Эдди. Уж очень Роланд был бледным. — Нормально?

— Да. Пойдем.

Они побрели по пляжу дальше.

10

Стрелок настоял, чтобы Эдди хотя бы на час дал ему везти коляску, и тот неохотно уступил. С первой песчаной ловушкой Роланд справился сам, однако уже на второй Эдди пришлось помогать стрелку — один бы Роланд не вытянул: он и так уже жадно ловил ртом воздух, а на лбу у него выступили капли пота.

Эдди дал ему прокатить коляску еще немного, и Роланд даже наловчился лавировать между песчаными ямками, затягивающими колеса, но в конце концов коляска опять застряла, и Эдди сумел вытерпеть только пару мгновений, наблюдая за тем, как Роланд пытается ее вытащить, — он тяжело дышал, а ведьма в коляске (теперь Эдди стал ее мысленно так называть) ревела со смеху и всем телом откидывалась назад,

значительно усложняя задачу. Он не выдержал и, оттолкнув стрелка плечом, одним яростным рывком выдернул коляску из песка. Коляска пошатнулась, и теперь он увидел/почувствовал, как ведьма подалась *вперед*, насколько это позволяли веревки. Каким-то жутким, едва ли не сверхъестественным чутьем она безошибочно улавливала, что нужно делать в каждый определенный момент, чтобы перевернуть коляску.

Роланд навалился всем весом на спинку коляски, помогая Эдди, и ее удалось уравновесить.

Детта обернулась к ним и заговорщически подмигнула, причем так похабно, что у Эдди по рукам побежали мурашки.

— Вы чуть меня *снова* не кувыркнули, ребятки, — объявила она. — Вы уж со мной поаккуратнее, ладно? Я как-никак пожилая тетка, калека, так что вы обходитесь со мной поласковей. Обо мне нужно заботиться.

Она рассмеялась... только что не лопалась от смеха.

И хотя Эдди действительно нравилась эта женщина, то есть другой ее лик, и он готов был о ней заботиться — он даже готов был влюбиться в нее сразу же, с первого взгляда, с первого разговора, — теперь у него руки так и чесались сомкнуться на ее горле и подавить этот смех, так чтобы она никогда уже не смогла смеяться.

Она опять оглянулась назад, прочла его мысли, как будто они были написаны у него на лбу большими красными буквами, и еще пуще расхохоталась. В глазах ее пылал вызов. *Ну давай, беложопый. Давай. Тебе же хочется. Давай, сделай, чего тебе хочется.*

Иными словами, опрокидывай не одну коляску, но и женщину тоже, подумал Эдди. *Опрокидывай, чтобы уже до конца. Вот чего она хочет. Для Детты Уокер умереть от руки белого человека — быть может, единственная настоящая цель ее жизни.*

— Поехали, — сказал он, толкая коляску. — Наше турне по морскому берегу продолжается, лапонька, нравится вам это или нет.

— Пошел ты, — выдавила она.

— Только вместе с тобой, детка, — с большим удовольствием отозвался Эдди.

Стрелок плелся рядом, понурив голову.

11

Когда они вышли к мощному пласту обнаженной горной породы, судя по солнцу, было часов одиннадцать, и здесь они сделали часовой привал, спасаясь в тени, пока солнце неторопливо приближалось к зениту. Эдди с Роландом доели остатки омара, приготовленного прошлым вечером. Эдди предложил и Детте поесть, но та вновь отказалась: она, мол, знает, что у них на уме, и, если уж им так хочется, лучше будет прикончить ее голыми руками, а не пытаться отравить. Так поступают лишь трусы, заключила она.

Эдди прав, размышлял стрелок. *У этой женщины есть своя непрерывная цепь воспоминаний. Она помнит все, что случилось с ней прошлым вечером, хотя в это время она спала.*

Она была уверена, что они пытались впихнуть ей мясо, от которого пахло смертью и гнилью, что они издевались над ней в то время, как сами ели солонину и пили пиво из фляжек. Она была уверена, что время от времени они ей протягивали кусочки своей, неотравленной, еды, но убирали в последний момент, как только она пыталась ухватить эти куски зубами, смеялись над ней, само собой. В мире (или по крайней мере в сознании) Детты Уокер «белые мудаки» делали с черными женщинами только одно из двух: либо насиловали, либо насмехались. Либо и то и другое вместе.

Это было почти смехотворно. В последний раз Эдди Дин видел нормальное мясо, когда летел в воздушной карете, а Роланд не видел с тех пор, как у него закончился запас солонины, давным-давно, одному только Богу известно когда. Что же касается пива... мысли его обратились назад.

Талл.

В Талле было пиво. Пиво и мясо.

Господи, как было бы славно попить пивка. Его горло болело, и чтобы унять эту боль, кружечка пива пришлась бы сейчас весьма кстати. Даже больше, чем астин из мира Эдди.

Они отошли подальше от Детты.

— А я что, не гожусь в компашку для таких сладеньких беленьких мальчиков? — завопила она им вслед. — Или вы просто хотите друг дружке пошкрябать свои славные беленькие стояки?

Она запрокинула голову и разразилась хохотом, испугавшим даже чаек на скале в четверти мили отсюда — они с криками поднялись в воздух.

Стрелок сидел, зажав между колен сложенные ладони, и думал. Наконец он поднял голову.

— Из ее десяти слов я понимаю всего одно.

— Ты от меня отстаешь, — сказал Эдди. — Я понимаю два из трех. Да и не все ли равно? В конце концов у нее все сводится к «белым мудакам».

Роланд кивнул:

— А много их в твоем мире, чернокожих людей, которые так изъясняются? Та, *другая*, разговаривала нормально.

Эдди покачал головой и рассмеялся:

— Нет. Я скажу тебе одну вещь, очень смешную вещь... или мне просто кажется, что она смешная, потому что здесь как-то все не до смеха, вот меня и тянет смеяться. Так вот, это все у нее ненастоящее. Только она даже об этом не знает.

Роланд лишь посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Помнишь, когда ты хотел протереть ей лоб, она притворилась, что боится воды?

— Да.

— Ты знал, что она притворяется.

— Сначала нет, но потом понял.

Эдди кивнул:

— Это был просто спектакль, и это она *знала*. Она неплохая актриса и на пару секунд одурачила нас обоих. То, как

она говорит, это тоже спектакль. Но уже не такой удачный, а очень глупый и слишком надуманный.

— Ты хочешь сказать, что она хорошо притворяется только тогда, когда она знает, что притворяется?

— Да. Она вроде как эти негритосы из книги «Мандинго», которую я когда-то читал, или «Бабочка» Маккуин в «Унесенных ветром». Тебе имена эти ни о чем не говорят, я просто хочу сказать, что ее речь состоит из одних штампов. Это слово тебе знакомо?

— Оно означает, что человек, который так говорит или думает, либо слабо шевелит мозгами, либо не шевелит ими вообще.

— Да. Я бы в жизни не выразился так метко.

— Ну что, мальчики, не нарезвились еще со своими стручками? — хрипло выкрикнула Детта Уокер. — Или, может, вы просто их не нашли?

— Пойдем. — Стрелок медленно поднялся на ноги. Он пошатнулся, заметил, что Эдди смотрит, и улыбнулся. — Все со мной будет в порядке.

— Надолго ли?

— Как будет нужно, — отозвался стрелок так спокойно, что сердце у Эдди похолодело.

12

В тот вечер Роланд подстрелил омара на ужин последним из «хороших» патронов. С завтрашнего дня ему придется пустить в дело «плохие», положившись только на удачу, но он не тешил себя надеждой — похоже, все будет так, как предрекал Эдди: придется им забивать этих чертовых тварей камнями.

Вечер прошел как обычно: костер, приготовление еды, разделка омара и ужин, который теперь превратился в долгую и безрадостную процедуру. *Мы просто тянем кота за хвост,* заключил про себя Эдди. Они предложили Детте по-

есть, но она снова вопила, хохотала, материлась и спрашивала, сколько еще они будут держать ее за идиотку, а потом стала бешено раскачиваться из стороны в сторону, не обращая внимания на то, что веревки затягиваются все туже, стремясь лишь к одному — повалить коляску, чтобы не дать им спокойно поесть.

Она уже почти преуспела в своем гнусном замысле, но Эдди успел ее подхватить, а Роланд подпер колеса большими камнями.

— Если вы будете сидеть тихо, я немного ослаблю веревки, — сказал ей Роланд.

— Слижи дерьмо с моей жопы, мудила!

— Я не понимаю, что это: да или нет?

Прищурившись, она уставилась на него, подозревая, что за этим спокойным голосом скрывается какая-нибудь насмешка (Эдди тоже не понял, смеется стрелок или нет), и чуть погодя угрюмо пробормотала:

— Буду сидеть тихо. Жрать хочу — умираю, не до того мне сейчас, чтобы до вас догребываться. Вы, парни, дадите мне что-нибудь съесть настоящее или вы собираетесь уморить меня голодом? Так вы, что ли, удумали? Придушить-то меня вам слабо, кишка тонка, а вашу отраву я все равно жрать не буду. Вот что, значит, удумали? Уморить меня голодом. Но мы еще поглядим. Поглядим. Точно еще поглядим.

Она одарила их очередной улыбочкой, от которой мороз побежал по коже.

А вскоре Детта уснула.

Эдди коснулся щеки Роланда. Роланд мрачно взглянул на него, но отодвигаться не стал.

— Со мной все в порядке.

— Да, ты у нас парень крепкий, держишься молодцом. Так вот, уважаемый молодец, что я хочу сказать: сегодня мы с вами протопали совсем мало.

— Я знаю. — Стрелок был таким мрачным еще и потому, что сегодня он израсходовал свой последний «хороший» патрон, но он пока что не собирался ставить об этом в извест-

ность Эдди, по крайней мере сегодня. Эдди вполне здоров, но он ужасно устал. Слишком устал, чтобы правильно воспринять очередную плохую новость.

Да, он здоров... пока... но если он не будет как следует отдыхать, он окончательно измотается и заболеет.

В каком-то смысле Эдди уже заболевал; им обоим нездоровилось. По уголкам губ у Эдди высыпала лихорадка, кожа покрылась шелушащимися пятнами. Роланд же чувствовал, что у него начинают шататься зубы, а кожа между пальцами на руках и ногах начала трескаться и кровоточить. У них было что есть, но изо дня в день они ели одно и то же. Какое-то время они смогут еще продержаться, но в конце концов они наверняка загнутся, точно так же, как если б у них вообще не было никакой еды.

Идем по суше, а страдаем от цинги, моряцкой хвори, подумал Роланд. *Вот так вот. Просто смех. Нам нужны фрукты. И зелень.*

Эдди кивнул в сторону Госпожи.

— Она не уймется. Так и будет усложнять нам жизнь.

— Пока не вернется та, другая.

— Было бы здорово, но на это нельзя полагаться. — Эдди поднял обгоревшую клешню и принялся выводить на песке бессмысленные узоры. — Есть какие-то мысли насчет того, далеко ли еще до следующей двери?

Роланд покачал головой.

— Я почему спрашиваю: если от второй до третьей двери расстояние такое же, как от первой до второй, тогда у нас есть все шансы влипнуть по уши в большую кучу дерьма.

— Мы и так уже в нем по уши.

— Пока по шею, — угрюмо поправил Эдди. — Просто мне интересно, долго ли я протяну на плаву.

Роланд похлопал его по плечу. Эдди даже моргнул в изумлении, настолько он не привык, чтобы Роланд выражал таким образом свое участие.

— Есть одна вещь, о которой она не знает, — сказал он.

— Да ну? И какая же?

— Мы, «белые мудаки», можем держаться долго.

Эдди расхохотался, зажимая ладонями рот, чтобы не разбудить Детту. Он уже сыт по горло общением с ней, большое спасибо.

Стрелок улыбнулся, глядя на него.

— Я ложусь спать. Будь...

— ...начеку. Да уж. Буду.

13

Следующим пунктом программы был жуткий вопль.

Эдди заснул, как только его голова коснулась импровизированной подушки, которую он соорудил себе из скомканной рубашки, и не прошло, как ему показалось, и десяти минут, как Детта Уокер зашлась диким криком.

Он проснулся мгновенно, готовый ко всему. Может быть, это король омаров поднялся из морских глубин, дабы отомстить за своих убиенных детей, или какое-нибудь страшилище спустилось с гор. Ему показалось, что он проснулся мгновенно, но стрелок уже был на ногах с револьвером в левой руке.

Увидев, что оба они проснулись, Детта тут же прекратила кричать.

— Решила проверить, смогу я вас, если что, добудиться, парни, — сообщила она. — А то вдруг тута волки. Местечко для них в аккурат подходящее. Ну и дай, думаю, погляжу, смогу я вас сразу поднять или нет, если волчище ко мне вдруг полезет.

— Господи, — простонал Эдди. Луна уже появилась на небе, но еще даже не поднялась; значит, они и двух часов не проспали.

Стрелок убрал револьвер в кобуру.

— Больше не надо так делать, — сказал он Госпоже в коляске.

— А что мне будет, ежели сделаю? Ты, что ли, меня изнасилуешь?

— Если бы мы собирались вас изнасиловать, мы бы давно уже сделали, что хотели, — спокойно проговорил стрелок. — Больше не надо так делать.

Он снова лег, натянув на себя одеяло.

Господи Боже мой, подумал Эдди, *что же это такое, что это, мать твою...* Он не успел даже докончить свою мысль, как опять провалился в сон, но буквально тут же тишину вновь разорвали дикие вопли, пронзительные, как пожарная сирена, и Эдди снова вскочил, кровь его так и пылала от переизбытка адреналина, руки сами сжались в кулаки, а Детта хрипло хохотала.

Эдди посмотрел на небо: луна не прошла и десяти градусов с того момента, как Детта разбудила их в первый раз.

Она не остановится, устало подумал он. *Спать она точно уже не будет, а будет за нами наблюдать, и как только она убедится, что мы заснули* — а им так нужно как следует выспаться, чтобы набраться сил, — *она снова начнет вопить. И так продолжаться будет до тех пор, пока она не сорвет себе голос.*

Внезапно смех ее оборвался. К ней приближался Роланд — темная фигура в бледном свете луны.

— Не подходи ко мне, беложопый, — прошипела Детта, но голос ее все-таки дрогнул. — Все равно ничего ты со мной не сделаешь.

Роланд встал перед ней, и на мгновение Эдди показалось, то есть он был абсолютно уверен, что чаша терпения стрелка переполнилась и он сейчас просто прихлопнет ее, как муху. Но, как это ни поразительно, вместо этого он опустился перед ней на одно колено, как галантный ухажер, делающий предложение своей пассии.

— Послушайте, — сказал он таким бархатным голосом, что Эдди ушам своим не поверил. На лице у Детты отразилось такое же неподдельное изумление, только к нему еще примешался страх. — Послушайте меня, Одетта.

— Кого это тут звать О-детта? Меня по-другому зовут.

— Заткнись, сука, — взревел стрелок, а потом голос его снова стал мягким и ласковым. — Если вы меня слышите, если вы вообще можете с ней справляться...

— Чегой-то ты так вдруг со мной заговорил? Как не со мной вовсе, а с кем-то еще. Хватит тебе надо мной измываться уже, беложопый. Кончай это, слышишь?

— ...тогда заставьте ее заткнуться. Я, конечно, могу ей засунуть в пасть кляп, но не хочу. Жесткий кляп — очень опасная штука. Иногда от него задыхаются.

— КОНЧАЙ ЭТО, БЕЛЫЙ МУДИЛА, ТОЖЕ МНЕ — ЗАКЛИНАТЕЛЬ ВОНЮЧИЙ!

— Одетта. — Голос его опустился до шепота не громче, чем шелест первых капель дождя.

Она вдруг умолкла, уставившись на него широко распахнутыми глазами. Эдди в жизни не видел в человеческих глазах столько страха и ненависти одновременно.

— Мне кажется, этой суке плевать, задохнется она или нет. Ей хочется умереть, но больше всего ей хочется, чтобы умерли *вы*. Но вы же не умерли, *пока еще нет*, и я не думаю, что эта Детта только сейчас появилась в вашей жизни. Она себя чувствует внутри вас как дома, так что, возможно, вы меня слышите и можете взять ее под контроль, даже если вы пока не в состоянии выбраться из нее. Не дайте ей разбудить нас и в третий раз, Одетта. Я не хочу ей запихивать кляп. Но если она меня вынудит, я это сделаю.

Он встал, отошел от нее не оглядываясь, снова закутался в одеяло и тут же заснул.

Она по-прежнему таращилась на него широко распахнутыми глазами, ноздри ее раздувались.

— Шаман гребаный, белый мудила, — прошептала она.

Эдди тоже лег, но на этот раз он заснул нескоро, несмотря на усталость. Только-только он погружался в сон, как его так и подбрасывало в ожидании новых воплей.

Лишь часа через три, когда луна уже перевалила через высшую точку на небе, он наконец отключился.

Той ночью Детта больше не вопила, может быть, потому, что Роланд испугал ее, может быть, потому, что она берегла голос для будущих криков и брани, или, может, — кто знает? — Одетта услышала Роланда и смогла проконтролировать ситуацию.

Эдди спал очень мало и проснулся разбитым и неотдохнувшим. Первым делом он посмотрел на коляску, вопреки всем опасениям надеясь, что сегодня там будет Одетта. Господи, пусть это будет Одетта...

— С добрым утречком, беленький коржик, — улыбнулась ему Детта своею акульей улыбочкой. — А то я уж подумала, что ты продрыхнешь тут до полудня. Не хрен тут разлеживаться, нам еще надо проехаться пару миль, сечешь? Где уж там! И, сдается мне, что ишачить сегодня придется тебе, а то корешу твоему, этому с бесовскими глазами, по всему видно, совсем поплохело! Помяни мое слово, скоро ему абзац! Недолго ему еще жрать осталось, даже это крутое мяско, которым вы, беложопые, обжираетесь, когда отходите от меня в сторонку поиграться с друг дружкиными бледненькими стручками. Ну что? Поехали, белый коржик? Уж Детта-то вас не задержит.

Голос ее стал тише, веки чуть опустились. Она покосилась на него с хитроватым прищуром.

— Ну, скажем так, поначалу.

Этот денек ты запомнишь, беленький коржик, обещали ее хитрющие глаза. *Запомнишь надолго. Помяни мое слово.*

14

В тот день они прошли мили три, может быть, чуть поменьше. Коляска Детты перевернулась дважды. В первый раз она опрокинула ее сама, исхитрившись незаметно дотянуться до ручного тормоза и рвануть его со всей силы. А во второй раз коляску повалил Эдди, слишком резко выталкивая ее из очередной, черт бы ее побрал, песчаной ямки. Это случилось

уже ближе к вечеру, и на секунду он запаниковал, думая, что на этот раз у него просто не хватит сил снова поднять коляску — просто не хватит, и все. Он схватился за ручки дрожащими руками и, предприняв титаническое усилие, рванул коляску, само собой, слишком сильно, и она перевернулась, как Шалтай-Болтай, грохнувшийся со стены, и им с Роландом пришлось изрядно попотеть, чтобы поднять ее. Успели они как раз вовремя. Веревка, завязанная под грудью Детты, сползла и надавила на трахею. Скользящий особенный узел стрелка затянулся и едва ее не задушил. Лицо у Детты уже стало какого-то странного синего цвета, она теряла сознание, но, и задыхаясь, она продолжала смеяться.

Оставь ее так, оставь, чуть не сказал ему Эдди, когда Роланд нагнулся ослабить узел. *Пусть она задохнется. Уж не знаю, может быть, ты и не прав был, когда говорил, что ей хочется умереть, но ей точно хочется НАС доконать... так что хрен с ней, оставь ее так!*

Но он вспомнил Одетту (хотя их первая и последняя встреча, такая короткая, была так давно, что даже память о ней стала меркнуть) и поспешил на помощь Роланду.

Роланд раздраженно оттолкнул его одной рукой.

— Здесь двоим не место.

Когда он ослабил веревку и Госпожа стала шумно ловить ртом воздух (хрипы ее перемежались взрывами злобного смеха), стрелок повернулся к Эдди и смерил его оценивающим взглядом.

— Мне кажется, нам следует на ночлег остановиться здесь.

— Еще немножко, — едва ли не взмолился Эдди. — Еще немножко я в состоянии пройти.

— Надо думать! Бугай-то здоровый — впору на нем пахать, да *еще* силы останутся отсосать тебе ночью твой бледный стручок.

Она по-прежнему отказывалась от еды, лицо у нее осунулось, кости на нем проступили резкими углами, глаза запали, но при этом они блестели все той же злобой.

Роланд не обратил на нее никакого внимания, только пристально посмотрел на Эдди.

— Только немножко, — кивнул он наконец. — Совсем чуть-чуть.

Минут через двадцать Эдди сдался. Он не чувствовал своих рук — они превратились в какой-то студень.

Они уселись в тени скал, прислушиваясь к крикам чаек, наблюдать за приливом и ждать, когда солнце зайдет, а из моря выползут омары и начнут задавать друг другу свои нескладные вопросы.

Понизив голос, чтобы не слышала Детта, Роланд сообщил Эдди о том, что у них кончились «хорошие» патроны. Эдди только стиснул зубы, но промолчал. Роланд остался доволен.

— Так что придется тебе поохотиться самому, — сказал Роланд. — Мне уже не под силу удержать достаточно большой камень... и не промазать.

Теперь уже Эдди уставился на него.

И то, что он увидел, ему не очень понравилось.

Стрелок махнул рукой.

— Ничего, — сказал он. — Ничего, Эдди. Что есть, то *есть*.

— *Ка*, — сказал Эдди.

Стрелок кивнул и слегка улыбнулся:

— *Ка*.

— Кака, — подытожил Эдди, и, взглянув друг на друга, они рассмеялись. Роланд смеялся недолго. Он и сам испугался тех хрипов, которые вырвались у него вместо смеха. Даже когда он умолк, вид у него оставался каким-то отсутствующим и печальным.

— Во как ржут, видать, хорошо обслужили друг дружку? — выкрикнула им Детта своим хриплым, срывающимся голосом. — А когда же трахаться начнете? Вот на что я хочу посмотреть! Как вы друг дружке всадите!

15

Эдди добыл омара на ужин.

Детта опять отказалась есть. Эдди съел одну половину куска у нее на глазах и предложил ей вторую.

— Нет, сэр! — издевательски проговорила она, сверкая глазами. — НЕТ! Ты сунул отраву с другого конца и теперь мне его пихаешь.

Не говоря ни слова, Эдди доел вторую половину.

— Подумаешь! — пробурчала, надувшись, Детта. — Отгребись от меня, беложопый.

Но Эдди не отставал.

Он протянул ей еще кусок.

— Возьми и сама раздели его. Дай мне любую половину. Я ее съем, а ты потом съешь свою.

— Не поддамся я на твои белые фокусы, мистер Чарли. Сказала тебе, отгребись, вот и давай отгребывай.

16

Той ночью она не вопила... но наутро это по-прежнему была Детта.

17

В тот день они прошли всего две мили, хотя Детта и не предпринимала попыток перевернуть коляску. Эдди подумал, что она, вероятно, совсем ослабела для умышленной подрывной деятельности. Или, может быть, поняла, что в этом нет уже никакой необходимости. Таково было неумолимое стечение трех обстоятельств: усталости Эдди, пейзажа, который после стольких дней унылого однообразия стал потихоньку меняться, и состояния Роланда, которое все ухудшалось.

Теперь песчаные ямы встречались все реже, но это было слабое утешение. Грунт под ногами становился все более крупнозернистым, теперь он уже походил скорее на бесплодную убогую почву, нежели на песок (кое-где виднелись пучки травы, которая, казалось, стыдится того, что она здесь растет), и из этой странной смеси песка и грунта торчали

большие камни, и Эдди пришлось лавировать с коляской между ними, как прежде он лавировал между песчаными ямами. Очень скоро он понял, что песчаный пляж вот-вот сойдет на нет. Горы, бурые и безрадостные громады, подступали все ближе к морю. Эдди уже различал на их склонах овраги, похожие на зарубки, оставленные тупым колуном какого-нибудь неуклюжего великана. В ту ночь, перед тем как заснуть, он услышал какие-то вопли далеко-далеко в горах. Как будто кричал какой-то огромный кот.

Раньше берег казался им бесконечным, но теперь Эдди понял, что и у него есть предел. Где-то впереди гряда гор вытесняла его, подступая вплотную к воде. Там разрушаемые эрозией утесы вдавались в море, где им предстояло сначала стать мысами или полуостровами, а потом — целым архипелагом.

Это тревожило Эдди, но больше всего его волновало состояние Роланда.

Теперь стрелок уже не горел в жару, а как будто *таял*, терял себя, становясь как бы прозрачным.

На правой руке у него опять появились красные полосы, неумолимо ползущие по внутренней стороне от ладони к локтю.

Последние два дня Эдди постоянно всматривался вперед, щуря глаза, в надежде увидеть дверь, дверь, волшебную дверь. Все эти два дня он отчаянно ждал, что Одетта вернется.

Но ни того, ни другого не произошло.

В ту ночь как раз перед сном ему в голову вдруг пришли две ужасные мысли, как в каком-нибудь прикольчике с двойным смыслом:

А что, если двери нет?

А что, если Одетта Холмс умерла?

18

— Вставай и радуйся, мудила! — Крик Детты вывел его из полузабытья. — Этак, лапушка, мы с тобой одни останемся. Похоже, дружок твой концы отдал. Вот уж дьявол-то повеселится в аду, когда кореш твой ему вставит палку.

Эдди поглядел на скорчившегося под одеялом Роланда, и на один жуткий миг ему показалось, что эта сука права. Но тут стрелок зашевелился, яростно застонал и приподнялся на локтях.

— Усраться можно! — Временами голос у Детты садился от непрестанного крика, и иной раз его было почти не слышно. Он превращался в какой-то жуткий шепоток, больше всего похожий на подвывание зимнего ветра под дверью. — А я-то думала, ты уже дуба дал, господин хороший.

Роланд стал медленно подниматься на ноги, и Эдди казалось, что он не просто встает, а карабкается по ступенькам какой-то невидимой лестницы. Внезапно его охватило одно непонятное чувство, в котором жалость мешалась с бешенством. Это было знакомое чувство, навевающее неуловимые ностальгические воспоминания. Но уже очень скоро Эдди понял, что это такое. Они с Генри часто смотрели борьбу по телику, и во всех передачах один боец колошматил другого, причем бил ужасно, не прекращая, а толпа на трибунах ревела, требуя крови, и Генри тоже ревел в предвкушении крови, а Эдди просто сидел, переполненный этим самым чувством — жалостью с бешенством пополам, каким-то немым отвращением, — и посылал судье в телевизоре мысленные сигналы: *Останови это, парень! Ты что, слепой, мать твою? Он же там умирает! УМИРАЕТ! Останови этот гребаный бой!*

Но нынешний бой невозможно было остановить.

Роланд взглянул на Детту измученными воспаленными глазами.

— Очень многие думали, что я помер, Детта. — Он поглядел на Эдди. — Ты готов?

— Да, наверное. А *ты*?

— Да.

— *Выдержишь?*

— Да.

И они пошли дальше.

А около десяти часов Детта Уокер принялась тереть виски.

— Остановитесь, — сказала он. — Меня мутит. Меня, кажется, сейчас вырвет.

— Может, не надо было вчера вечером так обжираться, — огрызнулся Эдди, продолжая катить коляску. — От сладкого стоило бы отказаться. Я же предупреждал, что шоколадный торт — уже лишнее будет.

— Меня сейчас вырвет! Я...

— Остановись, Эдди! — сказал стрелок.

Эдди остановился.

Женщину в коляске вдруг передернуло, как будто через ее тело прошел электрический разряд. Глаза ее широко распахнулись, уставившись в никуда.

— ЭТО Я РАЗБИЛА ТВОЕ БЛЮДЦЕ, ГАДКАЯ ТЫ СИНЯЯ ТЕТКА! — завопила она. — Я РАЗБИЛА ЕГО, И Я, МАТЬ ТВОЮ, ОЧЕНЬ РАДА...

Она резко подалась всем телом вперед. Если бы не веревки, она бы выпала из коляски.

Боже, она умерла. С ней случился удар, и она умерла, подумал Эдди, осторожно обходя коляску: он помнил, какая она хитрющая и какие она может выкидывать номера. Не сделав и двух шагов, он встал как вкопанный. Поглядел на Роланда. Роланд ответил ему ровным, спокойным взглядом, глаза его не выражали вообще ничего.

И тут она застонала. Открыла глаза.

Ее глаза.

Глаза *Одетты*.

— Боже, я что, снова упала в обморок? — спросила она. — Мне очень жаль, что я причинила вам столько хлопот. Вам пришлось даже меня привязать. Мои бедные ноги! Я, наверное, смогу сесть поглубже, если вы...

В этот самый момент ноги у Роланда подкосились, и он потерял сознание в каких-нибудь тридцати милях к югу от того места, где берег Западного моря сходил на нет.

ВТОРАЯ ПЕРЕТАСОВКА

1

Теперь Эдди Дину казалось, что они с Госпожой уже не плелись по берегу и даже не шли, преодолевая последние его мили. Они как будто летели.

Одетта Холмс по-прежнему не питала к Роланду добрых чувств и не доверяла ему, это было ясно как день. Но она понимала, в каком он находится отчаянном положении, и сочувствовала ему. Теперь Эдди казалось, что он толкает вперед не мертвую груду резины и стали, к которой по какому-то недоразумению привязали еще и пассажирку, а легкий планер.

Иди с ней сам. Раньше мне приходилось за ней приглядывать, и это было действительно важно. Но сейчас я только вас задержу.

Он почти сразу понял, насколько прав был стрелок. Эдди толкал коляску; Одетта ему помогала, качая рычаг.

Стрелок дал Эдди один револьвер, который он заткнул за пояс.

— Помнишь, как я велел тебе быть начеку, а ты меня не послушал?

— Да.

— Я еще раз тебе говорю: *Будь начеку.* Все время. Не расслабляясь ни на секунду. Если вернется та, *другая*, сразу бей ее по башке.

— А если я ее убью?

— Это будет конец. Но если она убьет тебя, это тоже — конец. А если она вернется, она попытается это сделать. Она попытается!

Эдди очень не хотелось его покидать. И не только из-за этих воплей какого-то неизвестного зверя, которые не дава-

ли ему заснуть прошлой ночью (хотя и об этом тоже он не забывал), а просто из-за того, что в этом мире Роланд остался его единственной зацепкой, единственным прочным звеном. Они с Одеттой сюда не вписывались.

И все-таки он понимал, что стрелок был прав.

— Не хотите ли отдохнуть? — спросил он у Одетты. — У нас осталось немного еды. Чуть-чуть.

— Пока еще нет, — решительно проговорила она, хотя голос ее звучал устало. — Попозже.

— Хорошо, но тогда прекратите качать. Поберегите силы. Вы же совсем ослабли. Ваш... ваш желудок... ну, вы сами знаете.

— Хорошо.

Она обернулась — на лице у нее поблескивали капельки пота — и улыбнулась ему. От этой улыбки у Эдди едва ноги не подкосились, и в то же время он воспрянул духом. Он мог бы жизнь отдать за такую улыбку... и он был готов умереть за нее, если это потребуется.

Он очень надеялся, что Всевышний все-таки не допустит, чтобы подобное произошло, но, судя по всему, дело шло именно к этому: времена наступали критические.

Она сложила руки на коленях, и он продолжил толкать коляску. Следы от колес становились все незаметнее; грунт постепенно твердел, однако его усыпали каменные обломки, грозившие вызвать аварию. Эдди очень боялся, что что-то подобное и случится — на такой-то скорости. При серьезной аварии Одетта могла получить травму, а коляска — сломаться, что не сулило им всем ничего хорошего, и в особенности стрелку, который один умер бы почти наверняка. А если Роланда не станет, они с Одеттой застрянут в этом мире уже навсегда.

Теперь, когда Роланд совсем разболелся и едва мог идти, Эдди вынужден был считаться с одним очень простым обстоятельством: из них троих двое были калеками.

Так есть ли надежда? Есть ли у них какой-нибудь шанс?

Коляска.

Коляска — одна надежда, единственная надежда и ничего *кроме* надежды.

Да поможет им Бог.

2

Роланд пришел в сознание вскоре после того, как Эдди волоком затащил его в тень от выступа скалы. Лицо его в тех местах, где оно не было мертвенно-бледным, полыхало горячечным румянцем. Грудь лихорадочно вздымалась и опадала. Вся правая рука покрылась паутиной изломанных красных полос.

— Покорми ее, — прохрипел он, обращаясь к Эдди.

— Ты...

— Обо *мне* не переживай. Все со мной будет в порядке. Накорми ее. Сейчас, мне кажется, она будет есть. А сила ее тебе еще пригодится.

— Роланд, а что, если она *притворяется*, что она...

Стрелок оборвал его нетерпеливым жестом.

— Ничего она не притворяется. Она даже не подозревает, что не одна в этом теле. Я это знаю, и ты это тоже знаешь. У нее на лице написано. Накорми ее, ради отца своего, и пока она будет есть, вернись ко мне. Сейчас у нас на счету каждая минута. Каждая *секунда*.

Эдди встал, но стрелок удержал его левой рукой. Болен он или нет, сила его оставалась при нем.

— И ничего ей не рассказывай о той, *другой*. Что бы она тебе ни говорила, как бы она ни старалась тебе объяснить, *не возражай ей ни в чем*.

— Почему?

— Не знаю. Просто мне кажется, что так будет лучше. А теперь делай то, о чем я тебя прошу, и не теряй больше времени!

Одетта сидела в своей коляске, глядя на море в каком-то тихом задумчивом изумлении. Когда Эдди предложил ей ку-

сочки омара, оставшиеся со вчерашнего ужина, она с сожалением улыбнулась:

— Я бы поела, если б могла. Но вы же знаете, что получится.

Эдди, который понятия не имел, о чем она говорит, только пожал плечами:

— Мне кажется, если еще раз попробовать, то вреда не будет. Вам необходимо есть, Одетта. Нам нужно ехать быстрее, и нам пригодятся все наши силы.

Она тихонько рассмеялась и дотронулась до его руки. Ему вдруг показалось, что между ними проскочила искра. Разряд электричества. Да, это она — Одетта. Теперь он знал это, как знал Роланд.

— Я вас обожаю, Эдди. Вы так для меня стараетесь. Так со мной терпеливы. И *он* тоже... — Она кивнула туда, где лежал, прислонившись к скале, стрелок, наблюдая за ними. — Но таких, как он, трудно любить.

— Да уж. Мне ли не знать.

— Я попробую еще раз.

— Ради себя же.

Она улыбнулась, и он вдруг понял, что только ради нее существует мир, потому что она есть, и подумал еще: *Господи Боже, у меня так мало всего было в жизни, пожалуйста, не забирай ее от меня опять. Пожалуйста.*

Она взяла у него кусочки мяса, сморщила нос как-то полууныло и полукомично, потом снова взглянула на Эдди.

— А надо?

— Вы хотя бы попробуйте, — сказал он.

— Я вообще эту гадость не ем, с того самого раза.

— Прошу прощения?

— Я думала, я вам уже рассказывала.

— Вполне вероятно. — Он несколько нервно хохотнул, отлично помня наказ стрелка ничего не говорить ей о той, *другой*.

— Однажды, когда мне было лет десять-одиннадцать, у нас на ужин были как раз омары. Мне ужасно они не понра-

вились, как будто жуешь резиновые шарики, и потом меня вытошнило. С того раза я этого больше не ем. Но... — Она вздохнула. — Как вы говорите, надо попробовать.

Она положила кусочек омара в рот с таким же выражением, с каким ребенок принимает лекарство, заранее зная, что оно отвратительное на вкус. Сначала она жевала мясо очень медленно, но потом все быстрее. Вот проглотила. Взяла еще. Прожевала, проглотила. Еще. Теперь она ела едва ли не с жадностью.

— Эй, поумерьте пыл! — сказал Эдди.

— Это, наверное, другой *сорт*! Ну конечно, другой! — Она поглядела на Эдди сияющим взглядом. — Мы прошли дальше по берегу, и здесь, должно быть, другой какой-нибудь водится вид! Похоже, даже моя аллергия на них прошла. Вкус совсем *не противный*, как раньше... и, похоже, сейчас меня не стошнит. — Дружелюбный, открытый взгляд. — Я очень старалась?

— Угу, — выдавил он, и для него собственный голос прозвучал как звук радио, играющего далеко-далеко. *Она думает, что она ела их все эти дни, а потом ее рвало. Она думает, что именно потому так слаба. Боже милостивый.* — Вы ужасно старались.

— Очень вкусно... — пробубнила она с набитым ртом, так что Эдди едва разобрал слова. — Очень вкусно! — Она рассмеялась. Нежным, приятным смехом. — Меня точно не вырвет. Я теперь буду есть! Я это знаю! Я *чувствую!*

— Только не переедайте, — заметил Эдди, передавая ей бурдюк с водой. — Сначала лучше понемножку, а то вы еще не привыкли. Все эти... — он сглотнул, и в горле его раздался (по крайней мере он сам его слышал) какой-то щелчок. — Вся эта ваша тошнота.

— Да. Да.

— Я вас оставлю на пару минут, мне нужно поговорить с Роландом.

— Хорошо.

Он собрался уже идти, но она снова взяла его за руку.

— Спасибо, Эдди. Спасибо за ваше терпение. И спасибо *ему*. — Она помолчала с серьезным видом, а потом добавила: — Поблагодарите его за меня, только не говорите ему, что я его боюсь.

— Не скажу, — пообещал Эдди и пошел к стрелку.

3

Одетта помогала ему даже тогда, когда не толкала коляску: она указывала ему путь, взяв на себя роль штурмана, как человек, у которого был большой опыт езды в инвалидной коляске, причем в то время, в которое жила она, к инвалидам относились не так уважительно, как это будет потом.

— Налево, — давала она команду, и Эдди сворачивал влево, объезжая камень, что торчал из вязкого грунта, как гнилой зуб. Он мог бы заметить его и сам... а мог бы и не заметить.

— Направо, — указывала она, и Эдди сворачивал вправо, едва минуя песчаную яму, которые встречались теперь все реже.

Наконец они остановились, и Эдди лег прямо на землю, тяжело дыша.

— Поспите, — сказала Одетта. — Хотя бы часок. Я вас разбужу.

Эдди поглядел на нее.

— Нет, правда, Эдди. Я же вижу, в каком состоянии ваш друг...

— Он не совсем чтобы друг, знае...

— ...но я понимаю, что нам нельзя терять время. Я бы не заставляла вас спать целый час из одного только чувства ложного, если так можно сказать, милосердия. Поймите меня правильно. Я могу определять время по солнцу. Через час я вас разбужу. Если вы выдохнетесь, вы ведь ничем ему не поможете, правда?

— Правда, — ответил он, а про себя подумал: *А что, если, пока я буду тут дрыхнуть, Детта Уокер вернется...*

— Поспите, Эдди, — настойчиво повторила она, и, поскольку он очень устал (и был так влюблен), он поборол свою неуверенность и уснул. Она разбудила его, как и было обещано, через час, и он увидел все ту же Одетту, и они снова тронулись в путь, и она помогала ему, качая рычаг коляски. Они катили по пляжу, который сходил на нет, к третьей двери, которую Эдди так отчаянно высматривал впереди, но по-прежнему не мог разглядеть.

4

Эдди оставил Одетту за ее первой за столько дней трапезой и вернулся к стрелку. Выглядел Роланд как будто получше.

— Присаживайся, — сказал он Эдди.

Эдди присел на корточки.

— Оставь мне полупустой бурдюк. Мне хватит. Отвези ее к двери.

— А что, если я не...

— Не найдешь ее? Не волнуйся, найдешь. Две первые нашлись, и эта тоже будет на месте. Если ты доберешься туда до заката, дождись темноты и убей двух этих чудищ. Тебе нужно будет оставить ей достаточно еды и позаботиться, чтобы у нее было какое-нибудь укрытие понадежней. Если ты не найдешь дверь сегодня, тогда убей трех. На, держи.

Он протянул Эдди один револьвер.

Эдди почтительно принял его, опять удивившись его солидному весу.

— Я думал, у нас нет больше «хороших» патронов.

— Может быть. Но я зарядил его теми, которые меньше всего подмокли: три, считая от пряжки левого пояса, и три — от правого. Один, может быть, выстрелит. Если тебе повезет — два. Но не трать их на этих ползучих гадов. — Он внимательно поглядел на Эдди. — Там могут быть и другие твари.

— Ты тоже слышал?

— Если ты имеешь в виду, что кто-то вопил на холмах, то да. Если ты думаешь, будто это какой-нибудь леший, а по тебе видно, что думаешь, тогда нет. Я слышал, как в зарослях вопила дикая кошка, и не более того. Может быть, у нее голос раза в четыре мощнее ее самой. Она, может, такая мелкая, что ты ее палкой отгонишь запросто. Я говорил о *ней*. Если та, *другая*, вернется, тебе, возможно, придется...

— Я не стану ее убивать, если ты это хотел сказать!

— Тебе, возможно, придется подрезать ей крылышки. Понимаешь?

Эдди неохотно кивнул. Эти чертовы патроны скорее всего вообще не выстрелят, так что нет смысла сейчас лезть в бутылку.

— Когда вы доберетесь до двери, оставь ее там. Устрой ее там поудобнее и возвращайся за мной с коляской.

— А револьвер?

Глаза Роланда сверкнули так, что Эдди даже отпрянул, как будто стрелок ткнул ему в лицо горящим факелом.

— Господи! Ты что, хочешь оставить ей заряженный револьвер, когда в любую минуту может вернуться та, *другая*?! Ты, кажется, спятил!

— Патроны...

— К такой-то матери патроны! — заорал стрелок как раз в тот момент, когда ветер немного стих, и слова его прозвучали отчетливо. Одетта повернула голову, посмотрела на них долгим взглядом, потом опять отвернулась к морю. — Не оставляй его ей!

Эдди на всякий случай понизил голос, опасаясь, что ветер опять утихнет.

— А что, если, пока я буду ходить за тобой, какая-нибудь зверюга спустится с гор? Какая-нибудь кисуля раза в четыре мощнее своего голоса, а не наоборот? Которую палкой не отогнать?

— Оставь ей кучку камней, — невозмутимо проговорил стрелок.

— *Камней!* Господи! Да ты просто вонючая куча дерьма!

— *Я думаю.* — Стрелок оставался невозмутимым. — Похоже, этот процесс тебе совершенно недоступен. Я дал тебе револьвер, чтобы ты сумел защитить ее от опасностей, которые ты мне сейчас так ярко живописуешь, хотя бы пока ты идешь туда. Тебе как, понравится, если я его заберу обратно? Наверное, понравится... тогда у тебя будет шанс *умереть* за нее. Ты *этого* хочешь? Весьма романтично... не считая, конечно, того, что после твоей героической смерти мы загнемся все трое.

— Логично. Но ты все равно — куча дерьма.

— Или иди, или оставайся. Но прекрати меня обзывать.

— Ты забыл одну вещь, — со злостью выдавил Эдди.

— Какую?

— Сказать, чтобы я начинал взрослеть. Так мне Генри всегда говорил. «Пора бы тебе повзрослеть, малыш».

Стрелок улыбнулся — странной, усталой, но все же хорошей улыбкой.

— Мне кажется, ты *уже* повзрослел. Так ты идешь или остаешься?

— Я иду, — сказал Эдди. — А что ты собираешься есть? Она все съела, что у нас было.

— Вонючая куча дерьма как-нибудь выкрутится. Куча дерьма именно этим и занималась на протяжении многих лет.

Эдди отвел взгляд.

— Я... ты прости меня, Роланд, за то, что я так тебя обозвал. Просто... — Он вдруг рассмеялся. — Сегодня был очень тяжелый день.

Роланд опять улыбнулся.

— Да уж. Действительно тяжелый.

5

В тот день они шли с приличной скоростью, они выжали из себя все, что можно, но к концу дня, когда лучи заходящего солнца разлились золотистой дорожкой по глади моря,

никакой двери не было и в помине. И хотя Одетта твердила ему, что она вполне в состоянии выдержать еще полчаса пути, Эдди решил, что на сегодня хватит, и помог ей выбраться из коляски. Он отнес ее на ровную площадку, достал из коляски сиденье и подушки и устроил ей постель.

— Боже мой, как хорошо прилечь, — вздохнула она. — Но... — Она вдруг нахмурилась. — Я все думаю, как он там, Роланд, ведь он же совсем один, и мне как-то не по себе. Кто он, Эдди? *Что* он такое? — Чуть погодя она добавила: — И почему он всегда так *кричит*?

— Просто характер такой, — ответил Эдди и, не сказав больше ни слова, пошел собирать камни. Роланд вообще никогда не кричит. Правда, утром сегодня он крикнул: «К такой-то матери патроны!» — но больше он не кричал ни разу, так что воспоминания Одетты были ложными: она вспоминала то время, когда *считала себя* Одеттой.

Он убил трех омаров, как и советовал стрелок, и при этом он так увлекся, что едва успел увернуться от клешни четвертого, который незаметно подкрался к нему справа. Увидев, как чудище щелкнуло своей клешней там, где только что стояла его нога, Эдди подумал о недостающих пальцах стрелка.

Он приготовил ужин на костре, сложенном из сушняка, — на близлежащих холмах, покрытых густой растительностью, искать дрова было делом приятным и легким, — еще до того, как последние отблески уходящего дня погасли на западе горизонта.

— Смотри, Эдди! — вскрикнула она, показывая наверх.

Он поднял голову и увидел одинокую звезду, что сияла в ночном небе.

— Правда, *красиво*?

— Да. — Внезапно, без всякой причины, у него на глаза навернулись слезы. Где он был всю свою проклятую жизнь? Где он был, что он делал, с кем проводил свое время, и почему вдруг все это стало ему противно, как будто всю жизнь он провел в большой яме с дерьмом?

Ее лицо, поднятое к небесам, было красивым до невозможности, до жути, истинно красивым в мягком мерцании ночного костра, но об этой красоте не ведала та, которая была отмечена ею, она лишь смотрела на небо, на единственную звезду широко распахнутыми в изумлении глазами и тихо смеялась.

— Вижу первую звезду, по секрету ей шепну, — произнесла она и умолкла, взглянув на Эдди. — Ты знаешь, Эдди, откуда это?

— Да, — сказал Эдди, опустив голову. Голос его прозвучал вполне сносно, но если бы он поднял голову, она бы увидела, что он плачет.

— Тогда давай вместе. Но тебе нужно смотреть на нее.

— О'кей.

Он вытер слезы ладонью и запрокинул голову. Теперь они вместе смотрели на единственную в ночном небе звезду.

— Вижу первую звезду...

Она поглядела на Эдди, и продолжили они вместе:

— По секрету ей шепну...

Она протянула руку, и он взял ее. Их руки сплелись: красивая, цвета светлого шоколада, и красивая, белая, точно грудка голубки.

— У меня, звезда ночная... — проговорили они торжественно в один голос, взявшись за руки, как двое детей, которым еще предстояло стать мужчиной и женщиной, когда совсем стемнеет, и она окликнет его, спит он или нет, и он ответит, что нет, и она попросит, чтобы он обнял ее, потому что ей холодно, — есть желание одно.

Они посмотрели друг на друга, и он увидел, как по щекам ее текут слезы. И он тоже заплакал, уже не стыдясь своих слез. Стыд прошел, сменившись невыразимым облегчением.

Они улыбнулись друг другу.

— Я тебе его доверю, пусть исполнится оно, — сказал Эдди и про себя подумал: *Чтобы ты всегда была рядом со мной. Только ты.*

— Я тебе его доверю, пусть исполнится оно, — отозвалась она и загадала: *Если мне суждено умереть в этом странном месте, пусть моя смерть будет легкой и пусть этот замечательный человек будет рядом со мной.*

— Прости, что я плачу, — сказала она, вытирая глаза. — Я вообще редко плачу, но сегодня...

— Сегодня был очень тяжелый день, — закончил за нее Эдди.

— Да. И тебе, Эдди, надо поесть.

— И тебе тоже.

— Надеюсь, больше меня не стошнит.

Он улыбнулся ей.

— Думаю, нет.

6

Потом, когда чужие галактики закружились над ними в своем медленном танце, они оба узнали в первый раз в жизни, каким сладким и полным может быть акт любви.

7

На рассвете они отправились дальше, стараясь ехать как можно быстрее, и к девяти часам Эдди очень пожалел о том, что не спросил у Роланда, как быть, если, когда они доберутся до места, где гряда гор подступает вплотную к воде, двери не будет. Вопрос весьма важный, поскольку они приближались уже к концу пляжа — в этом не было никаких сомнений. Горный кряж, вытянувшийся по диагонали, подбирался все ближе к морю.

Собственно говоря, пляжа как такового уже давно не было: грунт под ногами стал твердым и достаточно ровным. Какая-то стихия — *может быть,* думал Эдди, *воды, стекавшие с гор, или сильное наводнение в сезон дождей* (правда, за время его пребывания в этом мире с неба не упало ни капли

дождя; пару раз собирались тучи, но каждый раз их разносило ветром) — сгладила выступы скал.

В половине десятого Одетта вдруг закричала:

— Стой, Эдди! Стой!

Он остановился так резко, что ей пришлось изо всей силы вцепиться в подлокотники, чтобы не вывалиться из коляски. Он бросился к ней.

— Извини. Все нормально?

— Нормально.

Он понял, что ошибся, приняв ее возбуждение за приступ боли.

Она указала вперед.

— Вон там! Видишь?

Он приставил руку к глазам, но ничего не увидел. Прищурился. Потом ему показалось... нет, просто марево от жары, нагретый воздух над спрессованным грунтом.

— По-моему, ничего там нет. — Он улыбнулся. — Может быть, ты просто хочешь увидеть ее, вот тебе и чудится.

— Нет же, я вижу! — Она обернулась к нему. На ее возбужденном лице сияла улыбка. — Стоит там сама по себе! У самого конца пляжа.

Он посмотрел еще раз, сощурившись аж до слез. Ему опять показалось, что он что-то видит. *Ты видишь,* сказал он себе и улыбнулся. *Она хочет, чтобы ты увидел, вот тебе и мерещится.*

— Вроде что-то там есть, — подытожил он, но не потому, что сам в это поверил, а потому, что верила она.

— Пойдем!

Эдди снова встал позади коляски и принялся растирать себе поясницу, где давно уже угнездилась тупая боль. Она оглянулась:

— Ну и чего ты *ждешь*?

— Ты действительно думаешь, что она там есть? Правда?

— Да!

— Ну тогда ладно, пойдем!

Эдди толкнул коляску.

8

А через полчаса он тоже ее увидел. *Боже,* подумал он. *У нее глаз не хуже, чем у Роланда. Если не лучше.*

Никто из них не хотел останавливаться, чтобы перекусить, но им обоим нужно было поесть. Они подкрепились на скорую руку и снова тронулись в путь. Приближался прилив, и Эдди с растущей тревогой поглядел налево — на запад. Пока что они еще шли выше гирлянды гниющих водорослей, отмечающей верхнюю границу прилива, но Эдди боялся, что к тому времени, когда они доберутся до двери, они окажутся в неуютном узеньком клинышке между морем с одной стороны и горным кряжем — с другой. Теперь уже отроги гор были видны отчетливо. Причем этот вид не сулил ничего хорошего: каменистые склоны, поросшие колючим кустарником и низенькими деревцами, изогнутые корни которых, отчаянно цеплявшиеся за скудную почву, больше всего напоминали суставы, пораженные тяжелой формой артрита. Склоны были не слишком крутыми, но с инвалидной коляской туда все равно не вскарабкаешься. Вероятно, ему хватит сил какое-то время нести Одетту на руках — и скорее всего именно это ему и придется делать, — но от мысли, что ему нужно будет оставить ее там одну, его по-настоящему воротило.

В первый раз за все свое пребывание в этом мире Эдди услышал жужжание насекомых. Похоже на стрекотание сверчка, только звук был гораздо выше и ровнее — непрерывное, монотонное *ж-ж-ж-ж-ж-ж*, как гудение электрических проводов. В первый раз появились другие птицы, а не одни только чайки. Крупные, с жесткими крыльями, они кружили в небе вдали от моря, над землей. Наверное, ястребы, подумал Эдди. Временами они, сложив крылья, камнем падали вниз. Охотились. На кого? Ну на каких-нибудь мелких зверюшек. Ничего. Все нормально.

И все-таки он продолжал думать о тех жутких воплях в ночи.

Где-то к середине дня они уже ясно различали третью дверь. Как и первые две, она была абсолютно невероятной, но от этого не менее реальной.

— Поразительно, — тихонько пробормотала Одетта. — Просто поразительно.

Она стояла как раз там, где, как начал уже подозревать Эдди, она и должна стоять: в самом конце узкого клинышка, оставшегося от бесконечного пляжа и обозначающего конец их пути на север. Она стояла чуть выше верхней границы прилива, менее чем в девяти ярдах от того места, где скалы вдруг выныривали из земли, как рука какого-нибудь великана, поросшая вместо волос серо-зеленым кустарником.

Когда солнце стало спускаться к воде, начался прилив — около четырех часов дня, как сказала Одетта, и Эдди поверил ей, потому что она утверждала, что умеет определять время по солнцу и еще потому, что он был влюблен в нее по уши. В четыре часа они подошли к двери.

9

Они просто смотрели на нее. Одетта — сидя в своей коляске и сложив на коленях руки, Эдди — стоя у самой кромки воды. В какой-то мере они смотрели на эту дверь, как на звезду прошлой ночью, — словно дети; в какой-то мере — совсем по-другому. Когда они, глядя на первую звезду, загадывали желания, они были детьми, которые просто радуются. Теперь они были торжественны и серьезны, как дети, глядящие на сказочное чудо, происшедшее в реальной жизни.

На двери было написано одно слово.

— Что это значит? — наконец спросила Одетта.

— Не знаю, — промямлил Эдди, но от этого слова на него повеяло холодом безнадежности. Словно на его сердце легла черная тень.

— Точно не знаешь? — Она пристально посмотрела на него.

— Нет. Я... — Он тяжело сглотнул. — Нет.

Она продолжала смотреть на него.

— Подвези меня к ее обратной стороне, пожалуйста. Я хочу посмотреть. Я знаю, тебе нужно вернуться к нему, но все-таки сделай это для меня. Хорошо?

Ей он не мог отказать.

Они объехали дверь.

— Подожди! — воскликнула она. — Ты видел?

— Что?

— Подай назад! Смотри! Видишь?

На этот раз он посмотрел на дверь, а не вперед, чтобы не наехать коляской на какое-нибудь препятствие. Когда они проехали как раз мимо двери, она как бы сузилась в перспективе, он увидел петли, впаянные в пустоту...

А потом она пропала.

Дверь пропала.

Вид на море только что перекрывало деревянное полотно шириной три, даже четыре дюйма (дверь казалась весьма массивной), теперь же никакой преграды не было.

Дверь исчезла.

Тень от нее осталась, но двери не было.

Он отъехал с коляской на два фута назад, чуть-чуть южнее того места, где была дверь, и она появилась опять.

— Ты видишь? — голос его едва не сорвался.

— *Да!* Она снова здесь!

Он передвинул коляску на фут вперед. Дверь осталась на месте. Еще на шесть дюймов. Дверь на месте. Еще два дюйма. Дверь по-прежнему стоит. Еще дюйм... и дверь пропала. Полностью.

— Господи, — прошептал он. — Господи Боже!

— А ты сможешь открыть ее? — спросила Одетта. — Или я?

Он медленно шагнул вперед и ухватился за ручку двери, на которой было написано одно слово.

Попробовал повернуть ручку по часовой стрелке, потом против.

Она не сдвинулась ни на йоту.

— Ну что ж, — тихо проговорила она, смирившись. — Стало быть, только он может ее открыть. Мне кажется, мы с тобой это давно понимали. Иди за ним, Эдди. Иди сейчас же.

— Сначала мне нужно устроить тебя поудобнее.

— Мне и так будет нормально.

— Нет, не будет тебе так нормально. Ты сейчас слишком близко от границы прилива. Если тебя здесь оставить, ночью, как только стемнеет, вылезут эти омары и тебя съе...

Внезапный вопль дикой кошки на холмах перерезал фразу Эдди, как нож — тоненькую бечевку. Крик донесся издалека, но все же он раздался ближе, чем в прошлый раз.

Ее взгляд быстро скользнул к револьверу стрелка, который Эдди засунул за пояс, потом снова к его лицу. Эдди почувствовал, как заливается краской.

— Он сказал тебе не оставлять мне оружие, да? — тихо спросила она. — Он не хочет, чтобы револьвер был у меня. По какой-то причине не хочет, чтобы он был у меня.

— Патроны все отсырели, — неловко пробормотал Эдди. — Вероятно, он вообще не будет стрелять.

— Я понимаю. Только откати меня чуть выше по склону, Эдди. Ничего? Тебе будет нетрудно? Я знаю, как у тебя ноет спина, Эндрю всегда называл это «инвалидно-колясочным полуприседом», но, если ты меня отвезешь чуть повыше, эти омары до меня не доберутся. Я сомневаюсь, что какие-нибудь еще звери решатся приблизиться к берегу, по которому ползают эти твари.

Эдди подумал: *Когда прилив, вероятно — да... но неизвестно еще, что будет, когда начнется отлив.*

— Оставь мне еды и камней. — Сама того не зная, она почти слово в слово повторила наказ стрелка, и Эдди опять покраснел. Он чувствовал, как его щеки и лоб так и пылают жаром, точно кирпичная печка.

Она посмотрела на него со слабой улыбкой и покачала головой, как будто он высказал это вслух.

— Сейчас мы не будем спорить. Я же видела, в каком он состоянии. Время его на исходе. И у нас тоже нет времени препираться. Отвези меня чуть повыше, оставь мне еды и камней, а потом забирай коляску и вперед.

10

Он постарался устроить ее по возможности побыстрее. Перед тем как уйти, он достал револьвер Роланда и протянул его ей рукояткой вперед. Но Одетта лишь покачала головой.

— Он разозлится на нас обоих. На тебя — за то, что дал, на меня — что взяла.

— Бред какой-то! — выкрикнул Эдди. — Как тебе это вообще взбрело в голову?

— Я знаю. — Голос ее был непреклонен.

— Ну ладно, допустим, что это так. Просто допустим. Но я разозлюсь на тебя, если ты не возьмешь.

— Убери его. Я не люблю пистолеты. Я не умею стрелять. Если какая-нибудь зверюга набросится на меня в темноте, я первым делом напружу в штаны. А потом я направлю его по ошибке не в ту сторону и пристрелю себя же. — Она помолчала, серьезно глядя на него. — И есть еще одно обстоятельство, о котором ты, вероятно, знаешь. Я вообще не хочу прикасаться к его вещам. Не хочу. Мама моя говорила, что есть вещи, которые приносят несчастье, и я боюсь прикасаться к тому, что ему принадлежит. Конечно, мне нравится думать, что я современная женщина... но я не хочу, чтобы рядом со мной было что-то такое, что приносит несчастье, когда ты уйдешь и я останусь одна в темноте.

Он посмотрел на Одетту, и по его глазам она поняла, что он все еще сомневается.

— Убери его, — сказала она тоном строгой учительницы.

Эдди рассмеялся, но все же послушался.

— Что ты смеешься?

— Ты сейчас это сказала ну в точности как мисс Хатауэй, училка моя в третьем классе.

Она улыбнулась, по-прежнему глядя ему в глаза, и тихонько запела:

— *Тень ночная на землю ложится... в сумерках все растворилось...* — Одетта умолкла, и вместе они посмотрели на запад, но звезда, которой они вчера загадывали желания, еще не появилась на небе, хотя тени их стали длиннее.

— Еще что-нибудь, Одетта? — Он все искал предлоги остаться с ней подольше. Может быть, это пройдет, когда он действительно соберется уйти, но пока что он длил расставание, хватаясь за любой предлог.

— Поцелуй. Мне тогда будет легче, если ты не возражаешь.

И когда после долгого поцелуя губы их разомкнулись, она взяла его за руку и пристально посмотрела ему в глаза:

— До прошлой ночи я ни разу не занималась любовью с белым. Не знаю, важно это для тебя или нет. Я даже не знаю, важно ли для *меня самой*. Но я подумала, что тебе следует знать.

Он на мгновение задумался.

— Мне не важно, — сказал он наконец. — В темноте, как говорится, все кошки серы. Я люблю тебя, Одетта.

Она накрыла руку его ладонью.

— Ты очень славный, и я, может быть, тоже тебя люблю, хотя для нас еще слишком рано...

В это мгновение, как по сигналу, где-то в зарослях завопила дикая кошка. Пока что где-то в четырех-пяти милях отсюда, но все же намного ближе, чем в прошлый раз, и, судя по звуку, зверюга была *большая*.

Они повернулись на звук. Эдди почувствовал, как волосы у него на затылке попробовали встать дыбом. Только у них ничего не вышло. *Простите меня, волосы,* совершенно по-идиотски подумал он. *Патлы я отрастил будь здоров.*

Истошный вопль усилился, как будто орал какой-нибудь несчастный зверь, умирающий в жутких муках (хотя на са-

мом-то деле этот кошмарный вопль скорее всего знаменовал собой удачное завершение брачных игр). Крик как будто завис на мгновение, сделавшись почти что невыносимым, а потом начал стихать, становясь все глуше и глуше, а потом оборвался или растворился в нескончаемом вое ветра. Они подождали, но вопль больше не повторился. Однако Эдди больше не колебался. Он снова вытащил револьвер и протянул его ей.

— Бери и не спорь. Если тебе все же *придется* стрелять, толку от него скорее всего не будет... по закону подлости... но все равно возьми.

— Хочешь поспорить?

— Ты можешь спорить сколько душе угодно.

Внимательно посмотрев в ореховые глаза Эдди, она немного устало улыбнулась.

— Не буду я с тобой спорить. — Одетта взяла револьвер. — Пожалуйста, возвращайся быстрее.

— Я быстро. — Он поцеловал ее, на этот раз торопливо, и едва не сказал, чтобы она была осторожна... но если серьезно, ребята, как можно быть осторожным в такой ситуации?!

В сгущающихся сумерках он спустился вниз по склону (омары еще не выползли на берег, но уже скоро они покажутся) и еще раз прочел надпись на двери. Его опять передернуло. Это слово било прямо в точку. Господи, прямо в точку. Потом он оглянулся. Сначала он не увидел Одетту, но потом заметил на склоне какое-то движение. Мелькнула светло-коричневая ладонь. Одетта махала ему рукой.

Он помахал ей в ответ, а потом развернул коляску и пустился бегом, приподняв передние колеса, которые были поменьше задних и не такие прочные, чтобы они не бились о землю. Он бежал на юг, туда, откуда пришел. Первые полчаса тень его бежала рядом — невероятная тень костлявого великана, начинавшаяся от подошв кроссовок и протянувшаяся на несколько долгих ярдов к востоку. А потом солнце зашло, тень исчезла, а из моря полезли омары.

Минут через десять после того как они принялись трещать, переговариваясь друг с другом, он поднял голову и увидел вечернюю звезду, спокойно сиявшую на темно-синем бархате неба.

Тень ночная на землю ложится... в сумерках все растворилось...

Только бы с ней ничего не случилось. Ноги уже начинали болеть, разгоряченное дыхание тяжело вырывалось из легких, а ведь ему предстоял еще один переход, третий, со стрелком в коляске, причем Роланд весит на добрую сотню фунтов больше Одетты, и хотя Эдди знал, что ему надо бы поберечь силы, он продолжал бежать. *Только бы с ней ничего не случилось — вот мое желание. Чтобы с моей любимой ничего не случилось.*

Но тут, точно дурное предзнаменование, откуда-то из оврагов, которыми были изрезаны ближайшие склоны, снова донесся вопль дикой кошки... только на этот раз крик ее походил на рев разъяренного льва в африканских джунглях.

Эдди побежал еще быстрее, толкая перед собой коляску. И очень скоро ветер тонко и призрачно завыл в спицах поднятых кверху, свободно вращающихся передних колес.

11

Стрелок услышал, как к нему приближается какой-то пронзительный завывающий звук, на мгновение напрягся, но тут же расслышал тяжелое дыхание человека и расслабился. Эдди. Он понял это, даже не открывая глаз.

Когда завывание стихло, а топот бегущих ног остановился, Роланд открыл глаза. Перед ним стоял Эдди, тяжело дыша и обливаясь потом. Его рубаха прилипла к груди одним темным расплывшимся пятном. В нем больше не было и намека на приличного мальчика из университета (именно такое требование предъявлял в свое время Джек Андолини к внешнему виду своих людей). Отросшие волосы мокрыми прядями

свисали на лоб. Брюки лопнули по шву на самом, как говорится, интересном месте. Синевато-багровые круги под глазами довершали картину. Видок у Эдди Дина был просто ужасный.

— Я все сделал, — выдавил он. — Я вернулся. — Он огляделся по сторонам, потом снова уставился на стрелка, как будто не веря своим глазам. — Господи, я действительно *здесь*.

— Ты отдал ей револьвер.

Эдди подумал, что Роланд выглядит едва ли не хуже, чем до первого — прерванного — курса лечения кефлексом. От него исходили волны жара, и хотя Эдди понимал, что ему надо бы посочувствовать Роланду, но сейчас он буквально взбесился.

— Я драл свою задницу, чтобы добраться сюда за рекордно короткий срок, и тебе больше нечего мне сказать, кроме как: «Ты отдал ей револьвер». Спасибо, конечно, дружище. Я имею в виду, я ожидал изъявления благодарности, но это, мать твою, уже слишком.

— Я сказал то, что важнее всего.

— Ладно, теперь, когда ты все высказал, предоставь слово мне. — Эдди упер руки в бока и свирепо уставился на стрелка сверху вниз. — Выбирай: либо ты сейчас же садишься в коляску, либо я ее складываю и запихиваю тебе в жопу. Что для вас предпочтительней, босс?

— Ни то ни другое. — Роланд улыбнулся как человек, которому этого совсем *не хочется*, но он не может удержаться от улыбки. — Сначала тебе, Эдди, нужно немного поспать. Утро вечера мудренее, тогда и посмотрим, а сейчас тебе нужно поспать. Ты ж на ногах не стоишь.

— Я хочу вернуться к ней.

— Я тоже. Но если ты не отдохнешь, ты просто свалишься где-нибудь по дороге. В этом-то все и дело. Так будет хуже для тебя и для меня, а хуже всего для нее.

Эдди на мгновение заколебался.

— Ты очень быстро вернулся. — Прищурившись, стрелок поглядел на солнце. — Сейчас часа четыре, самое боль-

шее — четверть пятого. Поспи часиков пять, может быть, даже семь, а там уж совсем стемнеет...

— Четыре. Четыре часа.

— Хорошо. Пока не стемнеет. Я думаю, это важно. Потом поешь, а тогда уже и пойдем.

— Ты тоже поешь.

Стрелок улыбнулся опять.

— Я попробую. — Он спокойно взглянул на Эдди. — Сейчас твоя жизнь у меня в руках. Я полагаю, ты это знаешь.

— Да.

— Я похитил тебя.

— Да.

— Ты не хочешь убить меня? Если да, сделай это прямо сейчас. Это лучше, чем... — Голос его оборвался, сменившись тихим присвистом. В груди у него захрипело, но Эдди не придал этому обстоятельству никакого значения, или, вернее, сейчас ему было на это плевать. — ...Доставать друг друга и дальше, — закончил Роланд.

— Не хочу я тебя убивать.

— Тогда... — Теперь голос его потонул в неудержимом приступе кашля. — ...Ложись.

Эдди послушно лег. Но сон не унес его своим плавным течением, как это обычно бывает, а грубо обхватил его руками любовницы, неловкой в своем нетерпении. Он еще слышал (или это был уже сон?), как Роланд сказал: «Но тебе все же не надо было оставлять ей револьвер», а потом провалился во тьму, где даже время остановилось, и вот уже Роланд трясет его за плечо, и Эдди приподнимается на локтях, и в теле его нет ничего, кроме боли, боли и тяжести. Его мышцы будто превратились в ржавые лебедки и блоки в заброшенном здании. Он не сумел даже подняться на ноги с первой попытки: он тяжело рухнул обратно в песок. Он попробовал еще раз, но ощущение было такое, что вся эта нехитрая процедура грозит занять у него минут двадцать. И ему будет очень больно.

Роланд смотрел на него испытующе:

— Ты готов?

— Да, — кивнул Эдди. — А *ты*?

— Да.

— *Сможешь?*

— Да.

Они поели... а потом Эдди тронулся в путь. Это был его третий и последний рейс по этому чертову пляжу.

12

В тот вечер они преодолели приличное расстояние, но, когда стрелок объявил привал, Эдди был несколько раздосадован, однако не стал спорить, потому что он слишком устал, чтобы геройствовать и отказываться от отдыха, хотя с самого начала надеялся, что им удастся пройти подальше. Вес. Проблема серьезная. По сравнению с Одеттой толкать Роланда было ничуть не легче, чем толкать вагонетку с железными балками. Эдди поспал еще четыре часа и проснулся с рассветом, когда солнце только показалось над холмами, сглаженными эрозией остатками горной гряды. Стрелок кашлял. Кашель с хрипами, слабый — так кашляет старик, умирающий от обширного воспаления легких.

Глаза их встретились. Спазматический приступ кашля вдруг обернулся смехом.

— Я еще не кончаюсь, Эдди, — сказал Роланд, — не смотри, что меня так сотрясает кашель. А ты?

Эдди вспомнил глаза Одетты и мотнул головой.

— Я тоже еще не кончаюсь, хотя чизбургер и «бутончик» мне очень бы не помешали.

— Бутончик? — не понял Роланд, представив себе яблоневые деревья и буйство цветов в Королевском Саду (хотя Эдди имел в виду кружечку пива).

— Не обращай внимания. Забирайся, дружище. Не четырехместный, конечно, кабриолет, но как-нибудь пару миль мы одолеем.

И они действительно одолели несколько миль, хотя к закату второго дня его расставания с Одеттой они не намного приблизились к тому месту, где была третья дверь. Эдди прилег, надеясь вырубиться еще на четыре часа, но не прошло и двух, как его разбудил очередной истошный вопль дикой кошки. Он вскочил, его сердце бешено заколотилось. Господи, судя по крику, зверюга была громадной.

Он увидел, что стрелок тоже не спит: он приподнялся на локте, и глаза его сверкали в темноте.

— Ты готов? — спросил Эдди и медленно поднялся на ноги, скривившись от боли.

— А *ты*? — едва слышно спросил Роланд.

Эдди потянулся, позвонки захрустели, как будто в спине взорвались крошечные хлопушки.

— Да. Но я все-таки не отказался бы от чизбургера.

— Ты, по-моему, мечтал о цыпленке.

Эдди застонал:

— Не трави душу, старик.

Когда взошедшее солнце осветило холмы, вдали показалась третья дверь. Они добрались до нее через два часа.

Снова все вместе, подумал Эдди, готовый свалиться с ног.

Но он явно поторопился с выводом. Одетты Холмс не было видно. Нигде.

13

— *Одетта!*— закричал Эдди, и теперь голос его был точно таким же надорванным и хриплым, как и у той, *другой*.

В ответ тишина. Не было даже эха, которое он мог бы принять по ошибке за голос Одетты. Эти низкие, выветренные холмы не отражали звука. Слышался только плеск волн, особенно громкий на этом узеньком клинышке берега, — глухой и ритмичный грохот прибоя о стену грота, пробитого волнами в хрупком камне скалы, — и непрестанный вой ветра.

— *Одетта!*

На этот раз он закричал так громко, что голос его сорвался, и острая боль, точно рыбная кость, вонзилась в голосовые связки. Взгляд его исступленно шарил по холмам, высматривая светло-коричневое пятнышко ее ладони, промельк движения, когда она встанет... или (да простит его Бог) яркие пятна крови на бурых камнях.

Он поймал себя на том, что пытается угадать, что он будет делать, если действительно там будет кровь или если найдется револьвер с глубокими следами зубов на сандаловом дереве рукояти. Наверное, он впадет в истерику, если вообще не сойдет с ума, но он все равно продолжал высматривать... хоть что-нибудь.

Но он ничего не увидел. Не услышал даже самого слабого ответного крика.

Стрелок тем временем изучал третью дверь. Он ждал, что на ней будет написано одно слово, то самое слово, которое произнес человек в черном, переворачивая шестую карту колоды Таро на пыльной голгофе, где они с Роландом долго беседовали в бесконечной ночи. «Смерть, — сказал тогда Уолтер, — *но не твоя, стрелок*».

На двери было слово, но совсем другое... не СМЕРТЬ. Он прочитал его снова, беззвучно шевеля губами: ТОЛКАЧ.

И все же оно означает Смерть, подумал Роланд и понял, что это так.

Он вдруг сообразил, что голос Эдди стал удаляться, и обернулся. Эдди карабкался вверх по склону ближайшего холма, не переставая звать Одетту.

Сначала Роланд решил его не удерживать.

Может быть, Эдди найдет ее, может быть, даже живой и не слишком сильно искалеченной, и это по-прежнему будет она. Он мог допустить, что эти двое даже сумеют наладить здесь свою жизнь, что любовь Эдди к Одетте и ее — к нему все-таки одолеет ядовитую тварь, которая называет себя Детой Уокер. Да, очень возможно, что между ними двумя нет места для Детты и она просто тихо исчезнет. По-своему он

был романтиком, суровым и жестким, но все же немножко романтиком... хотя в то же время он был трезвым реалистом и знал, что иногда любовь *действительно* побеждает все. А что остается ему? Даже если ему удастся заполучить лекарства из мира Эдди, те самые, которые так помогли ему в прошлый раз, помогут ли они теперь? Сейчас ему хуже, чем в прошлый раз, и он даже поймал себя на том, что начинает уже беспокоиться, как далеко все зашло. Руки и ноги болели, в голове глухо гудело, грудь отяжелела, наполнившись мокротой. Когда он кашлял, левый бок обжигала боль, как будто там у него были сломаны ребра. Левое ухо горело. *Может быть,* думал он, *настало время со всем этим покончить и просто сдаться?*

При этой мысли все существо его возмутилось.

— *Эдди!* — закричал он, но не закашлялся, сейчас голос его звучал, как всегда, глубоко и мощно.

Эдди обернулся, стоя одной ногой на влажном прибрежном грунте, а другую поставив уже на каменистый выступ.

— Иди, — сказал он и небрежно махнул рукой, как будто давая понять этим жестом, что он хочет избавиться от стрелка и заняться своим настоящим делом, *действительно важным* делом: найти Одетту и спасти ее, если в том будет необходимость. — Все нормально. Иди туда и забери все, что нужно. Когда ты вернешься, мы будем здесь.

— Что-то я сомневаюсь.

— Мне нужно найти ее. — Эдди взглянул на Роланда, и взгляд его был открытым и чистым. — То есть действительно нужно.

— Я понимаю, что ты ее любишь и что тебе это действительно необходимо, — сказал стрелок. — Но на этот раз я хочу, чтобы ты пошел вместе со мной, Эдди.

Эдди долго смотрел на него, как бы не веря своим ушам.

— Пойти с тобой, — озадаченно вымолвил он наконец. — Пойти с тобой! Господи Боже, теперь я, кажется, и в самом деле услышал все. Трам-парам-парам, *все*. В прошлый раз ты так уперся, чтобы только меня не брать, не побоялся даже,

когда я грозился глотку тебе перерезать. А на этот раз я должен бросить все и идти с тобой, и пусть там *ей* кто-нибудь раздерет горло.

— Это, возможно, уже случилось, — сказал Роланд, хотя сам был уверен, что нет. Госпожа, может быть, и пострадала, но уж наверняка не погибла.

К сожалению, Эдди был тоже в этом уверен. Уже семь или даже десять дней он не принимал наркотиков, и разум его заметно прояснился. Он указал на дверь.

— Ты же знаешь, что нет, что она жива. Если бы она умерла, эта чертова штука пропала бы. Если только ты мне не врал, когда говорил, что без нас троих — всех — никакого толку от этой двери не будет.

Эдди хотел было вернуться на склон, но взгляд Роланда буквально пригвоздил его к месту.

— Хорошо. — Голос Роланда был почти таким же мягким и ласковым, как тогда, когда он пытался достучаться сквозь пылающее ненавистью лицо и вопли Детты до другой женщины, что скрывалась за ними. — Она жива. Но почему она тогда тебе не отвечает?

— Ну... ее могла утащить дикая кошка, — предположил Эдди.

— Кошка загрызла бы ее, съела, сколько ей надо, а остальное бы бросила. В крайнем случае оттащила бы ее тело в тень, чтобы ночью вернуться и сожрать мясо, которое еще не успело испортиться от жары. Но тогда дверь бы пропала. Кошки, если ты еще не знаешь, — это не те насекомые, которые парализуют добычу и уносят к себе, чтобы полакомиться потом.

— Вовсе не обязательно. — Эдди вдруг вспомнил, как Одетта сказала, что ему надо было бы записаться в дискуссионый клуб, но не стал останавливаться на этом воспоминании. — Могло быть и так, что кошка накинулась на нее и она постаралась ее застрелить, но первые два патрона дали осечку. Черт, может быть, даже четыре патрона. Кошка успела добраться до нее, искалечить, но только уже собиралась

загрызть... как БА-БАХ! — Эдди хлопнул кулаком по ладони, представив себе эту сцену так живо, как будто он при всем этом присутствовал. — Выстрел сразил зверюгу, или, может быть, только ранил или просто напугал, и она убежала. Что ты на это скажешь?

— Мы бы услышали выстрел, — мягко ответил стрелок.

Эдди приумолк, не сумев найти убедительного ответа. Конечно, они бы услышали выстрел. Ведь впервые вопль дикой кошки они услышали с расстояния в полтора, а то и два десятка миль. А уж выстрел...

Он с хитрецой поглядел на Роланда.

— Может быть, *ты* и слышал. Может быть, ты его слышал, пока я спал.

— Он бы тебя разбудил.

— Притом что я так измотался. Я заснул как...

— Убитый, — закончил за него Роланд, и голос его оставался все таким же мягким. — Мне это состояние знакомо.

— Значит, ты понимаешь...

— Спишь ты как убитый, но ты же *не убитый*. Прошлой ночью ты тоже вырубился мгновенно, но когда на холмах завопила кошка, ты тут же вскочил. Потому что ты за нее переживаешь. Не было никакого выстрела, Эдди, и ты это знаешь. Ты бы услышал. Потому что ты за нее переживаешь, за Одетту.

— Тогда она, может быть, отбилась от кошки камнем! — закричал Эдди. — Откуда мне, черт возьми, знать, если вместо того, чтобы ее искать, я стою тут и препираюсь с тобой! Может, она лежит где-нибудь искалеченная! И умирает от потери крови! Как бы тебе понравилось, если бы я вошел с тобой в эту дверь, а она бы тут умерла, пока мы с тобой находились бы на той стороне?! Как бы ты себя чувствовал, если бы ты оглянулся однажды, а двери нет, как будто и не было вовсе, потому что *она* умерла?! Тогда уже ты бы застрял в *моем* мире, а не наоборот! — Он смотрел на стрелка, тяжело дыша, и сжимал кулаки.

Роланд устал спорить с Эдди, в нем уже закипало раздражение. Кто-то — может быть, Корт, но скорее всего отец — любил повторять: «Спорить с влюбленным — все равно что пытаться вычерпать море ложкой». И если бы Роланду потребовалось подтвердить истинность этой пословицы, ему не надо было бы далеко ходить: вот оно стоит, живое подтверждение, и вся поза его выражает неприятие и вызов. «Ну давай, — говорит его поза. — Давай, я отвечу тебе на любой вопрос».

— А может, это была не кошка, — сказал он стрелку. — Пусть это твой мир, но я сомневаюсь, что ты в этих краях бывал чаще, чем я на Борнео. Ты же понятия не имеешь, что вообще может бегать по этим холмам, я не прав? Может, ее утащила горилла или еще какая-нибудь тварь.

— Вот именно, кто-то ее утащил, — согласился стрелок.

— Ну слава Богу, ты со своей болезнью еще не совсем рехнулся...

— И мы оба знаем, что это за «тварь». Детта Уокер. Вот кто ее утащил. Детта Уокер.

Эдди открыл было рот, но помедлил секунду — всего лишь секунду, но и ее им обоим хватило, чтобы осознать и принять горькую правду, — и потом, увидев безжалостное лицо Роланда, забыл все свои доводы.

14

— Это вовсе не обязательно.

— Подойди лучше поближе. Если мы собираемся поговорить, то давай поговорим нормально. Каждый раз, когда, обращаясь к тебе, я пытаюсь перекричать шум волн, у меня еще пуще горло дерет. Впрочем, теперь у меня все время его дерет.

— А почему, бабушка, у тебя такие большие глаза? — сказал Эдди, не сдвинувшись с места.

— Ты о чем, черт побери, говоришь?

— Это из одной сказки. — Эдди немного спустился по склону. Ярда на четыре, не больше. — И ты, кажется, веришь в сказки, если ты *думаешь*, что у тебя получится убедить меня подойти достаточно близко к твоей коляске.

— *Для чего* достаточно? Я тебя не понимаю, — сказал Роланд, хотя все понимал прекрасно.

Почти в ста пятидесяти ярдах над ними и, наверное, в целой четверти мили к востоку за этой перебранкой внимательно наблюдали черные глаза — глаза человеческие, но лишенные всякого человеческого сострадания. О чем шел разговор, разобрать было никак невозможно: из-за волн, ветра и глухих ударов воды в стену подводного грота ничего не было слышно, — но Детте и не было в том нужды, она и так знала, о чем они *говорят*. Не нужен был и бинокль, чтобы разглядеть, что Воистину Гнусный Мужик стал теперь Очень Больным Мужиком, и если Гнусный Мужик был бы не прочь задержаться здесь на денек-другой, а то и на недельку, чтобы помучить безногую негритянку — судя по всему, в этом унылом местечке других развлечений не ожидалось, — то Больной Мужик хотел лишь одного: поскорее унести свою жопу подальше от этого места. Просто войти в эту волшебную дверь и свинтить отсюда. Раньше он ничего такого не делал. Раньше он вообще никуда не влезал, *только ей в голову*. Ей до сих пор не хотелось думать о том, как это было, как легко он сводил на нет все отчаянные ее попытки вытолкнуть его *вон*, чтобы стать снова себе хозяйкой. Это было так жутко. Ужасно. Но самое мерзкое то, что она ничего не могла понять. Почему она так испугалась? По какой причине? Она испугалась не самого вторжения, но чего-то еще. Она знала, что смогла бы понять, стоило лишь повнимательнее покопаться в себе, но именно этого ей не хотелось. Такое самокопание могло бы ее увести черт знает куда, в место типа того, которого так боялись древние моряки, — к самому краю света, отмеченному на картах зловещей надписью: ЗДЕСЬ ЗМЕИ. Самым пугающим во вторжении Гнусного Мужика было чувство *узнавания*, ко-

торым вторжение это сопровождалось, как будто подобное с ней случалось и раньше — и не один раз, а много. Однако, и перепугавшись, она не поддалась панике. Даже когда она с ним боролась, она не переставала наблюдать, и она помнила, *что* видела по ту сторону, когда Гнусный Мужик, двигая коляску ее же руками, катил ее к двери. Она видела тело Гнусного Мужика, лежащее на песке, и Эдди, который склонился над ним с ножом в руке.

Вот бы Эдди вонзил свой нож в глотку Гнусного Мужика! Почище было бы, чем свинью завалить! Куда как почище!

Он не вонзил, но она видела тело Гнусного Мужика. Оно дышало, хотя это было именно *тело*, труп, бесполезная *вещь* наподобие старого ненужного мешка, в который какой-нибудь недоумок напихал сорняков.

Возможно, что ум Детты был не чище крысиной задницы, но по быстроте и остроте мышления она явно превосходила Эдди. *Гнусный Мужик там, похоже, уже изошел дерьмом. Совсем выдохся, птенчик. И он ведь знает, что я где-то здесь, и только и думает, как бы смыться, пока я не спустилась и не надрала ему задницу. Но дружок его еще полон сил и еще не натешился. Так и рвется подняться сюда за мной и продолжить свои измывательства, и ему наплевать, что там с Гнусным Мужиком. Ясное дело. Небось сейчас думает: «Этой безногой черномазой суке не тягаться со мной, таким большим и ловким парнем с неутомимым хером. Я, собственно, никуда не тороплюсь. Сейчас разыщу эту дырку, впендюрю ей раз-другой, а потом можно и сваливать. Вот он чего думает, ну и ладненько, беложопый. Думаешь, что легко тебе будет взять Детту Уокер? Ну давай. Хочешь меня отодрать? Давай. Узнаешь тогда, какая я черномазая сука! Ужо узнаешь...*

Но бешеный водоворот ее мыслей, напоминающий крысиную возню, был неожиданно прерван отчетливым звуком, который донесся даже сквозь шум волн и свист ветра: тяжелым грохотом выстрела.

15

— Я думаю, что ты только делаешь вид, будто не понимаешь, — сказал Эдди. — А на самом-то деле ты все понимаешь! Ты хочешь, чтобы я подошел к тебе ближе и ты смог бы меня схватить. — Он кивнул в сторону двери, не отрывая взгляда от лица Роланда. И, не догадываясь о том, что где-то поблизости есть еще один человек, который думает точно так же, проговорил: — Я знаю, конечно, что ты болен, но ведь ты вполне можешь и притворяться, что тебе хуже, чем есть на самом деле. Ты мог, как у нас говорят, притаиться в высокой траве.

— Мог бы, — проговорил стрелок без тени улыбки и, помолчав, добавил: — Но я вовсе не притворяюсь.

Хотя, если честно, он притворялся... чуть-чуть.

— Еще пара шагов тебе ничем не повредят, верно? А мне зато не придется кричать. — Последний слог утонул в жутком кашле, что лишний раз подтверждало его правоту. — Я хочу, чтобы ты как следует подумал о том, что ты делаешь... что собираешься сделать. Если мне не удастся уговорить тебя пойти со мной, может быть, я смогу убедить тебя в том, что тебе нужно снова держаться настороже... я хочу тебя предостеречь опять...

— Ради твоей драгоценной Башни, — фыркнул Эдди, но все же спустился по склону на добрую половину уже проделанного пути, поднимая ногами облачка темно-бордовой пыли.

— Ради моей драгоценной Башни и твоего же здоровья, — сказал стрелок, — не говоря уже о твоей драгоценной *жизни*.

Он вынул из кобуры оставшийся револьвер и посмотрел на него со смешанным выражением печали и недоумения.

— Если ты думаешь, что этим ты меня напугаешь...

— Ничего я не думаю. Ты же знаешь, Эдди, что я не смогу тебя застрелить. Но я думаю, что тебе нужен наглядный урок, чтобы ты понял, что все изменилось. И очень сильно изменилось.

Роланд поднял револьвер, нацелив его не на Эдди, а на пустынный простор бушующего моря, и нажал на спусковой крючок. Эдди напрягся в ожидании грохота выстрела.

Однако выстрела не последовало. Только глухой щелчок.

Роланд еще раз взвел курок. Барабан прокрутился. Он нажал на спусковой крючок, и опять не последовало ничего, кроме глухого щелчка.

— Не расстраивайся, — сказал Эдди. — В моем мире тебя бы приняли на работу в министерство обороны после первой же осечки. С тем же успехом ты мог бы...

Но громкий выстрел — БА-БАХ! — отсек конец фразы так же точно и аккуратно, как Роланд срезал тонкие ветви деревьев, когда только еще учился стрелять. Эдди подпрыгнул на месте. Выстрел моментально утихомирил жужжание насекомых на холмах. И только когда Роланд опустил револьвер на колени, они снова подали робкие голоса.

— Ну и что, черт возьми, ты хотел доказать?

— Я думаю, все зависит от того, что ты услышишь и чего не захочешь слышать, — немного резко проговорил Роланд. — *Предполагалось*, что ты уяснишь для себя, что не все патроны дают осечку. Из чего следует, что некоторые патроны, может быть, даже *все* патроны в том револьвере, который ты дал Одетте, могут выстрелить.

— Бред! — воскликнул Эдди, но потом, помолчав, спросил: — Почему?

— Потому что этот револьвер, из которого я сейчас стрелял, я зарядил патронами, которые были тогда в нижней части моих патронташей, — иными словами, которые намокли сильнее всего. Зарядил просто так, чтобы скоротать время, пока тебя не было. Не то чтобы я только и делал, что заряжал револьвер. Много на это времени не уходит, как ты понимаешь, даже притом, что у меня на руке не хватает двух пальцев! — Роланд рассмеялся, но смех его обернулся кашлем, и стрелок прикрыл рот кулаком. Когда кашель прошел, он продолжил: — Но после того как ты стреляешь сырыми, нужно полностью разобрать револьвер и как следует его вы-

чистить. «Разбирайте, чистите регулярно, сопляки» — вот что в первую очередь вбил нам в головы Корт, наш наставник. Я не знал, сколько времени уйдет у меня на то, чтобы его разобрать, вычистить и опять собрать, теперь, когда у меня на правой руке нет двух пальцев, но я подумал, что если я собираюсь выжить — а я собираюсь, Эдди, я собираюсь, — то лучше выяснить это как можно скорее. Выяснить, а потом научиться делать это быстрее, верно? Подойди ближе, Эдди! Ради отца своего, подойди!

— Для того чтобы лучше видеть тебя, дитя мое, — сказал Эдди, однако сделал еще два шага по направлению к стрелку. Но только два.

— Когда я нажал на спуск в первый раз и бабахнул, я чуть в штаны не наложил. — Роланд опять рассмеялся. Эдди ужаснулся, решив, что стрелок начинает бредить. — Первый же патрон сработал, но клянусь тебе: я такого не ожидал!

Эдди лихорадочно пытался решить, обманывает его Роланд или нет. И насчет револьвера, и насчет своего тяжелого состояния. Котик наш приболел, это точно. Вот только вправду ли так тяжело? Этого Эдди не знал. Если Роланд притворяется, у него получается очень правдоподобно. Что же касается револьвера, тут Эдди не мог ничего сказать определенно, поскольку у него не было опыта в таких вещах. До того, как он влип в перестрелку у Балазара, Эдди доводилось стрелять раза три, не больше. Вот *Генри* бы понял, но Генри мертв — при одной только мысли об этом Эдди неизменно чувствовал острую боль.

— Кроме этого, первого, ни один больше не выстрелил, — продолжал стрелок, — так что я вычистил револьвер, перезарядил его и опять расстрелял весь барабан. На этот раз я взял патроны, которые были чуть ближе к пряжкам, а значит, промокли меньше. Те, которыми мы добывали свой ужин, то есть сухие патроны, были у самых пряжек.

Он помедлил, сухо откашлялся в руку и продолжал:

— Во второй раз попалось уже два годных патрона. Я опять разобрал револьвер, вычистил и зарядил в третий раз.

Только что на твоих глазах я испытал три патрона из этого третьего барабана. — Он слегка улыбнулся. — Ты знаешь, после первых двух осечек я подумал, что мне чертовски не повезло и все патроны окажутся никуда не годными. И наглядный урок не слишком бы удался, верно? Можешь ты подойти чуть поближе, Эдди?

— Абсолютно не удался бы, — сказал Эдди, — я и так подошел к тебе намного ближе, чем мне хотелось бы, большое спасибо. И какой же урок я должен извлечь из всего этого, Роланд?

Роланд посмотрел на него, как на придурка.

— Я послал тебя сюда не для того, чтобы ты здесь умер. Или чтобы она умерла. Я этого не хочу. Боги всевышние, Эдди, где же твои мозги? У нее боевой револьвер! — Он пристально изучал Эдди. — Она где-то на холмах. Может, ты думаешь, что сумеешь напасть на ее след, но должен тебя огорчить: вряд ли тебе повезет, насколько я вижу, там только камни. Она залегла где-то там, наверху, и не Одетта, а Детта, с заряженным боевым револьвером. Если я отпущу тебя и ты станешь ее искать, она тебя так подстрелит, что у тебя кишки вывалятся из задницы.

За этим последовал очередной приступ кашля.

Эдди стоял и смотрел на этого человека, который кашлял, сидя в инвалидной коляске. Волны все так же бились о берег, ветер не переставая завывал на своей долгой дурацкой ноте.

Неожиданно для себя он сказал:

— Ты просто мог приберечь один заведомо хороший патрон. Мне кажется, ты на это способен. — Да, подумал он. Роланд способен на все.

Ради этой его Башни.

Его проклятой Башни.

Роланд схитрил, положив в *третий* раз в барабан припасенный «хороший» патрон! Чтобы все было так, как он сам задумал, а вышло как будто непроизвольно. Тут волей-неволей поверишь.

— В моем мире есть одно выраженьице, — продолжил Эдди. — «Этот тип готов снег зимой продавать». Такая вот поговорка.

— И что она означает?

— Что не надо толочь воду в ступе.

Стрелок долго-долго смотрел на него и наконец кивнул.

— То есть ты точно хочешь остаться? Ну хорошо. Что касается Детты... уж она-то сумеет себя защитить от любого здешнего зверья... получше, чем Одетта, а тебе хорошо бы держаться от нее подальше, так безопаснее, по крайней мере пока. Но я знаю, чем все это кончится. Мне это ужасно не нравится, но у меня нет времени спорить сейчас с дураком.

— Означает ли это, — вежливо осведомился Эдди, — что никто никогда еще не пытался с тобой поспорить об этой твоей Темной Башне, к которой ты так стремишься?

Роланд устало улыбнулся:

— Пытались многие, если это тебя так волнует. Вот почему я, наверное, понял, что мне тебя не убедить. Дурак дурака видит издалека. Как бы там ни было, я сейчас слишком слаб, чтобы поймать тебя, а ты слишком уж осторожен и не поддашься на мои уговоры, не подойдешь ко мне ближе, чтобы я мог схватить тебя, а времени препираться у нас уже нет. Мне остается только надеяться на лучшее. Но прежде чем я уйду, я напоследок еще раз скажу тебе, Эдди, а ты послушай: *будь начеку.*

А потом Роланд сделал одну вещь, и Эдди вдруг стало стыдно за все его сомнения (хотя это никак не повлияло на его решимость остаться): быстрым, отточенным движением руки он открыл барабан револьвера, высыпал из него патроны и заменил их другими, которые были у самых пряжек его ремней. Еще одним быстрым движением руки он поставил барабан на место.

— Уже нет времени его чистить, — сказал Роланд, — но я думаю, что сойдет и так. На, держи, но постарайся поймать, чтобы он не упал, а то он и так уже грязный. В моем мире совсем мало осталось исправных.

С этими словами он кинул Эдди револьвер. От волнения Эдди едва его не уронил, но потом взял себя в руки и надежно заткнул револьвер за пояс.

Стрелок выбрался из коляски, чуть не упал, когда от нажима она откатилась немного назад, и шатаясь дошел до двери. Взялся за ручку — ему она поддалась легко. Оттуда, где он стоял, Эдди не видел, что было за дверью, но он услышал приглушенный шум уличного движения.

Роланд оглянулся на Эдди: на мертвенно-бледном его лице сверкали холодные голубые глаза человека, которому сам черт не брат.

16

Детта наблюдала за этим из своего укрытия жадными сверкающими глазами.

17

— Помни, Эдди, — хрипло проговорил Роланд и шагнул вперед. Его тело рухнуло у порога, как будто он вошел не в пустое пространство, а ударился о каменную стену.

Эдди едва поборол почти неодолимое желание подойти к этой двери и заглянуть в проем, чтобы увидеть, куда — или в какое время — она ведет. Но он все-таки отвернулся и принялся снова шарить глазами по гряде холмов, не снимая руки с револьвера.

Я напоследок еще раз тебе скажу.

Эдди смотрел на эти безжизненные холмы, и внезапно ему стало страшно.

Будь начеку.

Ничто не двигалось там, наверху.

По крайней мере он ничего *не видел.*

Но он чувствовал, что она где-то там.

Не Одетта — в этом стрелок был прав.

Он чувствовал *Детту*.

Он тяжело сглотнул, что-то щелкнуло в горле.

Начеку.

Да. Но никогда в жизни ему так не хотелось спать. Скоро его одолеет сон, и если он не отдастся ему добровольно, сон возьмет его силой.

А пока он будет спать, придет Детта.

Детта.

Эдди как мог боролся с усталостью, смотрел на неподвижные холмы из-под отяжелевших век и задавался вопросом, скоро ли Роланд вернется обратно с этим третьим — Толкачом, кем бы он ни был. Или, может быть, это она?

— Одетта? — позвал он еще раз без всякой надежды.

Ответом была тишина; так началось для Эдди время ожидания.

ТОЛКАЧ

Глава 1
ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО

1

Когда стрелок вошел в сознание Эдди, тому на мгновение стало дурно, а потом у него вдруг возникло такое впечатление, как будто за ним *наблюдают* (сам Роланд этого не почувствовал, и только потом Эдди ему рассказал о своих ощущениях). Иными словами, Эдди смутно почувствовал чье-то присутствие. Что касается Детты, то Роланд был вынужден проявиться немедленно, хотел он того или нет. Она не просто его почувствовала; странно, но Роланду показалось, что она даже ждала его — его или другого какого-то «визитера», который являлся чаще. В любом случае с первого же мгновения она полностью осознавала его присутствие.

Джек Морт не почувствовал ничего.

Он был слишком занят парнишкой.

Он наблюдал за мальчуганом уже две недели.

А сегодня он собирался его толкнуть.

2

Хотя мальчик стоял спиной к тому человеку, через глаза которого смотрел Роланд, он узнал парня сразу. Этого самого мальчика встретил он на дорожной станции в пустыне,

спас его от оракула в горах, а потом пожертвовал им, когда пришлось выбирать: спасти парнишку или добраться все-таки до человека в черном. Этот мальчик сказал еще: «Тогда идите, есть и другие миры, кроме этого» — перед тем, как сорваться в пропасть. И, как оказалось, мальчик был прав.

Мальчик Джейк.

В одной руке он держал пакет из плотной коричневатой бумаги, в другой — полотняную синюю сумку на «молнии». Вероятно, с книгами, судя по уголкам, выпиравшим сквозь ткань.

По улице двигался поток машин, мальчик ждал, когда можно будет перейти на ту сторону. Стрелок узнал этот город, откуда он забрал узника и Госпожу, но сейчас это уже не имело значения. Имело значение только одно: *что* сейчас, через пару секунд, произойдет или не произойдет.

Джейка перенесли в мир стрелка не через волшебную дверь; он прошел туда через врата, которые были гораздо понятнее, но и гораздо безжалостней. Умерев в своем мире, он воскрес в мире стрелка.

Его убили.

Точнее, *толкнули*.

Толкнули на проезжую часть, и его задавила машина, когда он мирно шел в школу, неся в одной руке сумку с книгами, в другой — пакет с завтраком.

Толкнул его человек в черном.

Он сейчас это сделает! Прямо сейчас! Таково будет мое наказание за то, что я убил его в моем мире: я буду смотреть, как его убивают здесь, и ничего не успею предпринять!

Но Роланд всю жизнь только и делал, что спорил с тупой и жестокой судьбой — если угодно, таково его *ка*, — и он *вошел в чужое сознание*, не задумываясь об этом, повинуясь рефлексу, который давно уже превратился в инстинкт.

И когда он шагнул вперед, в его сознании вспыхнула одна мысль, одновременно ужасная и ироническая: *А что, если он вошел сейчас в самого человека в черном? А что, если, кинувшись спасать мальчика, он увидит, как его же руки тянутся к*

нему и толкают? Что, если это ощущение контроля над ситуацией — всего лишь иллюзия и последняя шутка Уолтера заключается в том, что Роланду придется убить мальчика самому?

3

На одно только мгновение Джек Морт оторвался от цели, на которой сосредоточил все свое внимание. Он уже собирался рвануться вперед и толкнуть мальчика под колеса машин, как вдруг его отвлекло одно ощущение, которое его мозг воспринял неверно, как иной раз боль в теле обманчиво отдается в другом месте и уже непонятно, что у тебя болит.

Когда Роланд проявился в сознании Джека, тому показалось, что ему на затылок село какое-то насекомое. Не оса или пчела, которые жалят, а одно из тех, что кусают и вызывают зуд. Быть может, комар. И из-за этого несчастного комара ему не удалось сосредоточиться в самый ответственный момент. Он шлепнул ладонью по шее и опять сконцентрировал все внимание на мальчишке.

Ему показалось, что он и глазом моргнуть не успел; на самом же деле прошло семь секунд. Он не почувствовал ни быстрого вторжения стрелка, ни столь же быстрого его отступления, и никто из прохожих (людей, спешивших на работу, в большинстве своем вышедших из подземки в соседнем квартале, с еще опухшими от сна лицами и полусонными глазами, обращенными куда-то внутрь) не заметил, что глаза Джека Морта под строгими очками в золотой оправе изменили цвет. Его темно-синие глаза на мгновение стали светло-голубыми, а потом опять потемнели до своего нормального кобальтового цвета, но когда он вновь сосредоточился на парнишке, то с ясностью проигравшего, острой, как шип, обнаружил, что шанс упущен.

Увидев, что мальчик уже переходит улицу в толпе прохожих, Джек Морт развернулся и пошел обратно, протискиваясь сквозь людской поток, устремленный ему навстречу.

— Эй, мистер! Смотрите, куда...

Какая-то бледненькая девочка-подросток, которую он не увидел. Джек оттолкнул школьницу плечом, даже не оглянувшись на ее возмущенный крик, когда все учебники, которые она стопкой несла под мышкой, посыпались на тротуар. Он двигался вдоль по Пятой авеню, удаляясь от Сорок третьей, где, как он решил для себя, сегодня должен был умереть мальчик. Шел, склонив голову, сжав губы так плотно, что его рот превратился в почти невидимый шрам от давно затянувшейся раны над подбородком. Пробившись сквозь толчею на углу, он не замедлил шага, а пошел еще быстрее, пересекая Сорок вторую, Сорок пятую, Сороковую. Достигнув середины следующего квартала, он проскочил мимо дома, где жил мальчик, даже не взглянув на него, хотя последние три недели каждое утро, когда мальчик шел в школу, Джек следовал за парнишкой от самого его дома до угла в трех с половиной кварталах вверх по Пятой, до того угла, который он мысленно называл просто «толчковым местом».

Девочка, которую он отпихнул, кричала ему вслед, но Джек Морт не обращал на нее внимания, как какой-нибудь энтомолог-любитель, повернутый на чешуекрылых, не обратил бы внимания на обычную бабочку.

Джек тоже был в своем роде энтомологом-любителем.

По профессии — преуспевающий дипломированный общественный аудитор.

А толкать — это всего лишь хобби.

4

Стрелок отошел в самый дальний закоулок сознания этого человека и там, кажется, лишился чувств. Если он и испытывал облегчение, то лишь потому, что этот человек оказался не Уолтером, не человеком в черном.

Но все остальное было полным ужасом... и полным постижением.

Отделенное от тела, его мыслящее «я» — его *ка* — оставалось таким же здоровым и проницательным, как всегда, но внезапное осознание всего огрело его как обухом по голове.

Понимание это пришло к нему не тогда, когда он *вышел вперед*, а тогда, когда он удостоверился, что парнишка уже в безопасности, и опять отошел назад. Была какая-то общность между этим человеком и Одеттой, слишком фантастическая и все-таки как-то уж слишком родственная, чтобы оказаться простым совпадением. Роланд почувствовал это и понял, чем должно обернуться *действительное извлечение троих* и кто в эту тройку войдет.

Третьим будет не этот Толкач; Уолтер сказал ему, кто будет третьим, — Смерть.

Смерть... но не твоя. Так сказал Уолтер, даже в самом конце умный как дьявол. Ответ искушенного законника... слишком близкий к правде, так что правда скрыта между фраз. Смерть — не его. Он *сам станет* Смертью, а Смерть *станет им*.

Узник, Госпожа.

Третий — Смерть.

Он неожиданно преисполнился непоколебимой уверенности, что третий — это он сам.

5

Роланд *рванулся вперед*, как снаряд, как ракета, лишенная разума, но запрограммированная на то, чтобы поразить самим телом, в котором он тогда находился, человека в черном, едва он увидит его.

Мысли о том, чем могло бы обернуться его вмешательство, не позволяющее человеку в черном убить Джейка, пришли только потом: возможным парадоксом, петлей во времени и пространстве, которая уничтожит все, что случилось после того, как он пришел на дорожную станцию... ибо, само собой разумеется, если бы он спас Джейка сейчас, в

этом мире, он просто не смог бы встретиться с ним тогда, в пустыне, и все, что случилось потом, должно было бы измениться.

Что изменилось бы? И представить себе невозможно. Но стрелку даже и в голову не пришло, что перемены эти могли бы положить конец его поиску. Да и какой смысл рассуждать теперь задним числом? Если бы он увидел сейчас человека в черном, то никакие последствия, парадоксы и предопределения судьбы не помешали бы ему просто-напросто нагнуть голову того тела, в которое он вошел, и боднуть Уолтера в грудь. Иначе он просто не мог поступить, как револьвер не может сопротивляться пальцу, нажимающему на спусковой крючок.

И если все из-за этого полетит к чертям, то туда ему и дорога.

Он быстро осмотрел людей, столпившихся на углу, изучил каждое лицо (женщин он рассмотрел так же тщательно, как и мужчин, чтобы убедиться, что там нет никого, кто *притворялся бы* женщиной).

Уолтера там не было.

Он постепенно расслабился, как палец, легший уже на спусковой крючок, иногда расслабляется в самый последний момент. Нет. Уолтера нигде поблизости не было, и стрелок почему-то уверился, что это не то время. Не совсем то. *То время* уже приближалось — до него осталось две недели, неделя, может, всего один день, — но пока еще не наступило.

Так что он *отступил назад*.

А по пути *увидел*...

6

...и от потрясения лишился чувств: этот человек, в чей разум открылась третья дверь, однажды сидел в ожидании у окна в одной из квартир старого заброшенного дома, предназначенного под снос, — пристанища разве что алкашей и

психов, частенько здесь ночевавших. Алкашей распознать легко: от них разит мочой и застарелым потом. Психов тоже легко распознать: зловоние исходит от их спутанных, искаженных мыслей. Из мебели в комнате было только два стула. Джек Морт нашел применение обоим. На один он уселся, вторым подпер закрытую дверь, выходящую в коридор. Вообще-то никто не должен был его побеспокоить, но лучше лишний раз не рисковать. Он сидел достаточно близко к окну, чтобы можно было смотреть на улицу, оставаясь в то же время в косой тени, чтобы случайно его не могли увидеть.

В руке он держал красный кирпич.

Он вытащил его из стены за окном, где было много других, таких же расшатанных. Старый-престарый кирпич, обсыпавшийся по углам, но тяжелый. Ошметки древнего цементного раствора прилипли к нему, как моллюски.

Он собирался скинуть кирпич кому-нибудь на голову.

Все равно кому. Когда речь шла об убийстве, Джек Морт уже не выбирал.

Вскоре внизу на тротуаре показалось семейство: папа, мама и маленькая девочка. Девочка шла с внутренней стороны тротуара, ближе к домам. Надо думать, из соображений безопасности — подальше от проезжей части. Здесь, неподалеку от вокзала, движение на улицах было довольнотаки интенсивным, но Джеку Морту было плевать на уличное движение. Больше всего его волновало то, что напротив этого дома, на той стороне улицы, не было никаких построек: их уже снесли, и на их месте образовался пустырь, заваленный обломками досок, битым кирпичом и осколками стекла.

Он высунулся из окна буквально на пару секунд, причем на нем были темные очки и вязаная шапочка — не по сезону, — чтобы скрыть его светлые волосы. Больше для того, чтобы перестраховаться, для верности. Как стул, подпирающий дверь. Когда ты предусмотрел все возможные проколы, невредно и подстраховаться на случай каких-нибудь непредвиденных обстоятельств.

Оделся он в мешковатый свитер слишком большого для него размера, доходящий почти до середины бедер, чтобы скрыть истинный свой размер и комплекцию (Джек Морт был худым), доведись кому-нибудь его нечаянно увидеть. У длинного свитера было еще одно предназначение: каждый раз, когда Морт «бросался глубинными бомбами» (а про себя он так это и называл: «бросаться глубинными бомбами»), он кончал себе прямо в трусы. Громадный свитер скрывал мокрое пятно, которое неизменно проступало на джинсах.

Вот они и подходят.

Не торопись, подожди. Подожди...

Он стоял у окна, и его била дрожь. Джек Морт поднял кирпич, снова прижал его к животу, опять поднял, прижал (но теперь уже не так сильно), а потом перегнулся через подоконник, абсолютно спокойный. Он всегда успокаивался в предпоследний момент.

Морт бросил кирпич и смотрел, как он падает.

Кирпич, кувыркаясь, полетел вниз. В ярком утреннем свете отчетливо были видны прилипшие к нему остатки цементного раствора. В эти мгновения все становилось отчетливо, как никогда, все вырисовывалось в геометрически совершенных пропорциях: он привносил в картину реальности нечто новое, как скульптор, бьющий своим молотком и резцом по грубому камню, чтобы создать из мертвой материи новое бытие. На свете нет ничего совершеннее мгновения, когда логика оборачивается экстазом.

Иногда он промахивался или попадал неточно, как тот же ваятель, случается, ударяет не туда или вообще зря. Но на этот раз он попал. Кирпич ударил девочку в ярком льняном платьице прямо по голове. Он увидел, как брызнула кровь — она была ярче, чем сам кирпич, но скоро она засохнет и станет того же цвета. Услышал истошный вопль матери. И тут же сдвинулся с места.

Он бросился через комнату, отшвырнул стул, подпиравший дверь, в дальний угол (сорвавшись с места, он опрокинул ногой и тот стул, на котором сидел, выжидая), быстро

задрал свитер и вытащил платок из заднего кармана джинсов. Он всегда брался за дверные ручки через платок.

Никаких отпечатков пальцев.

Их оставляют только недоумки.

Дверь еще до конца не открылась, а он уже запихнул платок обратно в задний карман. Проходя по коридору, он прикинулся чуть подвыпившим. По сторонам он не смотрел.

Только одни недоумки, опять же, шарят глазами по сторонам.

Умные люди знают, что, если ты будешь высматривать, не заметил ли кто тебя, будь уверен, заметят. После несчастного случая среди свидетелей может найтись один умник, который запомнит, что ты как-то странно глазел по сторонам. А какой-нибудь смекалистый легавый может додумать, что это был подозрительный несчастный случай, и начнется расследование. И все потому, что ты один раз оглянулся. Джек был уверен, что его все равно никто не заподозрит, даже если кто-то решит, что это был подозрительный «несчастный случай», и действительно начнется расследование, но все же...

Рискуй только в пределах приемлемого. Остальное своди до минимума.

Иными словами, не забывай каждый раз подпирать дверь стулом.

Он прошел по запыленному коридору, на стенах которого сквозь обвалившуюся штукатурку проглядывала дранка. Шел он, склонив голову и бормоча что-то себе под нос, как те бродяги, шатающиеся по улицам. Он все еще различал крики женщины — как он понял, матери девочки, — но теперь они доносились со стороны фасада. Слабые крики, не имеющие значения. *Все*, что было *потом*: крики, смятение, стоны раненых (если раненый был в состоянии стонать), не имело вообще никакого значения для Джека. Имело значение только то, что он вносил новый штрих, меняющий привычный ход вещей, и вырисовывал новые линии в повседневном течении человеческих жизней... и, может быть, в

судьбах не только тех, кто пострадал от его руки, но и в судьбах их близких. Так от брошенного камня расходятся круги по спокойной воде.

Кто скажет, что он не вершитель судеб сейчас или в будущем?

Господи, неудивительно, что он кончил себе прямо в джинсы!

Спускаясь по лестнице, он никого не встретил, но все равно продолжал притворяться, изображая пьяного, но ни в коем случае сильно не шатаясь. На тихого выпивоху никто внимания не обратит. А на упившегося в доску, едва стоящего на ногах, могут и обратить. Он бормотал себе под нос, но так, чтобы никто не сумел разобрать, что он там бормочет. Недоиграть всегда лучше, чем переиграть.

Через развороченную заднюю дверь он вышел в проулок, заваленный мусором и битыми бутылками, на осколках которых сверкали мириады солнечных бликов.

Как он будет уходить, он продумал заранее. Он всегда все продумывал заранее (рискуй только в пределах приемлемого, остальное своди до минимума, ко всему подходи с умом), именно поэтому его коллеги по работе считали, что он далеко пойдет (и он сам собирался пойти далеко, а вот ни в тюрягу, ни на электрический стул его не тянуло).

По улице, на которую выходил проулок, бежали несколько человек, но они все спешили выяснить, почему так кричат, и никто даже не посмотрел на Джека Морта, который снял свою шапочку явно не по сезону, но оставил темные очки (вполне уместные в это солнечное утро).

Он свернул во второй проулок.

Вышел на другую улицу.

Двинулся не спеша по проулку, который был уже не таким грязным, как первые два, скорее даже по узенькой улочке. Она вывела на улицу пошире, где через квартал была автобусная остановка. Через минуту после того, как Джек оказался на остановке, подошел и автобус, что тоже входило в план. Двери открылись, Джек вошел и бросил пятнадцать центов в

прорезь монетоприемника. Водитель даже не посмотрел на него. Хорошо. Но если бы он и посмотрел, он бы увидел лишь какого-то неприметного мужчинку в джинсах, у которого, возможно, нет работы: свитер, который на нем, похож на те вещи, которые раздают неимущим из запасов Армии спасения.

Будь готов, всегда будь готов, подходи ко всему с умом.

В этом секрет успеха Джека Морта как на работе, так и в забавах.

В девяти кварталах от остановки располагалась большая стоянка. Джек вылез из автобуса, прошел на стоянку, сел в машину (неприметный «шевроле» выпуска середины пятидесятых, но все еще в неплохой форме) и вернулся в Нью-Йорк.

Он был свободен и чист.

7

Все это пронеслось перед мысленным взором стрелка буквально в одно мгновение. И прежде чем сознание его справилось с потрясением, просто-напросто отключившись, он увидел еще кое-что. Не все, но достаточно. Вполне достаточно.

8

Он увидел, как Морт аккуратно вырезает острым ножом заметку с четвертой страницы «Нью-Йорк дейли миррор», стараясь не задеть строчек в колонке. Называлась заметка «ПОСЛЕ ТРАГИЧЕСКОГО НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ ДЕВОЧКА-НЕГРИТЯНКА НАХОДИТСЯ В КОМЕ». Увидел, как Морт мажет обратную сторону вырезки кисточкой с клеем, прикрепленной к крышке пузырька. Увидел, как Морт приклеивает ее посередине пустой страницы в альбоме, в ко-

тором, судя по тому, как он распух, было немало подобных вырезок. Роланд успел прочесть первые строки заметки: «Пятилетняя Одетта Холмс, которая приехала вместе с родителями в Элизабеттаун, штат Нью-Джерси, чтобы отпраздновать радостное событие, оказалась жертвой слепой и жестокой случайности. Через два дня после бракосочетания тети девочка со своими родителями шла пешком на вокзал, и ей на голову упал кирпич...»

Но это был не единственный случай, когда он имел с ней дело, не правда ли? Да. Господи, да.

За годы, прошедшие между этим утром и тем днем, когда Одетта лишилась ног, Джек Морт сбросил немало еще кирпичей и тяжелых предметов и столкнул немало людей.

А потом ему снова повстречалась Одетта.

Первый раз он столкнул кирпич *на нее.*

Во второй раз он столкнул *ее.*

И предполагается, что такой человек мне нужен? Такой человек...

Но тут он подумал о Джейке, о том, как его толкнули и вследствие этого мальчик попал в его мир. Ему почудилось, что он слышит смех человека в черном. Это его и добило.

Роланд лишился чувств.

9

Когда он пришел в себя, он увидел ровные ряды цифр, выстроившихся на зеленой бумаге. Бумага была разлинована вдоль и поперек, так что каждая цифра походила на арестанта в камере.

Он подумал: *Там было что-то еще.*

Не один только смех Уолтера, а что-то еще. Какой-нибудь план?

Нет, боги всевышние, нет — ничего столь завершенного и обнадеживающего.

Но хотя бы мысль. Какой-то намек.

Сколько я пролежал, интересно, в отключке? — подумал он, вдруг встревожившись. *Когда я вошел в эту дверь, было часов девять, может, чуть меньше. Сколько времени...*

Он *снова вышел вперед...*

Джек Морт, который в это мгновение был просто живой марионеткой, управляемой стрелком, приподнял голову и посмотрел на стрелки дорогих кварцевых часов у себя на письменном столе. Четверть второго.

Боги всевышние, уже так поздно? Так поздно?! А как же Эдди... он так измотался, ему никак не продержаться без сна так дол...

Стрелок повернул голову Джека. Дверь осталась на месте, но то, что увидел Роланд по ту сторону, было гораздо хуже, чем он мог бы себе представить.

На той стороне было две тени, одна от коляски, другая от человека... но это человеческое существо было не совсем целым: оно опиралось руками о землю, потому что ниже колен у него не было ног. Ноги отрезало с той же мгновенной жестокостью, с какой ползучее чудище отхватило Роланду пальцы.

Тень двигалась.

Роланд тут же отвернул голову Джека от двери с молниеносной скоростью атакующей змеи.

Она не должна заглядывать сюда. Пока я не буду готов. А до того момента пусть она смотрит лишь на затылок этого человека.

Детта Уокер все равно не увидела бы Джека Морта, потому что всякий, кто посмотрел бы в дверной проем с той стороны, увидел бы только то, что видит Роланд. Она могла бы увидеть лицо Морта лишь в том случае, если бы он посмотрелся в зеркало (хотя это тоже могло бы потом привести к жутким последствиям: парадоксам и повторениям), но даже тогда оно бы не значило ничего для Госпожи, и уж если на то пошло, для Джека Морта лицо Госпожи тоже не значило бы ничего. Хотя они дважды соприкасались смертельно близко, они ни разу не видели друг друга в лицо.

Стрелку нужно было другое: он не хотел, чтобы Госпожа увидела *Госпожу*.

По крайней мере пока.

Вспышка интуиции вылилась в некое подобие плана.

А там было уже поздновато — судя по освещенности, три часа дня, если не все четыре.

Сколько осталось еще до захода солнца, когда придут эти омары и с ними конец Эдди?

Три часа?

Два?

Он мог бы вернуться и попытаться спасти Эдди... но именно этого и хотела Детта. Она приготовила западню, как жители деревень, когда хотят поймать страшного волка, выставляют жертвенную овечку, а кто-то из них залегает в кустах на расстоянии полета стрелы. Он вернется в свое подточенное болезнью тело... совсем ненадолго. Он видел в проеме только ее тень. Объяснялось это просто: она лежит рядом с дверью, держа револьвер наготове. В тот момент, когда тело Роланда шевельнется, она выстрелит — и все, он покойник.

Его смерть будет хотя бы быстрой и в каком-то смысле милосердной, потому что она боится его.

А Эдди будет уготован первоклассный кошмар.

Казалось, он слышит отвратительное подхихикивание Детты Уокер: *Хочешь меня оприходовать, беложопый? Ты этого, что ли, хочешь? И не боишься старой негритоски-калеки?*

— Путь только один, — пробормотали губы Морта. — Один.

Дверь кабинета открылась, и внутрь заглянул лысый мужик в очках.

— Как у нас со счетами Дорфмана? — поинтересовался лысый.

— Что-то мне нездоровится. Думаю, съел что-то не то на обед. Мне, похоже, придется уйти домой.

Лысый встревожился.

— Это, может быть, грипп. Сейчас как раз ходит инфекция, я слыхал.

— Может быть.

— Ладно... но при условии, что вы закончите с этим отчетом для Дорфмана завтра к пяти часам...

— Да.

— Потому что вы сами знаете, какую он подымает иной раз бучу...

— Да.

Лысый кивнул с несколько неловким видом.

— Да, идите домой. А то вы вроде как сам не свой.

— Это точно.

Лысый поспешно скрылся за дверью.

Он почуял меня, подумал стрелок. *Но это еще не все. Они все боятся его. Не знают даже почему, но боятся. И боятся они не зря.*

Тело Джека встало из-за стола, достало кейс, который был в руках у Морта, когда Роланд вошел в него, и сгребло в него со стола все бумаги.

Роланд едва поборол желание еще раз оглянуться на дверь. Он не станет оглядываться до тех пор, пока не будет готов рискнуть всем и вернуться.

Между тем времени оставалось не много, а у него еще были дела.

Глава 2
ГОРШОЧЕК С МЕДОМ

1

Детта залегла в темной расщелине, окруженной валунами, точно толпой согбенных старцев, которые вдруг обратились в камень как раз в тот момент, когда решили поведать друг другу какую-то жуткую тайну. Она наблюдала за тем, как Эдди бродит вверх-вниз по склонам холмов, усеянных

каменными обломками, и кричит до хрипоты. Прежний пушок у него на щеках превратился в бородку, и издали его вполне можно было принять за взрослого мужика, но когда он раза три-четыре проходил мимо нее (один раз он подошел так близко, что она при желании могла бы схватить его за ногу), было видно, что он всего лишь мальчишка, и к тому же усталый до чертиков.

Одетта его пожалела бы; Детта не чувствовала ничего — в ней была только тихая, сжатая, как пружина, готовность к действию прирожденного хищника.

Когда она карабкалась сюда, у нее под руками что-то потрескивало, подобно палой осенней листве, а когда глаза ее попривыкли к сумраку, она увидела, что это не листья, а косточки мелких зверьков. Когда-то — давным-давно, судя по тому, как пожелтели эти кости, — здесь, наверное, обитал какой-то хищник вроде ласки или хорька. Должно быть, он выходил охотиться по ночам к Отстойнику, где кусты и деревья росли погуще. Вынюхивал свою жертву, убивал ее, пожирал, а остатки тащил сюда, в свое логово, чтобы доесть на следующий день в ожидании ночи, когда снова можно будет выйти на охоту.

Теперь тут засел хищник покрупнее, и поначалу Детта думала, что она займется примерно тем же, чем занимался прежний здешний обитатель: дождется, когда Эдди уснет, а он почти наверняка уснет, убьет его, а тело притащит сюда. Потом, когда она завладеет и вторым револьвером, она доползет до двери и будет ждать возвращения Воистину Гнусного Мужика. Сначала она решила расправиться с его телом сразу же после того, как оприходует Эдди, но потом рассудила, что от этого проку не будет. Если Воистину Гнусный Мужик лишится тела, в которое можно вернуться, то Детта просто не сумеет выбраться отсюда в свой родной мир.

Интересно, получится ли у нее заставить Гнусного Мужика отправить ее обратно?

Может, нет.

А может, и да.

Если он будет знать, что Эдди пока еще жив, ей, может быть, и удастся его заставить.

Размышления эти вылились в одну еще более заманчивую идею.

2

Она была хитрой донельзя. Но при этом, хотя она и рассмеялась бы в лицо всякому, кто осмелился бы предположить такое, в ней глубоко укоренилась неуверенность в себе.

Из-за этого последнего свойства она подозревала наличие первого у каждого, кто, как ей думалось, мог сравниться с ней по уму. И стрелок как раз попадал в их число. Она услышала выстрел и, поглядев туда, увидела, как от дула его револьвера поднимается тоненькая струйка дыма. Перед тем как пройти через дверь, он перезарядил револьвер и бросил его Эдди.

Она понимала, для чего он это сделал: все равно какой-нибудь из отсыревших патронов да выстрелит, так что Эдди не останется без защиты. Она понимала и то, что в этом действии было послание и для нее (потому что Воистину Гнусный Мужик, конечно же, знал, что она наблюдает за ними; даже если бы она вдруг спала, пока они с Эдди трепались, выстрел должен был бы ее разбудить): *Лучше держись от него подальше. У него опасное оружие в полной боевой готовности.*

Но бесы на то и бесы, что бывают весьма хитроумными.

Даже если это маленькое представление было разыграно для нее одной, видно, на уме у Гнусного Мужика было еще что-то, о чем, как и было задумано, ни она, ни Эдди даже и не догадывались. Вряд ли Гнусный Мужик не сумел допетрить до такой простой вещи: *если она увидит, что этот стреляет нормально, она, уж наверное, догадается, что и тот, который оставил ей Эдди, тоже должен стрелять.*

Но допустим, он не сомневался в том, что Эдди уснет. Неужели он не сумел догадаться, что она только этого и ждет,

чтобы тихонько стащить револьвер и спокойно вернуться в свое убежище наверху? Нет, просто не может быть, чтобы Гнусный Мужик всего этого не предусмотрел. Для беложопого он слишком смекалистый. Во всяком случае, достаточно хитрая бестия, чтобы сообразить, что Детта намерена оприходовать этого белого мальчика по полной программе.

Так что, может быть, Гнусный Мужик нарочно зарядил этот револьвер плохими патронами. Однажды он ее уже облапошил — почему бы и еще не надурить? На этот раз она тщательно проверила барабан, чтобы там снова не было пустых гильз, и да, *с виду* патроны ничем не отличались от хороших, но это еще не значило, что они таковы на самом деле. Может быть, он сделал так, что они все равно не выстрелят. В конце концов он большой дока в оружии. Он вполне мог чего-нибудь там нахимичить. Ну конечно, он снова решил обвести ее вокруг пальца! Чтобы Эдди накрыл ее *по-настоящему* боевым револьвером. А как бы он ни устал, дважды он своей ошибки не повторит. На самом деле он не повторит своей прежней ошибки именно потому, что устал.

Хитрый ход, беложопый, подумала Детта, лежа в своем сумрачном логовище, в этом тесноватом, но почему-то уютном темном уголке, пол которого устлан ковром из размягчившихся истлевающих косточек мелких зверюшек. *Хитрый ход, но теперь я на это дерьмо не поддамся.*

В конце концов ей теперь незачем было стрелять в Эдди; ей нужно было лишь ждать.

3

Она боялась только одного: что стрелок вернется до того, как Эдди отрубится, — но он что-то пока не показывался. Обмякшее тело у порога двери не шевелилось. Может быть, у него там возникли проблемы с тем, чтобы достать лекарство... уж он-то умеет искать приключения на свою задницу, насколько она успела его изучить. Такие, как он, сами нары-

ваются на неприятности и получают их так же легко, как сука в период течки всегда находит себе кобеля.

Эдди уже два часа искал женщину по имени Одетта (как же она ненавидела это имя!), носился вверх-вниз по холмам и орал благим матом, пока окончательно не сорвал себе голос.

И вот она наконец дождалась: Эдди вернулся на узкий клинышек берега и уселся рядом с коляской, глядя по сторонам с этаким безутешным видом. Он потрогал колесо коляски, и прикосновение это было похоже на ласку. Потом рука его безвольно упала, и он тяжело вздохнул.

От этого зрелища у Детты вдруг заболело горло; боль пронзила голову, точно летняя молния, и ей показалось, что она слышит голос, он зовет ее... зовет и требует.

Нет, не надо, мысленно проговорила она, не имея ни малейшего представления о том, к кому обращается. *Не надо, не в этот раз, не сейчас. Не сейчас, быть может, больше уже никогда.* Молния боли снова пронзила голову, и Детта сжала кулаки. Лицо ее тоже сжалось будто в кулак, скривившись в гримасе сосредоточенности, — выражение примечательное и поражающее странной смесью уродства и почти блаженной решимости.

Приступ боли больше не повторился. Не слышно было и голоса, который иной раз пробивался сквозь эту боль.

Она ждала.

Эдди подпер подбородок руками, чтобы голова не клонилась на грудь, но вскоре стал опять клевать носом, кулаки соскользнули со щек. Детта ждала, сверкая черными глазами.

Голова Эдди дернулась. Он заставил себя встать на ноги, подошел к морю и брызнул водой себе в лицо.

Вот и славненько, беленький мальчик. Жалко только, что здесь нет таблеток таких, чтоб не спать, а то ты бы принял парочку, да?

На этот раз Эдди уселся сначала в коляску, но, очевидно, решил, что так ему будет слишком удобно. Он долго смотрел

сквозь дверной проем (*Чего ты там углядел, белый мальчик? Детта дала бы тебе двадцать баксов, чтобы только узнать*), потом выбрался из коляски и снова плюхнулся задницей на песок.

Снова подпер подбородок руками.

А вскоре его голова опять опустилась на грудь.

На этот раз он уже не противился. Его подбородок уперся в грудь, и даже сквозь шум прибоя Детта различила, как он храпит. Очень скоро Эдди повалился на бок и свернулся калачиком.

С несказанным удивлением, отвращением и испугом она вдруг поняла, что ей жалко этого белого мальчика. Он похож на упрямого малыша, который старается высидеть в Новый год до полуночи, но в конце концов засыпает, так и не дождавшись волшебного часа. Но потом она вспомнила, как они с Гнусным Мужиком пытались впихнуть ей отравленное мясо и при этом дразнили ее своими хорошими кусками, в самый последний момент отводя их от ее рта... до тех пор, по крайней мере, пока не испугались, что она может умереть с голоду.

Но если они боялись, что ты умрешь, то скажи, пожалуйста, зачем бы им надо было травить тебя?

Вопрос, возникший в ее сознании, напугал Детту так же, как напугала ее эта странная жалость к белому парню. Обычно она не задавалась никакими вопросами. И даже более того: голос в ее сознании вовсе не походил на ее собственный. Это был голос кого-то другого.

Они и не собирались травить меня до смерти этим отравленным мясом. Просто хотели, чтоб я заболела. А потом сидели бы да смеялись, как я тут блюю и воплю.

Она выждала еще минут двадцать, а потом поползла вниз, к пляжу, подтягиваясь на своих сильных руках, извиваясь змеей и не отрывая от Эдди глаз. Она предпочла бы выждать еще час, а то и все полтора — было бы понадежнее, если бы этот белый мудила уснул покрепче. Но сейчас эту роскошь — ждать — она позволить себе не могла. Воистину Гнусный Мужик мог вернуться в любую минуту.

Когда Детта подползла ближе к Эдди (он по-прежнему храпел, как циркулярная пила на лесопильне), она подобрала подходящий камень: достаточно плоский с одной стороны и достаточно заостренный с другой.

Обхватив плоскую сторону ладонью, она по-змеиному подползла к тому месту, где он лежал, и в глазах ее засветилась жажда крови.

4

План Детты был прост и жесток: острым концом камня колотить Эдди по голове, пока тот не откинет коньки, потом забрать у него револьвер и дождаться возвращения Роланда.

Когда тело Роланда опять «оживет», она предложит ему на выбор: либо вернуть ее в ее мир, либо получить пулю в лоб. *Все равно планам твоим абзац,* скажет она. *Дружок-то твой помер, уж не знаю, чего ты там себе удумал, но теперь ни черта у тебя не выйдет.*

Если же револьвер, который Гнусный Мужик отдал Эдди, не сработает — а такое вполне возможно, — Детта в жизни так никого не боялась и не ненавидела, как Роланда, способного на любой, даже на самый что ни на есть мерзкий трюк, — она все равно его оприходует. Может, камнем, а может, голыми руками. Он весь больной, у него не хватает двух пальцев. Она с ним справится.

Но когда Детта подползла совсем близко к Эдди, она снова забеспокоилась. В ее сознании опять прозвучал вопрос, и ей опять показалось, что задал его чужой голос.

А вдруг он узнает? А вдруг он узнает, что ты тут сотворила, в ту же секунду, когда ты прикончишь Эдди?

Ничего он не узнает. Он сейчас слишком занят поисками своего лекарства. А заодно, может, и телки какой, кому можно впендюрить, и хрен бы с ним.

Чужой голос ей не ответил, но сомнение все же закралось. Она слышала их разговоры. Они думали, что она спит, а она не

спала и все слышала. Воистину Гнусному Мужику нужно коечто сделать. Она так и не врубилась, что именно. Поняла только, что все это связано с какой-то Башней. Наверное, Гнусный Мужик полагал, что в Башне полно золота и бриллиантов или чего-нибудь в этом роде. Он говорил, что для того чтобы добраться туда, ему нужны трое: она, Эдди и кто-то еще. Так, должно быть, и есть. Иначе зачем здесь торчать этим дверям?

Если все это — волшебство, а она убьет Эдди, Гнусный Мужик наверняка об этом узнает. Если убийством Эдди она перекроет ему путь к этой его Башне, тем самым она уничтожит то единственное, ради чего живет этот белый мудила. А когда он узнает, что ему больше незачем жить, этот мудак может сделать все, что угодно, потому что тогда ему уже будет на все наплевать.

Детта невольно поежилась, представив себе, что будет, если Воистину Гнусный Мужик вернется в таком настроении.

Но если нельзя кончать Эдди, то что же делать? Она могла бы забрать револьвер, пока Эдди спит, но когда Гнусный Мужик вернется, удастся ли ей потом справиться с ними двумя?

Она просто не знала.

Ее взгляд скользнул по коляске. Она собиралась уже отвернуться, как вдруг снова уставилась на коляску. На ее кожаной спинке был глубокий карман. Оттуда торчала веревка, которой они привязывали ее к креслу.

Взглянув на веревку, она поняла, что нужно делать.

Она резко изменила курс и поползла к неподвижному телу стрелка. Она возьмет все, что нужно, из рюкзака, который он называет «кошель», потом быстренько выудит веревку... но тут она на мгновение застыла у двери.

Как и Эдди, она воспринимала все, что видела через дверь, как кинозритель... только теперешняя картина больше напоминала какой-нибудь сериал-детектив по телику. Дело происходило в аптеке. Аптекарь застыл за стойкой с этаким идиотским испуганным видом, и Детта его не винила: дуло револьвера было направлено прямо ему в лицо. Аптекарь что-то говорил, но голос его шел издалека и звучал

глухо, как будто через какую-нибудь звукопоглощающую панель. Она не могла разобрать слов. Не видела, кто держал револьвер, да ей и незачем было видеть. Она и так знала, кто этот налетчик.

Воистину Гнусный Мужик.

Может быть, там он совсем на себя не похож. Там он может выглядеть как низкорослый пузатый мешок с дерьмом. Может быть, там он вообще чернокожий. Но внутри все равно — он. Быстренько же он раздобыл себе еще ствол! Зуб даю, в этом деле он мастер. А ты давай шевелись, Детта Уокер.

Она открыла кошель Роланда и уловила слабый запах табака, оставшийся от давным-давно израсходованных запасов. Сумка стрелка мало чем отличалась от дамской в том смысле, что набита она была всякой дребеденью, никчемушной на первый взгляд... но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это имущество опытного путешественника, готового почти к любой случайности.

Она поняла, что Гнусный Мужик давно уже странствует в поисках своей Башни. А если так, то количество оставшейся у него после стольких дорог всякой всячины достойно было изумления.

Шевелись, Детта Уокер.

Она взяла все, что нужно, и поползла, извиваясь как змея, обратно к коляске. Опершись о локоть, приподнялась и вытащила из кармана веревку, словно рыбак, сматывающий леску. Время от времени она поглядывала на Эдди, чтобы убедиться, что тот по-прежнему спит.

Он даже не пошевелился, пока Детта не накинула ему на шею петлю и не затянула ее.

5

Когда его потянули, он поначалу подумал, что все еще спит и ему снится кошмар, как будто его заживо похоронили или его кто-то душит.

Потом он почувствовал боль от петли, врезающейся в горло, и, подавившись, ощутил еще теплую струйку слюны, стекающей по подбородку. Это не сон. Эдди схватился за веревку и попытался подняться.

Но она рванула со всей силы, а руки у нее сильные — будь здоров, и он хлопнулся наземь. Лицо его уже начало багроветь.

— Давай не дергайся! — прошипела сзади Детта. — Я не стану тебя кончать, если ты рыпаться прекратишь, а будешь дергаться, придушу.

Эдди убрал руки и постарался лежать смирно. Удавка, которую Одетта набросила ему на шею, немного ослабла — ровно настолько, чтобы Эдди смог сделать слабый, обжигающий горло вдох. Что еще можно сказать? Это все-таки чуть получше, чем не дышать вообще.

Когда паническое сердцебиение чуть поутихло, он попытался оглянуться. Петля немедленно затянулась.

— Не трепыхайся. Лежи себе, беложопый, гляди на море и наслаждайся видом. Нечего пялиться по сторонам.

Он повернулся обратно к морю, и удавка опять ослабла ровно настолько, чтобы он мог дышать, если эти обжигающие жалкие вдохи вообще можно назвать дыханием. Левой рукой он тайком потянулся к ремню (Детта увидела это и ухмыльнулась, хотя он видеть ее не мог). Ничего там нет. Револьвер она забрала.

Пока ты, Эдди, дрых, она подползла к тебе. Это, само собой, был голос стрелка. *Сейчас, конечно, уже бесполезно тебе говорить, что я тебя предупреждал, но все же... Я тебя предупреждал. Вот до чего довела твоя романтика — петля на шее и сумасшедшая баба с двумя револьверами у тебя за спиной.*

Но если бы она собиралась меня убить, она бы давно уже это сделала. Она бы прикончила меня, пока я спал.

А ты как думаешь, Эдди, что она собирается делать? Вручить тебе бесплатный билет на двоих в Диснейленд?

— Послушай, — выдавил он. — Одетта...

Не успел он даже договорить, как петля затянулась снова.

— Не смей меня так называть. Если еще раз ты так меня обзовешь, так ты больше вообще *никогда никого* уже не обзовешь в своей жизни. Меня зовут *Детта Уокер*, и если ты хочешь еще маленечко подышать, белое ты дерьмо, то лучше тебе это запомнить!

Эдди задыхался, хрипел и пытался ослабить петлю. Подобно зловещим цветам, черные пятна пустоты раскрылись у него перед глазами.

Наконец давящая петля на горле немного ослабла.

— Усек, беложопый?

— Да, — хрипло выдавил он.

— Тогда скажи, как мое имя?

— Детта.

— Назови полное имя! — В ее голосе прозвучали опасные истерические нотки, и Эдди внутренне обрадовался про себя, что не видит ее.

— Детта Уокер.

— Хорошо. — Петля ослабла еще немного. — А теперь слушай меня, белый коржик, и слушай внимательно, если хочешь дожить до заката. И не надейся меня нагребать, я же видела, как ты пытался нашарить свой ствол, который я с тебя сняла, пока ты дрых. Детту лучше не выводить из себя. Детта все видит. Ты еще только подумал, а я уже наперед все знаю, усек? И даже не рассчитывай обставить меня в расчете на то, что у меня нету ног. Я много чему научилась, когда их лишилась, и теперь у меня два револьвера. Были ваши, белые мудаки, стали наши. И они еще кое на что годятся. Что скажешь?

— Да, — прохрипел Эдди. — Я и не собирался обставлять тебя.

— Вот и славненько. — Детта хихикнула. — Пока ты храпел, мне пришлось здорово потрудиться. Но зато все провернула как надо. Сделай, лапочка, для меня одну вещь: протяни свои белые ручки назад и попробуй нащупать еще петлю, точно такую же, как у тебя на шее. Их тут у меня всего три. Пока

ты дрых, я подзанялась плетением. Лежебока! — Она снова хихикнула. — Когда нащупаешь эту петлю, сложи свои белые ручки и сунь их туда. Потом ты почувствуешь, как я затягиваю тот узел, и еще можешь подумать: «Самое время сейчас повернуться к этой черномазой суке. Сейчас, когда она занята этой петлей и не смотрит за той». Подумать ты можешь, конечно, но... — Тут голос Детты сделался сдавленным и глухим, вдобавок к ее жуткому выговору негритосовюжан. — Лучше тебе все-таки оглянуться, прежде чем тебя потянет на резкие движения.

Эдди оглянулся. Теперь Детта еще больше походила на ведьму — грязное, потрепанное существо, один вид которого мог бы испугать и самого отчаянного храбреца. Платье, в котором она была, когда Роланд «выкрал» ее из «Мейси», превратилось в лохмотья. Ножом, который она взяла из сумки стрелка — тем самым ножом, которым Роланд кромсал клейкую ленту, — она прорезала две дыры над самыми бедрами, и получились две импровизированные кобуры, откуда торчали рукояти револьверов.

Голос ее звучал невнятно и глухо, потому что в зубах она держала веревку. С одного угла рта, растянутого в ухмылке, свисал короткий конец веревки, с другого — та часть веревки, что вела к петле на шее у Эдди. Во всем ее образе — с веревкой во рту, растянутом в ухмылке, — было что-то хищное и дикарское. Эдди в ужасе уставился на нее, а ухмылка ее стала лишь шире.

— Не вздумай только мне дергаться, пока я тут разбираюсь с твоими руками, — предупредила она. — У меня, беложопый, зубы что надо, я тебе эту петельку так затяну, что ты уже не отдышишься. Понял?

Он уже не решался заговорить, а только молча кивнул.

— Хорошо. Тогда, может, ты проживешь чуть подольше.

— Если меня не станет, — прохрипел Эдди, — ты, Детта, уже навсегда лишишься этого удовольствия — поворовать в «Мейси». Потому что он все узнает, и ты тоже тогда не жилец.

— Заткнись, — едва ли не промурлыкала Детта. — Просто заткнись, и все. Кто умеет, пусть умничает. А ты давай суй свои ручки в петлю.

6

Пока ты дрых, я тут подзанялась плетением, сказала она, и Эдди теперь убедился с отвращением и нарастающей тревогой, что она именно этим и занималась. Из веревки Детта соорудила цепь из трех скользящих петель. Первую петлю она надела ему на шею, пока он спал. Второй стянула ему руки за спиной. Потом грубо перевернула его на бок и велела ему подтянуть ноги пятками к ягодицам. Эдди понял, к чему идет дело, и заартачился. Она достала револьвер из прорехи в платье и, взведя курок, приставила дуло к его виску.

— Делай как сказано, беложопый. Давай, иначе я тоже как дам, — опять едва ли не промурлыкала Детта. — Только если я дам, тогда мозги твои вылетят с той стороны, и ты околеешь. Мозги я присыплю песочком, а дырку в башке у тебя прикрою волосами. И он подумает, что ты просто спишь! — Она снова расхохоталась.

Эдди подтянул ноги, и она быстро закрепила третью петлю у него на лодыжках.

— Вот так. Как теленочек, спутанный на родео.

В самую точку попала, подумал Эдди. Теперь, если он попытается выпрямить ноги, которые уже начали затекать, он еще туже затянет узел на лодыжках, отрезок веревки между этим узлом и узлом на запястьях натянется, и тут же натянется и последний отрезок — петля сдавит горло, и...

Она поволокла его по пляжу. Непонятно, как у нее это получилось, но она его поволокла.

— Эй! Что...

Он хотел было упереться, но тут же почувствовал, как петли сжимаются и становится нечем дышать. Он попытался расслабиться, насколько это вообще было возможно (*и дер-*

жи ноги как можно выше, кретин, не забывай держать ноги, потому что если ты их опустишь, то сам себя и задушишь), и просто позволил ей тащить себя по неровному грунту. Острый камень врезался в щеку, сдирая кожу, и Эдди почувствовал, как по щеке потекла кровь. Детта тяжело дышала, но хриплое ее дыхание тонуло в плеске волн и грохоте прибоя, бьющегося о скалы.

Она что, хочет меня утопить? Господи, она этого хочет?

Нет, разумеется, нет. Он, кажется, понял, что у нее на уме, еще до того, как проехался лицом прямо по спутанным водорослям, обозначавшим верхнюю границу прилива, — мертвое месиво, от которого пахло солью, холодное, как пальцы утонувших моряков.

Он вспомнил, как Генри однажды сказал: «Случалось, они подстрелят одного из наших. То есть из американцев — когонибудь из новичков, потому что они просекли, что из бывалых за чуркой в кусты никто не полезет. Разве что салага какой-нибудь, только-только из Штатов. Они подстрелят такого, бросят его подыхать, а потом снимут и тех ребят, которые попытаются его спасти. И так до тех пор, пока парень тот не помрет. Знаешь, как они его называли, Эдди? Этого парня?»

Эдди буквально весь похолодел, представив себе такую картину, и лишь мотнул головой.

«Горшочек с медом, — сказал Генри. — Так они называли этих парней. Горшочек с медом. Сладенькая приманка. Мух привлекает. А то и медведя».

То же самое сотворила и Детта: она просто использует его как *горшочек с медом*.

Она оставила его футах в семи ниже верхней границы прилива. Оставила, не сказав ни слова. Повернула его лицом к морю и уползла. Эдди грозил вовсе не прилив, и стрелок, заглянув через дверь, сразу понял бы, что к чему. До прилива оставалось еще часов шесть. Но до этого...

Эдди скосил глаза и увидел, что по морю уже тянется от солнца длинная золотая дорожка. Сколько сейчас времени? Часа четыре? Около того. Солнце садится ближе к семи.

Ему незачем беспокоиться о приливе — стемнеет гораздо раньше.

А когда стемнеет, из моря выйдут омарообразные чудища, расползутся по берегу, задавая свои нескончаемые вопросы, а когда набредут на него, связанного и беспомощного, разорвут на куски.

7

Эти несколько часов растянулись для Эдди Дина до бесконечности. Само понятие времени превратилось в какую-то неудачную шутку. Даже ужас от мысли о том, что с ним будет, когда стемнеет, просто померк перед болью во всем теле: сначала мышцы его затекли и заныли, потом это покалывающее нытье сменилось болью, а боль — невероятными муками. При малейшей попытке расслабиться петли натягивались, и когда казалось уже, что он сейчас задохнется, Эдди все-таки находил силы подтянуть ноги повыше и тем самым ослабить давление, давая доступ воздуху. Он начал уже сомневаться в том, что протянет до темноты: могло получиться и так, что в какой-то момент он просто не сможет подтянуть ноги.

Глава 3
РОЛАНД ЗАБИРАЕТ ЛЕКАРСТВО

1

Теперь Джек Морт знал о присутствии стрелка. Будь он другим человеком, таким, например, как Эдди Дин или Детта Уокер, Роланд завел бы с ним разговор хотя бы только затем, чтобы разрядить естественную панику и смятение, ког-

да в сознание твое грубо врывается кто-то другой, оттесняет тебя и начинает внаглую управлять твоим телом.

А поскольку Морт был настоящим чудовищем, до которого и Детте Уокер было далековато, стрелок не стал не только объясняться с ним, но даже к нему обращаться. Он слышал вопросы этого человека: *Кто ты? Что со мной происходит?* — однако старался не обращать внимания. Роланд полностью сконцентрировался на своем кратком перечне необходимых действий, без зазрения совести используя разум этого человека. Вопросы обернулись воплями ужаса. Стрелок продолжал игнорировать их.

Роланд не остался бы в этом гадючнике — в мозгу этого человека — и пяти минут, если бы не заставил себя думать о нем только как об этакой комбинации атласа и энциклопедии. Джек Морт располагал всей необходимой стрелку информацией. Задуманный план был груб, но иногда грубый план бывает намного надежнее плана, выверенного до мелочей. Во всем, наверное, мире не нашлось бы другой пары людей, чей подход к составлению плана действий был бы настолько противоположным, как у Роланда и Джека Морта.

Когда план грубый, у тебя остается какое-то поле для импровизации. А уж Роланд всегда был силен в экспромтах.

2

Толстяк с двумя линзами на глазах, как у того лысого типа, который минут пять назад заглядывал в кабинет Морта (похоже, что в мире Эдди очень многие люди ходят с этими штуками на глазах, которые, согласно «мортоклопедии», называются «очками»), вошел в лифт вместе с ним. Глянул на кейс в руках человека, которого он считал Джеком Мортом, и только потом — на Морта.

— К Дорфману направляешься, Джек?

Стрелок ничего не сказал.

— Если ты собираешься отговорить его от субаренды, то я тебе сразу скажу: ничего у тебя не выйдет, так что не трать

зря время, — сказал толстяк и вдруг заморгал, когда коллега его быстро отступил назад. Двери кабинки закрылись, и внезапно они стали падать.

Стрелок вцепился в сознание Морта, не обращая внимания на его вопли, и убедился, что так и должно быть. Это падение управляемое.

— Если я что не то ляпнул, прошу прощения, — сказал толстяк, а стрелок подумал: *Он тоже боится.* — Ты лучше всех в фирме умеешь справляться с этим занудой, вот что я думаю.

Стрелок молчал. Он хотел только одного: выбраться поскорее из этого падающего гроба.

— И прямо тебе говорю, — оживленно продолжал толстяк. — Как раз вчера я обедал у...

Голова Джека Морта повернулась, и из-за очков в золотой оправе на толстяка уставились голубые глаза, но только немного другого оттенка, чем у Джека.

— Заткнись, — сухо проговорил стрелок.

Толстяк побледнел и быстро отступил на два шага назад, вжавшись обвислым задом в стену этого падающего вертикального гроба, который внезапно остановился. Двери открылись, и Роланд, облаченный в тело Морта, как в плотно прилегающий костюм, вышел из кабины не оглянувшись. Толстяк держал пальцем кнопку ОТКРЫТЬ ДВЕРИ и ждал в кабине, пока Морт не исчезнет из поля зрения. *У него всегда с головой было не все в порядке,* подумал толстяк, *но это уже серьезно. Похоже, крыша съехала окончательно.*

Толстяку пришлась по душе мысль о том, что было бы неплохо, если бы Морта упекли в психушку.

Стрелок бы этому не удивился.

3

Где-то на полпути между гулким помещением, которое в «мортоклопедии» называлось «вестибюлем», то есть входом в небесную башню с кабинетами, — и улицей, залитой сол-

нечным светом (по «мортоклопедии» — Шестой авеню, или проспектом Двух Америк), вопли Морта наконец прекратились. Морт не умер от страха. Глубинные инстинкты стрелка подсказывали ему с определенностью абсолютного знания, что, если бы Морт умер, их *ка* выбросило бы уже навсегда в ту пустоту небытия, что простиралась за пределами всех физических миров. Морт не умер, а хлопнулся в обморок, не выдержав ужаса и всех с ним творящихся странностей, точно так же, как Роланд лишился чувств, когда он вошел в сознание этого человека, раскрыл его темные тайны и обнаружил там пересечение судеб слишком уж нарочитое, чтобы оказаться простым совпадением.

Роланд даже обрадовался тому, что Морт отключился. Пока стрелок имел доступ к знаниям и воспоминаниям этого человека — а обморок этому не мешал, — без такого «попутчика» ему было гораздо лучше.

Желтые машины, предназначенные для общественных перевозок, назывались «таксами», или «кебами». Их возницы, согласно «мортоклопедии», принадлежали к двум племенам: «латинов» и «черномазых». Чтобы остановить такую машину, нужно поднять руку, как это делают ученики в классе.

Роланд так и сделал, но когда несколько пустых, не считая возниц, такс проехало мимо, он заметил на них таблички: «В ГАРАЖ». Поскольку написано это было Великими Буквами, стрелку не понадобилась помощь Морта. Он подождал, потом опять поднял руку. На этот раз такса остановилась. Стрелок сел на заднее сиденье. Внутри был застоявшийся запах табака, пота и духов. Точно так же пахло в каретах в его родном мире.

— Куда едем, дружище? — спросил возница. Роланд не знал, из какого он племени, латинов или черномазых, и даже спрашивать не стал. Может быть, здесь у них это считается невежливым.

— Еще не знаю, — сказал стрелок.

— Здесь тебе, друг, не собрание анонимных алкоголиков. Время — деньги.

Скажи ему, чтобы сменил знак на ЗАНЯТО, подсказала «мортоклопедия».

— Смени знак на ЗАНЯТО, — сказал Роланд.

— Только время накручиваешь, — отозвался возница.

Скажи, что сверху даешь пятерку, посоветовала «мортоклопедия».

— Пятерку сверху.

— Вот это другой разговор, — отозвался водитель, однако даже не пошевелился. — С деньгами — барин, без денег — отваливай.

Спроси, чего он хочет, помогла «мортоклопедия», *денег или пойти подрочить.*

— Ты чего хочешь вообще, денег или пойти подрочить? — Голос Роланда был холоден и безразличен.

Водитель с опаской взглянул на него в зеркало заднего вида и предпочел промолчать.

Стрелок еще раз внимательно перебрал весь запас знаний Морта. Водитель опять осторожно взглянул в зеркало заднего вида: секунд пятнадцать его пассажир просто сидел, чуть склонив голову и положив левую руку на лоб, как будто голова у него болела. Он уже собирался сказать этому типу, чтобы тот убирался, пока он не вызвал полицию, но тут его пассажир поднял голову и мягко сказал:

— Будьте добры, до угла Седьмой авеню и Сорок девятой. Я дам вам десятку сверху, и меня не волнует, из какого вы племени.

Шиз какой-то, подумал водитель (настоящий, коренной американец, белый англосаксонский протестант из Вермонта, мечтающий устроиться в шоу-бизнесе), *но, быть может, богатый шиз.*

— Считай, что ты уже там, дружище. — Он отжал сцепление и, вливаясь в поток машин, добавил про себя: *И чем быстрее, тем лучше.*

4

Импровизируй.

Когда Роланд вышел из такси, он заметил в конце квартала припаркованную сине-белую машину с надписью «ПОЛИЦИЯ», которую он прочел, не обращаясь за помощью к знаниям Морта. Внутри машины находилось двое стрелков. Они что-то пили — может быть, кофе — из белых бумажных стаканчиков. Да, это были стрелки, но какие-то слишком уж тучные и неряшливые.

Он полез в кошель Джека Морта (хотя это был ненастоящий кошель; настоящий кошель — он намного больше, размером чуть ли не с сумку, куда путешественник может сложить все свои вещи, когда он странствует налегке) и отдал водителю купюру с цифрой 20. Таксист быстро уехал. Таких больших чаевых сегодня ему еще не давали, но пассажир-то попался какой-то чудной, и водитель считал, что он заслужил все эти баксы до цента.

Стрелок посмотрел на вывеску над магазином:

КЛЕМЕНТС. ОРУЖИЕ
И СПОРТИВНЫЕ ТОВАРЫ. БОЕПРИПАСЫ.
ТОВАРЫ ДЛЯ ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ. КОПИИ
БОЕВОГО ОРУЖИЯ С СЕРТИФИКАТОМ.

Роланд не разобрал всех слов, но при одном только взгляде на витрину он понял, что Морт привез его в нужное место. Там были выставлены наручники, знаки различия и... оружие. В основном винтовки, но попадались и револьверы. Все они держались на цепях, но значения это уже не имело.

Он сразу поймет, что ему нужно, как только — и если — увидит.

Роланд, наверное, больше минуты консультировался с сознанием Джека Морта: у него был достаточно острый и изощренный ум, и Роланду этого вполне хватало.

5

Один из полицейских в сине-белой машине ткнул другого локтем.

— Вон покупатель серьезный. Этот знает, что ему надо.

Напарник его рассмеялся.

— О Господи, — подхватил он тонким визгливым голосом, когда мужчина в деловом костюме и очках в золотой оправе закончил осмотр витрины и зашел внутрь. — Сдается мне, он запал на «лаванду». Точно прикупит себе эти наручники.

Первый полицейский так расхохотался, что даже выплюнул набранный было в рот глоток кофе обратно в стаканчик.

6

Почти сразу же подошел продавец и спросил, чем он может быть полезен.

— Меня интересует, — сказал мужчина в консервативном синем костюме, — нет ли у вас такой бумаги... — Он помедлил как будто в глубокой задумчивости, потом снова поднял глаза. — Такой таблицы, я имею в виду с изображением всех боеприпасов для револьвера.

— Вы хотите сказать: таблицы калибров? — уточнил продавец.

Покупатель снова помедлил.

— Да. У моего брата есть револьвер. Я сам стрелял из него, но это было уже давно, несколько лет назад. Я бы, наверное, узнал подходящие к нему пули, если бы увидел.

— Это вам только так кажется, — отозвался продавец. — А на самом деле их различить очень трудно. Какой был хотя бы калибр? Двадцать второй? Или тридцать восьмой? Или, может быть...

— Если у вас есть эта таблица, я узнаю, — сказал Роланд.

— Одну минуту. — Продавец с сомнением уставился на человека в синем костюме, но потом лишь пожал плечами.

Мать твою, покупатель всегда прав, даже когда он не прав... если только у него есть деньги. Как говорится, с деньгами — хозяин, без денег — отваливай. — У нас есть «Настольная книга стрелка». Возможно, это как раз то, что вам нужно.

— Да. — Роланд улыбнулся. «Настольная книга стрелка». Благородное название для книги.

Продавец достал из-под прилавка захватанный руками томище такой толщины, какой стрелок в жизни не видывал. А этот мужик обращается с книгой так, как будто это не ценная вещь, а какая-нибудь груда булыжников.

Продавец раскрыл ее на прилавке и развернул в сторону клиента.

— Вот посмотрите. Но если, как вы говорите, прошло много лет, то вы палите вслепую. — Он вдруг смутился и улыбнулся. — Простите, если я пошутил неудачно.

Но Роланд его не слышал. Он склонился над книгой, изучая картинки, на которых патроны были изображены как настоящие. Эти чудесные картинки, как подсказала «мортоклопедия», назывались «фотографиями».

Он медленно переворачивал страницы. Не то... не то... не то...

Роланд уже начал терять надежду, как вдруг увидел то, что искал. Он посмотрел на продавца с таким сияющим от возбуждения лицом, что тот даже слегка испугался.

— Вот! Вот они! *То, что нужно!*

На фотоснимке, в который он тыкал пальцем, были изображены патроны к «винчестеру» сорок пятого калибра. Не совсем такие же, как у него, потому что гильзы к его револьверам надо было заряжать пулями вручную, но даже не справляясь с цифрами (в которых он все равно ничего бы не понял), Роланд увидел, что они подойдут для его револьверов.

— Ну ладно, пусть вы нашли то, что искали, — сказал продавец, — но чего тут радоваться до усрачки, приятель. Я хочу сказать, это всего лишь *пули*.

— У вас они есть?

— Конечно. Сколько вам надо коробок?

— А сколько в коробке штук?

— Пятьдесят.

Продавец уже начал поглядывать на стрелка с подозрением. Если парень идет покупать патроны, он должен знать, что при покупке он должен предъявить свое разрешение на ношение и хранение оружия с фотографией, удостоверяющей личность. Нет разрешения, нет и боеприпасов — такой в Манхэттене закон. А если у этого типа есть разрешение на ношение и хранение оружия, то почему он не знает, сколько патронов в стандартной коробке?

— Пятьдесят!

Парень с отвисшей челюстью уставился на продавца. С головой у него явно нелады.

Продавец переместился немного левее, поближе к кассе... и, что совсем не случайно, поближе к своему «магнуму» триста пятьдесят седьмого калибра, который он всегда держал заряженным под прилавком.

— *Пятьдесят!* — повторил стрелок. Он думал, что будет пять, десять, может быть, даже дюжина, но столько... столько...

А сколько у нас с собой денег? — спросил он у «мортоклопедии». «Мортоклопедия» точно не знала, но полагала, что долларов шестьдесят в бумажнике есть.

— И сколько стоит одна коробка?

Наверное, больше шестидесяти. Но он попробует уговорить этого человека продать ему *часть* коробки или же...

— Семнадцать пятьдесят, — сказал продавец. — Но, мистер...

Джек Морт был бухгалтером, и на этот раз ждать не пришлось: подсчет и ответ Роланд получил одновременно.

— Три, — сказал он. — Три коробки. — Он ткнул пальцем в фотографию с патронами. Полторы сотни штук! Боги всевышние! Да это не мир, а какой-то умопомрачительный склад ценностей!

Продавец даже не пошевелился.

— У вас нет столько, — сказал стрелок. Он не особенно удивился. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Такое бывает только во сне.

— У нас есть. Патроны к «винчестеру» сорок пятого калибра. — Продавец сделал еще шаг влево — на шаг ближе к кассе и своему пистолету. Если этот парень действительно не в себе (а в ближайшие пару секунд уже точно выяснится, чокнутый он или нет), у него есть все шансы стать чокнутым с большой дырой в пузе. — У нас их полно. Но мне хотелось бы знать, мистер, есть ли у вас документ?

— Документ?

— Разрешение на ношение и хранение оружия с фотографией. Я не имею права продать вам боеприпасы, пока вы мне его не предъявите. А если хотите купить патроны без разрешения, вам придется отправиться в Вестчестер.

Стрелок тупо уставился на мужчину за стойкой. Он ни во что не врубался. Ничего не понимал. Чушь какая-то. В «мортоклопедии» имелись кое-какие сведения по этому поводу, но слишком смутные, чтобы на этот раз Роланд мог на них положиться. У Морта в жизни не было оружия. Он обделывал свои грязные делишки по-другому.

Мужчина за стойкой сделал еще шаг влево, не сводя глаз с лица покупателя, и Роланд еще подумал: *У него там револьвер. Он думает, что я сейчас подниму бучу... или, может быть, он даже хочет, чтобы я поднял бучу. Ищет повод, чтобы меня пристрелить.*

Импровизируй.

Он вспомнил стрелков там, на улице, сидящих в своей синей с белым карете. Да, это были стрелки — стражи мира, которые уполномочены следить за тем, чтобы мир не сдвинулся с места. Вот только выглядели они — по крайней мере на первый взгляд — почти такими же рыхлыми и ненаблюдательными, как все остальные в этом мире праздных мечтателей: просто двое мужчин в мундирах и фуражках, развалившихся на сиденье своей кареты и попивающих кофе. Конечно, может быть и такое, что он их просто недооценил. Но

Роланд очень надеялся, ради их же пользы, что он все-таки не ошибся в оценке.

— О! Я понимаю, — сказал стрелок, изобразив на лице Джека Морта виноватую улыбку. — Прошу прощения. Я, наверное, просто не сориентировался. Мир так сдвинулся... изменился... с тех пор, когда у меня было свое оружие.

— Ничего-ничего. — Продавец расслабился, но чуть-чуть. Может быть, этот парень вполне нормальный. Но не исключено, что он просто зубы ему заговаривает.

— А можно взглянуть на тот набор для чистки? — Роланд указал на полку за спиной у продавца.

— Конечно. — Продавец отвернулся, чтобы достать набор, а Роланд в это время вынул бумажник Морта из внутреннего кармана его пиджака с той же молниеносной скоростью, с какой всегда вытаскивал револьверы из кобуры. Прошло не более четырех секунд, но когда продавец повернулся обратно к Морту, бумажник уже лежал на полу.

— Хорошая штука. — Продавец расплылся в улыбке, решив, что парень этот в общем-то ничего. Да, черт возьми, ему хорошо знакомо это пакостное чувство, когда своими стараниями ты сам же оказываешься в дураках. Еще в армии, в морской пехоте, с ним это частенько случалось. — И чтобы его купить, разрешения не нужно. Здорово, правда, когда такая свобода?

— Да, — серьезно отозвался стрелок и притворился, что рассматривает набор, хотя с первого взгляда понял, что это просто дешевка в претенциозной коробке. Но пока он смотрел, он незаметно подталкивал ногой под прилавок бумажник Морта.

Чуть погодя он отодвинул набор, вполне убедительно изобразив на лице сожаление.

— Боюсь, он мне не подойдет.

— Хорошо. — Продавец тут же потерял к нему весь интерес. Парень вовсе не чокнутый, а раз он зашел лишь поглазеть, а не купить, их добрым взаимоотношениям конец. Без

денег — отваливай. — Еще чего нибудь? — Рот его спрашивал, но глаза говорили «синему костюму»: проваливай.

— Нет, спасибо. — Стрелок вышел не оглянувшись. Бумажник Морта остался лежать под прилавком. Роланд тоже выставил свой горшочек с медом.

7

Офицеры Карл Делеван и Джордж О'Мэра допили кофе и собирались уже ехать дальше, когда человек в синем костюме вышел из «Клементса» — магазинчика, который, по наблюдениям полиции, представлял собой «рожок с порохом», так на их профессиональном жаргоне называется оружейная лавка с законной лицензией на продажу, но где иной раз отовариваются по поддельным документам независимые бандюги, а то и мафия, забирающая сразу целые партии товара, — и направился к их машине.

Наклонившись, он заглянул в окошко с пассажирской стороны, где сидел О'Мэра. О'Мэра думал, что этот «синий костюм» — обыкновенный гомик и голос у него должен быть соответствующим. Помимо оружия, Клементс еще торговал и наручниками всевозможных видов. В Манхэттене это дело носило вполне законный характер, и большинство из тех, кто покупал наручники, вовсе не помышляли о лаврах Гудини (полицейским все это, конечно, не нравилось, но когда это было, чтобы мнение полиции хоть кого-то интересовало?). Обычно их прикупали гомики с садо-мазохистскими наклонностями. Но когда парень заговорил, голос его был вполне нормальным: ровный и бесцветный, вежливый, но немного отрешенный, как бы мертвенный.

— Торговец там украл у меня кошелек, — сказал он.

— *Кто?* — О'Мэра тут же весь вытянулся. Уже полтора года у них руки чешутся прищучить Джастина Клементса. Если им это удастся, то вполне вероятно, они с напарником украсят наконец свою синюю форму значками детективов.

Скорее всего это так и останется недостижимой мечтой — слишком, как говорится, хорошо, чтобы быть правдой, — но тем не менее...

— Торговец... — Небольшая пауза. — Продавец.

О'Мэра и Карл Делеван переглянулись.

— Темноволосый? — спросил Делеван. — Такой коренастый?

Опять небольшая пауза.

— Да. Кареглазый. Под одним глазом небольшой шрам.

Было в этом парне что-то такое... Поначалу О'Мэра не сумел определить, что именно, и вспомнил об этом, только когда освободился от куда более важных мыслей, основной из которых была та, что он тогда уразумел, это что золотой знак детектива — не самое главное в жизни, потому что все обернулось так, что даже тот простой факт, что их с Делеваном вообще не поперли с работы, показался им настоящим чудом.

И лишь несколько лет спустя, когда О'Мэра повез двух своих сыновей в Музей науки в Бостоне, его осенило божественное откровение. Там был такой автомат — компьютер, — который играл в крестики-нолики, причем если тебе не удавалось поставить свой крестик в центральной клетке на первом ходу, ты обязательно проигрывал. Но каждый раз, прежде чем сделать свой ход, автомат на мгновение «замирал», чтобы продумать все возможные варианты. Он сам и мальчишки его были в восторге. Но было в этих секундных паузах и что-то жуткое... и тут он вспомнил про «синий костюм». Потому что у «синего костюма» была та же самая долбаная привычка: прежде чем что-то сказать, он мгновение думал. Разговаривать с ним было все равно что с роботом.

У Делевана таких ощущений тогда не возникло, но спустя девять лет, когда он однажды вечером пошел со своим сыном в кино (сыну было уже восемнадцать, и он собирался поступать в университет), через полчаса после начала сеанса он вдруг вскочил на ноги и закричал:

— Это он! Это ОН! Тот мужик в синем костюме! Мужик, который был у Кле...

Кто-то крикнул еще:

— Эй там, впереди, давай сядь!

Только зря он так старался и глотку драл: Делеван, весивший на семьдесят фунтов больше нормы и всю жизнь бывший заядлым курильщиком, скончался на месте от сердечного приступа — возмущенный зритель не успел даже ничего добавить. Мужчина в синем костюме, который в тот день подошел к их патрульной машине и заявил о краже бумажника, совсем не походил на актера в том фильме, но говорил и двигался он в той же манере: было в ней что-то жесткое, но в то же время и грациозное.

Фильм, само собой, назывался «*Терминатор*».

8

Полицейские переглянулись. «Синий костюм» говорил не про Клементса, а про толстяка Джона Холдена, который приходился Клементсу свояком. Что тоже было неплохо. Хотя опуститься до такого идиотизма, чтобы стянуть у покупателя бумажник, это уже...

...вполне в духе родственничка этого тупицы Клементса, — мысленно закончил О'Мэра и прикрыл рот ладонью, чтобы спрятать невольную усмешку.

— Может быть, вы нам расскажете все поподробнее, что там у вас произошло, — сказал Делеван. — И для начала представьтесь, пожалуйста.

И снова ответ этого человека немного смутил О'Мэру — было в нем что-то неправильное, что-то странное. В этом городе, где процентов семьдесят населения свято верило в то, что по-американски фраза «*Приятного вам денечка*» должна звучать: «*А не сходил бы ты подрочить*», он ожидал услышать от этого парня примерно следующее: «*Эй, что непонятно? Этот сукин сын украл у мёня бумажник! Вы его собирае-*

тесь мне вернуть или будем стоять тут и играть в «Двадцать вопросов»?»

Но, с другой стороны, костюм на нем явно дорогой, ногти наманикюрены. Парень скорее всего из славной бюрократической братии. Сказать по правде, О'Мэре было в высшей степени наплевать. При одной мысли о том, чтобы прищучить толстяка Джонни Холдена, а через него уже подцепить Джастина Клементса, у него едва слюни не потекли. В какой-то момент он так разогнался, что представил себе, как через Холдена они выйдут на Клементса, а уже через Клементса — на какого-нибудь действительно крутого парня. На этого макаронника Балазара или, может быть, на Джинелли. Было бы очень недурно. Очень недурно.

— Меня зовут Джек Морт, — сказал человек в синем костюме.

Делеван вытащил из заднего кармана брюк блокнот, повторяющий форму его ягодицы.

— Адрес?

Опять эта коротенькая заминка. *Как автомат,* снова подумал О'Мэра. Секундное молчание, потом едва ли не щелчок, как на автоответчике:

— Южная Парковая, 409.

Делеван записал.

— Номер страхового свидетельства?

После очередной заминки Морт продиктовал номер.

— Поймите меня правильно, я обязан задать вам все эти вопросы в целях выяснения личности. Если тот парень действительно стянул у вас бумажник, я должен уточнить кое-какие моменты прежде, чем я его у него отберу и отдам вам. Ну, вы понимаете.

— Да. — Теперь в голосе пострадавшего сквозили нотки нетерпения. И от этого О'Мэра слегка успокоился почему-то. — Только не надо затягивать это дело. Время идет, а...

— Знаю-знаю, дело стоит.

— Дело стоит, — согласился мужчина в синем костюме. — Да.

— У вас были в бумажнике какие-нибудь фотографии?

Опять пауза, а потом:

— Снимок моей матери на фоне Эмпайр-Стейт-билдинг с надписью на обороте: «Это был замечательный день и чудесный вид. Целую, мама».

Делеван записал, яростно царапая ручкой по бумаге, затем захлопнул блокнот.

— О'кей. Вполне достаточно. Единственное, если мы выручим ваш бумажник, вам надо будет еще расписаться, чтобы нам сличить вашу подпись с подписью на ваших правах, кредитных карточках и других документах. О'кей?

Роланд кивнул, хотя уже начал догадываться, что, хотя он и пользовался вовсю памятью Морта и его знаниями об этом мире, ему вряд ли удастся воспроизвести подпись Морта без его помощи, а Джек Морт сейчас находился в отключке.

— Расскажите нам, что там у вас произошло.

— Я зашел к ним, хотел купить патроны для брата. У него «винчестер» сорок пятого калибра. Продавец спросил, есть ли у меня разрешение. Я сказал: «Да, конечно». Он попросил, чтобы я его показал.

Пауза.

— Я вынул бумажник и показал ему. Только когда я перегибал бумажник, он, должно быть, увидел, что у меня там полно... — Опять небольшая заминка. — Двадцаток. По профессии я бухгалтер по налогам. У нас есть клиент, Дорфман, ему причитается небольшой возврат средств после длительного... — Заминка. — Судебного разбирательства. Сумма всего-то восемьсот долларов, но этот мужик, Дорфман... — Снова пауза. — ...Самый законченный мудозвон из всех, с кем нам вообще приходилось иметь дело. — Пауза. — Извините за выражение.

О'Мэра обдумал предпоследнюю фразу. Самый законченный мудозвон. Неплохо сказано. Он хохотнул. Постоянные навязчивые ассоциации с роботами и автоматами както сами собой исчезли. Вполне нормальный парень, просто

он очень расстроен и пытается скрыть это под маской невозмутимости.

— Так вот, этот Дорфман требует наличные. Он просто *настаивает*.

— То есть вы думаете, толстяк Джонни увидел денежки вашего клиента, — сказал Делеван, выбираясь вместе с О'Мэрой из сине-белой машины.

— Это вы так называете продавца?

— О, мы называем его и почище, — сообщил Делеван. — А что было дальше, мистер Морт, после того, как вы показали ему разрешение?

— Он попросил посмотреть поближе. Я дал ему бумажник, но он даже и не взглянул на снимок. Просто бросил бумажник на пол. Я спросил зачем. А он ответил, что это глупый вопрос. Я сказал, чтобы он отдал мне бумажник. Я был вне себя.

— Это понятно! — сочувственно воскликнул Делеван, хотя, глядя на непроницаемое лицо этого человека, он никогда бы не подумал, что его можно вывести из себя.

— Он рассмеялся. Я хотел обойти прилавок и подобрать бумажник, но он вытащил пистолет.

Они уже шли к магазину, но тут вдруг остановились, хотя вид у них был скорее возбужденный, нежели испуганный.

— *Пистолет?* — переспросил О'Мэра, желая убедиться, что это ему не послышалось.

— Он был у него под прилавком, рядом с кассой, — сказал человек в синем костюме. Роланд вспомнил, как он, вопреки первоначальному плану, едва не ринулся отбирать оружие у продавца. Но не стал этого делать и теперь объяснил этим стрелкам почему. Ему вовсе не нужно было, чтобы их там убили. Ему требовалась их помощь. — Мне кажется, он у него в сцепке.

— *Где?* — не понял О'Мэра.

На этот раз пауза длилась чуть дольше. Мужчина в синем костюме наморщил лоб.

— Я точно не знаю, как это назвать... такая штуковина, чтобы хранить пистолет. Никто не сможет ее открыть, кроме тебя, потому что там надо знать, куда нажимать...

— Пружинный зажим! — воскликнул Делеван. — Срань Господня!

Напарники снова переглянулись. Никто из них не горел желанием первым сообщить этому мужику в синем костюме, что скорее всего толстяк Джонни уже давно вынул денежки, а сам мотнул через заднюю дверь и зашвырнул бумажник через стену, что шла вдоль переулка за домом... но пистолет в тайнике на пружинном зажиме... это другое дело. Ограбление еще надо доказать, а вот незаконное хранение оружия... да еще если поймать с поличным... это уже понадежнее. Может, не так уж и здорово, но хотя бы зацепка есть.

— А потом? — спросил О'Мэра.

— Потом он мне сказал, что не было у меня никакого бумажника. Он сказал... — Пауза. — Что, наверное, у меня его вытащил из карманника карман... то есть карманник из кармана... где-нибудь на улице, и лучше мне это вспомнить, если мне дорого здоровье. И тут я вспомнил, что, когда я входил в магазин, я видел на углу полицейскую машину, и подумал, что вы, может быть, еще там. И я пошел за вами.

— О'кей, — подытожил Делеван. — Мы с напарником зайдем первыми. Дайте нам примерно минуту — но целую минуту — просто на случай, если возникнут какие-нибудь неприятности. Потом входите, но стойте у двери. Вы все поняли?

— Да.

— О'кей. Сейчас мы сделаем этого мудака.

Полицейские вошли в магазин. Роланд выждал тридцать секунд и вошел следом за ними.

9

Толстяк Джонни Холден не просто все отрицал. Он ревел, как буйвол:

— Да этот тип просто тронутый! Пришел сюда, не знал даже, чего ему надо, пока не увидел в «Настольной книге

стрелка», не знает ни сколько патронов в коробке, ни сколько коробка стоит, а то, что он вам тут заливает, будто бы я хотел разрешение его посмотреть, так это просто такое дерьмо, на которое я еще в жизни не нарывался, потому что нет у него разрешения... — Толстяк Джонни вдруг остановился. — А вот и он! Вот он, этот засранец! Вон стоит. Я тебя вижу, приятель! И харю твою я запомню. В следующий раз, когда ты меня увидишь, ты об этом, мудак, пожалеешь. Это я тебе гарантирую! Гарантирую, мать твою...

— Так вы не брали его бумажник? — осведомился О'Мэра.

— Вы же знаете, что не брал!

— Ничего, если мы заглянем под эту витрину? Вы не будете возражать? — спросил Делеван. — Просто, чтобы даже вопросов больше не возникало.

— Твою-Богу-душу-мать! Она же *стеклянная*! Есть там какой-то бумажник?

— Нет, *не там*... я имею в виду *здесь*, — сказал Делеван, направляясь к кассе. Голос его был похож на кошачье мурлыканье. В этом месте за полками прилавка проходила хромированная крепежная полоса шириной почти в два фута. Делеван поглядел на человека в синем костюме. Тот кивнул.

— Давайте-ка, парни, валите отсюда. — Толстяк Джонни аж побелел от ярости. — Придете с ордером — это другое дело. А пока что выгребывайтесь. Это, мать вашу, свободная страна, если вы еще... Эй! Эй! ЭЙ, ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО!

О'Мэра навалился на прилавок, заглядывая с обратной стороны.

— Это незаконно! — вопил толстяк Джонни. — Вашу мать, незаконно. По конституции... мой адвокат... либо вы убираетесь прямо сейчас, либо...

— Просто хочу рассмотреть товар, — мягко проговорил О'Мэра. — Стекло у тебя тут засранное, ни черта не видно. Вот и приходится нагибаться. Да, Карл?

— В самую точку, дружище, — серьезно ответил Делеван.

— И посмотри, чего я нашел.

Роланд услышал какой-то щелчок, и когда стрелок в синей форме выпрямился, у него в руке был револьвер внушительных размеров.

Толстяк Джонни, вдруг сообразивший, что он единственный из всех присутствующих излагает историю, совсем не похожую на эту сказочку, которую только что рассказал ему легавый, нашедший его «магнум», тут же помрачнел.

— У меня есть разрешение, — сказал он.

— На хранение и ношение? — уточнил Делеван.

— Да.

— На тайное хранение?

— Да.

— Пистолет зарегистрирован? — спросил в свой черед О'Мэра. — Да или нет?

— Ну... я не помню уже.

— Он, может, был в деле, а ты этого тоже не помнишь?

— Мать твою. Я звоню своему адвокату.

Толстяк Джонни уже развернулся, но Делеван схватил его за плечо.

— Тогда встает вот какой вопрос: есть ли у тебя разрешение на хранение боевого оружия в тайнике с пружинным зажимом? — спросил он все тем же мягким, как будто мурлыкающим голосом. — Вопрос действительно интересный, потому что, насколько я знаю, у нас в Нью-Йорке *таких* разрешений не выдают.

Полицейские смотрели на толстяка Джонни, толстяк Джонни смотрел на них. Так что никто не заметил, как Роланд перевернул табличку на двери. Было ОТКРЫТО, стало ЗАКРЫТО.

— Возможно, мы и сумеем все это как-то уладить... если найдем бумажник этого джентльмена, — пообещал О'Мэра. Сам сатана не сумел бы солгать с такой искренней убедительностью. — Быть может, он просто его уронил. Случайно.

— Я же вам говорил! Не знаю я ни про какой бумажник! Парень просто головкой повредился!

Роланд нагнулся.

— Вот он. Я вижу. Он его прижимает ногой.

Он сказал неправду, но Делеван, который так и держал толстяка Джонни за плечо, отпихнул его так быстро, что уже невозможно было определить, прижимал Джонни ногой бумажник или не прижимал.

Пора.

Роланд беззвучно рванулся к прилавку, когда оба стрелка наклонились, заглядывая под стойку. Стояли они очень близко друг к другу, и головы их почти что соприкасались лбами. О'Мэра по-прежнему держал в правой руке револьвер продавца, который он вытащил из тайника под прилавком.

— Черт возьми, точно! — в возбуждении воскликнул Делеван. — Я его вижу!

Роланд быстро взглянул на мужчину, которого они называли толстяком Джонни, просто чтобы убедиться, что тот не станет трепыхаться и создавать ему сложности. Но толстяк Джонни лишь стоял, привалившись к стене, — на самом деле *вжимаясь* в стену, как будто стремясь втиснуться в нее и просочиться на ту сторону, — руки его безвольно висели по бокам, а выпученные глаза превратились в две огромные буквы «О». Он напоминал человека, который никак не может понять, как же так вышло, что его гороскоп на сегодня не предупредил его поберечься.

С его стороны никаких проблем.

— Да! — радостно отозвался О'Мэра. Полицейские уставились под прилавок, опершись руками о колени. О'Мэра поставил одно колено на пол и потянулся за бумажником. — Я тоже вижу...

Роланд сделал последний шаг. Одной рукой он зажал правую щеку Делевана, другой — левую щеку О'Мэры, и неожиданно толстяк Джонни Холден понял, что день, который и так казался ему препоганым, на самом деле *в сто раз* хуже. Этот псих в синем костюме столкнул легавых лбами так сильно, что даже послышался глухой звук, как будто два камня, обмотанные войлоком, ударились друг о друга.

Полицейские свалились. Человек в очках в золотой оправе выпрямился, направив на толстяка Джонни «маг» 375-го калибра. Нацеленное дуло его казалось таким широким, что в него вполне поместилась бы космическая ракета.

— Нам ведь с тобой неприятности не нужны, правда? — спросил псих безжизненным голосом.

— Нет, сэр, — быстро ответил толстяк Джонни. — Не нужны.

— Стой где стоишь. Если вдруг вздумаешь оторвать задницу от стены, можешь сразу прощаться с жизнью. Понятно?

— Да, сэр. Понятно.

— Хорошо.

Роланд растащил полицейских порознь. Оба живы. Это хорошо. Не важно, что они медлительны и ненаблюдательны, они все же стрелки. Они собирались помочь незнакомцу в его затруднении. Роланд не хотел убивать своих.

Но ведь раньше он убивал, правда? Да. Разве Ален, его побратим, не погиб под дымящимися дулами револьверов Роланда и Катберта?

Не сводя глаз с продавца, он нащупал бумажник под прилавком носком туфли от Гуччи, которые носил Джек Морт, и поддал его ногой. Он вылетел из-под прилавка со стороны продавца. Толстяк Джонни подпрыгнул на месте и завизжал, как нервная девица при виде мыши. В какой-то момент его задница все-таки оторвалась от стены, но стрелок этого не заметил. Вернее, не обратил внимания. Ему совсем не хотелось стрелять в этого толстяка. В конце концов если прижмет, можно будет просто швырнуть в него, как топорик, этот громадный револьвер, потому что если стрелять из такой бандуры, то на выстрел сбежится наверняка пол-округи.

— Подними его, — сказал стрелок. — Медленно.

Толстяк Джонни потянулся вниз, а когда подхватил бумажник, вдруг громко выпустил газы и вскрикнул. Роланд понял, что продавец принял этот звук, им самим же и выпущенный, за грохот выстрела, и решил, что его час настал.

Когда толстяк Джонни выпрямился, все лицо его было залито краской. Впереди на брюках растеклось большое мокрое пятно.

— Положи кошель на прилавок. То есть бумажник.

Толстяк Джонни сделал как велено.

— А теперь патроны. От «винчестера» сорок пятого калибра. И чтобы я видел твои руки все время.

— Мне нужно руку в карман опустить. У меня там ключи.

Когда толстяк Джонни отпер, а потом выдвинул ящик с патронами в коробках, Роланд призадумался.

— Дай мне четыре коробки, — наконец сказал он. Он даже представить себе не мог, куда он денет потом столько патронов. Ему столько явно не нужно. Но все-таки он не сумел побороть искушения забрать себе как можно больше.

Толстяк Джонни выложил коробки на прилавок. Роланд открыл одну, все еще не в силах поверить, что это не шутка или не подделка. Но это были настоящие пули, новенькие, сверкающие, без единой царапинки, не бывшие в употреблении, ни разу не перезаряженные. Он вытащил один патрон, рассмотрел его на свету и положил обратно в коробку.

— Теперь давай пару этих браслетов.

— Браслетов?

Стрелок справился по «мортоклопедии».

— Наручников.

— Мистер, я так и не понял, чего вам нужно. Кассовый аппарат...

— Делай, как я тебе говорю. И побыстрее.

Боже, это вообще никогда не кончится, мысленно простонал толстяк Джонни, но открыл еще одну секцию прилавка и достал с витрины пару наручников.

— Ключ! — велел Роланд.

Толстяк Джонни положил ключ на прилавок рядом с наручниками. Ключ тихонько звякнул. Один из валявшихся без сознания полицейских вдруг всхрапнул, и Джонни взвизгнул.

— Лицом к стене, — приказал стрелок.

— Вы ведь не станете в меня стрелять, правда? Скажите, что нет!

— Не стану, — сухо проговорил стрелок. — Но только в том случае, если ты немедленно отвернешься. А не отвернешься, пристрелю.

Толстяк Джонни теперь разревелся и отвернулся. Конечно, парень сказал, что не будет стрелять, но тут явно попахивает мафиозной разборкой. Работенка, выходит, нервная, а хоть бы какой был навар. Рыдания его превратились в приглушенное завывание.

— Пожалуйста, мистер, не убивайте меня. У меня мама старенькая. Слепая. Она...

— Она несет проклятие быть матерью труса, — мрачно закончил за него стрелок. — Руки вместе.

Хныча, с прилипшими к чреслам мокрыми штанами, толстяк Джонни сложил руки вместе. В одно мгновение стальные браслеты сомкнулись у него на запястьях. Он даже не понял, как этот псих оказался по его сторону прилавка так быстро. Не знал и знать не хотел.

— Стой так и гляди на стену, пока я тебе не скажу, что повернуться можно. Но если ты повернешься раньше, я тебя пристрелю.

В сознании толстяка Джонни промелькнул лучик надежды. Может быть, парень действительно не собирается его убивать. Может быть, он и не псих, а просто чуть-чуть не в себе.

— Не повернусь. Богом клянусь. Всеми святыми клянусь. Всеми ангелами. Всеми арханге...

— А я клянусь, если ты сейчас не заткнешься, я тебе пулю пущу прямо в затылок, — мрачно проговорил налетчик.

Толстяк Джонни заткнулся. Ему казалось, что он смотрит на эту стену целую вечность. На самом же деле прошло не более двадцати секунд.

Стрелок опустился на колени, положил пистолет продавца на пол, быстренько глянул, как ведет себя этот слизняк, потом перевернул остальных двоих на спины. Оба они пре-

бывали в хорошем отрубе, хотя ни тот ни другой серьезно не пострадали. Дышали оба ровно. Только из уха того, кого звали Делеван, стекала тоненькая струйка крови, а в остальном никаких тяжких травм не наблюдалось.

Он еще раз глянул на продавца, потом расстегнул у стрелков оружейные пояса и снял их. Снял синий пиджак от костюма Морта и надел ремни на себя. Револьверы, конечно, не те, но ему все равно было приятно снова ощутить их тяжесть. Опять при оружии. Просто, черт побери, прекрасно. На такое он даже и не надеялся.

Два револьвера. Один для Эдди, второй для Одетты... когда и если ей можно будет его доверить. Он снова надел пиджак Джека Морта, положил две коробки с патронами в правый карман, две — в левый. Пиджак, ранее безупречно сидевший, теперь оттопыривался по бокам. Роланд поднял с пола «магнум» продавца, вынул патроны, положил их в карман брюк и зашвырнул пистолет в дальний конец комнаты. Когда он ударился об пол, толстяк Джонни подпрыгнул, еще раз слабенько взвизгнул и пустил очередную теплую струйку себе в штаны.

Стрелок встал и велел толстяку Джонни повернуться.

10

Когда толстяк Джонни еще раз взглянул на психа в синем костюме и очках в золотой оправе, у него от удивления челюсть отвисла. На какой-то миг он преисполнился непоколебимой уверенности в том, что, пока он стоял и глазел на стену, этот мужик превратился в призрак, и теперь сквозь него проглядывает фигура, гораздо более реальная, чем он сам: кто-то из тех легендарных стрелков, о которых, когда он был мальчишкой, снимали столько фильмов и телесериалов. Уайат Эрп, Док Холлидей, Батч Кассиди, в общем, кто-то из этих.

Но потом зрение его прояснилось, и он понял, что сотворил этот придурочный: снял у легавых пистолеты и нацепил

их себе на пояс. При костюме и галстуке это выглядело смехотворно, но толстяку Джонни почему-то было не до смеха.

— Ключ от браслетов на стойке. Когда ополченцы очнутся, они тебя освободят.

Он взял бумажник, открыл его и, что самое невероятное, выложил на прилавок три двадцатки.

— Это за боеприпасы, — сказал Роланд. — Твой револьвер я разрядил. Когда я отсюда уйду, я их куда-нибудь выкину, эти патроны. Думаю, что при незаряженном револьвере и при отсутствии бумажника им будет весьма затруднительно обвинить тебя.

Толстяк Джонни тяжело сглотнул. Очень редко случалось так, что он не мог ничего сказать из-за полной потери дара речи, но это был как раз тот случай.

— Теперь где тут ближайший... — Пауза. — Ближайшая аптека?

Внезапно толстяк Джонни все понял. По крайней мере он так подумал, что понял. Этот тип, конечно же, наркоман. Вот в чем дело. Понятно теперь, почему он такой странный. Накачался, должно быть, уже прилично.

— Есть тут одна за углом. Через полквартала по Сорок девятой.

— Если ты мне сейчас солгал, я вернусь и пущу тебе пулю в лоб.

— Я не лгу! — закричал толстяк Джонни. — Клянусь Богом-Сыном и Богом-Отцом! Всеми святыми клянусь! Здоровьем мамы...

Но тут дверь захлопнулась. Толстяк Джонни умолк и постоял еще пару минут молча, не в силах поверить, что этот шизик ушел.

Потом он поспешно, как только мог, обошел прилавок и бросился к двери. Повернувшись к ней спиной, он принялся шарить вслепую, нащупывая замок. Ему пришлось изрядно повозиться, чтобы закрыть дверь еще и на засов.

Только тогда он позволил себе присесть, точнее сказать, медленно опуститься на пол, задыхаясь и мысленно обещая

Всевышнему, равно как и всем святым Его и ангелам, что прямо сегодня он сходит в церковь Святого Антония, сразу, как только первая из этих свиней очнется и откроет наручники. Он собирался исповедоваться, покаяться и причаститься.

Толстяк Джонни хотел очиститься перед Богом.

Сегодня он, мать твою, чуть было не отдал Ему душу.

11

Заходящее солнце нависло дугой над Западным морем. И вот оно уже сузилось до яркой полоски на горизонте, которая резала Эдди глаза. Если долго смотреть на такой свет, можно вполне заработать ожог сетчатки. Это и много еще чего интересного он узнал в средней школе, где ему дали достаточно знаний, чтобы он сумел потом заполучить работу бармена с неполным рабочим днем, а заодно и обзавестись занимательным хобби: полный рабочий день носиться по городу в поисках героина и баксов, чтобы его купить. Но Эдди все-таки продолжал смотреть. Очень скоро ему будет уже все равно, есть у него там ожог или нет.

Он не стал умолять эту ведьму. Во-первых, это бесполезно. Во-вторых, раз бесполезно, то зачем унижаться. Он и так прожил унизительную жизнь, так что незачем унижать себя в ее последние минуты. Больше у него ничего не осталось — только несколько минут. Все закончится, когда эта узкая полоса света скроется за горизонтом и придет время омаров.

Он давно перестал надеяться на то, что случится чудо и Одетта вернется в самый последний момент, как, впрочем, и на то, что Детта все-таки сообразит, что, если Эдди умрет, она почти наверняка застрянет в этом мире уже навсегда. Еще пятнадцать минут назад он тешил себя надеждой, что она просто решила его попугать; теперь надежды его иссякли.

Ну, это все-таки лучше, чем медленное удушение, утешал он себя, но, насмотревшись за столько дней на этих мерзо-

стных омаров, он уже не был уверен в том, что же на самом деле лучше. Он очень надеялся, что сумеет умереть без воплей. Вряд ли это вообще возможно, но он все-таки постарается.

— Сейчас они выползут, беленький! — завизжала Детта. — Сейчас-сейчас! Славный сегодня их поджидает ужин, такого они еще не едали!

Все это не пустые угрозы, чтобы просто припугнуть. Одетта не возвращалась... не было и стрелка. Это последнее обстоятельство и добило его. Он был на сто процентов уверен, что за время их долгого перехода по пляжу они с Роландом стали... ну, скажем, товарищами, если не братьями, и что Роланд хотя бы предпримет *попытку* его спасти.

Но Роланд не приходил.

Может быть, это не потому, что он не хочет прийти. Вдруг он просто не может. А если он умер или его пристрелил охранник в аптеке — вот черт, это будет большая хохма, если последнего в мире стрелка прикончит какой-нибудь жлоб из службы охраны! — или он попал под машину. Быть может, его уже нет в живых и дверь исчезла. Наверное, она потому так и оборзела, что ей нечего терять.

— Сейчас повыползут! — крикнула Детта, и Эдди увидел, что ему больше незачем переживать о своей сетчатке, так как последние отблески солнца скрылись за горизонтом, оставив после себя лишь бледные блики.

Он уставился на море, а в глазах его постепенно гасло отражение последнего луча дневного света. Эдди ждал, когда первые омары выползут на берег из волн.

12

Эдди попытался отдернуть голову, но не успел. Омар отхватил клешней кусок мяса с его лица, превратив левый глаз в студенистую массу и обнажив кость, сверкнувшую в сумерках белым пятном... а Воистину Гадкая Баба расхохоталась...

Прекрати! — приказал себе Роланд. *Думать так — это еще хуже, чем беспомощность: это просто безумие. И вовсе не обязательно, что так все будет. Быть может, еще есть время.*

И время еще было. Пока. Когда Роланд в теле Джека Морта шагал по Сорок девятой, размахивая руками, не отрывая целеустремленных глаз от вывески «АПТЕКА» и не обращая внимания на взгляды прохожих и на то, как они шарахаются от него, в мире Роланда нижний край солнца еще не коснулся линии горизонта, там, где море сливается с небом. Это случится только минут через пятнадцать. Если для Эдди настанет время мучений и боли, оно пока еще впереди.

Хотя Роланд не стал бы с уверенностью утверждать. Он знал только то, что время в обоих мирах движется с разной скоростью и там сейчас больше времени, чем здесь, и хотя здесь солнце пока высоко, тешить себя надеждой, что и там до заката еще далеко, было бы непростительной ошибкой... а для Эдди — вообще смертельной, ведь тогда ему предстоит погибнуть в невообразимых муках, которые Роланд снова и снова, сам того не желая, пытался себе представить.

Он едва себя сдерживал, чтобы не оглянуться и не посмотреть, как там дела. Но он не осмеливался. Знал, что нельзя. Нельзя.

Голос Корта бесцеремонно ворвался в его размышления: «Контролируй то, что можешь контролировать, слизняк. Пусть все остальное, тебе неподвластное, идет как идет. И если тебе суждено потерпеть поражение, прими его, но с оружием в руках».

Да.

Но иной раз это трудно.

Очень трудно.

Он наверняка обратил бы внимание и понял, почему прохожие так на него глазеют и шарахаются во все стороны, если бы не был так отчаянно сосредоточен на том, чтобы как можно скорее закончить свои дела в этом мире и убраться отсюда ко всем чертям. Но это вряд ли бы что-нибудь изменило.

Он так быстро шагал по направлению к лавке под синей вывеской, где согласно «мортоклопедии» можно было найти столь необходимый его телу кефлекс, что, несмотря на набитые патронами карманы, полы пиджака Джека Морта разлетались, открывая оружейные ремни у Роланда на поясе. Он носил их не так, как их прежние владельцы, аккуратно и прямо, а по-своему: крест-накрест низко на бедрах.

Покупатели, уличные музыканты и торговцы на Сорок девятой видели в нем, точно так же, как и толстяк Джонни, отчаянного головореза.

Роланд добрался до аптеки Каца и вошел туда.

13

В свое время стрелок знавал колдунов, заклинателей и алхимиков. Одни были умными шарлатанами, другие — тупыми мошенниками, в которых могли поверить только еще более непробиваемые кретины (но в его мире всегда был избыток простофиль и дураков, так что эти мошенники вполне могли заработать себе на жизнь, а большинство из них даже преуспевали), и лишь очень немногие действительно были способны на те магические действия, о которых с опаской шептались люди: вызывать демонов и духов умерших, убивать проклятием и исцелять непонятными снадобьями. Одним из таких было создание, которое выдавало себя за человека по имени Флегг и которого Роланд всегда принимал за демона. Роланд знался с ним недолго, и было это почти в самом конце, когда на страну его обрушились хаос и крах. Почти сразу за Флеггом появились два молодых человека отчаянного, но вместе с тем мрачного вида. Деннис и Томас. В то смутное время троица эта лишь промелькнула в жизни стрелка, но он навсегда запомнил, как Флегг у него на глазах превратил доставшего его человека в воющую собаку. На всю жизнь запомнил. А потом был еще человек в черном.

И еще Мартен.

Мартен, который соблазнил его мать, пока отца не было дома. Мартен, который послал Роланда на смерть, но вместо этого лишь добился, что тот стал мужчиной раньше положенного срока. Мартен, с которым, как подозревал Роланд, ему еще раз предстояло встретиться на пути к Башне... или у Башни.

Одним словом, на основании личного опыта общения с магами и колдунами Роланд думал увидеть в аптеке Каца совсем не то, что увидел.

Он думал, что это будет полутемная комнатушка, освещенная слабым светом свечей, наполненная горькими испарениями и горшками с неизвестными порошками, снадобьями и приворотным зельем, большинство из которых покрыто вековым слоем пыли и затянуто паутиной. И посреди всего этого будет какой-нибудь человек в капюшоне, который может оказаться даже опасным. И когда Роланд увидел, что за большими стеклянными витринами непринужденно расхаживают покупатели, как в какой-нибудь самой обычной лавке, он решил, что это какое-то наваждение.

Но выяснилось, что это вовсе не наваждение.

Роланд на мгновение застыл в дверях, и его первоначальное изумление сменилось этакой ироничной усмешкой. В этом мире, где на каждом шагу встречаются настоящие чудеса, где кареты летают по воздуху, а бумага, похоже, дешевле песка, самым поразительным было то, что здешние люди безразличны к этим невиданным чудесам. В этом мире, исполненном волшебства, ему встречались лишь скучающие лица и скучные персоны.

Тысячи флаконов. Снадобья и зелья, большинство из которых, согласно «мортоклопедии», были откровенным надувательством. Например, мазь, которая якобы помогает от облысения, или крем, обещающий удалить некрасивые пятна на руках, но это был чистой воды обман. Были здесь и лекарства для того, что вообще не нуждается в излечении: слабительное для желудка или закрепляющее, отбеливатель для зу-

бов и черная краска для волос, какие-то средства для устранения неприятного запаха изо рта, как будто его нельзя устранить, пожевав ольховую кору. Никакой магии. Самые что ни на есть тривиальные вещи. Хотя были и астин, и еще кое-какие лекарства, которые вполне могли пригодиться. Но, в общем, место это произвело на Роланда удручающее впечатление. Там, где должна бы царить алхимия, было больше парфюмерии, чем магических зелий, — так чего удивляться, что волшебство тихо покинуло это место?

Но еще раз справившись с «мортоклопедией», Роланд выяснил, что все, им увиденное, не самое здесь главное. Настоящие полезные снадобья были надежно сокрыты от посторонних глаз. Их выдавали только тем, кто предъявлял указ колдуна. В этом мире таких колдунов называли ВРАЧАМИ, и они писали свои магические формулы на листках бумаги, определяемых «мортоклопедией» как РЕЦЕПТЫ. Стрелок не знал этого слова. Конечно, надо было бы справиться поточнее, но он не стал утруждать себя. Он знал, что ему нужно, а «мортоклопедия» подсказала, где можно это получить.

Он прошел по ряду к высокой стойке с надписью наверху:

ОТПУСК ЛЕКАРСТВ ПО РЕЦЕПТАМ.

14

Кац, открывший «Фармацию Каца и содовый источник (всякая всячина для дам и господ)» на Сорок девятой улице в 1927-м, уже давно покоился в могиле, а его единственный сын явно готовился отойти в мир иной следом за родителем. Хотя ему было всего сорок шесть лет, выглядел он на все семьдесят. Лысеющий, желтолицый и тощий. Он знал, что его за глаза называют «ходячей немощью» или «смертью на загривке», но никто из тех, кто так его называл, не знал, почему он такой хилый.

Вот взять хотя бы эту суку на телефоне. Миссис Ратбун. Грозится подать на него в суд, если он не пришлет ей валиум и сейчас же, СИЮ ЖЕ МИНУТУ.

Как вы это себе представляете, любезная? Я что, должен вам в трубку эти таблетки насыпать? Если бы только это было возможно, она хотя бы оказала ему любезность и заткнула бы варежку. Открыла бы пасть и подставила ее под телефонную трубку.

При этой мысли он улыбнулся, обнажая ряд желтоватых зубов.

— Вы не понимаете, миссис Ратбун, — вставил он после того, как целую минуту, — а он справился по часам, — спокойно выслушивал ее бред. Как бы ему хотелось сказать хотя бы разочек: *Прекрати на меня орать, идиотка! Ори на своего ВРАЧА! Это он пристрастил тебя к этой мерзости, вот сам пусть и расхлебывает!* Вот именно. Сначала пичкают пациентов, как будто это не транквилизаторы, а жвачка, а потом прекращают выписывать рецепты, и на кого тогда валится все дерьмо? На этих лекарей? О нет! На него! Каждый раз на него!

— Что вы хотите сказать, я не понимаю? — Голос в трубке напоминал ему раздраженное жужжание осы, которую накрыли банкой. — Я понимаю, что я столько лет отоваривалась у вас в аптеке, я понимаю, что я у вас постоянный клиент, я понимаю...

— Вам следует поговорить с... — Он еще раз взглянул поверх очков на ее карточку. — С доктором Брамхоллом, миссис Ратбун. Рецепт ваш уже недействителен, у него истек срок. Мы не продаем валиум без рецепта, это расценивается как федеральное преступление. — К тому же рецепт без номера, добавил он про себя.

— *Это простой недосмотр!*— завопила дамочка. Теперь в голосе у нее явственно зазвучали нотки паники. Эдди бы сразу узнал этот тон: крик души изголодавшегося наркомана.

— Тогда позвоните ему и попросите, чтобы он исправил дату, — сказал Кац. — Пусть он мне перезвонит. У него есть мой номер.

Да. У них у всех есть его телефон. Отсюда и все неприятности. В свои сорок шесть он выглядел как умирающий немощный старикан из-за этих гребаных докторов.

И я даже позволить себе не могу сказать вот такой наркоманке-стерве, чтобы она от меня отгреблась, иначе я потеряю и тот жалкий доход, который мне чудом еще удается извлекать из этого жалкого бизнеса.

— Я НЕ МОГУ ЕМУ ПОЗВОНИТЬ! — завопила она, и визгливый голос ее больно отдался у него в ухе. — ОН СО СВОИМ ДРУЖКОМ-ГОМИКОМ УМОТАЛ В ОТПУСК, И НИКТО МНЕ НЕ ГОВОРИТ КУДА!

Кац буквально физически ощутил, как по желудку его разливается кислота. У него было две язвы, одна уже зарубцевалась, а другая как раз сейчас кровоточила, и причиной тому были сучки типа этой миссис. Он закрыл глаза и поэтому не увидел, как его помощник вытаращился на мужчину в синем костюме и очках в золотой оправе, направляющегося к рецептурному отделу. Не видел он и того, как Ральф, старый толстый охранник (Кац платил ему просто гроши, однако горько сожалел даже об этих весьма незначительных расходах; у отца никогда не было необходимости нанимать охранника, но отец — чтоб он сгнил, Господи, — жил в те времена, когда Нью-Йорк был еще городом, а не общественным туалетом), внезапно вышел из своего обычного полусонного состояния и потянулся за пистолетом у себя на поясе. Он услышал, как вскрикнула женщина-покупательница, но подумал, что она просто обрадовалась, обнаружив ревлон в свободной продаже: ему *пришлось* пустить весь ревлон в свободную продажу, потому что этот иуда Долленц из конкурирующей аптеки на той же улице стал отбивать у него клиентуру, снизив цены.

Он не думал ни о чем, кроме этого Долленца и истерички на телефоне, представляя себе, как было бы славно раздеть этих двоих догола, обмазать как следует медом и посадить задницей на муравейник под жгучим солнцем пустыни. Один муравейник для НЕГО, другой — для НЕЕ. Замечательно!

Лучше и не придумаешь. Его покойный папаша был так озабочен тем, чтобы сын пошел по его стопам, что отказался оплатить ему обучение любой специальности, кроме фармакологии, вот ему и пришлось пойти по стопам отца, чтоб он сгнил, Господи, и это был самый неудачный шаг в его и без того неудачной жизни, из-за которой он и состарился прежде времени.

Ниже уже падать некуда.

По крайней мере он так думал, закрыв глаза.

И поэтому не заметил, как стрелок подошел к нему.

— Если вы можете к нам зайти, миссис Ратбун, я вам отпущу дюжину пятимиллиграммовых таблеток валиума. Вас столько устроит?

— Слава Богу, он вразумился! — С тем она и повесила трубку. Вот так вот. Ни слова благодарности. А когда она снова увидит эту ходячую задницу, что называет себя врачом, она будет готова перед ним распластаться и носом полировать его туфли от Гуччи, она член ему отсосет, она...

— Мистер Кац, — позвал помощник каким-то странным, будто бы задыхающимся голосом. — По-моему, у нас пробле...

Засим последовал новый крик и грохот выстрела, до смерти перепугавший Каца. Он даже подумал, что сердце его, в последний раз бешено екнув в груди, сейчас остановится уже навсегда.

Он открыл глаза и уставился прямо в глаза стрелка. Потом опустил взгляд и увидел у него в руке пистолет. Посмотрел налево: Ральф, охранник, держался одной рукой за кисть другой и смотрел на грабителя, вытаращив глаза так, что казалось, будто они сейчас вывалятся из глазниц. Собственный его пистолет 38-го калибра, который Ральф, офицер полиции, по долгу службы носил уже восемнадцать лет (стрелял он только в подвальном тире 23-го полицейского участка и еще утверждал, что ему якобы дважды пришлось пустить его в ход), лежал в углу искореженной грудой металла.

— Мне нужен кефлекс, — спокойно сказал налетчик с глазами снайпера. — Много кефлекса. Прямо сейчас. И никаких РЕЦЕПТОВ.

Мгновение Кац лишь смотрел на него разинув рот. Сердце его бешено колотилось в груди, желудок превратился в котел с бурлящей кислотой.

Он думал, что хуже уже не бывает?

Он что, и *вправду* так думал?

15

— Вы не понимаете, — выдавил наконец Кац. Голос его показался каким-то странным даже ему самому, и ничего удивительного: рот у него как будто обложили куском фланели, а язык превратился в ватную прокладку. — У нас тут нет кокаина. Он вообще в аптеках не продае...

— Я не сказал: кокаин, — оборвал его человек в синем костюме и очках в золотой оправе. — Я сказал: кефлекс.

Мне показалось, что вы так сказали, едва не ответил Кац этому ненормальному выродку, но потом подумал, что тем самым может его спровоцировать. Он слышал об ограблениях аптек, когда налетчики требовали амфетамин и еще с полдюжины препаратов (включая и драгоценный валиум миссис Ратбун), но это, возможно, первое в истории ограбление, когда бандиту нужен обычный пенициллин.

Отцовский голос у него в голове (чтоб ты сгнил, старый ублюдок) посоветовал прекращать мандражировать и *делать* хоть что-нибудь.

Но он никак не мог сообразить, что делать.

Человек с пистолетом ему подсказал.

— Шевелись, — сказал он. — У меня мало времени.

— С-сколько вам нужно? — заикаясь, спросил Кац. Взгляд его скользнул поверх плеча грабителя, и старый аптекарь увидел такое... что он глазам своим не поверил. Только не в этом городе. Но, похоже, все это происходило на са-

мом деле. Повезло? Ему, Кацу, действительно повезло? *Такое* можно смело вносить в Книгу рекордов Гиннесса!

— Не знаю, — сказал человек с пистолетом. — Сколько влезет в сумку. В *большую* сумку. — Тут он безо всякого предупреждения развернулся и выпалил из пистолета. Кто-то завопил. Стекло витрины вылетело на тротуар, рассыпавшись снопом осколков. Нескольких случайных пешеходов задело осколками, но никто серьезно не пострадал. В аптеке Каца женщины-покупательницы (и кое-кто из мужчин) разразились криками. Хрипло завыла сигнализация. Покупатели в панике бросились к выходу. Человек с пистолетом повернулся обратно к Кацу. Лицо его нисколько не изменилось, на нем застыло все то же выражение пугающего (но не безграничного) терпения.

— Делай, как тебе сказано. Быстро. У меня мало времени.

Кац тяжело сглотнул.

— Да, сэр, — выдавил он.

16

Еще на полпути к прилавку, за которым они тут держали сильные снадобья, Роланд заметил изогнутое зеркало в верхнем левом углу торгового зала и подивился: в его мире даже самый искусный ремесленник не сумел бы сейчас сделать такое, хотя было время, когда и в его мире выделывали такие штуки и много чего другого, увиденного им в мире Эдди и Одетты. Он натыкался на остатки этих вещей в тоннеле под горами и в других местах тоже... реликвии, столь же древние и загадочные, как и камни друидов, иногда стоящие в местах, где поселились демоны.

Он догадался, для чего это зеркало предназначено.

Он едва успел заметить движение стражника: Роланд до сих пор еще не привык к этим линзам, очкам, которые носил Морт и которые искажали боковое зрение, — но все-таки

не опоздал обернуться и выстрелом выбить из рук охранника револьвер. Для Роланда это было в порядке вещей, хотя ему и пришлось чуток поспешить. Охранник, однако, просто опешил. Ральф Леннокс до конца своих дней будет божиться, что парень сделал невозможное... таких выстрелов в жизни вообще не бывает, разве только в детских вестернах типа «Энни Оукли».

Благодаря зеркалу, которое, очевидно, повесили здесь, чтобы засекать воров, в следующий раз Роланд выстрелил быстрее.

Он увидел, как взгляд алхимика на мгновение метнулся куда-то ему за спину, и, подняв глаза к зеркалу, углядел, как сзади к нему подбирается какой-то мужик в кожаной куртке с длинным ножом в руке и, как очевидно, с мечтой прославиться — в голове.

Стрелок обернулся и выстрелил, приставив револьвер к бедру, чтобы не промахнуться в первый раз из незнакомого оружия и случайно не ранить кого-нибудь из покупателей, что окаменели от страха за спиной у этого кожаного, возомнившего себя героем. Лучше всего, конечно, было бы выстрелить не один раз, а два, с упора в бедро, чтобы пули пошли по восходящей траектории и не задели случайно какую-нибудь дамочку, чье единственное преступление заключается в том, что она выбрала неудачный день для покупки духов.

Револьвер оказался вполне приличным. Видно было, что за ним ухаживали. Прицел не сбит. Судя по тучному, рыхлому виду тех стрелков, у которых он отобрал револьверы, можно было заключить, что они больше заботились о том оружии, которое носили при себе, нежели о том, которым являлись *сами*. Такое отношение казалось Роланду по меньшей мере странным, но ведь и весь этот мир был странным, и Роланд не мог судить о нем со своей колокольни. Точнее, у него просто не было времени на рассуждения.

Выстрел вышел удачный: лезвие ножа перебило у самого черенка, и в руках у геройствующего мужика осталась одна рукоятка.

Роланд спокойно посмотрел на него, и что-то во взгляде его, как видно, заставило неудавшегося героя вспомнить об очень важном и срочном свидании, на которое он уже опаздывал, потому что он развернулся и, бросив на пол бесполезную рукоятку, присоединился к массовому исходу.

Роланд опять повернулся к алхимику и отдал ему распоряжения. Если он будет копаться по-прежнему, тогда точно прольется кровь. Когда алхимик хотел было пойти исполнять приказание налетчика, Роланд ткнул в его выпирающую лопатку стволом пистолета. Мужик в ужасе завопил и сразу же обернулся.

— Не ты. Ты оставайся тут. Пусть твой подмастерье сходит.

— К-кто?

— Он. — Роланд нетерпеливым жестом указал на помощника Каца.

— Что я должен делать, мистер Кац? — пролепетал помощник. Остатки юношеских прыщей выступили еще отчетливее на его разом побледневшем лице.

— Делай, что он говорит, ты, недоумок! Отпусти ему! Кефлекса!

Помощник достал какую-то бутылочку с одной из полок за прилавком.

— Поверни, чтобы я мог прочесть, что там написано, — приказал стрелок.

Помощник сделал, как велено. Роланд *не смог* прочитать: слишком много незнакомых букв. Он справился в «мортоклопедии». Та подтвердила, что это кефлекс, и Роланд понял, что мог бы и не тратить время на эту дурацкую перепроверку. Только *он* знал о том, что не может прочесть все надписи в этом мире, но эти-то люди об этом не догадывались.

— Сколько таблеток в бутылочке?

— Ну, это, собственно, капсулы, — нервно ответил помощник. — Если вас интересует в таблетках...

— Не важно. Сколько здесь доз?

— О... А... — Помощник так волновался, что едва не выронил флакон. — Двести.

Роланд вдруг почувствовал себя точно так же, как и в оружейной лавке, когда ему сказали, сколько патронов он может купить почти за бесценок. В потайном отделении аптечки Энрико Балазара было девять маленьких пузыречков кефлекса, всего на тридцать шесть приемов, и даже после этого он почти выздоровел. Уж если ему не удастся полностью уничтожить инфекцию *за двести приемов,* значит, ее вообще нельзя уничтожить.

— Давай сюда, — сказал человек в синем костюме.

Помощник передал ему лекарство.

Стрелок подтянул рукав пиджака и снял часы Джека Морта — «Ролекс».

— У меня нет денег, но этого, я надеюсь, хватит на покрытие всей суммы.

Он повернулся, кивнул охраннику, который так и сидел на полу рядом со своим опрокинутым табуретом и смотрел на стрелка вытаращенными глазами, а потом вышел на улицу.

Вот так: просто вышел.

Секунд на пять в аптеке воцарилась гробовая тишина, если не считать воя сирены, достаточно громкого, чтобы заглушить даже гул людских голосов на улице.

— Господи всемогущий, мистер Кац, что же нам теперь делать? — прошептал помощник.

Кац взял с прилавка часы и прикинул их вес на руке.

Золото. Чистое золото.

Он не мог в это поверить.

Но *приходилось* верить.

Какой-то чокнутый зашел с улицы, выстрелом вышиб пистолет из руки охранника и нож из руки посетителя, и все для того, чтобы добыть и не наркотик даже, а самое что ни на есть обыкновенное лекарство.

Кефлекс.

Упаковка кефлекса за какие-то долларов шестьдесят.

За которую он отдал «Ролекс» за 6500 баксов.

— Что делать? — переспросил Кац. — Что делать? Спрятать часы под прилавок. Вот что! Ты их никогда не видел. — Он посмотрел на Ральфа. — И ты тоже.

— Не видел, сэр, — немедленно согласился Ральф. — Как только я получу свою долю с их продажи, я в жизни этих часов не видел.

— Его там, на улице, как собаку пристрелят, — с явным удовлетворением заметил Кац.

— Кефлекс! А парень-то вроде ни разу даже и не чихнул, — с удивлением заметил помощник.

Глава 4
ИЗВЛЕЧЕНИЕ

1

Когда в мире Роланда нижний край солнца коснулся Западного моря и золотая огненная полоска пролегла по воде до самого берега, где, точно связанная индейка, валялся Эдди, в мире, откуда Роланд забрал Эдди, офицеры О'Мэра и Делеван потихоньку приходили в себя.

— Откройте мне эти наручники, а? — робко пролепетал толстяк Джонни.

— Где он? — прохрипел О'Мэра и потянулся к кобуре. Ни тебе кобуры, ни портупеи, ни запасных патронов, ни пистолета. Пистолет.

Вот дерьмо!

Он подумал о том, как будет иметь разговор с этими задницами из Управления внутренних дел, которые знают о жизни на улицах лишь из программы «Бредень» Джека Уэбба, и денежный эквивалент утерянного оружия вдруг представился ему не более важным, чем численность насе-

ления Ирландии или месторождения полезных ископаемых в Перу. Он поглядел на Карла и увидел, что и у Карла тоже пистолет увели.

Господи Иисусе, помилуй нас, дураков, взмолился О'Мэра, а когда толстяк Джонни снова робко поинтересовался, не будет ли он так любезен взять с прилавка ключ и открыть наручники, О'Мэра начал было:

— Да я тебе сейчас...

Но тут же умолк. Он собирался сказать: *Я тебе сейчас не наручники сниму, а башку отстрелю,* вот только стрелять-то ему было нечем, так? Все оружие, которое в магазине, было приковано цепями, а этот ублюдок в очках в золотой оправе, с виду нормальный, солидный даже гражданин, отобрал у них с Карлом их табельное оружие с той же легкостью, с какой сам О'Мэра отобрал бы пугач у ребенка.

Поэтому он придержал язык, взял с прилавка ключ и открыл наручники. Тут он заметил «магнум», который Роланд отшвырнул в угол. В кобуру он бы не влез все равно, так что О'Мэра просто заткнул пистолет за пояс.

— Эй, это мое! — слабым голосом воспротивился толстяк Джонни.

— Да? Хочешь обратно его получить? — медленно выговорил О'Мэра. По-другому у него просто не получалось. Голова раскалывалась. Сейчас ему больше всего хотелось найти этого мистера Очки-в-золотой-оправе и прибить его гвоздями к ближайшей стенке. Тупыми гвоздями. — Я слышал, у них там в Аттике сейчас как раз в моде такие пухленькие, как ты. Знаешь, как они там говорят, в тюряге? «Больше жопа, легче вставить». Так ты уверен, что хочешь получить его обратно?

Толстяк Джонни отвернулся, не сказав ни слова. Однако О'Мэра все же успел заметить слезы у него на глазах и мокрое пятно на штанах. Но никакой жалости он не испытывал.

— Где он? — спросил Карл Делеван, закипая от ярости.

— Ушел, — как-то вяло ответил ему толстяк Джонни. — Больше я ничего не знаю. Он ушел. Я думал, он меня укокошит.

Делеван стал медленно подниматься на ноги. Проведя рукой по щеке, он почувствовал под пальцами липкую влагу. Посмотрел на руку. Кровь. Твою мать. Он попытался схватиться за кобуру, пока наконец до него не дошло, что никакой кобуры нет. У О'Мэры голова просто болела, хотя и сильно; у Делевана было стойкое ощущение, что у него в голове проходят испытания ядерного оружия средней дальности.

— Этот тип забрал у меня пистолет, — сообщил он О'Мэре. Говорил он невнятно, так что его напарник с трудом разобрал слова.

— Добро пожаловать в наш клуб.

— Он еще здесь? — Делеван шагнул к О'Мэре, его повело влево, как это бывает на палубе корабля во время сильной качки, но он сумел выпрямиться.

— Нет.

— И давно?

Делеван поглядел на толстяка Джонни, но тот не ответил, наверное потому, что стоял спиной к полицейским и думал, что Делеван обращается к своему напарнику. Делеван, который и при более благоприятных обстоятельствах не отличался ровным характером и сдержанностью, с ревом набросился на продавца, хотя из-за резкого этого движения его голову сдавило так, что, казалось, сейчас она расколется на куски.

— *Я задал тебе вопрос, жирный кусок дерьма! Давно ушел этот мудак?*

— Минут пять, может быть, — пролепетал толстяк Джонни. — Патроны свои прихватил и ваши пистолеты. — Он на мгновение умолк и добавил: — Заплатил за патроны. Мне даже не верится.

Пять минут, рассуждал про себя Делеван. Этот тип приехал сюда на такси. Они сидели у себя в патрульной машине, попивали кофе и видели, как он выходил из такси. Скоро как раз час пик. В это время дня очень трудно поймать такси. Может быть...

— Пойдем, — сказал он О'Мэре. — У нас есть еще шанс его взять. Но нам нужна пушка этого тюфяка...

О'Мэра показал ему «магнум». Сначала Делевану привиделось, что в руке у него два пистолета, но потом изображение сфокусировалось.

— Хорошо. — Делеван постепенно приходил в себя, как боксер на ринге, получивший неслабый удар в нижнюю челюсть. — Оставь его у себя. А я возьму дробовик из машины. — Он направился к двери, но его опять повело, да так, что ему пришлось опереться рукой о стену, чтобы устоять на ногах.

— С тобой все будет в порядке? — спросил О'Мэра.

— Если мы его возьмем.

Они вышли. Толстяк Джонни очень обрадовался их уходу, не так, конечно, как он обрадовался, когда ушел тот тронутый в синем костюме, но почти так же. Почти.

2

Делевану и О'Мэре не пришлось даже решать, в каком направлении смылся грабитель после того, как покинул оружейный магазин. Достаточно было послушать радиодиспетчера.

— Код 19, — повторяла она снова и снова. — *Происходит вооруженное ограбление. Выстрелы.* Код 19. Код 19. Местоположение: 395 Запад, Сорок девятая, аптека Каца, преступник — высокий блондин в синем костюме...

Выстрелы, подумал Делеван, и голова у него разболелась еще пуще. *Интересно, он из моего пистолета стреляет или из пистолета Джорджа? Или из обоих? Если этот мешок с дерьмом кого-нибудь убил, нам крышка. Если только мы его не возьмем.*

— Быстро туда, — коротко бросил он О'Мэре, которому не требовалось повторять дважды. Он врубался в ситуацию не хуже Делевана. Они включили мигалку и сирену и с воем сорвались с места, встраиваясь в поток уличного движения. Уже начинался час пик, и улицы были запружены, но О'Мэ-

ра повел машину так, что два колеса шли по сточному желобу вдоль проезжей части, а два — прямо по тротуару. Прохожие шарахались, как испуганные перепелки. Сворачивая на Сорок девятую, он снес задний щиток какого-то продуктового фургончика. Впереди он уже различал блеск битого стекла на тротуаре. Уже был слышен рев сигнализации. Пешеходы прятались по подъездам и за кучами мусора, но жильцы с верхних этажей буквально вываливались из окон, с интересом наблюдая за происходящим, как будто там им показывали телешоу или какой-нибудь боевик, причем бесплатно.

В квартале машин не было вообще, даже такси и автобусов.

— Надеюсь, что он еще там, — сказал Делеван, доставая ключ, чтобы отпереть стальную решетку под приборной доской, где у них хранилось помповое ружье, дробовик. — Я очень надеюсь, что этот гребаный сукин сын еще там.

Но ни один из них не усвоил одной простой истины: если имеешь дело со стрелком, то лучше всего просто оставить его в покое.

3

Роланд вышел из аптеки Каца, опуская бутылочку с кефлексом в карман пиджака Джека Морта, где уже лежали коробки с патронами. В правой руке он держал табельный пистолет Карла Делевана. Как чертовски приятно снова держать револьвер всей — целой — правой!

Он услышал сирену и увидел машину, с ревом несущуюся по улице. *Это они,* сказал он себе и поднял было револьвер, но тут вспомнил: они же стрелки. Стрелки, исполняющие свой долг. Он развернулся и зашел обратно в аптеку.

— *Стой, мудила!* — заорал Делеван. Роланд поднял глаза к изогнутому зеркалу как раз в то мгновение, когда один из стрелков — тот, у кого текла кровь из уха, — высунулся из

окна, держа в руках дробовик. Когда его напарник со скрежетом остановил экипаж, так что резиновые колеса аж задымились, тот передернул затвор.

Роланд залег на полу.

4

Кац и без всякого зеркала знал, что сейчас будет. Сначала чокнутый посетитель, теперь чокнутые полицейские. *Мама родная! Ой-вай!*

— *Ложись!* — крикнул он помощнику и Ральфу, охраннику, и тут же сам упал на колени за прилавком, не пытаясь даже удостовериться, как там его подчиненные: сделали, как он сказал, или нет.

А потом, на какую-то долю секунды раньше, чем Делеван выстрелил, помощник Каца упал на него, точно полузащитник, пытающийся задержать противника на футбольном поле, так что аптекарь ударился головой об пол и сломал челюсть аж в двух местах.

Сквозь внезапную боль, пронзившую голову, он услышал грохот выстрела, услышал, как со звоном крошатся уцелевшие стекла витрин, равно как и флаконы с лосьоном после бритья, одеколоны, духи, зубные эликсиры, сиропы от кашля и бог знает что еще. Тысячи несочетаемых запахов смешались в чертовскую вонь, и прежде чем вырубиться, Кац еще раз попросил Господа Бога, чтобы тот сгноил его уважаемого папашу, который навесил ему на шею эту проклятую аптеку.

5

Роланд увидел, как бутылочки и коробки разлетаются под ураганным огнем. Стеклянный ящик с хронометрами разнесло на куски, как и большинство песочных часов. Осколки летели сверкающим облаком.

Они не проверили даже, остались ли здесь посетители, ни в чем не повинные люди, подумал он. *Они не проверили, но все равно стреляют!*

Непростительно. Роланд с трудом сдержал закипающий гнев. Они же стрелки. Уж лучше считать, что они повредились мозгами после того, как он столкнул их лбами в оружейной лавке, потому что поверить в то, что они делают это сознательно, не заботясь о честных гражданах, которых они могут ранить или даже убить, было просто немыслимо.

Они ждали, что он либо побежит, либо станет стрелять в ответ.

Вместо этого он пополз вперед, припадая к полу как можно ниже. Он изрезал обе руки и колени осколками битого стекла. Боль привела Джека Морта в сознание. Роланд очень обрадовался данному обстоятельству. Морт ему пригодится. А до колен и рук Морта ему не было никакого дела. Сам он переносил боль легко, а тело, которое он изранил, принадлежало чудовищу, которое и не заслуживало ничего лучшего.

Он дополз до подоконника разбитой витрины справа от двери. Там он весь подобрался, готовый в любую секунду сорваться с места, вложил в кобуру пистолет, который держал в правой руке.

Теперь он ему не понадобится.

6

— Что ты делаешь, Карл?! — завопил О'Мэра. Перед мысленным взором его вдруг возник заголовок в «Дейли ньюс»:

ВЕСТ-САЙД. ПЕРЕСТРЕЛКА В АПТЕКЕ.
ЛЕГАВЫЙ УЛОЖИЛ ЧЕТВЕРЫХ МИРНЫХ ГРАЖДАН.

Не обращая внимания на крики напарника, Делеван передернул затвор.

— Сейчас я этому говнюку покажу.

7

Все шло именно так, как и предполагал стрелок.

Взбешенные тем, что какой-то мужик, с виду не более опасный, чем все остальные бараны в этом огромном городе, оставил их в дураках, не прилагая к этому никаких усилий, да еще и отобрал у них оружие, полицейские ворвались в аптеку, не совсем еще оправившись после ударов по голове, причем впереди бежал тот идиот, который палил из дробовика. Бежали они слегка пригнувшись, как солдаты, атакующие противника, но это была их единственная уступка тому почти анекдотичному предположению, что преступник все еще сидит внутри. По их мнению, он давно уже выбрался через заднюю дверь и теперь несется по какому-нибудь переулку.

Вот так они и ворвались, давя подметками битое стекло, а когда тот стрелок с дробовиком распахнул дверь с высаженным стеклом и шагнул через порог, Роланд встал во весь рост, сплетя обе руки над головой в один кулак, и обрушил его на затылок офицера полиции Карла Делевана.

Уже потом, давая показания на комиссии по расследованию, Делеван утверждал, что он вообще ничего не помнит после того, как, опустившись на колени, заглянул под прилавок в магазинчике Клементса и увидел там бумажник преступника. Члены комиссии рассудили, что подобная амнезия в данных обстоятельствах чертовски удобна, но Делеван все равно отделался легким испугом и удержанием двухмесячной зарплаты. А вот Роланд ему бы поверил и при других обстоятельствах (например, если бы этот кретин не стал обстреливать аптеку, где находились невинные люди), наверное, даже и посочувствовал. Когда в течение получаса тебя дважды дубасят по черепушке, было бы странно, если бы мозги твои остались в полном порядке.

Когда Делеван повалился на пол, вдруг весь обмякнув, точно мешок с овсом, Роланд выхватил дробовик из его вялых рук.

— *Стой!* — выкрикнул О'Мэра, и в его голосе смешались ярость и испуг. Он уже поднял было «магнум» толстяка Джонни, но все опять пошло так, как и предвидел Роланд: стрелки в этом мире были прямо-таки до огорчения медлительны. За то время, пока О'Мэра поднимал свой револьвер, Роланд успел бы три раза его пристрелить, но в том не было необходимости. Он просто вдарил ему дробовиком, как дубиной. Раздался глухой шлепок, когда приклад вписался в левую щеку О'Мэры — звук, получающийся при ударе битой по бейсбольному мячу. Лицо О'Мэры вниз от щеки тут же сместилось дюйма на два вправо. Чтобы потом его выправить, потребовались три хирургические операции и четыре стальные спицы. На мгновение О'Мэра застыл на месте, как будто не веря, что с ним это случилось, а потом глаза его закатились, ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Роланд встал в дверях, не обращая внимания на приближающийся рев сирен. Он «переломил» дробовик и, передергивая цевье, опустошил магазин, роняя патроны прямо на обмякшее тело Делевана. Дробовик он бросил сверху.

— Ты дурак, и дурак опасный, тебя бы следовало изгнать на Запад, — сказал он лежащему без сознания человеку. — Ты забыл лицо своего отца.

Перешагнув через него, Роланд вышел на улицу, подошел к экипажу стрелков, двигатель которого все еще работал на холостых оборотах, и, обойдя его, сел за руль.

8

Умеешь водить этот экипаж? — спросил он у воющего и бубнящего создания по имени Джек Морт.

Но не получил вразумительного ответа. Морт продолжал вопить. Стрелок понял, что это истерика, но не совсем настоящая. Джек Морт умышленно закатил истерику, чтобы уклониться от разговора с этим жутким и странным голосом у него в мозгу.

Послушай, попытался вразумить его стрелок. *Времени у меня нет. Повторять я два раза не буду. Так что слушай внимательно. Если ты не ответишь на мой вопрос, я твой же палец воткну тебе в глаз и буду нажимать до тех пор, пока его не выдавлю, а потом разотру твой глаз о сиденье этого экипажа, как соплю из носа. Сам я прекрасно обойдусь одним глазом. Да и в конце концов это же не мои глаза.*

Он не лгал. Он не мог лгать Морту, точно так же, как и Морт не мог лгать ему: взаимоотношения их были вынужденные и более чем прохладные, но в то же время связь их была теснее и ближе, чем связь страстных любовников, сплетенных телами в акте любви. В конечном итоге их связь была не совокуплением тел, а предельным слиянием сознаний.

Он собирался сделать именно то, что сказал.

И Морт это знал.

Истерика прекратилась моментально. *Я умею ее водить,* сказал Морт. Это был первый осмысленный ответ, которого Роланд добился от Морта с тех пор, как вошел к нему в сознание.

Тогда веди.

Куда тебе нужно?

Знаешь такое место, Виллидж?

Да.

Вот туда.

А куда там в Виллидже?

Пока просто езжай туда.

Мы поедем быстрее, если включить сирену.

Хорошо. Включай. И эти мигающие огоньки тоже.

Впервые с тех пор как он захватил контроль над Мортом, Роланд чуть-чуть отступил и позволил ему действовать самостоятельно. Когда Морт склонил голову, чтобы рассмотреть приборный щиток сине-белого экипажа, Роланд лишь наблюдал за его движениями, пока не вмешиваясь. Но если бы он сейчас был физическим существом, а не бесплотным *ка*, он бы сидел настороже, готовый в любое мгновение рва-

нуться вперед и перехватить инициативу при малейших признаках неповиновения.

Однако ничего даже близко похожего на непослушание не наблюдалось. Одному Богу известно, сколько невинных людей убил и искалечил этот человек, но он явно не собирался терять свой драгоценный глаз. Он повернул выключатель, потянул за рычаг, и вдруг они сдвинулись с места. Взвыла сирена, запульсировали красные огоньки.

Езжай быстрее, угрюмо велел стрелок.

9

Был час пик, и, несмотря на мигалку, включенную сирену и постоянные сигналы клаксона, дорога до Гринвич-Виллидж заняла аж двадцать минут. А в мире стрелка *надежды* Эдди на спасение таяли, точно земляные плотины под проливным дождем. Скоро они иссякнут и вовсе.

Солнце уже наполовину опустилось в море.

Ну вот, сказал Джек Морт, *приехали. Он говорил правду* (все равно он бы не смог солгать Роланду), хотя, на взгляд Роланда, это место ничем не отличалось от других частей города: все то же скопление зданий, людей и карет. Кареты не только запруживали все улицы, но и отравляли самый воздух своим нескончаемым шумом и зловонными испарениями. Ядовитые газы выделялись, как он рассудил, из-за топлива, в этих каретах сжигаемого. Удивительно еще, как люди могут тут жить, а женщины — рожать нормальных детей, а не уродов вроде тех недоумков-мутантов под горным кряжем.

И куда теперь? — спросил Морт.

Здесь начиналось самое трудное. Стрелок приготовился... собрался, как мог.

Выключи сирену и огни. Остановись у обочины.

Морт подкатил патрульную машину к пожарному гидранту.

В этом городе есть такие подземные железные дороги, сказал стрелок. *Подвези меня к станции, где поезда останавливаются, чтобы пассажиры садились и выходили.*

К какой станции? — спросил Морт. В этой его мысленной фразе явственно прозвучала нотка паники. Морт ничего не мог скрыть от Роланда, как и Роланд от Морта, по крайней мере на долгое время.

Несколько лет назад — точно не знаю сколько — на одной из этих подземных станций ты столкнул молодую женщину под поезд. Отвези меня туда.

Слова эти вызвали короткую, но отчаянную борьбу. Стрелок взял верх, но победа эта ему далась на удивление трудно. В определенном смысле у Джека Морта тоже было два лица, как и у Одетты. Хотя он не был шизофреником. Он всегда знал, что он делает, но он тщательно оберегал свое тайное «я» — ту часть своей личности, которая являлась Толкачом, — и скрывал ее ото всех, как какой-нибудь растратчик скрывает свой незаконный доход.

Вези меня туда, ублюдок, повторил стрелок и медленно поднес палец Джека Морта к его правому глазу. Когда палец был уже в полудюйме от глаза и продолжал неумолимо приближаться, Морт наконец сдался.

Правая его рука вновь опустилась на руль, и они поехали на Кристофер-стрит, где примерно три года назад легендарный поезд А отрезал ноги молодой женщине по имени Одетта Холмс.

10

— Ты глянь, — сказал пеший патрульный Энди Стонтон своему напарнику, Норрису Уиверу, когда сине-белая машина О'Мэры и Делевана остановилась в полуквартале от них. Свободных мест для парковки не было, но водитель не стал утруждать себя долгими поисками. Он просто остановился во втором ряду, оставив свободным только один ряд. Сразу же образовалась пробка. Машины просачивались в это узень-

кое пространство медленно, точно кровь по сосуду, безнадежно забитому холестерином.

Уивер проверил номер на боку рядом с правой передней фарой. 744. Да, тот самый номер, о котором пришло сообщение из диспетчерской. Да.

Мигалка горела, и все вроде бы выглядело как надо — до тех пор, пока дверца не распахнулась и не вышел водитель. Да, он был в синем костюме, но только без золотых пуговиц и серебряного знака. Ботинки его тоже не походили на форменные полицейские ботинки, если только Стонтон и Уивер не пропустили распоряжение по городским полицейским участкам о переходе всех офицеров действительной службы на новую форму обуви — туфли от Гуччи. Но это вряд ли. Скорее всего этот мужик — тот самый тип, который чуть не прибил двух полицейских в Вест-Сайде. Он вышел, не обращая внимания на гудки и возмущенные крики водителей, которым он перегородил дорогу.

— Черт возьми, — выдохнул Энди Стонтон.

«При поимке преступника соблюдать особую осторожность, — предупреждала диспетчер. — Преступник вооружен и очень опасен». Эти диспетчерши всегда говорят так, как будто они все время прямо-таки изнывают от скуки — а так, наверное, оно и есть, — вот почему едва ли не благоговейно произнесенное этой диспетчершей слово «очень» несказанно его поразило.

Стонтон вытащил свой пистолет — в первый раз за все четыре года службы в полиции — и покосился на Уивера. Тот тоже достал оружие. Они стояли на улице, возле магазинчика деликатесов, футах в тридцати от входа в подземку. Они уже давно знали друг друга и успели, как говорится, притереться, как могут лишь полицейские или профессиональные военные. Поняв все без слов, оба отступили к дверям магазина, держа оружие наготове.

— В подземку? — спросил Уивер.

— Ага. — Энди быстро глянул на вход на станцию. Час пик был в самом разгаре, и на лестнице было полно народу.

Люди спешили к поездам. — Надо брать его прямо сейчас, пока он не смешался с толпой.

— Ну так давай.

Они вышли из дверей пусть маленькой, но идеально сплоченной командой — этих стрелков Роланд сразу же расценил бы как противников, более достойных и сильных, чем первые двое. Во-первых, эти были моложе, а во-вторых, хотя Роланд этого и не знал, какая-то незнакомая ему диспетчерша обозвала его «особо опасным», что в глазах Энди Стонтона и Норриса Уивера приравнивало его к взбесившемуся тигру-людоеду. *Если он не остановится по первому моему приказу, я сразу буду стрелять на поражение,* подумал Энди.

— Стой! — закричал он, пригнувшись и выставив перед собой пистолет, держа его обеими руками. Рядом с ним Уивер проделал то же самое. — Полиция! Руки за голо...

Но не успел он договорить, как тип в синем костюме уже рванул к лестнице в подземку. Скорость он развил простонапросто сверхъестественную. Но и Энди Стонтон тоже ворон не считал и набрал максимальные обороты. Он развернулся на каблуках и отбросил в сторону все эмоции, как бы облачившись в покров отрешенного хладнокровия, — Роланду состояние это было знакомо. Он и сам столько раз переживал нечто подобное в сходных ситуациях.

Энди прицелился и нажал на спусковой крючок своего 38-го. Мужчина в синем костюме на бегу развернулся, стараясь удержаться на ногах, а затем упал на мостовую. Прохожие, которых еще мгновение назад заботило только одно: как бы пережить очередную поездку домой в подземке, — с криками бросились врассыпную, как перепуганные куропатки, обнаружив, что сегодня им предстоит пережить еще одно жуткое испытание сверх ежедневной программы.

— Срань господня, дружище, — выдохнул Норрис Уивер, — ты его завалил.

— Я знаю. — Голос Энди не дрогнул. Стрелок бы это оценил. — Пойдем глянем, кто это был.

11

Я умер! — вопил Джек Морт. *Я умер, из-за тебя меня убили, я умер, я...*

Нет, — отозвался стрелок. Он полуприкрыл глаза, оставив только маленькую щелочку, чтобы видеть, как полицейские приближаются к нему с пистолетами наготове. Эти помоложе и попроворнее, чем те, что сидели в машине у оружейного магазинчика. Попроворнее. И по крайней мере один из них чертовски метко стрелял. Морт — а вместе с ним и Роланд — на самом деле должны были умереть на месте, или сейчас умирать, или валяться с серьезной раной. Энди Стонтон стрелял на поражение. Пуля прошила левый лацкан Мортова пиджака, продырявила карман рубашки фирмы «Эрроу» — но дальше она не прошла. Жизнь обоих, Джека Морта снаружи и Роланда внутри, спасла зажигалка Морта.

Сам Морт не курил, но его босс — на место которого самоуверенно метил Морт, причем получить он его рассчитывал уже в будущем году — дымил вовсю. Соответственно Морт выложил двести баксов и купил в фирменном магазине серебряную зажигалку «Данхилл». Не то чтобы он подносил огонек каждый раз, когда мистер Фрамингэм совал в рот сигарету — это могли расценить как подхалимство, а ему вовсе не улыбалось прослыть жополизом, — но иногда, время от времени... и обычно когда рядом стоял кто-нибудь из вышестоящих начальников, кто мог бы по достоинству оценить:

а) ненавязчивую вежливость Джека Морта и

б) хороший вкус Джека Морта.

Умные люди очень предусмотрительны.

На этот раз предусмотрительность Джека Морта спасла жизнь ему и Роланду. Пуля Стонтона вошла в серебряную зажигалку, а не в сердце Морта (спасла их и страсть Морта к хорошим вещам — хорошим вещам от известных фирм — была б зажигалка дешевенькой, им бы точно пришел конец).

Разумеется, без легкой раны не обошлось. Когда в тебя стреляют из крупнокалиберного пистолета, так просто ты не

отделаешься. Зажигалку загнало в грудную клетку, так что образовалась вмятина. Ее сплющило и разнесло на куски, от которых на коже Морта остались царапины, а одна щепка перерезала левый сосок почти пополам. Фитилевый наполнитель воспламенился. Но стрелок тем не менее продолжал лежать неподвижно, дожидаясь, когда полицейские приблизятся. Тот, который стрелял в него, кричал на ходу прохожим, чтобы те не подходили и не мешались тут, черт возьми.

Я горю! — мысленно завопил Морт. *Я горю, потуши огонь! Потуши его, ПОТУШШШШШШИ...*

Роланд лежал неподвижно, прислушиваясь к тому, как поскрипывают по асфальту ботинки стрелков, не обращая внимания на вопли Морта, пытаясь не обращать внимания ни на внезапное жжение в груди, ни на запах горелого мяса.

Ему под грудь просунулась нога, а когда его грубо подцепили, Роланд позволил себе безвольно перевернуться на спину. Глаза Джека Морта были открыты. Мышцы лица обмякли. Несмотря на разбитую зажигалку и воспламенившийся пиджак, ничто на этом вялом лице не выдавало того, что внутри этого тела вопит живой человек.

— Боже, — пробормотал кто-то в толпе, — ты что, приятель, трассирующей в него пальнул?

Дымок поднимался из отверстия в левом лацкане пиджака Джека Морта тоненькой аккуратной струйкой и просачивался из-под отворота размытым облачком. Полицейские чувствовали запах горелого мяса: фитилевый наполнитель, пропитавшийся горючей жидкостью, разгорелся уже вовсю.

Энди Стонтон, который до этой минуты действовал безупречно, теперь совершил единственную ошибку, причем такую, что Корт, несмотря на прежние его успехи, отослал бы его домой, оттаскав предварительно за уши и сказав на прощание, что иной раз одна-единственная промашка может стоить человеку жизни. Стонтон сумел подстрелить парня — а ни один полицейский не знает, сможет он выстре-

лить в человека или нет, пока не окажется в ситуации, когда выяснять волей-неволей приходится, — но от одной только мысли, что пуля его почему-то подожгла этого бедолагу, он преисполнился невообразимым ужасом. Не думая о последствиях, он наклонился, чтобы погасить огонь, и ноги стрелка ударили его в живот еще прежде, чем он успел заметить проблеск сознания в глазах того, кого он принял за труп.

Взмахнув руками, Стонтон повалился на своего напарника, при этом выронив пистолет. Уивер свой пистолет удержал, но к тому времени, когда ему удалось оторваться от Стонтона, навалившегося на него всей тяжестью, он услышал выстрел, и его пистолет исчез как по волшебству. Рука, в которой только что был пистолет, онемела, как будто по ней ударили очень тяжелой кувалдой.

Парень в синем костюме встал, посмотрел на них и сказал:

— Вы молодцы. Лучше, чем те, другие. Но позвольте мне дать вам совет. Не надо меня преследовать. Уже скоро все кончится. Мне не хотелось бы вас убивать.

Потом он развернулся и бегом бросился к лестнице в подземку.

12

Лестницы были забиты людьми. Все, кто до этого спускался вниз, услышав крики и стрельбу, решили вернуться на улицу, обуреваемые нездоровым и свойственным только ньюйоркцам патологическим любопытством: кого пришили, кто стрелял, много ли крови пролилось на грязный асфальт. И все же они расступились перед мужчиной в синем костюме, который несся вниз, протискиваясь сквозь толпу. И неудивительно. В руке у него был пистолет, а на поясе — еще один.

И еще он, похоже, горел.

13

Роланд не обращал внимания на истошные вопли Морта, которые все усиливались по мере того, как рубашка его, майка и пиджак разгорелись еще пуще, а серебряные осколки зажигалки начали плавиться и стекать к поясу обжигающими ручейками.

Он уже чувствовал запах зловонной воздушной волны, слышал рев подходящего поезда.

Время почти пришло. Уже близился этот момент, когда он извлечет троих или же потеряет все. Во второй раз в жизни ему показалось, что у него над головой содрогнулись и завертелись миры.

Он выбежал на платформу, отшвырнул пистолет тридцать восьмого калибра, который держал в руке, и, расстегнув брюки Морта, приспустил их, обнаружив белые подштанники, очень похожие на панталоны шлюх. Но у него не было времени поразмыслить над этой странностью. Если сейчас сбавить скорость, то тогда можно уже и не переживать о том, сгорит он заживо или нет: очень скоро патроны в карманах нагреются и начнут выстреливать, и это тело просто разорвет на куски.

Стрелок запихал коробки с патронами в подштанники и туда же отправил бутылочку с кефлексом. Теперь подштанники нелепо раздулись. Роланд сбросил горящий пиджак, но рубашку, тоже горящую, снимать не стал.

Он уже слышал рев поезда, приближающегося к платформе, видел его огни. Ему неоткуда было узнать, по тому ли маршруту идет этот поезд, по которому шел и тот, под чьи колеса столкнули Одетту, но тем не менее он *знал*. Когда дело касалось Башни, судьба бывала и милосердной, и безжалостной, как зажигалка, которая чудом спасла ему жизнь, но теперь обжигала его тело огнем. Подобно колесам подъезжающего поезда судьба продвигалась путями разумными, но и одновременно неумолимо жестокими, и противостоять ей могли только сталь и доброта.

Он задержался лишь на мгновение, чтобы подтянуть брюки Морта, и побежал дальше, не обращая внимания на людей, что шарахались от него во все стороны. Воздушный поток, несущийся ему навстречу, еще пуще разжег огонь на горящей рубашке: вот загорелся воротник, вот пламя перекинулось на волосы. Тяжелые коробки с патронами, которые он запихал в подштанники, с каждым шагом били его по яйцам, грозя их расплющить. Живот крутило от боли. Живым пылающим метеоритом проскочил он турникет. *Погаси огонь!* — орал Морт. *Погаси, иначе я просто сгорю!*

Вот и гореть бы тебе, мрачно подумал стрелок. *Уготованное тебе во сто крат милосерднее того, чего ты заслуживаешь.*

Что ты имеешь в виду? ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ?

Бросившись к краю платформы, стрелок не ответил, но уже одним этим действием он заставил Морта заткнуться. Роланд почувствовал, что одна из коробок с патронами вот-вот вывалится из нелепых подштанников Морта, и поддержал ее рукой.

Всю свою умственную энергию, без остатка, он обратил к Госпоже Теней. Он не был уверен, что до нее дойдет этот телепатический сигнал, а если даже дойдет, то подчинится ли она его приказу, но он все же послал ее — стремительную, отточенную, как наконечник стрелы, мысль:

ДВЕРЬ! ПОСМОТРИ В ДВЕРЬ! ПРЯМО СЕЙЧАС! СЕЙЧАС!

Весь мир наполнился грохотом поезда. Какая-то женщина закричала: «Господи, он собирается прыгнуть!» Кто-то схватил его за плечо, пытаясь оттащить назад. Но Роланд уже толкнул тело Джека Морта за желтую ограничительную линию и спихнул его с края платформы. Он упал на рельсы перед надвигающимся поездом, обхватив руками чресла, вцепившись в свою добычу — патроны и кефлекс, — которую он заберет с собой... обратно... если только ему удастся в нужный момент выйти из тела Морта. Если он успеет. И уже падая, он позвал ее — их — снова:

ОДЕТТА ХОЛМС! ДЕТТА УОКЕР! ПОСМОТРИТЕ В ДВЕРЬ!

И только когда поезд уже надвигался в неумолимом вращении колес, Роланд повернул наконец голову и заглянул в дверь.

Он смотрел ей в лицо.

Им в лицо!

Они там обе, я вижу их, вижу одновременно обеих...

НЕЕЕТ... — заорал Морт, и в последнюю долю секунды до того, как поезд подмял под себя Морта, перерезая его пополам, но не выше колен, а прямо по талии, Роланд рванулся к двери и упал... по ту сторону.

Джек Морт погиб в одиночестве.

Коробки с патронами и пузырек с кефлексом возникли рядом с физическим телом Роланда. Его руки судорожно цеплялись за них, но потом постепенно расслабились. Стрелок заставил себя подняться, осознавая, как лихорадка бьет его ослабевшее больное тело, в котором он оказался снова, слыша, как кричит Эдди Дин, как кричит двумя голосами Одетта. Он взглянул — и смотрел только мгновение, — но увидел именно то, что слышал: не одну женщину, а двух. Обе были безногие, обе темнокожие, обе очень красивые. И все же одна из них была злобной стервой, и внешняя красота не скрывала ее внутреннего уродства, а лишь подчеркивала его.

Роланд смотрел на этих сестер-близнецов, которые были, конечно, не сестрами, а двумя лицами — злым и добрым — одной и той же женщины, смотрел пристально, как завороженный.

А потом Эдди закричал снова, и Роланд увидел, как из моря выползают омарообразные твари и не спеша направляются туда, где оставила его Детта, связанного и беспомощного.

Солнце зашло. Стемнело.

14

Детта увидела себя в дверном проеме, увидела себя своими глазами и глазами стрелка, и смятение ее было таким же внезапным, как и у Эдди, но только более отчаянным и ошеломляющим.

Она была здесь.

Она была *там*, в глазах стрелка.

Она слышала рев подходящего поезда.

Одетта! — выкрикнула она, и неожиданно пришло понимание: кем была она и когда это произошло.

Детта! — выкрикнула она и вдруг поняла все: кем была она и кто это сделал.

Мгновенное ощущение, как будто ее вывернули наизнанку... а потом — боль.

Ее разрывало надвое.

15

Роланд кое-как спустился по пологому склону берега к тому месту, где лежал связанный Эдди. Движения его напоминали движения тряпичной куклы. Один из омаров уже потянулся клешней к лицу Эдди. Тот закричал. Стрелок отбросил омара ногой. Неловко нагнувшись, он обхватил руки Эдди и потащил его прочь, но было уже слишком поздно: сил у него почти не осталось, эти твари сейчас доберутся до Эдди, черт, до них обоих...

Эдди хотел закричать, когда один из омаров выдрал у него кусок штанины вместе с мясом, но из горла его вырвался только сдавленный хрип. Его душила петля, сплетенная Деттой.

Ползучие твари окружили их со всех сторон, сомкнувшись кольцом, подступая все ближе и ближе и алчно клацая клешнями. Стрелок вложил все свои силы в последний отчаянный рывок и... повалился плашмя. Он слышал, как они подступают со своими идиотскими вопросами и клацающими клешнями. *Может быть, это не так уж и плохо,* подумал он. Он поставил на карту все и проиграл.

Грохот собственных револьверов привел его в величайшее изумление.

16

Две женщины лежали на пляже лицом к лицу, приподнявшись, как змеи, готовые атаковать, пальцы с одинаковыми отпечатками смыкались вокруг одинаковых шей с одинаковыми морщинками.

Эта женщина пыталась убить ее, но эта женщина — не настоящая. Нереальная, как и та девочка. Девочка — это просто сон, который привиделся ей после того, как упал кирпич... Но сейчас сон стал явью, сон вцепился ей в горло и пытался убить ее, пока стрелок там спасал своего друга. Сон, ставший явью, матерился ей в лицо, брызжа горячей слюной.

— Это я взяла то синее блюдце, потому что эта Тетка положила меня в больницу, и потом, у меня никогда не было такого «особенного» блюдца, и я разбила его, потому что так было надо — его разбить, а потом, как только я видела белого парня, я и его избивала, я всегда била белых парней, потому что им так и надо, и воровала я в магазинах, где только «особенные» продают товары, только для белых, которые там жируют, пока наши черные братья и сестры голодают в Гарлеме, а детишек их пожирают крысы... это все я, слышишь, сука? Это все я. Я... Я... Я...

Убить ее, подумала Одетта, но поняла, что не сможет.

Она не могла убить эту ведьму и выжить сама, точно так же, как и эта отвратительная девка не могла просто так убить ее и спокойно жить себе дальше. Они могут лишь задушить друг друга, пока Эдди и тот (*Роланд/Гнусный Мужик*), который позвал их из-за двери, погибают там, у воды, пожираемые заживо. Но это будет конец для всех. Однако она могла еще (*любовь/ненависть*) отступиться.

Одетта отняла руки от горла Детты, хотя та продолжала остервенело душить ее, перекрывая дыхание. Вместо того чтобы душить свою противницу, она обняла ее.

— Нет уж, сука! — завопила Детта, но в этом истошном крике смешались и ненависть, и благодарность. *— Нет, оставь меня, слышишь, оставь меня...*

У Одетты не было уже голоса, чтобы ответить. Когда Роланд отпихнул ногой первого омара, а второй уже подбирался, навострившись цапнуть Эдди за руку, она сумела лишь прошептать этой ведьме в ухо:

— *Я люблю тебя.*

Руки сжались еще сильнее смертоносной петлей... и вдруг обмякли.

Исчезли.

У нее снова возникло такое чувство, как будто ее выворачивает наизнанку... а потом вдруг — о радость! — она стала единой. *Цельной.* В первый раз с того дня, когда выродок по имени Джек Морт бросил кирпич на голову маленькой девочке, которая оказалась на этой улице лишь потому, что белый таксист уехал, не пожелав подвозить негритосов (а отец ее из гордости не захотел еще раз попробовать вызвать машину, опасаясь повторного отказа), она стала единой. Она, Одетта Холмс. Но другая?..

— *Шевелись, сука!* — завопила Детта... однако это был ее собственный голос: они с Деттой слились воедино. Сначала она была одна, потом их стало две, а теперь стрелок «извлек» из нее третью женщину. — *Шевелись, иначе их сожрут!*

Она глянула на патроны. Нет, времени у нее нет. Пока она будет перезаряжать револьвер, все будет кончено. Оставалось только надеяться.

Но что еще можно сделать? — спросила она себя и взялась за оружие.

И вдруг ее смуглые руки сотряс громовой удар.

17

Омарообразная тварь нависла прямо над лицом Эдди — в ее выпученных глазах, хотя и мертвенных, поблескивал жуткий огонь какой-то отвратительной жизни. Клешня потянулась к лицу.

— *Дод-а-...* — начало было чудовище и вдруг разлетелось на мелкие кусочки.

Роланд заметил, как чудище подбирается к его левой руке, и подумал: *Вот и другая рука...* И вдруг омарообразная тварь превратилась в ошметки панциря и зеленоватых внутренностей, разлетевшиеся во все стороны.

Он обернулся и увидел женщину потрясающей красоты. От ее бешеной ярости замирало сердце.

— *НУ ДАВАЙТЕ, МУДИЛЫ,* — кричала она. — *ДАВАЙТЕ-ДАВАЙТЕ. ТОЛЬКО ПОПРОБУЙТЕ К НИМ ПОДПОЛЗТИ! Я ВАМ ТАК СТРЕЛЬНУ, ЧТО ПУЧЕГЛАЗЫЕ ВАШИ ЗЕНКИ ПОВЫЛЕТЯТ ЧЕРЕЗ ЗАДНИЦУ!*

Она разнесла на куски и третьего омара, который проворно подбирался к расставленным ногам Эдди, желая не только ими подзакусить, но заодно и лишить его мужского достоинства. Омара смело, как фишку для игры в блошки.

Роланд давно уже подозревал, что эти твари наделены зачатками интеллекта, теперь его подозрения подтвердились.

Остальные омары поспешили отступить.

Очередной выстрел не получился, вышла осечка, но зато следующим она разнесла на куски еще одного из ретирующихся чудищ.

Остальные еще быстрее припустили к воде. Похоже, у них пропал аппетит.

А Эдди тем временем задыхался.

Роланд пытался как-то ослабить веревку, глубоко врезавшуюся в шею Эдди. Багровое его лицо постепенно чернело. Он еще боролся, но все слабее и слабее.

Но тут руки Роланда оттолкнули руки посильнее.

— Я сама о нем позабочусь.

В руке у нее был нож... *его* нож.

О чем позаботишься? — подумал Роланд, уже теряя сознание. *О чем ты сейчас позаботишься, когда мы оба у тебя в руках?*

— Кто ты? — успел еще выдавить он, погружаясь во тьму, что чернее ночи.

— Я — это три женщины, — услышал он ее голос, как будто он долетал до него с края глубокого колодца, куда он падал. — Та, кем я была сначала. Та, которая не имела права быть, но была. И та, кого ты спас. Спасибо тебе, стрелок.

Она поцеловала его, он еще это почувствовал, а потом надолго уже погрузился во тьму, где не было никаких чувств.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕТАСОВКА

1

В первый раз за столь долгое время — за тысячу лет, как казалось Роланду, — он не думал о Темной Башне. Он думал только об олене, который спустился к озерцу на лесной поляне.

Держа револьвер в левой руке, он прицелился из-за ствола упавшего дерева.

Мясо, подумал он и, когда рот наполнился теплой слюной, выстрелил.

Промазал, подумал он в следующую долю секунды. ***Все пропало... все мое мастерство пропало...***

Олень упал замертво у самой кромки воды.

Скоро он вновь преисполнился мыслью о Башне, но пока что он просто благословлял всех богов за то, что рука у него по-прежнему тверда, а глаз верен, и продолжал думать о мясе, о мясе, о мясе. Стрелок убрал револьвер в кобуру — он носил теперь только один револьвер — и перелез через поваленный ствол, за которым он прятался с середины дня и до самых сумерек и терпеливо ждал, когда какое-нибудь крупное животное, достаточно крупное, чтобы его можно было съесть, подойдет к водопою.

Мне, кажется, лучше, подумал он с некоторым изумлением, вынимая нож. *Кажется, мне действительно лучше.*

Он не видел, что за ним наблюдает черноглазая женщина и взгляд у нее оценивающий.

2

В течение шести дней после последнего противостояния на узеньком клинышке, там, где кончается пляж, они ели одно только мясо омаров и пили лишь солоноватую воду из ручейков, стекающих в море. Роланд почти ничего не помнил об этих днях: он непрестанно бредил. Иногда он называл Эдди Аленом, иногда Катбертом, а женщину он называл только Сюзан.

Но жар у стрелка постепенно спадал, и они потихоньку двинулись в путь по предгорьям. Дорога была нелегкой. Иной раз Эдди толкал коляску, в которой сидела женщина, иной раз в коляску садился Роланд и катил ее сам, и тогда Эдди нес женщину на закорках, а она обхватывала его руками за шею. В некоторых местах было никак не проехать, и это существенно замедляло их переход. Роланд понимал, как измотался Эдди. Понимала это и женщина, но сам Эдди не пожаловался ни разу.

Еды у них было достаточно. В те дни, когда Роланд пребывал между жизнью и смертью, сгорая в мучительной лихорадке, когда у него все кружилось перед глазами, а сам он бредил о временах, что давно миновали, и поносил каких-то людей, которых давно уже не было в живых, Эдди и женщина регулярно охотились на омаров. Мало-помалу омары сообразили, что надо держаться подальше от этого берега, но к тому времени у них уже был неплохой запас мяса. Когда же они добрались до тех мест, где росла трава, все трое жадно набросились на нее. Они изголодались по свежей зелени, любой зелени. И постепенно язвочки на коже у них затянулись. Одни травы горчили, другие на вкус были сладкими, но они ели все подряд... кроме одной.

Однажды стрелок очнулся от тяжелой дремы и увидел, что женщина держит в руках пучок травы, хорошо ему знакомой.

— Нет! Только не эту! — прохрипел он. — Эту нельзя! Никогда ее не срывай. Запомни ее хорошенько и никогда больше не рви!

Она пристально на него посмотрела и выбросила траву, не попросив никаких объяснений.

Стрелок немного расслабился, но противный холодок при мысли о том, как близко была опасность, не прошел так скоро. Есть травы, которые могут убить, но трава, которую сорвала эта женщина, стала бы ее проклятием. Бес-трава.

Из-за кефлекса у Роланда начались проблемы с кишечником, и он знал, что Эдди это тревожит, но все наладилось, когда они стали есть травы.

Наконец они добрались до настоящих лесов, и грохот морского прибоя превратился уже в глухой гул и доносился до них теперь только тогда, когда ветер дул с той стороны.

И теперь еще... *мясо.*

3

Стрелок подошел к оленю и попробовал выпотрошить его, зажав нож между мизинцем и безымянным пальцем правой руки. Ничего у него не вышло. Пальцы еще не набрали силу. Переложив нож в левую — не такую ловкую — руку, он кое-как исхитрился распороть оленю брюхо. Из-под ножа брызнула горячая кровь. Так и надо: если ее не выпустить сразу, то она свернется, и мясо испортится... но разрез все равно получился не самым удачным. Какой-нибудь юнец, еле справляющийся с тошнотой, и то сделал бы лучше.

Тебе надо учиться, теперь тебе многому надо будет учиться, мысленно обратился он к своей левой руке и приготовился сделать второй разрез, поглубже.

Две коричневые руки взялись за его руку и мягко отобрали нож.

Роланд оглянулся.

— Давай я, — сказала Сюзанна.

— А прежде тебе приходилось?

— Нет, но ты мне подскажешь как.

— Хорошо.

— Мясо, — сказала она и улыбнулась ему.

— Да. — Он улыбнулся в ответ. — Мясо.

— Что случилось? — окликнул их Эдди. — Я слышал выстрел.

— Идет подготовка к Дню благодарения! — выкрикнула она в ответ. — Иди помогай!

В тот день они отужинали прямо по-королевски, а потом стрелок уснул и, засыпая, глядел на звезды, ощущая свежую прохладу горного воздуха, и думал о том, что за все эти годы, которым нет счета, он впервые так близок к удовлетворению и покою.

Он заснул. И был ему сон.

4

Башня. Темная Башня.

Она стояла у самого горизонта посреди безбрежной равнины, окрашенной в цвет крови неистовыми лучами заходящего солнца, которое умирало. Он, конечно, не мог разглядеть лестницу, что поднималась спиралью к самому шпилю внутри ее кирпичной громады, но зато различал ряд окон, идущих вдоль лестницы, а в окнах ему виделись призраки тех людей, которых он знал когда-то. Они поднимались по лестнице вверх, все выше и выше, а сухой мертвый ветер доносил до него голоса. Они звали его.

Роланд... иди к нам... Роланд... иди к нам... иди к нам... иди к нам...

— Я иду, — прошептал он и проснулся, поднявшись рывком, обливаясь потом и сильно дрожа, как будто его лихорадка вернулась опять.

— Роланд?

Эдди.

— Да.

— Плохой сон?

— Плохой. Или, может, хороший. Непонятный. *Темный.*

— Башня?

— Да.

Они оба покосились на Сюзанну, но она безмятежно спала. Когда-то жила одна женщина, ее звали Одетта Сюзанна Холмс, потом появилась другая — Детта Сюзанна Уокер. Теперь возникла третья: Сюзанна Дин.

Роланд любил ее. За то, что она всегда будет сражаться и никогда не отступится, не подведет. Но он боялся за нее, потому что знал: если так будет нужно, он пожертвует ею — и Эдди тоже — без долгих раздумий и без оглядки.

Ради Башни.

Этой Богом проклятой Башни.

— Пора принять таблетку, — прервал его мрачные размышления Эдди.

— Они мне уже надоели.

— Заткнись и глотай.

Роланд проглотил таблетку, запив ее холодной водой, а потом вдруг рыгнул. Но это нормально. Это от мяса.

— Ты вообще знаешь, куда мы идем? — спросил Эдди.

— К Башне.

— А, ну да, — сказал Эдди. — Это знаешь, что мне напоминает? Как какой-нибудь дурень из Техаса надумал съездить в городок Задницу Засвербило, что в штате Аляска, только карты дорог у него нет и что туда ходит, он тоже не знает. Где она, твоя Башня? В каком направлении?

— Подай мне мой кошель.

Эдди сходил за сумкой. Сюзанна зашевелилась, и Эдди замер на месте, в отблесках догорающих угольков от костра алые пятна и темные тени легли на его лицо. Как только Сюзанна затихла, он снова подсел к Роланду.

Роланд порылся в сумке, которая заметно потяжелела от патронов, добытых в том, другом мире. Долго искать не пришлось: не много у него осталось от прежней жизни.

Челюстная кость.

Челюсть человека в черном.

— Мы задержимся здесь ненадолго, — сказал он Эдди, — и я скоро поправлюсь.

— А ты узнаешь, когда поправишься?

Роланд чуть улыбнулся. Его уже не трясло, прохладный ночной ветерок высушил пот. Но перед мысленным его взором по-прежнему проплывали туманные образы: рыцари и друзья, прежние возлюбленные и враги, идущие вверх по спиральной лестнице, — промелькнут на миг в окнах и вдруг исчезнут. И еще Роланд по-прежнему видел тень Башни, в которой они были заключены: долгую черную тень, протянувшуюся по кровавой равнине смерти и безжалостного суда.

— *Я* — нет, — сказал он и кивнул на Сюзанну. — Но *она* узнает.

— А потом?

Роланд держал на ладони челюсть Уолтера.

— Когда-то она говорила.

Он поглядел на Эдди.

— Она снова заговорит.

— Это опасно, — вымолвил Эдди тихим и ровным голосом.

— Да.

— И не для одного тебя.

— Да.

— Я люблю ее, старина.

— Да.

— Если с ней что-то из-за тебя случится...

— Я сделаю то, что должен, — сказал стрелок.

— А нас ты в расчет не берешь? Я правильно понимаю?

— Я люблю вас обоих. — Он поднял глаза на Эдди, и тот в последних отблесках догорающего костра заметил, что щеки Роланда блестят. Стрелок плакал.

— Ты не ответил на мой вопрос. Ты ничем не поступишься, да?

— Да.

— И пойдешь до конца?

— Да. До самого конца.

— И не важно, каким он будет, конец. — Эдди взглянул на стрелка, и во взгляде его смешались любовь, и ненависть, и вся мучительная нежность с болью пополам. Так один человек — безнадежно, беспомощно — тянется всем своим существом к другому, чтобы постичь его мысли, волю и устремления. Но тщетно.

Деревья застонали под ветром.

— Ты, друг, говоришь сейчас точно как Генри. — Эдди расплакался сам. Ему не хотелось плакать. Он не любил слез. — У него тоже была своя Башня, только не темная. Помнишь, я тебе про нее рассказывал, про Башню Генри? Мы с ним были два брата, и, как я теперь понимаю, мы тоже были стрелками. У нас была эта Белая Башня, и он попросил, чтобы я пошел туда вместе с ним, только он так умел просить, что ему нельзя было отказать, вот я и вскочил в седло, потому что он был мой брат, понимаешь? И мы добрались до нее. Нашли свою Белую Башню. Но она оказалась ядом. Она убила его. И уже начала убивать меня. Ты видел, в каком я был состоянии. Ты спас мне больше, чем жизнь. Ты спас мою раздолбайскую душу.

Эдди обнял Роланда и поцеловал его в щеку. Почувствовал вкус его слез.

— Ну так что? Снова в седло? Поскачем искать этого человека?

Стрелок не произнес ни слова.

— Я имею в виду, мы пока что не видели здесь людей, но я знаю, они тут есть. Должны быть. И когда бы речь ни заходила о Башне, всегда там незримо присутствует человек. Ты ждешь встречи с ним, потому что тебе это зачем-то нужно, и, как говорится, кто платит, тот барин, хотя здесь, может быть, платят пулями, а не баксами. И что теперь? Снова по

коням? В погоню за этим твоим человеком? Потому что, если все это — та же отрава, тогда лучше бы вам с ней было оставить меня на съедение омарам. — Эдди поднял глаза на стрелка. Под глазами чернели круги. — Да, я жил в дерьме. Но кое-что я усвоил: умирать в дерьме я не хочу.

— Это разные вещи.

— Да? Ты хочешь сказать, что тебя не зацепило?

Роланд молчал.

— Есть ли такая волшебная дверь, чтобы кто-то прошел сквозь нее и спас *тебя*? И кто это будет, не знаешь? *Я* знаю. Никто. Никто тебя не спасет. Ты извлек все, что только мог. Теперь тебе только одно остается: достать свой гребаный револьвер, потому что больше у тебя ничего не осталось. Как у Балазара.

Роланд молчал.

— Меня брат научил одной вещи, хочешь, скажу какой? — Голос у Эдди срывался от плача.

— Да. — Стрелок весь подался вперед, впившись взглядом Эдди в глаза.

— Если ты убиваешь того, кого любишь, значит, ты проклят.

— Я уже проклят, — спокойно проговорил Роланд. — Но, может быть, даже проклятые спасутся.

— Скажи мне только одно: ты допустишь, чтобы мы погибли?

Роланд молчал.

Эдди схватил его за лохмотья рубахи.

— *Ты допустишь, чтобы она погибла?*

— Все мы умрем в свое время, — сказал стрелок. — Да, мир сдвинулся с места, но меняется не только он, с ним меняемся и мы. — Он прямо взглянул на Эдди, в отблесках тлеющих угольков его поблекшие голубые глаза стали цвета сланца. — *Но мы обретем величие.* — Он умолк на мгновение. — И дело не в том, чтобы завоевать мир, Эдди. Ради этого я бы не стал рисковать ни тобой, ни ею... я не позволил бы мальчику умереть...

— Ты о чем?

— Обо всем, что есть и что будет, — так же спокойно отозвался стрелок. — Нам надо идти, Эдди. Мы будем сражаться. Будем страдать. *Но мы выстоим и в конце концов победим.*

Теперь уже молчал Эдди. Он просто не знал, что сказать.

Роланд сжал его руку.

— Даже проклятые умеют любить, — сказал он.

5

Вскоре Эдди заснул рядом с Сюзанной — третьей, кого извлек Роланд, чтобы собрать новую тройку, — но сам Роланд еще долго сидел без сна, прислушиваясь к голосам ночи, пока ветер не высушил слезы у него на щеках.

Проклятие?

Спасение?

Башня.

Когда он придет к Темной Башне, там, у подножия ее, он прославит их имена. Там он прославит их имена. Прославит все их имена.

На востоке уже забрезжила пепельно-розовая заря, и только тогда Роланд — уже не последний стрелок на свете, а один из последних трех — тоже заснул, и снились ему сны, преисполненные гнева, пронизанные лишь одной светлой, утешающей нитью:

Там я прославлю все их имена!

Послесловие

На этом заканчивается вторая из шести или семи книг, образующих долгое повествование под названием «Темная Башня». В третьей книге, «Бесплодные земли», описана примерно половина похода Роланда, Эдди и Сюзанны в поисках Темной Башни; в четвертой, «Колдун и кристалл», повествуется о волшебстве и обольщении, но большей частью — о том, что происходило с Роландом до того, как читатели впервые встретились с ним в пустыне, где он преследовал человека в черном.

Мое изумление, когда я узнал о том, как хорошо принят читателями первый том этой истории, которая мало похожа на произведения, сделавшие меня известным, уступает разве что безграничной моей признательности всем тем, кто прочел эту книгу и полюбил ее. Эта работа, похоже, становится моей собственной Башней. Люди, которых я в ней описал, неотвязно меня преследуют, и настойчивее всех — Роланд. Знаю ли я, что это за Башня и что ждет Роланда там, когда он до нее доберется (если вообще доберется, так что вам, уважаемые читатели, лучше заранее приготовиться к тому, что до Башни дойдет вовсе не он... такая возможность не исключена)? И да... и нет. Наверняка я знаю только одно: вот уже семнадцать лет эта история не дает мне покоя. Только что прочитанный вами второй том, хотя он получился гораздо объемнее, по-прежне-

му оставляет многие вопросы без ответов и довольно-таки прозрачно намекает на то, что кульминация этой истории состоится в весьма отдаленном будущем, и все же я думаю, этот том «Темной Башни» вышел более полным, нежели первый.

И Башня стала чуть ближе.

Стивен Кинг
1 декабря 1986 года

Содержание

Предисловие автора 5
Пролог. Моряк 8

Узник
Глава 1. Дверь 16
Глава 2. Эдди Дин 32
Глава 3. Знакомство и приземление 53
Глава 4. Башня 85
Глава 5. Проба сил и перестрелка 129
Перетасовка 169

Госпожа Теней
Глава 1. Детта и Одетта 195
Глава 2. Предвестие перемен 224
Глава 3. Одетта по ту сторону 239
Глава 4. Детта по ту сторону 263
Вторая перетасовка 300

Толкач
Глава 1. Горькое лекарство 339
Глава 2. Горшочек с медом 353
Глава 3. Роланд забирает лекарство 367
Глава 4. Извлечение 407
Последняя перетасовка 431

Послесловие 440

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен

Извлечение троих

из цикла «Темная Башня»

Роман

Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

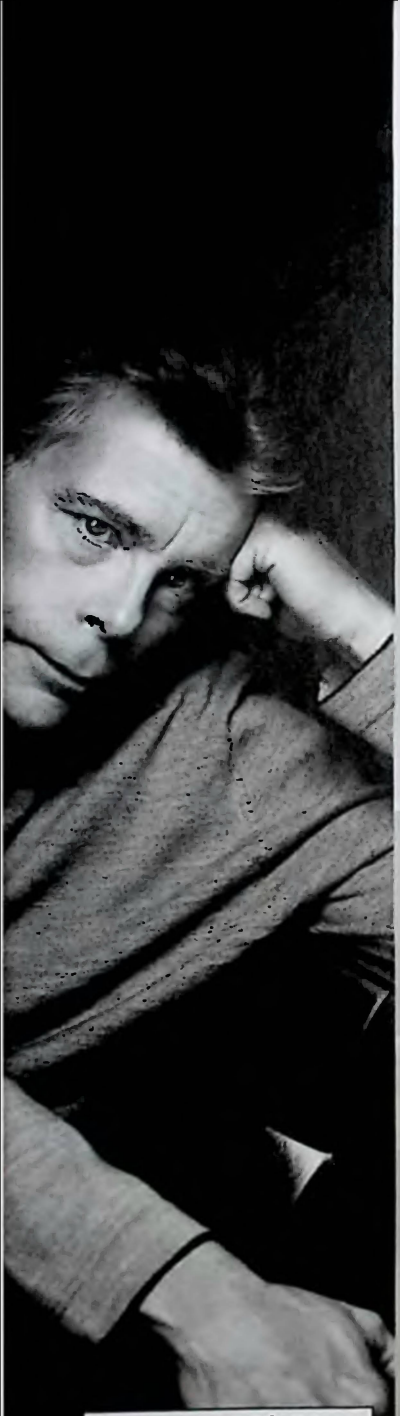
ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гулзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт",
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru



Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно *трогательная и в то же время* невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. Но прежде Роланд должен отправиться, как говорят карты Таро, в современную Америку на поиски помощников. Вместе они смогут противостоять темным силам и продолжить нелегкий путь к Башне...

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-080527-3
9 785170 805273 >

SCAN IT!
1145192532
в приложении OZON.ru